

ДЕЛО КРЕМЛЕВСКОЕ

Тельман Гдлян—Николай Иванов

Николай Федорович Иванов

Тельман Хоренович Гдлян

Кремлевское дело

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156559
Кремлевское дело: АО «Кнога»; Ростов-на-Дону; 1994
ISBN 5-87259-006-7*

Аннотация

В повести-хронике рассказывается не только о самом громком в отечественной истории уголовном деле, перипетиях расследования, политической "кухне" верхов. Книга позволяет лучше понять проблему повальной коррупции, охватившей всю нашу страну.

Главное ее достоинство – в документальности. Все сюжеты в ней подлинны, основаны на следственных материалах, приговорах судов, документах, которые публикуются впервые.

Содержание

Об авторах	7
У ИСТОКОВ ДЕЛА № 18/58115-83	12
Костры из сторублёвок	12
Паутина дрогнула	25
Черненко даёт добро	36
Бдительный сапожник	45
Полковник КГБ собирает мзду	53
ШЕФ – ДОКТОРУ: ТУМАН СГУЩАЕТСЯ	59
Тайник Кулол-бобо	59
Кликухи	72
Зачем кашлять три раза подряд	81
ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ГЕНСЕКОМ	92
Бороться с вредителями всех сельхозкультур	92
Жалоба вручается адресату.	113
Лигачёв проявляет интерес	119
ВРЕМЕНА И ПРАВЫ	149
Наказания в колхозе «Ленинизм»	149
Сколько стоит Звезда Героя?	159
Личная жизнь Рано Хабибовны	169
Глава	178
ТРОН ИНДИЙСКОГО ВЛАДЫКИ	184
Занавес поднимать рано	184

Сокровище Бабура	188
Засада в горном ущелье	197
Время встречи – полночь	205
ПРИГЛАШЕНИЕ К ХАРАКИРИ	211
Как арестовывали Лукьянова	211
Выстрел на улице Лопатина	215
Трагедия в больничной палате	229
От миллионов Рашидова – к капиталам	242
Брежнева	
С ДИКТОФОНОМ В «МАТРОССКУЮ	257
ТИШИНУ»	
Переполох на Пушкинской, 15	257
Джинн выходит из бутылки	264
Товарищи из ЦК недовольны	275
ФОКУСНИКИ В СУДЕЙСКИХ МАНТИЯХ	282
Исповедь министра внутренних дел	282
Чурбановский процесс	292
Где вершилось правосудие	314
А судьи – кто?	324
Статью из номера убрать, редактора уволить.	332
НА ЗАВИСТЬ ВЫШИНСКОМУ	338
КПК вместо УПК	338
Чай с лимоном	353
Усманходжаев даёт показания	366
«Расследовать дотла»	383
С грифом «совершенно секретно»	393

ПАРЛАМЕНТСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ	416
Дорога к парламентским креслам	416
Из-за ширмы появляется независимый прокурор	425
Рой Александрович, который любил приврать «правду»	438
Экспертам указывают на дверь	450
Кто ограбил Прокуратуру СССР?	459
«Исходя из презумпции невиновности...»	465
В ПОИСКАХ ПОКРОВИТЕЛЕЙ	474
Рой Медведев в роли следопыта	474
Откровения Егора Кузьмича	493
Коварные замыслы	500
По сумгаитскому рецепту.	520
Кто следующий?	530
ПУТЧ	534
Тревожное утро	534
Политбеседа в солдатской казарме	548
Кусочек хлебца с кабачковой икрой	558
В изоляции	561
Пока свободою горим	568
От колхоза до Политбюро	583
СХЕМЫ ПРЕСТУПНЫХ СВЯЗЕЙ, УСТАВНОЛЕННЫХ В РАМКАХ ДЕЛА	590
№18/58115-83	
Схема № 1	590

Схема № 2	592
Схема № 3	594
Схема № 4	596
Схема № 5	598
Схема № 6	600
Схема № 7	602
Схема № 8	604
Схема № 9	606
Схема № 10	608
Схема № 11	610
Схема № 12	612
Схема № 13	614
Схема № 14	616

Тельман Гдлян – Николай Иванов КРЕМЛЁВСКОЕ ДЕЛО

Часть средств от издания книги авторы перечисляют во Всероссийский Фонд прогресса, защиты прав человека и милосердия и на счёт Народной партии России

Об авторах

Гдлян и Иванов... На территории бывшего СССР их знают все. Шесть долгих лет возглавляемая ими следственная группа распутывала мафиозную паутину в высших эшелонах власти. Их пытались запугать, подкупить, предлагали престижные должности и награды, лишь бы они остановились. Но они настойчиво шли вперёд. До них ещё никому не удавалось так глубоко, снизу доверху, исследовать механизм и истоки коррупции, раковая опухоль которой поразила всё наше общество, пустив метастазы от Кремля до глубинки. Профессионалы своего дела, они наглядно продемонстрировали, насколько успешной может быть борьба с организованной преступностью, мафиозными кланами, если честно служить Закону, интересам общества, а не политической конъю-

юнктуре.

Когда по указанию М. Горбачёва и его соратников «кремлёвское дело» было публично разгромлено, а на следователей обрушились репрессии, они вынужденно переориентировали свою деятельность в политическую плоскость. И на этом поприще народные депутаты СССР Гдлян и Иванов сумели занять достойное место в общедемократическом движении и вновь доказали, что умеют держать удар. Их незаконно уволили со службы, лишили званий, силовые структуры под руководством Политбюро были брошены на сбор компромата по сфабрикованному против них уголовному делу. И что же? Ни одного криминального факта в их действиях так и не было установлено. Спустя два с половиной года так называемое «дело следователей» было прекращено Генеральным прокурором СССР «за отсутствием состава преступления», а мужественные борцы с мафией полностью реабилитированы. Зато произвол КПСС обернулся очередным поражением обанкротившихся «архитекторов перестройки» и ускорил их уход с политической арены.

Два известных юриста и политика определили своё время. Это стало очевидным фактом уже в посткоммунистической России. По праву заслужившие и доверие рядовых россиян, и ненависть прежней мафиозно-коммунистической элиты, Гдлян и Иванов вновь оказались неудобными, опасными и для «демократической» власти, костяк которой составили представители второго эшелона всё той же совпартно-

менклатуры. Им, естественно, оказались не нужны их знания и опыт борьбы с организованной преступностью, они постарались как можно быстрее забыть и о «кремлёвском деле».

Удивляться здесь нечему. Ведь проблема коррумпированной власти, так высоко и даже ожесточённо поднятая Гдлянком и Ивановым, ещё более усугубилась в последние годы. Представьте на минуту, уважаемые читатели, что бы случилось, если та же следственная группа занялась бы прежними изысканиями, вновь стала ворошить пласты насквозь коррумпированной неономенклатуры? Такое расследование, наверняка, завершилось бы новым грандиозным вариантом «кремлёвского дела» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вот почему Гдльяна и Иванова так и не допустили до прежней профессиональной деятельности.

Видимо, до тех пор, пока в России в основном не завершится перераспределение собственности в интересах новой политико-криминальной элиты, федеральные власти по своей инициативе не станут укреплять правопорядок, усиливать правоохранительные органы и осуществлять реальную борьбу с преступностью, усматривая в этом угрозу своему личному положению и материальному достатку. А, значит, и потенциал знаменитой следственной группы ещё какое-то время окажется невостребованным. И в этом не только трагедия опальных следователей, но и трагедия нашего общества, оказавшегося заложником порочной правовой политики правящей верхушки.

Но и в этих условиях сломить Гдьяна и Иванова не удалось. Прошедшие испытания властью, испытания на профессионализм и устойчивость, независимость своих взглядов, они вступили в новый раунд борьбы за постепенное построение в России демократического правового государства. Их усилиями создан Всероссийский фонд прогресса, защиты прав человека и милосердия, Народная партия России и вот уже несколько лет они активно занимаются благотворительной, правозащитной и политической деятельностью. Освоили они и прежде несвойственный им жанр публицистики, напечатав немало статей, очерков, книг.

И вот теперь, уважаемые читатели, вы держите в руках их новую книгу «Кремлёвское дело». Многим из власть имущих очень бы не хотелось её появления. Ведь в ней не только рассказывается о самом громком в отечественной истории уголовном деле, перипетиях расследования, политической «кухне» верхов, позиции прошлых и нынешних политиков с Олимпа власти. Не только анализируются новые, нетрадиционные методы следствия, которые в рамках Закона были использованы в борьбе с мафиозным спрутом, и повсеместное применение которых как никогда актуально сегодня. Книга позволяет лучше понять проблему повальной коррупции, охватившей всю страну.

Главное её достоинство – в документальности. Все сюжеты в ней подлинны, основаны на следственных материалах, приговорах судов, документах, которые публикуются впер-

вые и авторы гарантируют их достоверность. Впервые публикуются и секретные схемы выявленных следственной группой криминальных связей на всех этажах власти. Убеждены, что данная книга не оставит вас равнодушными. Ведь создание условий построения правового государства и утверждения элементарного правопорядка в России зависит от нас самих. Поэтому надеемся, что те, кто доверял Гдляну и Иванову, откроют первую страницу их книги не только любопытства ради, яснее осознают, что без избавления от коррупции в структурах власти нам не построить сильной, стабильной и процветающей России.

У ИСТОКОВ ДЕЛА № 18/58115-83

ГДЛЯН Т. Х.:

– Запомните, Генеральный прокурор, не было и нет узбекского дела. Расследуемое нами дело скорее всего является московским, а если быть ещё точнее, то это – КРЕМЛЁВСКОЕ ДЕЛО... (шум в зале).

ГОРБАЧЁВ М. С.:

– Ну, товарищ Гдлян, это вы уже слишком...

Из хроники противостояния на I Съезде народных депутатов СССР.

Костры из сторублёвок

Всё смешалось в древней Бухаре накануне первомайских праздников восемьдесят третьего года. По городу шныряли «Волги» с ташкентскими номерами. Кто их пассажиры? На этот счёт мало у кого были сомнения. Как же! Только что взяли «большого» человека – самого главного борца с расхитителями социалистической собственности, начальника областного ОБХСС. Какие только потаённые тропинки не протоптали к его кабинету! Кто только не ходил по ним! А кто будет следующий? Никто ничего не знает. Или знают, да молчат? Куда деваться, что делать? В городе началась па-

ника. Душными звёздными ночами за высокими глиняными дувалами горели костры. А по утрам босоногие мальчишки копошились в грудах обгорелых бумажек, на некоторых ещё можно было различить ленинский профиль – всё, что осталось от билетов государственного банка СССР пятидесяти- и сторублёвого достоинства. Случалось подчас, что купюры обращались в пепел чуть ли не на глазах чекистов из машин с ташкентскими номерами, но предпринять они пока ничего не могли: мои, мол, деньги, что хочу, то и делаю, захочу – в арык выкину.

За годы следственной работы в Узбекистане мы научились многому не удивляться. Но столь экстравагантную ситуацию всё-таки следует разъяснить читателю...

12 ноября 1982 г. Генеральным секретарём ЦК КПСС стал Ю. Андропов. К власти пришёл очередной коммунистический правитель. Он прямо причастен к подавлению венгерского восстания, «пражской весны», демократического движения в Польше, развязыванию афганской авантюры. Под его руководством органы КГБ усилили преследование инакомыслящих, всё чаще используя высылку диссидентов за рубеж и заточение их в психушки. Андропов был не только единомышленником Брежнева, но и его душеприказчиком. Именно ему Леонид Ильич доверял улаживать тёмные, а порой и криминальные делишки своих непутёвых детей – дочери Галины и сына Юрия. Поэтому у брежневского окружения не было никаких сомнений в преемственности преж-

него курса. Новый руководитель располагал обширной информацией о кризисе в экономике и социальной сфере, масштабах бесхозяйственности, хищений, приписок, безнаказанности и коррумпированности кадров. Всё это побуждало его к решительным действиям. Но на путь кардинальной ломки исторически обречённой системы Андропов не встал, и было бы наивно требовать этого от 68-летнего тяжело больного человека с устоявшимися взглядами. Он видел выход из кризиса в укреплении Системы путём усиления дисциплины и ответственности уже испытанными административно-командными методами.

В личном плане Андропов выгодно отличался от своего предшественника: не обвешивал себя титулами и наградами, на смену парадности и благодушию прежних лет пришёл более деловой стиль работы. Он не был корыстолюбив, довольствуясь лишь теми привилегиями, которые обеспечивало ему высокое должностное положение, и с определённой неприязнью относился к наиболее зарвавшимся мздоимцам.

В назидание другим, гласно, а не втихую с поста министра внутренних дел СССР был смещён Н. Щёлоков, которого вместе с первым секретарём Краснодарского крайкома партии С. Медуновым вывели из состава ЦК КПСС. Постепенно правоохранительные органы были сориентированы на активизацию борьбы с коррупцией в структурах власти на местах, выявление должностных злоупотреблений. Причём ведущую роль в этой работе бывший шеф КГБ отво-

дил органам госбезопасности. Впервые за многие десятилетия политический сыск получил прямые указания реализовывать информацию о мафиозных группировках, а не накапливать и уничтожать её, как прежде. Правда, расследование крупных хищений, взяточничества, приписок проводилось и раньше, но уголовные дела такого рода являлись исключением из правил на фоне общей безнаказанности и круговой поруки. И лишь при Андропове наступление на региональные кланы обрело формы государственной правовой политики. Громоздкий механизм репрессивного аппарата разворачивался в новом направлении.

Распутывание мафиозной паутины на периферии, привлечение к уголовной ответственности баев из низшего и среднего звена партийной иерархии не затрагивало её верхние слои. Поэтому окружение Андропова, в основном, поддерживало его политику. Однако, как только задевались интересы высших эшелонов власти, Генсек проявлял известную выдержку и осмотрительность. Зная, к примеру, о масштабах приписок хлопка-сырца в Средней Азии и Азербайджане, коррупции и других злоупотреблениях в этих республиках, он, тем не менее, не воспрепятствовал Г. Алиеву стать членом Политбюро и секретарём ЦК КПСС.

Устно выговорив Ш. Рашидову, Андропов отложил его освобождение от занимаемой должности на конец 1983 г. 30 октября того же года Рашидов скончался. Местная мафия похоронила крёстного отца со всеми почестями в центре

Ташкента возле ленинского мемориала. Приписки же несуществующего хлопка после его смерти достигли рекордной отметки. И неудивительно: к хлопковой афёре имели непосредственное отношение некоторые члены Политбюро, секретари ЦК, другие руководящие работники центральных ведомств из тех, кто курировал либо соприкасался с этой отраслью. Вступить в конфликт со своим ближайшим окружением Юрий Владимирович не решился.

Итак, бросив вызов организованной преступности, руководство страны направило в атаку на местные мафиозные группировки подразделения КГБ. В 1983 г. в различных точках страны уже расследовалось немало уголовных дел о коррупции и других должностных преступлениях номенклатуры. Было и среди них и так называемое «бухарское дело», на примере которого мы и хотим рассказать в этой главе о первых схватках КГБ с мафией, показать реальные возможности этого ведомства, противоречивость нового курса в правовой сфере и его дальнейшие изменения.

«27 апреля 1983 г. в г. Бухаре УзССР при получении взятки в сумме 1 000 руб. задержан с поличным начальник ОБХСС УВД Бухарского облисполкома Музаффаров А. По данному факту КГБ Узбекской ССР возбуждено уголовное дело. 1 сентября 1983 г. дело принято к производству следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Т. Гдяном».

(Из постановления по уголовному делу № 18/58115-83).

Именно этот номер будет значиться отныне на уголовном деле о коррупции в высших эшелонах власти. Нити расследования потянутся всё дальше и выше, пока не приведут в конечном итоге к стенам Кремля.

Арест Музаффарова был одним из этапов тщательно подготовленной операции узбекского КГБ, получившего из центра указания резко активизировать борьбу с коррупцией. Его председатель Л. Мелкумов оказался между молотом и наковальней. Ведь никто не отменял действующих уже многие годы секретных инструкций, запрещающих сотрудникам госбезопасности сбор компрометирующей информации в отношении партийно-советских органов, других структур власти. Более того, руководство республиканского КГБ и областных управлений целиком и полностью зависело от партийной олигархии во главе с Рашидовым, то есть от тех самых мафиози, против которых предстояло действовать: нужно было обязательно докладывать обо всём в ЦК и обкомы, информировать их о любых значительных акциях, которые проводятся на территории республики. Не просто было избежать и утечки информации, особенно, если учесть, что на службу в госбезопасность направлялось немало некомпетентных, но проверенных людей из комсомольско-партийных органов, как правило, отпрысков высокопоставленных сановников. В КГБ Узбекистана работали сын Рашидова, дети и родственники большинства первых секретарей обкомов партии; других руководителей. Тем не менее, приказ нужно

было выполнять. Почему же выбор пал именно на Бухару? Ведь с таким же успехом можно было начинать разоблачения в любой области Узбекистана, где злоупотребления и взятки в номенклатурной среде стали нормой жизни. К тому же в республиках Средней Азии, Закавказья, некоторых других регионах население наперечёт знало местных миллионеров, да они часто и не скрывали своего образа жизни.

Начиная акцию в Бухаре, чекисты учли нравы, царившие на этажах власти. Первый секретарь Бухарского обкома партии А. Каримов регулярно, как и все остальные боссы его уровня, выплачивал взятки Рашидову. Внешне отношения между ними оставались ровными и, вроде бы, тёплыми, но Рашидов всегда недолюбливал Каримова. Достаточно было уже того, что этого молодого, наглого и пробивного функционера в кулуарах называли одним из возможных преемников Рашидова. Одним словом, проведение акции в Бухаре было наиболее безопасным для сотрудников КГБ вариантом, а начинать её решили с областного управления внутренних дел.

Разрабатывала операцию небольшая группа офицеров из Ташкента, согласовывая свои действия с кураторами из Москвы. В Бухаре в план был посвящён начальник областного УКГБ, его заместитель и двое сотрудников. Такая ступенчатость позволяла подстраховаться у своего начальства: в обкоме местным работникам кивать на КГБ республики, в ЦК – на КГБ СССР, дескать, решали они, мы лишь выполняли команду. Как мы увидим, подобные предосторожности не

были излишними, а узкий круг участников обеспечивал надёжность сохранения информации. В поле зрения чекистов попали начальник УВД, его заместители, начальник ОБХСС Музаффаров и некоторые другие работники. В их кабинетах установили подслушивающую аппаратуру. Контролировались и записывались телефонные переговоры, периодически осуществлялось наружное наблюдение. Эти оперативные мероприятия проводились около трёх месяцев.

Сотрудники КГБ доподлинно установили, что Музаффаров нажитые преступным путём ценности хранит практически открыто – держит дома в сейфе. Когда к концу апреля 1983 г. подготовка была завершена, начать операцию решили с Музаффарова и преданного ему водителя С. Буранова, с участием которого совершалось немало преступных сделок. Взять же Музаффарова с поличным можно было в любой день – взятки шли конвейером.

26 апреля 1983 г. из Ташкента в Бухару прибыла молодая женщина похлопотать об условно-досрочном освобождении некоего осуждённого, содержащегося в одной из спецкомендатур Бухары. Знакомые посоветовали ей обратиться к всемогущему Музаффарову. Тот принял женщину в своём кабинете. Просительница явно произвела на него впечатление. Не пропуская ни одной юбки Ахат заёрзал на месте... Но надо было срочно ехать в Ташкент по поручению начальства. Окинув посетительницу похотливым взглядом, он деловито сообщил, что потребуется 1 000 рублей, и во-

прос можно будет решить на следующий день. Тут же вызвал подчинённого, которому приказал устроить женщину в гостиничный люкс.

В ожидании высокого покровителя просительница поняла, что кроме тысячи последуют ещё и вполне определённые домогательства Музаффарова. Она же не была готова ни к тому, ни к другому. Могла бы просто уехать, но, как значится в протоколе допроса, «была возмущена поведением Музаффарова, поэтому обратилась в КГБ». Там её выслушали, предложили написать заявление и подробно проинструктировали, как нужно действовать. Вручили ей 1 000 рублей в газетном свёртке. Все купюры были предварительно переписаны в протокол. О передаче денег она должна была известить оперативных работников.

Операция началась. 27 апреля 1983 г. во второй половине дня просительница, а теперь уже заявительница, встретилась с Музаффаровым и вручила ему свёрток с деньгами. Ахат попытался любезничать, но женщина попрощалась и ушла. Музаффарова это несколько не обескуражило и не встревожило: мало ли баб! У него своих дел хватает. Женщина между тем сообщила чекистам о передаче денег – в это время в Бухаре уже находилась группа сотрудников из Ташкента.

Взять Музаффарова решили не в УВД, – мало ли как там всё сложится, да и шум поднимется, – а в более укромном месте по дороге в Ромитан: уже знали привычку Ахата отвозить получаемые взятки домой, так что свёрток с деньгами

скорее всего будет при нём. Вскоре Музаффаров отправился домой на служебной автомашине, за рулём которой сидел его верный Садулло. По дороге, подальше от посторонних глаз, Музаффарова с Бурановым задержали и на разных автомашинах доставили в Бухару в новое здание областного УКГБ.

Одновременно начались обыски. Всего у Музаффарова было изъято ценностей на сумму полтора миллиона рублей. В домашнем сейфе оказалось 1 131 183 рубля, монеты, золотые изделия. В ту же ночь Музаффарова и Буранова порознь доставили в Ташкент и поместили в следственный изолятор КГБ УзССР. Расследование возглавил начальник следственного отдела – полковник А. Ганиходжаев.

Музаффаров оказался припёртым к стенке. При обыске у него изъяли свёрток с переписанными купюрами. Молчать под тяжестью таких улик было бы просто глупо. И он решил бороться за жизнь. Чистосердечное раскаяние оставляло, по его мнению, единственный шанс. Музаффаров лихорадочно писал «явки с повинной», уточнял и дополнял фамилии, адреса, суммы взяток. Конечно, смягчал в выгодном для себя свете некоторые обстоятельства, утаивая имена высокопоставленных соучастников, например, Каримова. Из бесед со следователем он понял, что продолжительное время был «под колпаком», что информация о нём собрана обширная. Поэтому с каждым допросом становился всё разговорчивее и откровеннее. Это позволило в первые же дни закрепить успех и расширить рамки следствия. Был задержан дирек-

тор Бухарского горпромторга Ш. Кудратов. Тесно связанный с Музаффаровым и Каримовым, он также беззастенчиво и нагло обирал своих подчинённых. «Закон – это я, Шоды Кудратов», – любил поговаривать этот взяточник. По имевшейся у сотрудников КГБ информации, значительную часть своих богатств он также хранил по месту жительства. В его доме и на приусадебном участке три дня продолжался обыск. Изъяли более полумиллиона рублей наличными и несколько стеклянных фляг с ювелирными изделиями, золотыми монетами, другое имущество. Всего на сумму более четырёх миллионов рублей.

Итак, начало прошло успешно, как говорится, без сучка – без задоринки. Было о чём докладывать в Москву. Одновременно решился вопрос о передаче уголовного дела Прокуратуре СССР – в противном случае местная прокуратура спустила бы его на тормозах. Вместе с тем договорились, что передача дела состоится лишь в конце мая – начале июня 1983 г. Руководство КГБ обосновывало эту отсрочку необходимостью закрепить результаты первого этапа работы, расширить рамки расследования.

Это была первая и очень серьёзная ошибка. В КГБ всегда был сильный оперативный аппарат, который мог работать весьма эффективно. А вот следствие являлось самым уязвимым местом. Причин тому несколько. Штаты в следственных подразделениях КГБ раздувались, а уголовных дел было немного, особенно в глубинке. Шпионы там почему-то

не появлялись. Вот и пробавлялись следователи мелочёвкой: диссидентами, правдолюбцами разными, религиозными деятелями. Некоторые годами самостоятельно не занимались расследованиями, выполняя лишь отдельные поручения руководства, и поэтому к тяжёлой рутинной работе многие из них не были готовы ни профессионально, ни морально, ни физически. Являясь составной частью ведомства, где доминировали оперативные службы, следственные подразделения, как правило, были лишь оформителями того, что добывали оперативники. И те и другие являлись офицерами, подчинялись воинской дисциплине и приказам начальства, которое руководило и оперативно-розыскной деятельностью, и следствием. Самостоятельность последнего, естественно, была весьма призрачной. Кроме того, следователи и оперативники госбезопасности не имели опыта борьбы с коррупцией, хищениями, приписками и другими проявлениями организованной преступности, вторгались в эту сферу нечасто, от случая к случаю, а когда это происходило, проводили лишь неотложные следственно-оперативные мероприятия и были обязаны передать материалы дела по подследственности в прокуратуру. Отсюда и недостаточная компетентность в закреплении доказательственной базы, да и ответственность далеко не та, когда знаешь, что дело будет передано другому хозяину и отвечать за его дальнейшую судьбу будет кто-то иной. Поэтому чем быстрее материалы будут переданы в прокуратуру, чем быстрее в дело вступят

профессионалы, тем благоприятнее это отразится на расследовании. Однако в могущественном ведомстве не принято было критично осмысливать свою работу, дескать, всё можем провести самостоятельно, сами с усами.

Одним словом, не рассчитали в КГБ республики свои силы и возможности. Ведомственные амбиции и политическая конъюнктура взяли верх над интересами следствия. Начали хорошо, но своевременно не передав дело в союзную прокуратуру, потеряли темп. После ареста Музаффарова и изъятия его богатств в Бухаре и области заколыхалась вся мафиозная паутина, растаскивались по надёжным местам преступно нажитые капиталы. В чемоданах и выюках, на ослах и автомашинах, самолётами и поездами развозились ценности. Даже мальчишки не остались в стороне, переноса в карманах наиболее дорогостоящие бриллиантовые изделия, золотые монеты. Бумажные деньги сжигали по ночам в кострах. В течение трёх дней вывез все остатки ценностей и значительную часть имущества первый секретарь обкома партии Каримов. Самым самонадеянным оказался Кудратов, за что и поплатился. Но после результативного обыска у него в доме больше никто в Бухаре не рисковал. Всё было укрыто по дальним кишлакам, часто маленькими партиями во многих местах. Начальник УВД А. Дустов вывез даже недорогие ковры, оставив на стенах лишь гвозди. Арест Музаффарова и Кудратова переполошил мафию, которая готовилась к обороне.

Паутина дрогнула

Первые атаки чекистов вызвали озабоченность в штабе мафии – ЦК Компартии Узбекистана.

Рашидова, естественно, беспокоил вопрос: кто санкционировал эти акции? В Бухарском обкоме о них ничего не знали, не был в курсе и административный отдел республиканского ЦК. Наконец, выяснилось, что свои действия председатель КГБ Мелкумов согласовал со вторым секретарём ЦК Л. Грековым. В соответствии с традиционно существовавшим институтом партийного наместничества пост второго секретаря ЦК в республиках занимал русский, который считался «глазами и ушами» ЦК КПСС. Он же курировал правоохранительные органы. Греков как мог приспособился к политике Рашидова, угождал перед ним, но так и не стал до конца своим человеком. Почувствовав с приходом Андропова новые тенденции в политике, шаткость положения Рашидова и его скорое падение, Греков попытался действовать более независимо. Этим и объясняется его благосклонное отношение к активизации усилий госбезопасности, согласие на проведение акции в Бухаре. Но Греков просчитался, недооценив силу рашидовского клана, его позиций в Центре. Более дальновидный Рашидов почуял, какую опасность таит пребывание в республике московской следственной группы, понимал, куда поведут нити следствия. Поэтому

он добился того, что уже в конце мая 1983 г. Греков был смещён с поста второго секретаря ЦК Компартии республики, а освободившееся кресло занял преданный ему Т. Осетров.

Начались гонения и на Мелкумова. Его ссылки на Москву, на вышестоящее руководство были для Рашидова неубедительны. Он понимал, откуда ноги растут. Преданные люди получили задание проследивать каждый шаг председателя КГБ, собирать на него компромат.

В этих условиях тем более было важно как можно быстрее передать дело в Прокуратуру СССР, получить в лице следственной группы ещё одного союзника. Но возобладали не интересы дела, а затронутое профессиональное самолюбие. Как же, заверили Москву, что будет раскручено крупное дело, и остановиться на полпути?

В начале июня 1983 г. Мелкумов попросил ещё на пару месяцев отсрочить передачу дела в союзную прокуратуру под предлогом проведения новых операций. В первой декаде июня с привлечением больших сил КГБ и военнослужащих было проведено более 40 одновременных обысков у разных лиц по «бухарскому делу». Были арестованы начальник УВД Бухарского облисполкома Дустов, начальник областного управления материально-технического снабжения Д. Шарипов, сотрудники ОБХСС Б. Гафаров и Н. Джумаев, председатель райпо М. Базаров.

Непрофессионализм следователей и оперативников госбезопасности проявился в этой операции в полной мере. Бо-

лее бесполезной и даже вредной акции трудно себе представить. Десятки обысков дали нулевой результат: после ареста Кудратова и Музаффарова в особняках мафиози было хоть шаром покати. Серьёзно рисковали следователи и с новыми арестами. Основанием для взятия под стражу являлись лишь показания Музаффарова да некоторые косвенные улики. Конечно, была обширная и многократно проверенная оперативная информация, но её к делу не подошьёшь. Доказательств для предъявления обвинения оказалось крайне мало. Более того, в спешке забыли о депутатском статусе одного из арестованных. Были и другие просчёты. Кстати, при разгроме дела в 1989 г. ответственность за все эти недостатки возложили на нашу следственную группу.

Непрофессионализм, тактические просчёты не могли не отразиться на позиции обвиняемых. Всего по делу было арестовано 8 человек, из них лишь Музаффаров давал развёрнутые показания, изобличал соучастников. Ещё двое частично подтверждали несколько преступных эпизодов, о которых рассказывал Музаффаров. Дустов, Кудратов, Шарипов и остальные обвиняемые твердили о своей невинности. Новых доказательств в деле не появлялось. Расчёты следователей заполучить свидетельскую базу в Бухарской области не оправдались. Не дали результатов и допросы тех, от кого, как показывал Музаффаров, он получал взятки. Они молчали. Следствие не только постепенно теряло темп, но и заходило в тупик. Не удавалось реализовать и многочис-

ленную оперативную информацию. Тем не менее в Москву шли бодрые рапорты об успешном расследовании «бухарского дела».

Мафия тем временем продолжала наступление. Главари рашидовского клана хорошо понимали, насколько опасны даже эти пока ещё небольшие плацдармы, отвоёванные КГБ. Тем более, что узбекские чекисты открыли ещё один «фронт». В июне 1983 г. они провели операцию против орудовавших на ташкентских бензоколонках расхитителей и связанных с ними работников милиции. Возникло ещё одно, так называемое «ташкентское дело». По оперативным данным, нити его напрямую вели в МВД УзССР к министру К. Эргашеву, его заместителям. Были арестованы взяточдатели Эргашева С. Закиряев и А. Мадаминов, но они пока молчали. В случае успешного развития «бухарского» и «ташкентского» дел серьёзные разоблачения затронули бы не только МВД, но и другие республиканские ведомства.

Между тем Андропов, уже прикованный к постели, всё меньше вмешивался в перипетии борьбы с мафией. Брошенные им в бой с организованной преступностью правоохранные органы, в том числе и КГБ, часто проигрывали могущественным противникам – и в тех случаях, если заходили в своём рвении слишком далеко, и тогда, когда в дело вмешивалась большая политика. В Узбекистане рашидовский клан сводил на нет многие усилия чекистов. Все попытки Мелкумова договориться в Москве о передаче в Проку-

ратуру СССР «ташкентского дела» ни к чему не привели – его передали местной прокуратуре и постепенно спустили на тормозах. Вместо миллионных хищений и массовой коррупции местные следователи свели расследование к ряду незначительных эпизодов хищений и взяток на несколько тысяч рублей, за что для отвода глаз осудили несколько человек. Мафиозная паутина лишь слегка дрогнула.

Но Рашидов не забывал и «бухарское дело». По его указанию летом 1983 г. в Бухару прибыл Осетров. Он принял участие в собрании актива, в работе сессии областного Совета, где открыто поддержал Каримова. В области все знали о прежних тесных связях Музаффарова, Кудратова, Дустова и других арестованных с первым секретарём обкома партии, и тот чувствовал себя неуверенно. Осетров же чётко дал понять всем: несмотря ни на что Каримова, от которого сам, кстати, получал деньги, и других руководящих работников области в обиду не дадут. Вскоре с этой же миссией в Бухару прибыл и сам Рашидов. Поскольку визиты были связаны с получением отцами республики взяток, оба эпизода тщательно исследовались позднее в материалах уголовного дела...

Сгущались тучи и над Мелкумовым. В отношении него начались уже официальные проверки: как живёт сам, чем занимаются родственники, почему нарушает партийную дисциплину, допускает промахи в работе. Когда в августе 1983 г. мы прилетели в Ташкент, Мелкумов ещё занимал свой ра-

бочий кабинет, но уже все знали, что продержится он в нём недолго. В сентябре 1983 г. новым председателем КГБ был назначен В.Головин. Генерал-лейтенант Мелкумов «в связи с переходом на другую работу» оказался за пределами Узбекистана и даже за пределами страны – советником посольства СССР в Чехословакии.

А местная мафия и при Рашидове, и после его смерти продолжала мстить работникам госбезопасности, причастным к рождению «бухарского дела». Через некоторое время из республики выжили первого заместителя председателя КГБ УзССР В. Логунова, проводили на «заслуженный отдых» начальника следственного отдела Ганиходжаева, некоторые сотрудники были отправлены в Афганистан либо переведены в другие регионы.

Несмотря ни на что, роль узбекских чекистов в возникновении «бухарского дела» трудно переоценить: они передали в руки следствия нити, которые можно было разматывать дальше, сдвинули с мёртвой точки проблему коррупции в республике. «Бухарское дело», переросшее в республиканское, потом в «московское», а позднее и в «кремлёвское», поломало, к сожалению, судьбы многих честных работников правоохранительных органов. И первыми жертвами в этой борьбе стали работники госбезопасности Узбекистана, обвинённые, как ни парадоксально, в нарушении «социалистической законности». Они оказались заложниками в столкновении противоборствующих кланов, в политической борьбе.

Первопроходцы нового курса Андропова, они и пострадали первыми.

О преследовании этих людей за добросовестное исполнение ими служебного долга мы, к примеру, сообщали в июле 1986 г. в докладной записке Горбачёву:

«Три года назад в Узбекистане нашлись люди, которые принципиально взяли на себя ответственность по искоренению организованной преступности в республике, не считаясь с риском гонений и шельмования. Благодаря твёрдой позиции, занятой председателем КГБ УзССР тов. Мелкумовым Л.Н., его первым заместителем тов. Логуновым В.Н. и другими работниками госбезопасности, несмотря на противодействие Рашидова и его окружения, стало возможным возбуждение и расследование настоящего уголовного дела. Не секрет и то, что все эти лица за непослушание были сняты со своих должностей и подвергнуты всевозможным гонениям...»

О несправедливости по отношению к чекистам Узбекистана мы говорили, выступая в средствах массовой информации, неоднократно обращались к высшим должностным лицам страны. Но ни В. Чебриков, ни сменивший его председатель КГБ СССР В. Крючков, ни курировавший правоохранительные органы секретарь ЦК КПСС А. Лукьянов, ни М. Горбачёв не предприняли ровным счётом ничего.

Гонения на сотрудников госбезопасности весьма негативно сказались на дальнейшем расследовании, серьёзно ослож-

нили работу Одним из самых пагубных последствий было уничтожение всех оперативных материалов по «бухарскому делу». Когда наша следственная группа прибыла в Ташкент, местные чекисты располагали множеством такой информации. Нам дали возможность прослушать фрагменты звукозаписи телефонных разговоров обвиняемых, познакомиться с документами по результатам наружного наблюдения, просмотреть обобщённые данные по агентурным донесениям. Мы намеревались скрупулёзно изучить, проанализировать, обобщить всю эту обширную и полезную информацию, что позволило бы более эффективно планировать следственные действия, определять приоритетные направления, выявлять слабые места в мафиозной паутине, действовать целенаправленно, а не вслепую. Но ничего не вышло. Из Москвы зачастили проверяющие. В результате началось планомерное уничтожение собранных оперативных материалов. Сотрудники местного КГБ позднее рассказывали, что большую часть информации уничтожили. Было сожжено около 70 томов. Некоторые документы искажались и переписывались заново. Офицеры, которые ещё вчера показывали нам интересующие следствие материалы, на все просьбы виновато опускали глаза: «Извините, у нас ничего нет». А потом полушёпотом просили забыть и никогда не упоминать о том, что именно они знакомили нас с какими-то документами. Иначе, вздыхали они, у них будут крупные неприятности по службе.

Материалов, содержащих существенную информацию, в нашем распоряжении оказалось немного. Неважно обстояли дела и с доказательственной базой. В отношении некоторых арестованных вопрос стоял ребром: либо освобождать их из-под стражи за недостаточностью улик, либо срочно добывать веские доказательства их виновности. Нам потребовалось немало усилий, прежде чем удалось выправить положение, сдвинуть дело с мёртвой точки. Более четырёх месяцев находилось дело в КГБ, шло по существу топтание на месте. За это время у коррумпированной бухарской номенклатуры прошёл первый испуг, она подготовилась к организованному отпору. И если в первые недели расследования на добывание доказательств требовались бы дни, то в изменившейся ситуации – уже месяцы. И всё же тяжело, со скрипом, но работа пошла, и вскоре проблемы с доказательствами виновности обвиняемых уже не было. А когда в конце 1983 г. нам удалось добиться освобождения Каримова с поста первого секретаря обкома партии, то сопротивление нашей работе заметно ослабло. Мафиози убедились, что мы обосновались в Бухарской области всерьёз и надолго, и уже каждый спасался в одиночку. Удалось найти взаимопонимание и со всеми арестованными. Начал рассказывать о своей преступной деятельности даже миллионер Кудратов. Дольше других упорствовал начальник УВД Дустов, который позднее так объяснил причину своего поведения. Незадолго до ареста он вручил 50 000 руб. министру Эргашеву, который обещал пе-

передать эти деньги Ю. Чурбанову и даже в случае ареста с его помощью обещал выволить Дустова из тюрьмы. Тот всё надеялся, пока не убедился в тщетности своих ожиданий.

После нейтрализации республиканского КГБ мафия ни на минуту не выпускала из поля зрения нашу следственную группу. Используя свои связи в ЦК КПСС и других центральных ведомствах, Рашидов и его окружение предпринимали отчаянные усилия заполучить назад «бухарское дело», передать его местным правоохранительным органам. И, естественно, как могли, мешали нашей работе. В частности, осенью 1983 г., мы дважды намеревались этапировать Кудратова и Дустова в Москву, но о наших планах сразу же стало известно в ЦК, начинался скандал. Руководство союзной Прокуратуры уступало нажиму, следовала команда: отставить. Что и было на руку тем, кто боялся упустить хоть какой-то контроль за отдельными звеньями дела. В этот же период под давлением рашидовского лобби заместитель Генерального прокурора СССР О. Сорока дал указание выделить из общего расследования и передать в республиканскую прокуратуру дело по обвинению Кудратова. Расчёт простой: не удалось отнять дело, так хотя бы расчленив его на части, помешать провести полное и объективное расследование. Мы категорически отказались выполнить указание начальства. Тем более, что ни одного законного основания для выделения кудратовского дела не было. Понимал это и Сорока. Трудно сказать, как бы стали развиваться события, ес-

ли бы не изменилась ситуация. 30 октября скончался Рашидов, на смену ему пришёл И. Усманходжаев из ферганского клана. У него, в отличие от более дальновидного Рашидова, деятельность нашей группы в Бухаре пока серьёзного беспокойства не вызывала. К тому же крёстные отцы занялись делом портфелей, что на время ослабило давление на следственную группу. Уловивший ситуацию Сорока не стал настаивать на выполнении своего незаконного распоряжения. Нам удалось отстоять целостность дела.

Черненко даёт добро

– Ну, теперь-то вы никого больше не возьмёте, прежние времена возвращаются, – не скрывая удовлетворения рассуждал доставленный на допрос бывший первый заместитель начальника Бухарского УВД Шамси Рахимов. Недавно арестованный полковник милиции уже успел покаяться в многочисленных фактах получения взяток от Музаффарова и других своих подчинённых, поэтому на встречах со следователями чувствовал себя раскованно, без прежнего напряжения и насторожённости:

– Андропов-то он злой на милицию был, Щёлоков ему всегда дорогу переходил. Поэтому он и взялся за вас. Вас ведь послали в Узбекистан приструнить МВД. Разве не так? Так. А для Черненко что КГБ, что МВД, лишь бы всё было тихо, шито-крыто. Они ведь с Брежневым как два близнеца были. Разве Константин Устинович допустит, чтобы и дальше проходили такие расследования? Они же в Москве понимают, что начинаются всякие разговоры, что это и их компрометирует, партию в целом. Так что можете заранее упаковывать чемоданы.

– Откуда у вас такая убеждённость, Шамси Абдуллаевич?

– Николай Вениаминович, да это же все знают. Вы-то в душе наверняка со мной согласны, только сказать не хотите. Я жизнь прожил, всего насмотрелся. Сколько московско-

го начальства перебивало у нас в Бухаре. Многих мне приходилось сопровождать, одаривать, ублажать. Грозятся, разносы учиняют, а потом набьют себе карманы и уезжают довольные. А те, кто не брал, так подопыют и шепчут на ухо: «Найди хорошую девочку». И находил. Вы что, думаете им больно хочется, чтобы все их похождения известны стали? Кстати, знаете, что про вас и про ваших следователей в Бухаре говорят?

– И что же?

– А говорят так: «Рот есть – кушать не хочет». Удивляются, что все москвичи обычно такие жадные, только и знают, что хватать и побольше, а вы на них не похожи. Не берёте ничего, в столовой, в магазине расплачиваетесь. А ведь вы таких «тузов» зацепили, миллионы можете в карман положить. В группе у вас молодые ребята, а по девкам не бегают. Вот и удивляются люди. Они-то раньше другое видели. Но многие за это и уважают, убедились, что слово держать умеете. Поэтому и рассказывают вам много. Другим бы не стали.

– Так, значит, можно жить и работать без взяток?

– Вам можно, а в Узбекистане нельзя. Особенно у нас в Бухаре. Да вы и сами наши порядки и обычаи изучили, знаете, что я прав. Вы-то что: приехали и уехали, а здесь всё по-прежнему останется. В прошлый раз, когда вы меня про Эргашева спрашивали, я же честно сказал, что много про него знаю, но официальных показаний давать не буду. Я из чего исходил? Опасное это дело связываться с такими больши-

ми людьми. Всю жизнь я в милиции проработал, и не было ещё такого случая, чтобы республиканского министра внутренних дел привлекли к уголовной ответственности. Тем более, генерал-лейтенанта. Отстраняли от работы, иногда звания лишали, такое бывало, но сажать ещё никого не сажали. Андропов – он мог на это пойти, дать такую команду, не любил он МВД. Но его-то нет, Черненко у власти. А он на это никогда не пойдёт. Значит, прав я оказался. И про Каримова я никаких официальных показаний давать не буду. Первого секретаря обкома партии, хоть и бывшего, тем более никто в тюрьму не отправит. Таких случаев в стране ещё не было...

– Шамси Абдуллаевич, я вас уверяю, что на ход расследования ничто не повлияет. Оно будет продолжаться, как и прежде.

– Николай Вениаминович, я ведь, как сейчас вы, тоже людей допрашивал, убеждал в мудрости партийной линии, говорил, что во всём объективно разберёмся, что закон для всех один, его выполнять надо. А на самом деле разбирались так, как начальство решит. Так что, кривил душой, и вы сейчас кривите. Не видать вам ни Эргашева, ни Каримова, застопорится у вас дело. Нас-то, тех, кого уже арестовали, конечно, не отпустят, мы люди маленькие, за нас никто вступаться не будет. Меня, конечно, осудят, отсижу своё сполна. На осуждённых за взятки амнистии, если и будут, не распространяются. Но когда-нибудь домой вернусь. А вот у вас дальше работа не пойдёт. Сами убедитесь.

Но Рахимов оказался не прав. Расследование продолжалось. В мае 1986 г. Верховный суд УзССР приговорил его за получение и дачу взяток к 14 годам лишения свободы. Ошибся Рахимов и в том, что отсидит срок наказания сполна. Расследование было остановлено не при Черненко, а весной 1989 г. при ближайшем сподвижнике Андропова Горбачёве. В одночасье подследственные и осуждённые перевоплотились в «жертв произвола», стали «свидетелями», изображающими коварных следователей. В их числе оказался и Рахимов. Его фамилия упоминалась в опубликованном 20 мая 1989 г. заключении Комиссии Президиума Верховного Совета СССР, признавшем всю деятельность следственной группы «преступной». А через несколько месяцев, отсидев чуть более 5 лет из 14, Рахимов оказался дома.

После смерти Андропова многие предполагали, что ставший у руководства страной Черненко, который и в личном плане существенно отличался от предшественника и зарекомендовал себя не способным ни к каким новациям твёрдым приверженцем брежневского курса, может свести на нет запущенный механизм борьбы с организованной преступностью. Мало кто сомневался, что возвращаются прежние времена. КГБ, как уникальный индикатор, реагирующий на любые изменения в коридорах высшей власти, первым снизил активность. Ведь одно дело вести поиск «шпионов», выявлять крамолу и преследовать инакомыслящих – и безопасно, и обеспечивает рост по службе, почёт и уважение. Совсем

другое – посягать на интересы номенклатуры. Здесь можно нажать кучу неприятностей. Узбекские чекисты уже убедились в этом на собственной, как говорится, шкуре. Поэтому понятно было стремление уже больше не проявлять энтузиазма, действовать осторожно, побыстрее отчитавшись в случае успеха, снять с себя всякую ответственность. «Это не наши функции», – всё чаще слышали мы в ответ на настойчивые просьбы оказать содействие следствию, и всё больше вопросов рассматривалось со скрипом, становилось трудноразрешимыми. В наших взаимоотношениях с КГБ после смерти Андропова вновь наступила полоса отчуждения.

И всё же самые мрачные прогнозы не оправдались. Малоспособный управлять страной, тяжело больной Черненко, похоже, вообще не намерен был ничего менять. По инерции андроповская линия была продолжена, хотя борьба с мафиозными группами на периферии осуществлялась уже не столь активно, часто непоследовательно и конъюнктурно. Достаточно привести очень характерный пример, когда началось расследование «хлопковых дел» в Узбекистане, где в махинации были вовлечены миллионы людей. Летом 1984 г. в Ташкент прибыл Е. Лигачёв. Под его руководством прошёл XVI Пленум ЦК Компартии республики, беспрецедентный по царившему на нём лицемерию. Было подчёркнуто, что в Москве о приписках и злоупотреблениях ничего не знали, во всех грехах обвинили одного покойного Рашидова, а также подтвердили, что партийная организация в Узбекистане в

целом здоровая и сама справится с выявленными недостатками. Новому хозяину республики Усманходжаеву поручили проконтролировать расследование «отдельных негативных явлений» – так в тот период именовали массовые приписки, хищения, коррупцию. Мафиози, готовые ради своего благополучия пожертвовать тысячами «стрелочников», бодро взялись выполнять поручение. Десятки тысяч специалистов, второстепенные и третьестепенные исполнители преступной воли верхов, вовлечённые в носившие директивный характер махинации, оказались в тюрьмах, в то время как все организаторы хлопковой аферы не понесли никакой ответственности.

Против этой кампании массовых репрессий, чудовищного произвола, оставившего мрачный след в правовой политике тех лет, мы последовательно выступали с самого начала. Расследуемое нашей группой в 1983-1989 гг. уголовное дело № 18/58115-83 о коррупции в высших эшелонах власти никогда не имело ничего общего с «хлопковыми делами», хотя этот ярлык постоянно пытались приклеивать к проводимому расследованию.

К началу 1984 г. группа уже чётко определилась в приоритетах, методике и тактике следствия. Мы считали практику массовых репрессий безнравственной, поэтому главную задачу видели в разоблачении организаторов, верхнего звена мафиози и освобождении от уголовной ответственности тысяч и тысяч «стрелочников». На первом этапе наше внима-

ние занимали две основные персоны: первый секретарь обкома партии Каримов и министр внутренних дел Эргашев. Спасая обоих подопечных от ответственности, республиканские руководители с почётом проводили на пенсию Эргашева, а Каримова перевели в Ташкент на должность заместителя министра мелиорации и водного хозяйства. Оба продолжали оставаться членами местного ЦК и депутатами Верховного Совета. Московское начальство торопило нас завершить расследование и слышать не хотело о привлечении к уголовной ответственности двух высокопоставленных мздоимцев. Поэтому мы действовали крайне осторожно, без излишней огласки и не ставили своё руководство в известность о выявлении всё новых и новых фактов преступной деятельности этих лиц. Кстати, рядовые сотрудники КГБ потихоньку от своего начальства также помогали нам, чем могли. К июню 1984 г. уже были установлены эпизоды получения Каримовым взяток на сумму в полмиллиона рублей, Эргашевым – на 380 тысяч, а также иные их злоупотребления. Это позволило официально поставить вопрос об их ответственности и перед руководством Прокуратуры СССР, и перед партийными органами, без согласования с которыми принять решение в данном случае было невозможно.

Кому-то может показаться, что раз собраны доказательства, всё остальное просто. Далеко не так. Пришлось перепробовать несколько комбинаций, играя на противоборстве соперничающих мафиозных кланов, прежде чем дело сдви-

нулось. Черненко, лично рассматривавший вопрос, дал согласие на арест Каримова. Это был очень важный прецедент – за несколько десятилетий первый случай привлечения к уголовной ответственности партийного руководителя столь высокого ранга. Впрочем, ещё никому не удавалось собрать такого количества веских доказательств в отношении неприкасаемого прежде партийного босса. Это сегодня, когда КПСС распалась и власть, как нас убеждают, находится в руках демократов, взятками в полмиллиона уже никого не удивишь. А девять лет назад в Кремле посчитали, что нехорошо брать так много. Так что санкция Черненко вовсе не означала, что он решил действовать более радикально, нежели Андропов. Это было, скорее, исключение из правил, ибо во всех остальных случаях, где затрагивались интересы верхушки, Черненко был непоколебим. Он, например, всячески тормозил расследование дела Щёлокова. Экс-министр внутренних дел много знал, и его разоблачения могли бы иметь самые серьёзные последствия. Но Щёлоков молчал вплоть до самоубийства.

Поскольку сам Черненко дал согласие на арест Каримова, руководство КГБ проявило завидное рвение. Для организации акции в Ташкент были направлены три полковника с Лубянки, выделены большие силы и средства для задержания Каримова, проведения обысков, этапирования. 11 августа 1984 г. Каримов был задержан в г. Карши, доставлен в Ташкент, а позднее – в Москву в Лефортовскую тюрьму. В

этом следственном изоляторе союзного КГБ он и содержался до мая 1987 г ., пока Верховный суд СССР не вынес ему приговор.

А что же Эргашев? Черненко не решал его судьбу, вопрос о нём обсуждался на более низком уровне, поэтому не следовало и суетиться. Равнодушно взирали полковники из Москвы на то, как Эргашева последовательно доводили до самоубийства, а когда это произошло (Эргашев застрелился 15 августа 1984 г. уже при наличии санкции на его арест), благополучно отбыли домой.

Бдительный сапожник

«Стратегическая линия, выработанная на XXVI съезде, последующих Пленумах ЦК КПСС при деятельном участии Юрия Владимировича Андропова и Константина Устиновича Черненко, была и остаётся неизменной». – Так говорил соратникам 11 марта 1985 года человек, на плечи которого история возложила тяжёлое бремя поднять страну на реформы. Предшественники Горбачёва, стоявшие одной ногой в могиле, могли себе позволить кардинально ничего не менять. У нового руководителя такой возможности уже не было. Он находился в расцвете сил и прекрасно понимал, что страна приближается к пропасти и трудно предугадать последствия катастрофы, в том числе и для личной власти, если не остановить дальнейшее загнивание больного организма, не выправить положение дел. Так что, произнося в тот день на Пленуме ЦК привычные заклинания, он, надо полагать, лукавил, поскольку уже сделал свой выбор...

На первом этапе продолжение прежнего курса «наведения порядка», разоблачение региональных мафиозных групп соответствовало интересам Горбачёва и его окружения. Борьба с должностной преступностью и коррупцией усиливалась, что позволяло Горбачёву укреплять свои позиции, развязывало руки в проведении кадровых перестановок. В течение непродолжительного времени во многих республиках, кра-

ях, областях были заменены первые секретари ЦК, обкомов, крайкомов партии. На примере расследуемых дел Горбачёв всё чаще упоминал об очистительных процессах в обществе, утверждении равенства всех перед законом.

Выявленные злоупотребления в Министерстве внешней торговли, возникновение дел о приписках и хищениях в ряде южных республик, в различных отраслях народного хозяйства расширяли географию деятельности правоохранительных органов. Планка досягаемости закона последовательно поднималась всё выше. В Грузии местной прокуратурой был арестован даже секретарь ЦК КП Грузии. Конечно, в ряде случаев появлению подобных дел способствовала борьба за власть на местах, и далеко не всегда расследование проводилось всесторонне, полно и объективно. Но общая тенденция всё же прослеживалась достаточно ясно.

Вместе с тем все попытки следствия приблизиться к высшим эшелонам власти решительно пресекались Горбачёвым, для которого интересы правящей партийной элиты были выше требований закона.

В книге «Исповедь на заданную тему» Б. Ельцин рассказывает о своей поездке в Узбекистан в 1985 году, где получил многочисленные свидетельства о коррупции в коридорах республиканской власти, о чём и доложил Горбачёву: «Я достаточно подробно рассказал ему обо всём, что удалось узнать, в заключение сказал, что необходимо немедленно предпринять решительные меры. И, главное, надо ре-

шать вопрос с Усманходжаевым. Вдруг Горбачёв рассердился, сказал, что я совершенно ни в чём не разобрался, Усманходжаев – честный коммунист, просто он вынужден бороться с рашидовщиной, и старая мафия компрометирует его ложными доносами и оговорами. Я говорю: Михаил Сергеевич, я только оттуда, Усманходжаев прекрасно вписался в рашидовскую систему и отлично наживаетея с помощью даже не им созданной структуры. Горбачёв ответил, что я введён в заблуждение, и вообще, за Усманходжаева ручается Егор Кузьмич Лигачёв... Так закончился наш разговор». А ведь доказательств того, что руководитель Узбекистана погряз во взяточничестве, было уже сколько угодно. Разумеется, знали информацию и в Москве.

После ареста Каримова продолжалось расследование коррупции в партийных органах и системе МВД Узбекистана. Каримов рассказал не только о том, что собирал мзду, по сути, со всего партийно-хозяйственного актива области, но и о даче им самим взятки руководству ЦК КП Узбекистана, ответственным работникам ЦК КПСС, в том числе и В. Смирному. В ноябре-декабре 1984 г. на родине Каримова в Кашкадарьинской области удалось изъять принадлежащие ему ценности на сумму в 6 миллионов рублей. Проникнув в новую область, мы начали расследование в отношении первого секретаря обкома партии Р. Гаипова и начальника УВД Х. Норбутаева. Поставили задачу проникновения и в другие регионы республики, где первые секретари обкомов и на-

чальники УВД были ключевыми фигурами для выявления основных звеньев мафиозной паутины, с тем чтобы, накопив силы, начать стремительное наступление на штаб мафии – ЦК КП Узбекистана. В марте 1985 г. были арестованы начальник Бухарского УВД М. Норов, заместитель министра внутренних дел республики Т. Кахраманов. Готовилась атака на коррумпированное руководство МВД республики. Конечно, об этих стратегических целях и ближайших задачах знали только руководители группы, поскольку Москва никогда не одобрила бы такое направление расследования. В этом мы уже достаточно хорошо убедились.

Руководство узбекского КГБ всё больше стремилось дистанцироваться от деятельности следственной группы. Из её состава вывели последних следователей госбезопасности. В Ташкенте мы занимали целый ряд кабинетов в следственном отделе КГБ. В том же здании находился и следственный изолятор, где содержались арестованные по делу. И вдруг мы узнаём, что следователям группы запрещено пользоваться служебной столовой. Затем последовало запрещение вызывать в наши кабинеты свидетелей, перестали выдавать пропуска в помещение и самим следователям. Потом запретили помещать в следственный изолятор арестованных по делу. Короче, нас просто выкинули из следственного отдела КГБ. Позднее то же самое произошло и с Лефортовской тюрьмой в Москве. Об оперативной помощи уже не приходилось и заикаться. Участие сотрудников госбезопасности в отдельных

акциях группы, если им всё же поступали команды из Центра, были лишь исключением из правил.

Очень характерен эпизод, происшедший в апреле 1985 г. Следствие установило, что первый секретарь Кашкадарьинского обкома партии Гаипов получил взятку на сумму около миллиона рублей. При таких обстоятельствах наше руководство вынуждено было дать санкцию на его арест. Много написано по поводу самоубийства Гаипова, который покончил с собой, когда следователи вместе с полковником МВД СССР пришли к нему домой пригласить в прокуратуру, ибо только там, как предписывало начальство, можно было взять под стражу высокопоставленного мздоимца. Поэтому не будем приводить хорошо известные подробности печального инцидента. Лишь отметим, что впервые руководство КГБ отказалось выделить своих сотрудников для участия в этой акции. Позже нам удалось ознакомиться с шифровкой, которую в тот же день чекисты отправили в Москву. Самый заурядный донос, состряпанный по канонам тридцать седьмого года: мол, руководители следственной группы Гдлян и Иванов неодобрительно отзываються о внутренней и внешней политике, руководящей роли КПСС, необоснованно полагают, что партийная организация Узбекистана погрязла в коррупции и посему без достаточных доказательств, на основе амбиций и личных антипатий преследуют партийные кадры республики. Далее живописуется самоубийство Гаипова.

Прошло два месяца, и бывшие союзники по расследова-

нию уголовного дела о коррупции учинили ещё одну провокацию. На сей раз она преследовала цель поставить под сомнение добросовестность и порядочность наших следователей. К тому времени изъятия у партийных мафиози крупных капиталов стали регулярными и обычными, и у многих это вызывало раздражение. Летом 1985 г. из Кашкадарьинской области возвратились пять наших следователей, которые привезли золотые монеты, ювелирные изделия, деньги, облигации на сумму свыше миллиона рублей, изъятые у арестованного первого секретаря райкома партии Н. Меллеева. Не прошло и недели, как в КГБ Узбекистана с официальным заявлением обратился ташкентский сапожник. Он утверждал, что к нему пришёл человек и попросил отремонтировать башмак. Сапожник взялся за дело и тут из башмака выпала золотая монета и покатила по полу. Но клиент почему-то и бровью не повёл, а после ремонта спокойно покинул мастерскую. Честный сапожник, проявив завидное гражданское сознание, не прикарманил монету, а приложил её как вещественное доказательство к своему заявлению. Клиентом, якобы, оказался наш следователь А. Куликов, который участвовал в изъятии ценностей Меллеева. Но тут выяснилось, что предъявленная бдительным сапожником монета не имела ничего общего с той партией, которая была изъята у секретаря райкома. К тому же оказалось, что благородный сапожник-патриот многие годы уже служит платным агентом КГБ. Вся провокация лопнула, как мыльный пузырь, хотя

следователя чуть было не уволили со службы. Да и заикнуться публично об этой подлости мы не могли: нельзя раскрыть секретного агента КГБ.

И всё же, несмотря на противодействие госбезопасности, наиболее успешное расследование в отношении партийно-мафиозных структур осуществлялось в тот период именно в Узбекистане. Это обстоятельство и побудило Горбачёва на XXVII съезде КПСС самому определить предельные рубежи досягаемости Закона. В Политическом докладе, давая оценку состоянию дел в Узбекистане, он как бы между прочим заметил, что некоторые работники центральных ведомств, в том числе и ЦК КПСС, видели недостатки в республике, но действенных мер не приняли. В переводе с партийного на нормальный житейский язык это означало, что курировавшие Узбекистан мелкие клерки – инструкторы ЦК, работники министерств и ведомств, если потребуется, могут быть привлечены даже к уголовной ответственности. Что же касается высшего руководства, ответственного за социальную трагедию в регионе, то о них, естественно, и речи идти не должно. На Старой площади все прекрасно помнили, что именно Горбачёв был в 1978-1984 гг. секретарём ЦК по сельскому хозяйству.

В отличие от Горбачёва его ближайший соратник Лигачёв действовал более прямолинейно. В последних числах декабря 1985 г. его посетил Генеральный прокурор А. Рекунов и на материалах нашего расследования представил доказатель-

ства коррупции руководства Узбекистана, ряда работников ЦК КПСС и зятя Брежнева Чурбанова. Егор Кузьмич пришёл в ярость, и Гдлян первый раз был отстранён от руководства расследованием.

Полковник КГБ собирает мзду

Совместная работа с КГБ даёт достаточно оснований для того, чтобы судить о нравах таинственного учреждения. А таинственного-то, оказывается, мало. Не раз приходилось убеждаться, что не интересы дела здесь превыше всего, а честь мундира. Ведомственная корысть оправдывает, как известно, любые методы и способы достижения цели.

В частности, бытует мнение, что подразделения КГБ из всех правоохранительных органов наименее заражены коррупцией. Это действительно так. Но даже в такой элитарной семье, как говорится, не без уroda. Однако, если мы время от времени узнаём о судебных процессах над судьями, адвокатами, прокурорами, следователями, работниками милиции, преступившими закон, то сотрудников госбезопасности на скамье подсудимых что-то не видно. Можно, конечно, организовать шумный процесс над агентом, завербованным иностранной разведкой. Что же касается уголовщины, тут всё шито-крыто. А чаще всего руководство тайной полиции стремится попросту не допускать суда над своими подчинёнными.

В течение шестилетнего расследования нам неоднократно приходилось сталкиваться с уголовными фактами в деятельности офицеров КГБ. Но ни в одном случае дело не дошло до суда: этих лиц либо тихо переводили на другой уча-

сток работы, либо увольняли, как начальника УКГБ по Хорезмской области Кубиева. В ходе следствия арестованный нами первый секретарь обкома партии рассказал о получении взятки от Кубиева. Также выяснилось, что этот чекист собирал крупную мзду с председателей колхозов, в отношении которых проводилось следствие по «хлопковым делам», якобы для передачи взяток должностным лицам в Ташкенте и Москве, но деньги присвоил. Некоторые председатели колхозов дали официальные показания. Информация была перепроверена, и мы убедились, что она достоверна.

Доложив об этих материалах своему начальству, мы предложили поручить нашей следственной группе провести дальнейшее расследование в отношении Кубиева. Генеральный прокурор вправе поручить своим сотрудникам расследование любого дела. Однако в просьбе нам отказали и предложили выделить материалы в отдельное производство. Как мы и предполагали, сперва дело оказалось у руководства КГБ СССР, откуда перекечало в Главную военную прокуратуру, затем в прокуратуру Туркестанского военного округа. Кубиева по-тихому уволили, а дело его волокитилось, а точнее, спускалось на тормозах, целых два года. В ходе следствия добились, что председатели колхозов изменили прежние разоблачительные показания, были дезавуированы или поставлены под сомнение другие улики. К концу второго года такого вот «расследования» военные следователи появились в союзной Прокуратуре. Они не скрывали, что дело

идёт на прекращение, а вся загвоздка – в показаниях первого секретаря обкома о получении взятки от Кубиева. Нельзя ли, мол, с ним переговорить, объяснить, что к чему. Получив, естественно, отказ, попросили провести очную ставку. Секретарь обкома продолжал уличать полковника. Так и уехали ни с чем. Тем не менее вскоре вынесли постановление о прекращении уголовного дела. Кубиев так и остался уволенным «за несоблюдение режима секретности и другие упущения по службе».

Только свои ведомственные интересы преследовали чекисты и в деле Х. Яхьяева. В 1964-1979 гг. он занимал пост министра внутренних дел Узбекистана и входил в ближайшее окружение Рашидова. Безрезультатно предпринимались попытки привлечь экс-министра к ответственности. Последний раз в начале 80-х годов его персоной занимались и работники союзной прокуратуры. Но вмешался Рашидов, и собранные на скорую руку материалы о злоупотреблениях Яхьяева на многие годы оказались в пыльных архивах. Нашей следственной группе всё же удалось разоблачить его преступную деятельность. Как позже выяснилось, Яхьяев пытался отслеживать нашу работу, определять её направленность и видел, что кольцо вокруг него сжимается. Он был арестован в августе 1985 г. Убедившись, что доказательств в отношении него собрано более чем достаточно, стал давать подробные показания. Яхьяев был прекрасно осведомлён о взаимоотношениях разных мафиозных кланов, тёмных

делах тех или иных должностных лиц. Сохранив ясную память, в деталях помнил сотни операций, в том числе проводившихся совместно со службами безопасности и другими ведомствами, слабые и сильные стороны своей агентуры, их нынешнее положение. Одним словом, был ценным источником информации, с его арестом расширились рамки расследования, что, естественно, вызывало серьёзное беспокойство в ЦК Компартии Узбекистана. Воспользовавшись ослаблением наших позиций в связи с уже упоминавшимся вмешательством Лигачёва, чекисты тут же договорились с Генеральным прокурором Рекунковым о выделении уголовного дела по обвинению Яхьяева во взяточничестве в отдельное производство и передаче его узбекской службе безопасности. Решение беспрецедентное с точки зрения нарушения всех норм уголовно-процессуального законодательства, известных любому студенту юрфака. Тем не менее, если просит КГБ – как откажет прокуратура! Даже выдавшие виды старые прокурорские служаки ахнули, не в силах скрыть удивление.

Руководство КГБ, пытаясь во что бы то ни стало изъять у нас дело по Яхьяеву, преследовало две основные цели: во-первых, лишить следствие возможности получать информацию от всемогущего ранее министра, а во-вторых, вербовать с его помощью агентуру в системе МВД для ослабления конкурирующего ведомства.

Но вышла осечка. Яхьяев вовсе не горел желанием запи-

саться в агенты тайной полиции. Узнав о решении передать его дело в это ведомство, он написал в заявлении на имя Генерального прокурора Рекункова: «Я категорически возражаю против этого беззакония. Более того, я заявляю, что в случае передачи моего дела в Республику, я откажусь от всех своих показаний и не намерен давать показания кому бы то ни было».

Совершенно резонно Яхьяев настаивал на том, что государственных преступлений не совершал, что дело его КГБ не подследственно. Убедившись в непреклонности позиции арестованного в том, что они не получают от него никакой информации, в КГБ Узбекистана вынуждены были трубить отбой. Генеральный прокурор, облегчённо вздохнув, мгновенно отменил своё незаконное распоряжение.

Разоблачения последних лет существенно поколебали авторитет некогда всемогущего и страшного ведомства, основной деятельности которого всегда были политический сыск и борьба с инакомыслием во имя сохранения власти партийно-государственной олигархии и её идеологии. И всё же КГБ при всех косметических сменах вывесок, удавалось длительное время не только избежать казалось бы неизбежной реорганизации, сохранить весь свой потенциал, штаты, но в определённых сферах даже усиливать свои позиции.

Как щитом, прикрываясь участием в борьбе с организованной преступностью иными словами, узаконив ещё одну несвойственную функцию, умело манипулируя обществен-

ным мнением, элитное ведомство продолжает и сегодня доказывать необходимость сохранения всех своих структур.

Мы рассказали об истоках дела № 18/58115-83, о начале борьбы с региональными мафиозными кланами, в которую верхи первыми бросили в бой чекистов, и, наверное, не ирония судьбы, а печальная закономерность есть в том, что те же верхи поручили тем же чекистам разгром уголовного дела, которое из республиканского переросло в «московское», а затем и в «кремлёвское», и уже явно вышло из-под их контроля. Произошло это уже после скандала на XIX Всесоюзной конференции КПСС.

ШЕФ – ДОКТОРУ: ТУМАН СГУЩАЕТСЯ

Тайник Кулол-бобо

«Белым чистым листом бумаги» именовал себя в первые дни ареста первый секретарь Бухарского обкома партии Каримов, твердивший, что раскаиваться ему не в чем. Довольно скоро, правда, обитатель Лефортовской тюрьмы одумался и начал давать показания. Почти ежедневно от него поступали собственноручно написанные заявления с новыми фактами и обстоятельствами получения взяток. Осознав, что его арест санкционирован наверху, Каримов сменил тактику, пытался выслужиться перед высшим руководством. Одно из его заявлений от 3 сентября 1984 г. написано на имя Генерального секретаря ЦК КПСС:

«Уважаемый Константин Устинович, со мной случилась большая беда. Я арестован Прокуратурой СССР за получение взяток от различных должностных лиц Бухарской области. На следствии я занял твёрдую, принципиальную позицию – говорить искренне, правдиво и чистосердечно обо всём рассказать. Но я считаю своим долгом поставить в известность лично Вас и Политбюро ЦК КПСС об укоренив-

шейся негодной практике в руководстве Узбекистана, о стиле и методах партийного руководства, которые позорят не только нашу родную Коммунистическую партию, но и звание коммуниста...»

Перечислив далее ряд преступных эпизодов, Каримов указал и такой: «...По заданию Ш.Рашидова я был послан в г. Навои к Петрову, директору горно-металлургического комбината, которого я хорошо знал. Мне было поручено передать, чтобы Петров изготовил дамскую сумку из чистого золота, которая нужна Рашидову для подарка высокой особе¹ в Москве. Такая сумка была изготовлена и передана Петровым...»

Своё письмо Каримов заканчивал вполне в духе партийного новояза: «Июньский Пленум ЦК КПСС, другие Пленумы, участником которых я был, со всей чёткостью определили направление политики партии. Я помню Ваши слова на Пленуме и особенно на Вашей встрече с избирателями Куйбышевского района Москвы. Пишу с надеждой, что данные, о которых я Вам пишу, помогут в какой-то мере выявить объективную картину положения дел в республике, очистить ряды партии от случайных попутчиков...»

Рассуждая об искренности, чистосердечном раскаянии, Каримов не уставал повторять, что он – «самый бедный секретарь обкома», что у него не осталось ни копейки, всё, мол, роздал, семья голодает.

---

¹ Речь шла о семье Брежнева. (Здесь и далее примечания авторов).

Но концы с концами не сходились. Расследование преступной деятельности Каримова осуществлялось очень интенсивно. Работу поручили наиболее компетентным и проверенным следователям. Уже в первый месяц мы не только получили массу новых доказательств виновности Каримова, но и установили круг хранителей его капиталов, места, где они были упрятаны. Но мы не спешили. Только неопытный следователь, едва заполучив информацию о спрятанных ценностях, торопится их изъять. В результате действительно можно что-то найти, какую-то часть, но есть риск упустить основное. Поэтому изъятие крупных ценностей требует весьма тщательной подготовки.

Нужно усыпить бдительность, а потом действовать внезапно, одновременно накрыв всю сеть, весь круг хранителей. Начинать акцию можно лишь имея максимум информации. Тем более, мы соблюдали такой принцип: каждому хранителю предлагалось добровольно выдать ценности, и если это происходило, никогда не применяли изоляцию – задержание или арест. Хотя закон допускает такие меры к укрывателям. Рискованно действовали, конечно: ведь хранитель мог выдать не всё, а лишь часть, и такое случалось нередко. И всё же мы выигрывали в главном – в быстроте: ведь основные результаты достигаются, как правило, в первые несколько дней. На проведение таких операций бросали почти все имеющиеся в нашем распоряжении силы и средства. О сроках не знал никто, кроме руководства группы. Вся вновь поступив-

шая информация обобщалась, тщательно анализировалась, перепроверялась. Требовалось найти автомашины, вертолёт, обеспечить видео- и фотосъёмку.

Каримов продолжал изворачиваться, выдвигая всё новые версии, твердил, что беден, как церковная крыса. Причиной была не только патологическая жадность. Большая часть его капиталов находилась у преданного человека по прозвищу Кулол-бобо. Перепрятал ли тот эти богатства после ареста и в каких конкретно местах их хранит – Каримов не знал. Назвать же этого человека у него не поворачивался язык: вдруг тот дрогнет и выдаст всё. Молчал он и о своей жене Мехриниссо и других родственниках, у которых также хранились немалые ценности. Наконец Каримов придумал хитроумную комбинацию, решив пожертвовать частью богатств, чтобы сохранить основные капиталы. Не добившись свидания с родственниками, которым можно было бы передать незаметно записку или шепнуть, как действовать, Каримов решил написать им письмо и нелегально переправить его на волю. Он уже вполне освоился с тюремными порядками и посчитал, что затея осуществима.

Месяца не прошло, не успели ещё высохнуть чернила на письме к Черненко с изъявлениями любви и преданности решениям партийных пленумов, как 15 октября появилось написанное на 4 страницах послание. Оно вместе с начерченной схемой предназначалось жене, сыну и дочери. Каждый из них получил подробные инструкции. Сын Баходир и дочь

Лола должны были поехать к Кулол-бобо: «1820 шт. колец, 30 шт. серёжек, 20 шт. цепочек, 10 шт. браслетов отберите. Сорвите ярлыки. Сложите в мешочек или сахарный мешок и положите сверху 46 000 руб. денег по 25, 50, 100, заверните их в белую тряпку. Плотно заверните всё, пусть вас не смущает вес. Мешок обмотайте полиэтиленовой плёнкой, которую повезёт Баходир. Сделайте всё пакетом, можете 5-10 раз обмотать плёнкой, сверху свяжите в двух местах проволокой и закопайте в том месте, которое я укажу. Баходир пусть посмотрит то место, где будет закапывать. Вы ночью в своём доме всё подготовьте, затем, когда все уснут, пойдите и закопайте. Закопайте там, где я указал на схеме. Я вам объясню. В саду моего отца в гараже, прямо в правом углу выкопайте яму в 70–80 см. Хорошо утопчите, посыпьте сверху саманом, сверху положите три полена дров. Я узнаю по этому признаку, скажу, что сам закопал. В скором времени приеду со следователями, выкопаю и сдам государству. Без этого для меня нет жизни. Если вы это не сделаете, я буду вынужден сдать всё, отобрав у вас. Поэтому вы без страха делайте это дело. Прежде чем меня везти туда, спросят, в чём я и как закопал. Чтобы мои слова и ваши действия не расходились, сделайте так, как я сказал».

Каримов в письме напоминал родственникам, чтобы те обратились к «уважаемым людям», которые выхлопотали бы у высших партийных сановников помилование ему и прощение. В числе лиц, к которым следует обратиться этим «ува-

жаемым людям», Каримов назвал Горбачёва.

Но произошла осечка: прежде чем письмо Каримова попало по назначению, оно побывало в руках следствия. Чтобы избежать утечки информации, написанное по-узбекски перехваченное письмо переводили на русский сотрудники КГБ. Любопытная деталь. Когда мы получили отпечатанный текст перевода, то указанные в письме фамилии Горбачёва и других высокопоставленных лиц были опущены. В этой части текст выглядел так:

«Пусть отправит в ЦК КПСС т. _____ просьбу с описанием моих заслуг. Потому что т. _____ занимается сельским хозяйством, и меня он хорошо знает».

Предусмотрел Каримов и обратную связь. После выполнения его указаний родственники должны были послать ему в продуктовой передаче два граната.

Было решено дать возможность родственникам Каримова получить письмо от главы семьи. Оперативники брали на себя обязательство проследить за его прохождением, последующими действиями родственников Каримова и других хранителей его капиталов. Мы не без оснований рассчитывали получить таким образом немало дополнительной информации, которая позволила бы более обстоятельно подготовиться к началу операции по изъятию ценностей. Через некоторое время оперативники доложили, что родственники выполнили инструкции Каримова: часть ценностей закопана в гараже его отца. Однако, когда мы попросили познакомить

нас со всеми оперативными разработками по этому поводу, чтобы более детально проработать операцию, то получили категорический отказ. И неслучайно. Как позже выяснилось, никакой информации попросту не было. Чекисты с заданием не справились. Организовать наблюдение они либо не сумели, либо не пожелали. О перемещении ценностей судили лишь по двум гранатам, оказавшимся в поступившей Каримову в тюрьму передаче.

Операцию решено было начать 11 ноября 1984 г. Базой её проведения был определён г. Шахрисабз Кашкадарьинской области, в окрестностях которого проживали Кулол-бобо и весь родственный клан Каримова. По договорённости между Генеральным прокурором и Председателем КГБ СССР, которые хорошо помнили, что арест Каримова санкционировал сам Черненко, предполагалась совместная операция двух ведомств, чекисты должны были обеспечивать действия следственной группы Прокуратуры Союза. При обсуждении детального плана уже с конкретными исполнителями из КГБ возникли разногласия. Они настаивали на том, чтобы передать Каримову посылку с условными двумя гранатами, принять от него заявление о «чистосердечном раскаянии», выехать с ним в кишлак Севаз и извлечь то, что он укажет. И всё. Мы категорически возражали. Ну, подыграем Каримову, изыдем часть капиталов, которую он указал, а дальше? Ведь убедившись в том, что он якобы всех обвёл вокруг пальца, Каримов замолчит и надолго. Гораздо перспектив-

нее, считали мы, – провести операцию по изъятию всех богатств партийного босса, а затем выложить козыри на стол. Вот тогда деваться Каримову будет некуда. Нам удалось настоять на своём. Чекисты согласились обеспечить операцию автомашинами, военным вертолётom, выделили сотрудников для охраны ценностей. В 11 утра одновременно по 20 адресам начались обыски. Жену Каримова, его взрослых сына и дочь, Кулол-бобо, двух его сыновей и других хранителей привезли на допросы. Поскольку они отказались выдать укрываемые ценности, а доказательств их вины было в избытке, в течение дня многие были задержаны. Мехриниссо, Баходира, Лолу привезли в Душанбе и препроводили в следственный изолятор. Сюда же из Шахрисабза доставили вертолётom Кулол-бобо и двух его взрослых сыновей. В течение первого дня удалось отыскать и изъять уникальное по значимости доказательство: несколько тетрадей, где рукой Каримова, его жены, сына и дочери записывалось поступление различных партий золотых ювелирных изделий, указывался их вес, проставлялась общая стоимость по тогдашнему золотому курсу.

О том, как проходил обыск в доме отца Каримова, стоит рассказать особо. Поскольку мы прибыли без Каримова, ни в коем случае нельзя было показывать, что нам известно о его письме на волю и о месте, где подготовлены для выдачи ценности. Ибо в противном случае последствия для оперативников и их помощников могли быть самыми неприятными.

ми. Вполне логично договорились не начинать обыск с гаража: ведь тогда и дураку стало бы понятно, что случилось. Специально ещё раз предупредили об этом старшего группы КГБ, работавшей вместе с нами. Договорились ближе к вечеру, обыскивая помещение за помещением, подойти к гаражу и, вроде бы случайно, обнаружить тайник. Так как обыски шли в тот день и в других местах, наши действия не вызвали бы подозрений. Но каково же было наше удивление, когда примерно через час после начала работы, случайно выйдя во двор, мы увидели, что чекисты роют в гараже землю. И всё это происходит в присутствии родственников Каримова, которые знают о тайнике. Спрашиваем старшего группы госбезопасности: в чём дело? Ведь это даже не дилетантизм, а вредительство какое-то. А вдруг, отвечает, пока проводится обыск, кто-нибудь проникнет в гараж с другого двора и выроет ценности. По всему же периметру двора стоит ваша охрана, говорим, всё просматривается, да и гараж из железобетонных плит. Молчит. А его подчинённые тем временем уже извлекли упаковку с драгоценностями.

Трудно отделаться от мысли, что такой непрофессионализм в работе не был случайностью. Дело в том, что руководил группой оперативников один полковник-контрразведчик. Ввиду специфики работы не называем его фамилии, но отметим, что он даже приблизительно не ориентировался в законодательстве, никогда не держал в руках не только уголовного дела, но и уголовно-процессуального кодекса. Зато

был хорошо осведомлён о наших разногласиях с руководством КГБ при разработке плана операции и, в этом позднее не осталось сомнений, получил совсем другие инструкции от своего начальника. Вместе с ним в операции участвовали чекисты из Москвы и Ташкента. Многие из них работали на совесть и немало смогли бы сделать, если бы им не мешали. Так, следователям КГБ, входившим в состав нашей группы, было поручено составление схем, протоколов осмотра и обыска. Московский шеф отменил наше указание. «Наши функции – охрана, а всё остальное – дело прокуратуры», – внушал он подчинённым. И тут же, вопреки собственным директивам, самовольно вмешивался в проведение следственных мероприятий, произвольно снимал охрану с тех или иных объектов. Но мы терпели. Несмотря на все трения, имея поддержку госбезопасности группа могла использовать её людей для организации охраны во время проведения оперативных мероприятий, пользоваться связью и транспортом, в том числе военным вертолётom, видео и фотосъёмкой.

Полковник из КГБ СССР засобирался домой. Изъятие уже известных следствию ценностей Каримова он считал отличным результатом: есть о чём доложить начальству. Посему решил прервать своё участие в дальнейших акциях следственной группы. А пока для столичных оперативников была организована экскурсия по историческим достопримечательностям Шахрисабза – родины Тимура. На другой день

они уже отбывали. Напрасно мы доказывали, что изъята лишь малая часть – достаточно заглянуть в записи Каримова. В ответ слышали только: «Это ваша работа, а мы своё дело сделали». Перед самым их отъездом получаем информацию из Душанбе: наши ребята из группы, которую возглавил один из лучших следователей Бахтияр Абдурахимов, установили, что в гончарной мастерской Кулол-бобо находится тайник, есть данные, что там укрыты немалые каримовские капиталы. Подумали, может не стоит сообщать об этой информации чекистам, раз они завтра всё равно уезжают, управимся и без них, об охране договоримся с подразделениями МВД. Но в интересах дела поступили иначе. Столичный шеф даже подпрыгнул на месте: как, без особых усилий можно взять ещё крупную партию ценностей!? Полковник тут же отменил свою команду «отбой» и, несмотря на все наши возражения и доводы, немедленно ночью отрядил в гончарную мастерскую своих подчинённых. Те рыли-рыли и вернулись ни с чем: как потом выяснилось, копали на расстоянии метра от нужного места. На другой день наши следователи прислали подробные схемы расположения тайников. Вертолётом в Шахрисабз был доставлен Кулол-бобо. Со дна арыков, под деревьями в заброшенном саду, в гончарной мастерской, из стен – откуда только не извлекались каримовские богатства. Молочные бидоны, доверху набитые ювелирными изделиями, асбестовые трубы с упакованными в них золотыми монетами, банки из-под кофе с кольцами и ожерельями.

И всё нужно было описать, пересчитать, сфотографировать, упаковать, сдать под охрану. В течение двух дней значительная часть ценностей была изъята, столичные чекисты вновь заторопились домой. За ними прислали служебный самолёт МВД СССР. Мы сдали под охрану ценности, и оперативники с чувством исполненного долга отбыли в Москву. Они получили награды и повышения в чинах. Кстати, когда в 1989 г. начался разгром дела, аресты родственников и других хранителей каримовских богатств, как и само изъятие ценностей были признаны преступными, использование военных вертолётов и других технических средств – злоупотреблением по службе, то никому из сотрудников госбезопасности никто даже пальцем не погрозил за то, что они принимали самое непосредственное участие в этих самых «преступлениях».

Наша же группа ещё целый месяц продолжала операцию. Удалось изъять ещё многое из преступно нажитых богатств Каримова. Пришлось вернуться и к старым адресам. В Бухаре в доме Кудратова, где в мае 1983 г. узбекские чекисты проводили обыск, обнаружили ещё одну партию золотых монет, которые не нашли в первый раз чекисты. Кудратов приготовил монеты для Каримова, но из-за ареста Музаффарова не успел передать. Дали результаты и раскопки в одном из дальних кишлаков у доверенных лиц Кудратова. Пока шла вся эта кропотливая и изнурительная работа, Генеральный прокурор страны Рекунков и Председатель КГБ СССР Чебриков направили в Политбюро ЦК КПСС информацию

о том, что в ходе совместных мероприятий у Каримова изъято ценностей на десять миллионов рублей. Откуда взялась эта цифра? А с потолка: начальство определило на глазок, да и не считало за грех завысить, приписать. Экспертиза же определила стоимость изъятого в 6 миллионов рублей. Позднее, когда при разгроме дела в адрес следственной группы звучали нахальные обвинения о недостатке нескольких миллионов, следователи угрюмо шутили: «Поскольку Рекунков с Чебриковым изъяли у Каримова 10 миллионов, а суд конфисковал лишь 6, пусть они и вернут каждый по 2 миллиона в доход государства». Потом и сами организаторы травли нашей следственной группы признали вздорность подобных обвинений.

Кликухи

Аресты Музаффарова, Кудратова, Каримова, изъятие крупных ценностей отчётливо обозначили следы, ведущие к покровителям взяточников из партийного штаба республики. Чтобы сохранить первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Усманходжаева, в Москве предпочли пожертвовать несколькими его соратниками, которым предложили подать в отставку в декабре 1985 г. 7 января 1986 г. на пленуме ЦК Компартии Узбекистана все они были освобождены от занимаемых должностей. Оказался в числе опальных и второй секретарь узбекского ЦК Осетров, которому покровительствовал Лигачёв. Они знали друг друга не один десяток лет, были в приятельских отношениях. Осетров многие годы проработал в отделе оргпартрabоты ЦК КПСС, курировал он и Узбекистан. В 1970 г. Рашидов пригласил его на пост первого заместителя Председателя Совета Министров УзССР. Осетров участвовал во всех начинаниях Рашидова, проявил исключительную преданность, был причастен к махинациям, припискам, злоупотреблениям в республике. Короче, был, как говорится, «свой в доску».

16 декабря Осетров пишет заявление об отставке, а спустя 11 дней получает из Москвы от сына Евгения, комсомольского работника, письмо, полное недоумений по поводу случившегося:

«...Очень больно ощущать свою полную беспомощность перед злом и коварством ничтожеств, облечённых властью. Иногда трудно понять, почему твои объективные и абсолютные преимущества (справедливость, авторитет и полная личная непричастность к злоупотреблениям прошлых лет и т.п. в союзе с такой мощной поддержкой в центре (Ю. К.) – оставляет тебя совершенно пассивным.

...Если на твоём заявлении уже резолюция М. С. (миную Ю. К., пока он был в Баку), то, вероятно, трудно что-нибудь изменить даже Ю. К., если он намерен твёрдо следовать своей первоначальной линии.

...Надо заставить И. Б. звонить Ю. К. или М. С. по твоему вопросу!!!» Кто же такие эти таинственные И. Б. и Ю. К.? В сыновнем наставлении содержатся пояснения:

«Для удобства телефонных коммуникаций:

М. С.² – «товарищ»

Ю. К.³ – «доктор»

К. Н.⁴; Г. П.⁵ – «соседи»

И. Б.⁶ – «шеф»

---

² М.С.Горбачёв, Генеральный секретарь ЦК КПСС.

³ Е. К. Лигачёв, секретарь ЦК КПСС (люди из близкого окружения называли его Юрием Кузьмичём).

⁴ К. Н. Могильниченко, заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС.

⁵ Г. П. Разумовский, секретарь ЦК КПСС.

⁶ И. Б. Усманходжаев, первый секретарь ПК компартии Узбекистана.

КПК⁷ – «больница»

Папа (Т. Н.) – «друг»

Мама (М. А.) – «подруга»

Очень плохо – «снег»

Плохо – «дождь»

Средне – «туман»

Нормально – «тепло»

«По ознакомлении – сжечь», как в скверном детективе рекоммендует родителю вожак советской молодёжи. Можно себе представить, как общались домочадцы между собой по телефону. Что-нибудь вроде: «Доктор был в больнице и узнал, что туман рассеивается, скоро пойдёт дождь». И хотя дождь в самом деле сменился хлопьями снега, отпрыск видного партийного деятеля оказался-таки прав в своих расчётах: «доктор» и «соседи» действительно избавили «друга» от тюремной баланды.

Правда, стоило это им немалых трудов. Горбачёв игнорировал информацию руководства союзной Прокуратуры о доказательствах виновности Осетрова. Лишь наше обращение к Ельцину помогло сдвинуть дело с мёртвой точки. На заседании Политбюро Лигачёв не решился открыто выступить в защиту Осетрова, и 13 декабря 1986 г. тот был арестован. Как это уже было и раньше, исполнить волю Политбюро поручили сотрудникам КГБ. С того самого момента санов-

---

⁷ М. С. Соломенцев, председатель Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС, в то время часто болевший.

ный обитатель специзолятора № 4 МВД СССР стал объектом пристального внимания обитателей особняка на Старой площади. Ещё бы, осетровские откровения на следствии многим грозили крупными неприятностями. Но Осетров прекрасно знал, какие силы на самом верху вступили в борьбу за него. И потому молчал. Или отрицал любые факты, лгал, изворачивался. Когда же его уличали во лжи, придумывал новые версии.

В ЦК КПСС чуть ли не ежедневно интересовались, какую позицию занимает Осетров. Звонили инструкторы, заведующие отделами и их заместители. Зашевелились, забегали все эти «соседи», «доктора» и «больница». Жена Осетрова Мария Аркадьевна («подруга») побывала на приёмах у Соломенцева, Лигачёва, Могильниченко. Лигачёв заверил её, что намерен поставить вопрос об освобождении Осетрова на Политбюро: крупных ценностей, дескать, не нашли, сам он не признаёт свою вину, мы товарища знаем только с хорошей стороны и т. д. ЦК КПСС через отдел административных органов предложил Генеральному прокурору Рекункову лично изучить материалы дела, встретиться с Осетровым и другими лицами, его изобличившими, представить письменное заключение.

Порой казалось, что не Прокуратура СССР ведёт следствие, а ЦК КПСС. Мы не успевали писать справки начальству, которое готовило документы на Старую площадь. Все сбились с ног. 10 февраля 1987 г. Рекунков побывал в след-

ственном изоляторе, где допросил Осетрова и некоторых подследственных. Беспрецедентный, можно сказать, случай, когда руководитель столь высокого ранга, как Генеральный прокурор, лично занимался взяточниками. Но дело всё в том, что были они не заурядными хапугами, а весьма высокопоставленными мздоимцами.

Наконец 12 февраля 1987 г. с грифом «секретно» в ЦК КПСС поступила подробная информация по делу Осетрова. Читатели книги имеют возможность первыми познакомиться с этим любопытным во всех отношениях документом, вышедшим из потаённых недр первого спецотдела Прокуратуры. В нём, в частности, отмечается: «Осетров в период работы заведующим сектором отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров УзССР и вторым секретарём ЦК Компартии Узбекистана в 1967-1985 гг. систематически получал взятки от подчинённых и зависимых лиц за положительное решение различных вопросов в интересах взяткодателей, покровительство и поддержку в работе». Перечислив лиц, передававших ему взятки, и конкретные обстоятельства этих эпизодов, Рекунков отметил, что о получении от Осетрова взятки в сумме 25 000 руб. сообщил и вновь арестованный Чурбанов.

Далее Генеральный прокурор СССР даёт краткий анализ позиции Осетрова на следствии:

«Осетров отрицал свою преступную связь с кем-либо из

названных лиц, выдвигая различные версии по поводу своей невинности. Когда доводы обвиняемого были опровергнуты, Осетрову было предложено самому встретиться на очных ставках с изобличающими его лицами. С 19 декабря 1986 г. по 9 февраля 1987 г. Осетрову было проведено 14 очных ставок. Убедившись, что показания изобличающих его взяточдателей основаны на глубоком раскаянии и повлиять на них Осетрову не удаётся, он выдвинул в свою защиту новую версию. По утверждению Осетрова, эти лица дали клеветнические показания в отношении него по преступному сговору, организованному, якобы, бывшими первыми секретарями Бухарского и Каракалпакского обкомов партии Каримовым и Камаловым, а также бывшим Председателем Совета Министров Узбекской ССР Худайбердиевым.

И этот довод Осетрова был опровергнут следствием не только показаниями обвиняемых и свидетелей, но и документально.

В силу ряда причин указанные Осетровым лица физически не могли подговорить взяточдателей дать в отношении него ложные показания, так как Каримов был арестован 11 августа 1984 г. и находился в строгой изоляции, Камалов практически до ареста проживал за рубежом, а Худайбердиев не мог встречаться с другими бывшими руководителями, изобличающими Осетрова, после его ареста. Многие взяточдатели Осетрова не знакомы между собой, не встречались в ходе расследования и сами несут уголовную ответственность

за дачу ему взятков.

В связи с заявлением Осетрова о его невиновности мною лично были изучены материалы уголовного дела по его обвинению, просмотрены видеозаписи показаний некоторых его взяткодателей и допрошены бывшие первые секретари обкомов партии Худайбергенов и Камалов, которые полностью подтвердили свои показания. 10 февраля 1987 г. мною был произведён допрос Осетрова, в процессе которого я убедился в неискренности его поведения. Претензий к объективности расследования обвиняемый не имеет.

Анализ собранных по делу доказательств не вызывает сомнений в виновности Осетрова в систематическом взяточничестве. Учитывая его прежнее высокое должностное положение и тяжесть совершённых им преступлений, а также необходимость производства многочисленных следственных действий с его участием в условиях изоляции, считаю дальнейшее содержание Осетрова под стражей обоснованным».

После подобной информации покровителям Осетрова только и оставалось, что на время поутихнуть. Вконец завравшийся Осетров также изменил тактику поведения, вообще отказавшись давать какие-либо показания. Впервые это произошло в Лефортово, куда он был доставлен для очной ставки с Чурбановым. Ход очной ставки фиксировался на видеоманитофонную ленту. Когда Чурбанов стал рассказывать о получении в 1979 г. от Осетрова 25 000 рублей в Ташкенте, Осетров демонстративно закрыл уши пальцами.

Вернее, только сделал вид, на самом деле, как свидетельствует видеозапись, внимательно слушал. На всех последующих допросах он не произносил ни слова. Только регулярно строил жалобы Горбачёву, Лигачёву, Соломенцеву, Чебрикову, Лукьянову, Терехину. Все его мольбы о помощи неизменно вручались адресатам. Но те до времени помалкивали.

В мае 1987 г. Осетрову было предъявлено обвинение в получении 52-х взяток на общую сумму 1 002 298 руб. Но и оно не поставило точки в карьере видного партийного деятеля, о котором не забыли высокие покровители со Старой площади. Чего только не предпринималось. Например, весной 1987 г. на процессе Каримова подсудимый подробно рассказал о даче им взятки Осетрову. Однако Верховный суд СССР отказался рассматривать этот эпизод, давать его правовую оценку. Больше нелогичности трудно себе представить: ведь в аналогичных ситуациях на том же процессе оценки подобным эпизодам давались сразу. Понятно, кто закрывал глаза Фемиде – судебный процесс строго контролировался ЦК КПСС и не зря: ведь Каримов обличал не только Осетрова, но и других действующих и преуспевающих функционеров.

И снова зашустрили работники союзной прокуратуры, изучая в который уже раз доказательства виновности Осетрова. И снова в ЦК КПСС потекла информация по делу Осетрова от заместителей Генерального прокурора О. Сороки, А. Катусева, А. Васильева, Н. Баженова. И снова спешат

с докладами в ЦК КПСС Генеральные прокуроры СССР Рекунков и сменивший его А. Сухарев. Но вывод, вот упрямый народ – эти прокурорские чины! – тот же: доказательств виновности Осетрова в систематическом взяточничестве предостаточно, оснований для освобождения его из-под стражи не имеется.

Но грош цена всей этой прокурорской беготне, если следствие ведут знатоки со Старой площади. Весной 1989 г., когда по решению Политбюро ЦК КПСС начался разгром уголовного дела № 18/58115-83, дождался своего часа и Осетров. Уже 30 мая его освободили из-под стражи, а когда шум вокруг творимого беззакония несколько поутих, в конце года прекратили и уголовное дело. Прокуратуре СССР осталось только принести Осетрову извинения за якобы незаконное привлечение к уголовной ответственности. КПСС вновь открыла объятия блудному сыну, восстановив его в своих рядах и премировав персональной пенсией. Короче, «снег» прошёл, и стало куда как «тепло».

Зачем кашлять три раза подряд

В этой главе мы знакомим читателей с фрагментами переписки подследственных, их родственников. В таких письмах, коротеньких записочках, тщательно скрывающихся от следствия, проступают раздумья, истинные цели и намерения, которые на допросах приходится выуживать в завалах лжи и запирательства.

Вот ещё один такой документ:

Учреждение ИЗ-48/4 МВД СССР

Прокуратура Союза ССР

28.04.89 г. № 6/12/56-131

Направляем записку, исполненную следственно-арестованным Илиада Яковом Александровичем, которая 19 апреля 1989 г. была переброшена в соседний прогулочный дворик.

Приложение: записка на 1 листе.

Начальник Учреждения

ИЗ-48/4 МВД СССР

В. И. Пухарев

Начальник спецчасти С. Д. Фокин

«Турсун Умарович! Я написал жалобу, в которой подробно и правдиво изложил о незаконных методах, которыми

Иванов вымогает лживые угодные ему показания. 25-26 со мной будут беседовать. В 1987 г. в мае тоже писал я жалобу, но тогда Вы не сказали правду ответработникам из ЦК КПСС и этим лишили объективного расследования дела. Если Вы согласны сказать правду, с Вами побеседуют, если не согласны, то я на Вас не буду ссылаться. О своём решении сообщите: если согласны – прокашляйте три раза подряд».

Чтобы уразуметь значение этого таинственного троекратного прокашливания, читателю придётся запастись некоторым терпением.

Первый секретарь Каршинского горкома партии Илиади – человек изворотливый и лживый – был к тому же на редкость трусливым. Вызванный на допрос 19 января 1985 г. он, убедившись, что следствию немало уже известно, написал заявление и дал развёрнутые показания о взятках первому секретарю Кашкадарьинского обкома партии Гаипову и о фактах посредничества в передаче Гаипову взяток на сотни тысяч рублей. Для продолжения допроса он был обязан явиться к следователю через два дня. Однако, захватив с собой более 150 000 руб., припрятав другие ценности, Илиади скрылся. И лишь 25 октября 1985 г. после продолжительного розыска был задержан в г. Пушкино Московской области. Размазывая по лицу «слёзы раскаяния», он не только рассказал о новых фактах взяточничества, но и назвал места сокрытия им ценностей в Ташкенте, Крымской области и г. Пушкино. Там и были изъяты 150 000 руб., 400 золотых монет и другие

ценности.

Илиади, однако, быстро «раскаялся»: вот лопух, отдал капиталы. Это обстоятельство лишило его сна и покоя, заставило выдумывать одну версию нелепее другой, лишь бы убедить следствие, что богатства нажиты честным путём. Благоприятная обстановка сложилась, по его мнению, весной 1987 г. Илиади удалось наладить связь с волей и выяснить, какое недовольство вызвал в партийных органах арест Осетрова, какие предпринимаются меры для того, чтобы выручить его из тюрьмы. В феврале 1987 г. проводилась очная ставка, на которой Илиади подтвердил вручение Осетрову взятки в сумме 8 000 руб. Он понял позицию Осетрова – всё отрицать. Тогда Илиади решил воспользоваться моментом. При свидании попросил жену написать от его имени жалобу Горбачёву о том, как «честного» человека вынудили дать ложные показания о даче взяток Осетрову, Смирнову и некоторым работникам ЦК КПСС.

Читатели хорошо знают, каково добиться восстановления справедливости в нашей стране. Сотни тысяч людей, прибывавших с челобитными в Москву, годами обивали пороги разных ведомств. Много ли они припомнят случаев, чтобы на Старой площади по первому же сигналу создавалась комиссия ЦК и немедленно начиналась проверка? В данном же случае реакция оказалась мгновенной. Письмо без проволочек легло на стол Горбачёва, который тут же дал поручение КПК и отделу административных органов сформировать

комиссию ЦК и провести проверку. Такое впечатление, что на Старой площади просто ждали – не дождались сигнала о «незаконных методах» следствия. А Илиади старался вовсю, он видел в членах комиссии союзников, да те и не скрывали особо своих намерений. Казалось, ещё немного – и он будет дома. А дальше уже дело техники: кого подкупить, кого припугнуть, чтобы окончательно уйти от ответственности. А опыт у Илиади имелся. В молодости ему уже пришлось посидеть в тюрьме по «мокрому» делу, но удалось выкрутиться, а за убийство были осуждены другие...

Коварный Илиади не учёл самую малость: нравов, царящих в роскошных партийных кабинетах. Увы, его судьба мало занимала цековскую комиссию. В той политической игре он был всего лишь пешкой. Комиссии нужно было совсем другое: остановить расследование, освободить Осетрова, обезопасить от разоблачения других крупных функционеров. Изучение материалов дела Илиади убеждало: его виновность во взяточничестве доказана бесспорно, он был нужен проверяющим не более как временный союзник.

Какой только компромат на следственную группу ни собирала комиссия ЦК КПСС, но всё без толку. В числе других документов по делу нам удалось сохранить фотокопию докладной записки в Политбюро от 31 мая 1987 г., подписанной заведующим отделом административных органов И. Савинкиным и заместителем Председателя КПК И. Густовым. Мы впервые знакомим читателей с этим документом, где с

некоторым даже сожалением констатируется:

«Состоялись также беседы с подследственными – бывшими первыми секретарями Каракалпакского и Хорезмского обкома партии Камаловым К. К. и Худайбергеновым М. Х., первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета республики Орловым Г. М. и управляющим делами ЦК КП Узбекистана Умаровым Т. У., которые дают показания о даче взяток отдельным работникам ЦК КП Узбекистана и ЦК КПСС. Эти лица признают себя виновными во взяточничестве, утверждают, что говорят правду, и отрицают какое-либо воздействие на них со стороны следователей, в том числе т.т. Гдляна и Иванова. В такой ситуации сделать однозначный и твёрдый вывод о том, имело ли место понуждение Илиади и других обвиняемых к оговору работников ЦК КП Узбекистана и ЦК КПСС, не представляется возможным».

Интересный вывод, не правда ли? Раскаявшиеся функционеры изобличают своих сановных покровителей из ЦК КПСС, а в резюме комиссии нет даже намёка на то, какие же меры следует предпринять к означенным высокопоставленным мздоимцам. Ну, хотя бы пожурить малость, на худой конец. Вполне в духе той «социалистической законности», которая насаждалась кремлёвской верхушкой. Вовсе не случайно комиссия предпочла не встречаться с остальными подследственными, которые также изобличали Осетрова и других московских покровителей: ясно, что обвиняе-

мые будут стоять на своём, а значит, дальнейшее «партийное следствие» создаст ещё более щекотливую ситуацию.

И ещё один вывод из докладной записки в Политбюро: «Считаем необходимым поручить Генеральному прокурору СССР т. Рекункову А. М. тщательно проверить все сигналы о нарушении законности в деятельности следственной группы в Узбекистане и принять по результатам необходимые меры. Обеспечить должный контроль за работой этой группы, а также рассмотреть вопрос об укреплении её руководства. На этом полагали бы возможным рассмотрение письма от имени Илиади Я. А. закончить».

Вот ведь как! В ходе проверки убедились лишь в коррупции своих московских коллег, не установив ничего по части «нарушений законности», а руководство группы всё же рекомендуют укрепить, то есть попросту заменить. И не воспринимается ли руководящее указание «тщательно проверить все сигналы», как напутствие на поиски нового компромата на следственную группу?

А что же Илиади? Ему товарищи по партии порекомендовали сидеть и дальше. Поняв, что снова попал впросак, он предался бурным раскаяниям. Вот что говорится в адресованной ЦК КПСС докладной записке заместителя Генерального прокурора А. Кактусева 8 августа 1987 г. .:

«В целях соблюдения объективности расследования допросы обвиняемого Илиади было предложено производить старшему следователю прокуратуры Челябинской области

Полякову Е. Ф., который ранее не работал в следственной группе Прокуратуры Союза ССР. На последующих допросах Илиади подтвердил ранее данные показания и сообщил, что всем названным им руководящим работникам он действительно давал взятки. Направление жалобы на действия следователей и изменение им показаний Илиади объяснил тем, что рассчитывал на поддержку лиц, получавших от него взятки и продолжающих занимать ответственные должности. Так, на допросе 10 июля 1987 г. Илиади заявил: «Прошу поверить, что в этом подлом поступке я глубоко раскаиваюсь, мне стыдно смотреть в глаза оклеветанным следователям... За это время я сумел полностью переосмыслить свою жизнь и мне очень стыдно перед партией, перед народом, перед правосудием, которые оклеветал, перед комиссией ЦК КПСС, которую обманул». Илиади не только подтвердил свои прежние показания, но и сообщил новые факты дачи взяток, а также высказал намерение выдать для обращения в доход государства дополнительно 200 000 руб. и 71 золотую монету. Показания Илиади тщательно проверяются. Каких-либо нарушений закона в отношении Илиади не допускалось».

Пришла весна 1989 г. По решению Политбюро началось самое крупное вмешательство в расследование дела, завершившееся его полным разгромом. Новую партийную комиссию возглавил Председатель КПК при ЦК КПСС Б. Пуго. Мы в категорической форме отказались признавать эту ан-

тиконституционную комиссию, представлять ей какие-либо следственные документы. Прежде чем перерасти в публичный скандал, в течение некоторого времени шла тихая «кабинетная война». Её стратеги начали развал дела руками самих работников правоохранительных органов и, в первую очередь, внедрённых в группу следователей госбезопасности. Те сразу же вспомнили об Илиади. Во второй половине апреля 1989 г. следователь Ставропольской прокуратуры В. Кравченко, работавший по делу Смирнова в Лефортово с группой сотрудников КГБ и уже завербованный ими, нелегально встретился в следственном изоляторе № 4 с Илиади. Разговор шёл откровенный. Кравченко сообщил о создании комиссии Пуго, о том, что на этот раз Гдляну и Иванову придёт конец, а у Илиади есть шанс освободиться, если он будет сотрудничать с комиссией ЦК и КГБ, окажет им помощь в сборе компромата на руководителей следственной группы и изобличении их в нарушении соцзаконности. Кравченко предложил подготовить соответствующее заявление и предупредил, что 25-26 апреля его вызовут в Лефортово к полковнику КГБ А. Духанину.⁸

Столь откровенное предложение охраны повергло в изумление даже выдавшего виды проходимца. Илиади заметался. Он уже столько дров наломал, что было трудно на что-нибудь решиться. А вдруг всё сложится совсем иначе. Вот

---

⁸ В настоящее время генерал Духанин занимает высокий пост в Министерстве безопасности России (ныне Федеральная служба контрразведки)

и Гдяна только что избрали народным депутатом СССР, в газетах сообщали, что в народные депутаты баллотируется в Ленинграде Иванов. Тут всё надо взвесить. Вот почему Илиади решил действовать более осторожно и для начала как следует «прокашляться». И не в одиночку, а поискать союзника среди других подследственных. Так родилась мысль наладить контакт с Умаровым, бывшим управляющим делами ЦК КП Узбекистана, одним из крупных посредников Рашидова во взяточничестве. В своё время раскаявшийся Умаров по состоянию здоровья был освобождён из-под стражи, хотя следствие в отношении него продолжалось. Местная мафия вынудила Умарова отказаться от прежних показаний. Заручившись поддержкой верхов, он стал регулярно нарушать подписку о невыезде, противодействовал расследованию. В итоге вновь был взят под стражу.

В своей записке Илиади намекает, что следственную группу опять проверяют высокие ревизоры из ЦК КПСС, и если Умаров согласен вновь всё валить на следствие и выгораживать себя, то с ним тоже побеседуют. Надо только «прокашлять три раза подряд».

И снова Илиади прокашлялся понапрасну. Записка была изъята администрацией следственного изолятора и с большим опозданием, лишь 28 апреля передана следствию. Вот тогда мы и узнали о нелегальной встрече Кравченко с Илиади, о том, что 26-27 апреля 1989 г. его втихаря вывозили в Лефортовскую тюрьму.

Документ, в котором Илиади собственноручно описал свой «визит» к чекистам, нам также удалось сохранить при разгроме следственного дела. Приведём следующий отрывок.

«26 апреля меня в 3 или 4 часа отвозили в КГБ СССР и после полугода-двухчасового ожидания вызвали в кабинет к полковнику Духанину (как он представился), который попросил меня рассказать, за какие преступления я сижу... После этого разговор перешёл на Смирнова В. И. Духанин спросил, с какого времени я его знаю и при каких обстоятельствах с ним познакомился... Духанин спросил, какие взаимоотношения были у меня со Смирновым и передавал ли когда-нибудь ему взятки. Я ответил, что никаких денег ему не передавал. После этого Духанин спросил меня, а почему же тогда в первичных показаниях я показал, что якобы давал ему взятки. Я пояснил, что считал при даче таких показаний мне срок наказания будет меньше, но потом я извинился перед следствием и отказался от этого показания. Меня отправили в изолятор, а на второй день в 9-10 часов опять повезли в КГБ и продержали до 16-ти часов в «стакане»⁹. Там я пообедал, и мне измерили давление, которое повысилось до 170. Врач дал мне выпить порошок и под язык валидол. С 6-ти часов до 8-8.30 я был у Духанина...»

Илиади на всякий случай заложил и Кравченко, и Духанина, подробно рассказал, как Духанин убеждал его отказаться

---

⁹ Железобетонный отсек, площадь которого составляет 1 кв. метр .

от показаний о даче взятки работникам ЦК КПСС, требовал изобличать руководителей следственной группы в нарушениях законности.

А скандал разгорался уже публичный, подследственных, не таясь, начали таскать на обработку в тюрьму КГБ, иногда нескольких сразу в одной машине. Наиболее упорным делали соответствующие инъекции. Впрочем, об этом писалось уже немало. Главного чекисты добились: все взяточники вдруг, в одночасье «вспомнили», что они честные люди, а преступления совершали следователи. Высокопоставленные преступники уходили от возмездия, другие, рангом пониже, отправлялись за решётку. В их числе и хитроумный Илиади.

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ГЕНСЕКОМ

Бороться с вредителями всех сельхозкультур

Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Горбачёву М. С. от члена партии, бывшего первого заместителя Министра внутренних дел СССР Чурбанова Ю. М.

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Решениями XXVII съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК намечена и претворяется в жизнь стратегическая линия партии по всесторонней перестройке нашего общества, в том числе политической перспективы в области воспитания и подготовки кадров во всех звеньях управления. Январский Пленум ЦК КПСС с особенной чёткостью и детализацией конкретизировал главные направления по этим давно назревшим ключевым вопросам.

Я отчётливо понимаю и осознаю всю полноту ответственности за совершённые лично мною преступления, выразившиеся в систематическом взяточничестве, не хочу при этом

ссылаться на обстановку, царившую в то время, и готов нести любое наказание. Мною на следствии занята позиция рассказать только правду и действительное положение дел. Я буду всячески содействовать следствию и в дальнейшем по этим вопросам, и не хочу, чтобы взяточничество впредь повторялось, особенно в Узбекистане, где мне неоднократно приходилось бывать за последние десять лет. Как коммунист и гражданин я не могу оставаться равнодушным и безучастным к тому, что происходило в Узбекистане во время Рашидова и абсолютно ничего не изменилось и в настоящее время при Усманходжаеве.

Усманходжаева я знаю достаточно хорошо, чтобы сказать о его личности. На пленумах и различного рода совещаниях, проводимых в республике, Усманходжаев с трибуны громко ратует и поддерживает крупномасштабные мероприятия по перестройке, а на самом деле трескотня, пустая говорильня, показуха и система преподношений «нужным людям»...

Пытаясь завязать знакомства и на всякий случай заручиться моей поддержкой, Усманходжаев осенью 1979 и 1982 гг. в качестве взятки передал мне около 75 тыс. руб. Я получил также от Худайбердиева в 1982 г. – 50 тыс. руб., Осетрова в 1979 г. – около 40 тыс. руб., Салимова в 1979 г. – около 40 тыс. руб., Есина в 1982 г. – около 40 тыс. руб., Мусаханова в 1982 г. – около 30 тыс. руб. Умаров, бывший управляющий делами ЦК КП Узбекистана в 1979 г., вручил мне более 100 тыс. руб. от Рашидова. И вот этот человек, Усманходжа-

ев, в настоящее время возглавляет крупную партийную организацию Узбекистана. Все они давно потеряли партийную совесть, являются дельцами, карьеристами и взяточниками, насаждающими принципы, не совместимые с нормами партийной морали и этики.

Особенно меня поразило и возмутило, что Усманходжаеву – этому прогнившему человеку – была предоставлена высокая трибуна на январском Пленуме ЦК КПСС. Мне неизвестно, о чём говорил Усманходжаев на Пленуме, но, хорошо зная его, я прошу Вас, Михаил Сергеевич, – не верьте ни одному его слову и клятвенному заверению. Этот приспособленец кроме вреда ничего не принесёт, и ему не место в рядах Партии. Моё обращение к Вам, Михаил Сергеевич, вызвано исключительно тем, что, раскаиваясь в совершённом мною преступлении, признавая свою беспринципность и безответственность, честно и правдиво докладывая на следствии обстоятельства и эпизоды моих противоправных действий, я хотел бы способствовать в какой-то мере искоренению этих чуждых и вредных нашему народу явлений в Узбекистане и других местах, которые мне приходилось посещать по службе.

С уважением Ю. Чурбанов.

6 февраля 1987 г.

Все мы родом из тоталитаризма. И когда идёт речь о новой генерации человека, названной «хомо советикус», то име-

ется в виду особый тип сознания с перевёрнутыми представлениями о нравственности, чести, порядочности. Десятилетиями в наши головы вдалбливались понятия о «социалистической демократии», «социалистическом гуманизме», особом советском образе жизни. В результате расплодились удивительные нравственные мутанты. Неуёмная жажда высокопоставленных уголовников, схваченных за руку, показаться своему главарю, Генеральному секретарю ЦК КПСС – один из любопытнейших аспектов уголовного дела № 18/58115-83, уникального и по выявленным масштабам коррупции, и по должностному положению лиц, привлечённых к уголовной ответственности, и по количеству изъятых у партийных боссов ценностей, исчисляемых десятками миллионов рублей. Суть в том, что по делам о взяточничестве, а это сложные, труднодоказуемые преступления, лишь 30-40 процентов привлечённых к ответственности раскаиваются в содеянном, да и то потому, что в своём большинстве они были взяты с поличным. Такова статистика по стране. В деле, расследование которого вела наша группа, с поличным взяли одного Музаффарова, а признательные показания давали 57 из 62 арестованных функционеров, то есть 92 процента. Причина не только в грамотной, квалифицированной работе наших следователей, но и в личности обвиняемых, их психологии. Трудно, вероятно, найти в мировой практике другое такое уголовное дело, доказательства по которому с исчерпывающей полнотой содержатся в обращениях к лидеру

какой-то политической организации. Невероятно, но тем не менее – факт. Давайте почитаем документы.

«Вся наша партия и весь Советский народ целиком и полностью одобряет и поддерживает курс партии, выработанный на XXVII съезде, и решения недавно прошедшего январского Пленума ЦК КПСС «О перестройке и кадровой политике партии», – почти одновременно с Чурбановым информировал Генсека в феврале 1987 г. бывший первый секретарь Каракалпакского обкома партии сват Рашидова Каллибек Камалов. – «После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС в нашей стране достигнуты огромные успехи во всех отраслях народного хозяйства по переводу его на индустриальные рельсы. Ярko видна большая и принципиальная работа ЦК КПСС в кадровой политике, в утверждении ленинских норм партийной жизни...

С первого же дня после ареста я стал на путь честного признания своих ошибок, дал следствию правдивые и честные показания, рассказал и о том, что получал взятки, общая сумма которых составляет 1 300 тысяч рублей, часть из этих денег добровольно без какого-либо принуждения сдал следственным органам. Часть полученных мною взяток я передал вышестоящим руководителям. Это – бывший первый секретарь ЦК КП Узбекистана Рашидов Ш. Р. – 350 тыс. руб.; нынешний первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Усманходжаев И. Б. – 100 тыс. руб.; бывший второй секретарь ЦК КП Уз. Осетров Т. Н. – 20 тыс. руб. Прихо-

дилось также давать взятки и другим работникам: Салимову А. У. – бывшему Председателю Президиума Верховного Совета УзССР, Худайбердиеву Н. Д. – бывшему Председателю Совета Министров УзССР, Абдуллаевой Р. Х. – секретарю ЦК КП Уз., Айтмуратову Е. А. – бывшему секретарю ЦК КП Узбекистана. Работникам ЦК КПСС – Смирнову В. И., Могильниченко К. Н., Истомину Б. Н., Ишкову М. Л. ...

В этой трагедии в нашей республике главная вина ложится, конечно, на Рашидова, но вместе с тем, его линию на явные приписки хлопка и взяточничество продолжает нынешний первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Усманходжаев. Он с трибуны Пленумов ЦК КПСС и XXVII съезда партии выступает как честный ленинец, а на самом деле он после Рашидова является главным организатором всех негативных явлений в республике.

К примеру, взять 1983 год – по его требованию во всех областях УзССР допускались крупные приписки в заготовке хлопка. Когда на полях не оставалось ни единого грамма хлопка, он потребовал показывать в сводках сбор и заготовку несуществующего хлопка-сырца. Именно в 1983 г. после смерти Рашидова допущена самая большая приписка. О том, что на полях не осталось хлопка, он знал, однако продолжал от нас требовать данные о выполнении дополнительного задания по заготовке хлопка, которые мы вынуждены были выполнять. Вы хорошо знаете сельскохозяйственное производство, разве можно было в условиях того года выполнить

план и дать Родине 6 млн. тонн хлопка-сырца? Об этом знают и стар и млад в нашей республике. Кто толкал на преступный путь, к припискам хлопка? Это он – Усманходжаев. Он также без зазрения совести получал взятки. Я уже говорил выше, что мною лично передано ему 100 тыс. руб. Именно Усманходжаев является одним из главных виновников развала экономики и нравственного разложения кадров республики. Поэтому он, в период революционной перестройки нашего общества, не имеет морального права быть партийным вожаком, первым секретарём ЦК КП Узбекистана. Его место среди нас, он должен, как и мы, ответить перед народом и партией за свои преступные действия. Выступать с трибун, приспособиваясь к современной обстановке, сваливать собственные преступления на других, это дело неискреннего человека...

Привлечение к уголовной ответственности меня и других бывших первых секретарей обкомов партии и даже второго секретаря ЦК КП Узбекистана Осетрова без привлечения основного виновника всех неблагоприятных деяний Усманходжаева было бы половинчатым решением...

Прошу Вас поверить, что я Вам искренне сообщаю правду о преступной деятельности Усманходжаева. Только тогда, когда он будет снят с должности, народ Узбекистана поверит, что существует правда и справедливость, ещё больше укрепит его веру в партию, её Центральный Комитет...»

А вот бывший Председатель Совета Министров УзССР

Худайбердиев, коротая досуг в «Матросской тишине», прежде чем сообщить своему Генсеку о собственном мздоимстве, активно включился в подготовку очередного Пленума ЦК КПСС. Убористым почерком на 33 листах он изложил свои соображения и рекомендации по этому поводу Горбачёву 24 июня 1987 г. .:

«...Из газет известно мне о том, что в стране идёт подготовка к очередному Пленуму ЦК КПСС, на котором будут обсуждаться важнейшие вопросы экономической стратегии партии. Я вижу, что идут дискуссии и споры, намечаются пути наиболее оптимального развития нашей экономики, всех сфер управления, чтобы наше общество ускоренными шагами в свете решений XXVII съезда КПСС продвигалось вперёд. Это не может оставить меня равнодушным, и поэтому решил обратиться к Вам и высказать свои соображения по некоторым принципиальным вопросам. Конечно, сейчас я нахожусь в тюрьме и уже скомпрометирован в глазах общества. Я искренне желаю, чтобы на допущенных мною и другими руководящими работниками республики ошибках учились другие, чтобы негативные явления в Узбекистане были окончательно искоренены и исчезли. Для этого я не пытаюсь выгораживать себя и считаю, что своим поведением на следствии сумел это доказать. Я не только рассказал обо всех случаях взяток, но и добровольно выдал в доход государства крупные ценности в сумме 514 тысяч рублей, которые у меня имеются. С момента ареста, ещё не зная, какими данны-

ми располагает обо мне следствие, никто меня не изобличал, я сам с первых часов допроса стал на путь чистосердечного раскаяния, добровольно рассказал и письменно написал органам прокуратуры о своих преступлениях с тем, чтобы помочь до конца раскрыть истинную картину взяточничества, коррупции, угодничества, которые сложились в Узбекской ССР».

Подробно изложив факты получения им взяток от 36 должностных лиц, рассказав о даче им самим взятки Рашидову, Усманходжаеву, Смирнову, Чурбанову, Осетрову, работникам ЦК КПСС Ишкову, Истомину, некоторым союзным министрам, выразив недоумение, почему эти лица не только не привлечены к уголовной ответственности, но и продолжают свою руководящую деятельность, Худайбердиев посоветовал Горбачёву «...обратить внимание на следующие вопросы:

- Произвести инструментальный обмер всех засеваемых площадей.

- Возможности всех научных учреждений (их около 40), хозяйств и сельхозорганов переключить на решение комплекса вопросов, связанных с ликвидацией вильта хлопчатника, иначе из-за этой болезни отечественное хлопководство резко уменьшится в количественном и ухудшится в качественном отношении.

- Окончательно решить вопросы борьбы (в комплексе) с сельхозвредителями всех культур.

– Потребовать от системы химической промышленности производства необходимого количества ядохимикатов, гербицидов, дефолиантов с малым содержанием токсичности.

– Специализацию и концентрацию продолжать и довести до конца.

– Кормопроизводство вести таким образом, чтобы потребности всех видов скота и во всех хозяйствах обеспечить в основном за счёт собственного производства.

– Картофель сажать там, где возможно получать высокие урожаи, а остальную часть для обеспечения потребности населения завозить из других республик страны...»

Изложив ещё множество подобных рекомендаций, Худайбердиев завершил своё обращение следующим образом:

«...Уважаемый Михаил Сергеевич! Мне хочется лично искупить свои ошибки перед партией, народом и Вами лично. Я буду для этого делать всё возможное, что в моих силах. Мне хочется верить, что Вы поможете не только нашей республике, но и всем оступившимся руководителям, которые попали в эту трясины.»

Многих пришлось бы вытаскивать Генсеку из трясины. Того же секретаря ЦК КП Узбекистана по сельскому хозяйству Айтмуратова. Не докучая Михаилу Сергеевичу советами по комплексной борьбе с сельхозвредителями, но лично зная Горбачёва по совместной работе, он в письме от 4 октября 1987 г. рассказал своему бывшему куратору о том, что за спиной Генсека происходит в Узбекистане:

«Уважаемый Михаил Сергеевич! Я знаю, что Вы занятой человек, но я Вас умоляю, найдите немного времени, чтобы выслушать меня, мою исповедь перед Вами. Вы знали меня с хорошей стороны, нам приходилось работать вместе, но в те годы я не решался Вам открыто сказать то, о чём хочу сказать сейчас. Вы проводите сейчас очень правильную политику по оздоровлению общественного организма нашей страны. Вы получили тяжёлое наследство и всё это Вам теперь придется исправлять. Вы уделяете большое внимание проблемам Узбекистана. На XXVII съезде выражали большую озабоченность состоянием дел, однако и до настоящего времени от Вас скрывают настоящую картину той трагедии, которая совершилась в республике. Вы очень правильно сказали на съезде о том, что работники центральных ведомств, в том числе и работники ЦК КПСС, бывали в Узбекистане, видели происходящее, но мер не принимали. Мы все поняли, что Вы имели в виду средний слой работников ЦК КПСС, которые курировали постоянно Узбекистан, видимо, и сейчас они искажают фактическое положение дел в республике, поскольку до сих пор некоторые организаторы негативных явлений остаются на своих постах...

После моего освобождения с поста секретаря ЦК, когда в республике были арестованы другие руководители, я сильно переживал, меня мучили угрызения совести, понимал – рано или поздно и со мной будет разговор. Но не решился открыто обо всём рассказать лишь потому, что Усманходжаев и

многие другие «рашидовцы» продолжали сохранять основные позиции в республике. В августе 1986 г. Усманходжаев преподнёс нам всем хороший урок. Вся республика знала о том, что бывший Председатель Совета Министров республики Худайбердиев честно рассказал следователям и в суде, что приписки хлопка были при Рашидове и при Усманходжаеве. Поэтому на Бюро ЦК Худайбердиева исключили из партии и во всех газетах напечатали, что он и Рашидов вдвоём были организаторами всех негативных явлений в Узбекистане. Про себя, Осетрова, Салимова Усманходжаев молчал. Так вот, я боялся, если открыто выступлю, то Усманходжаев и меня выставит в роли организатора, лишь бы себя обезопасить. То есть, все кругом виноваты, только не он и не его люди. Ещё одно обстоятельство помешало мне обо всём рассказать раньше. Дело в том, что Усманходжаев и его сподвижники, сваливая всю вину на Рашидова и опасаясь разоблачения, выставляли себя в качестве «борцов» с негативными явлениями и «честных» коммунистов. Они распускали слухи о том, что Прокуратура СССР принуждает руководителей клеветать на них, всё что говорится против них – клевета. Распускали слухи о том, что Осетров честный, невиновный человек, что он ничего не признаёт, что «справедливость» восторжествует. Конечно, все мы знали, что Усманходжаев и Осетров, другие «рашидовцы» – крупные взяточники, но эти многолетние разговоры привели к тому, что я стал опасаться следствия. Слухи о том, что следователи издеваются,

избивают и угрожают, оказались фантастической выдумкой. Когда я сам оказался под следствием, я увидел спокойный, интеллигентный разговор, гуманное и объективное отношение к себе, понял их цель объективно во всём разобраться, то мне стало ясно, почему Усманходжаев и его кампания пугает актив республики. Во-первых, для того, чтобы их самих не разоблачили, во-вторых, чтобы в мутной воде лжи их поддержали наверху. Теперь я ещё больше переживаю за то, что правдиво не рассказал обо всём раньше, я хочу, чтобы Вы знали об этом, уважаемый Михаил Сергеевич».

Далее он подробно рассказал о коррупции и приписках, привёл конкретные эпизоды взяточничества, в том числе поведал о передаче 30 000 руб. и вещей в виде взяток Осетрову. При этом отметил:

«...Отношения у нас всегда были хорошие, но Осетров очень меня разочаровал своим неправильным поведением. У меня с ним была очная ставка. Он ничего не признаёт, на вопросы следователя не отвечает, закрывает уши, говорит, что ничего не слышал (а на самом деле он слушает, только притворяется), категорически отказывается говорить, ведёт себя по-хулигански. После того, как я закончил отвечать следователю, он начал меня всячески оскорблять, ругаться, от всего отказываться, вести себя нечестно, даже отрицая то, что он помогал нам выделением машин и мотоциклов. Хочу сказать, что он таким поведением пытается уйти от ответственности...

Главным их покровителем в ЦК КПСС является Могильниченко. Вы ему, Михаил Сергеевич, не верьте. Усманходжаев всё списал на гипноз Рашидова, вся республика смеётся над этими словами. Он с трибуны XXVII съезда КПСС солгал, что республика даёт 6 млн. тонн хлопка. Он должен отвечать за свои преступления вместе с нами, и его нахождение на посту первого секретаря ЦК дискредитирует идею перестройки. И что самое главное, он злоупотребляет Вашим именем и распускает слух о том, что Вы его лично поддерживаете и не даёте в обиду. Даже те несколько часов, что вы провели в Ташкенте по пути в Индию, и то использует как доказательство Вашей личной поддержки. Я хочу, чтобы Вы об этом знали, потому что мало кто решится честно Вам об этом сказать. Нельзя допустить, чтобы Ваше имя, даже по слухам, связывали с именем Усманходжаева. Я убеждён, что Вы меня правильно поймёте и примете справедливое решение. Я ничего не прошу для себя лично и только хочу, чтобы восторжествовала правда».

В течение 1987 – 1988 гг. около 20 подобных заявлений легло на стол Горбачёву. Что же побуждало бывших функционеров, многие из которых были лично знакомы с Генсеком, напоминать о себе, о своей преданности курсу перестройки, чистосердечном раскаянии, выдаче крупных ценностей? Что побуждало их, наконец, подробно рассказывать о своей преступной деятельности, сообщать, от кого они получали и кому давали взятки? Требовать привлечения к ответственно-

сти всех причастных к коррупции лиц? Всех ли? И только ли очищение, раскаяние были побудительными мотивами? По-знакомьтесь с фрагментом беседы с одним из авторов писем к Генсеку Чурбановым:

«— Это и дураку ясно, почему они меня посадили. Потому что я зять Брежнева. Один я что ли брал, все брали, а теперь чистенькие хотят быть. Пока Леонид Ильич жив был, они ему задницу лизали, он их всех в люди вывел. Застой, застой... Оказывается во всех бедах один Брежнев виноват. Его нет, теперь всё можно говорить. Они-то сами где были раньше? Леонид Ильич последние годы от дел почти отошёл, всю политику они и вершили. И сегодня вершат, новых людей почти нет. Лигачёв-то в какую силу вошёл, как зазнался. Помню подкатывается: «Юрий Михайлович, я столько лет в Сибири, возраст у меня, помоги в ЦК перейти, поговори с Леонидом Ильичём». Ко многим подходил, не только ко мне. Пробился, теперь только и слышно. Мужиков водки лишили, виноградники вырубают. Наломают они дров. Ещё вспомнят Леонида Ильича добрым словом, вот увидите. Он простой был, подлости никому не делал. А эти... Андропов же обещал Виктории Петровне¹⁰, что из семьи никто не пострадает. Ещё на похоронах разговор был. В ЦК об этом все знали, и Горбачёв знал. Андропов своё слово сдержал, а теперь всё валят на покойного, а Чурбанова в тюрьму. Пусть народ видит, какое у нас принципиальное руководство. И заодно

---

¹⁰ Жена Л. И. Брежнева.

на меня можно повесить все недостатки в МВД. Сразу двух зайцев убили...

– Юрий Михайлович! Напрасно вы пытаетесь представить себя жертвой интриги. Следствие выявило факты ваших взяток. Вы их сами не скрываете, поэтому вы здесь...

– Тельман Хоренович, Николай Вениаминович! Только не обижайтесь, но я вам правду скажу. Кто вы? Простые следователи. Над вами только в прокуратуре начальства сколько, дальше – административный блок ЦК, секретари и выше. Вы честно делаете своё дело, у меня к вам претензий нет. Но кто вы против них? Решения они принимают, а не вы, и моя судьба на самом верху решалась. Мне многие обязаны, и я знал, что у них там происходит. Не все же неблагодарные. Конечно, переживал сильно, пить стал, Галину обижал, ударил даже однажды. Она понимала моё состояние, не обижалась, пыталась хлопотать, только бесполезно. Однажды выпил, даже пистолет в руки взял... Потом одумался. Зачем, думаю, их радовать, спишут на меня что было и что не было, как на Щёлокова. Будь, что будет, но и они пусть поволнуются.

Я свои меры принял, если что ненароком случится... Вот Черненко, он вообще от Брежнева не отходил, сколько ему всего перетаскал. Другие что ли отставали? Через меня сколько всего передавали. Я пока на память не жалуюсь...

– Юрий Михайлович, вы напишите обо всём, что знаете. Кто бы какие посты не занимал – обо всех, кто замаран в

коррупции. Мы гарантируем, что всё запротоколируем, будем расследовать эти факты...

– А кто вам позволит? Я жив и здоров, пока молчу о них. Знаете что происходило с людьми в Ставрополье, когда они начинали болтать лишнее? Пропадали и всё. Я же в МВД много информации имел, мне докладывали. Хотите, хороший совет дам: не трогайте вы тузов со Старой площади, там столько дерьма, все повязаны. По Узбекистану вы всё равно на них выйдете, причём на самый верх. Я-то знаю. Так прикройте глаза на это, о себе подумайте. С Чурбановым у вас проблем не будет и с Узбекистаном не будет. Наверно догадываетесь, почему они за Узбекистан взялись, и вам для работы полный простор дали? Кто курировал этот хлопок и эти приписки на Старой площади? Тот же Горбачёв – он же был секретарём ЦК по сельскому хозяйству. Мне рассказывали, как его в Узбекистане принимали. Да и не он один, многие здесь эти приписки покрывали. И вдруг такую активность проявляют, показательный процесс в Узбекистане начали. Может под себя копают? Наоборот, беду от себя отводят. Ведь рано или поздно всё бы это вскрылось. Так лучше самим сделать, пока у власти, всё под контролем. Одних узбеков обвинят, а сами чистенькие. И безопасно. Кто на Горбачёва сейчас пальцем покажет? Да никто не решится...

– Мы марионетками не были и не будем, Юрий Михайлович. Запомните это. И не надо по себе других судить. Мы служим закону и объективно во всём разберёмся. В том чис-

ле и без вашей помощи, раз вы не хотите в этом помочь...

– Да вы не обижайтесь на меня, я вам правду сказал для вашей же пользы. Потом сами убедитесь, что я был прав. Кстати, я Горбачёву письмо написал и про Усманходжаева тоже. Что он с ним тянет, ведь всё равно сдаст его. И других сдаст, лишь бы себя выгородить. Сейчас моё заявление в ЦК по всем кабинетам пройдёт, пусть читают. И знают, что я раскаиваюсь, всё на себя беру, а их никого не выдал. Им же мою судьбу решать. Они меня, конечно, осудят, так может потом помилуют. Как себя вести буду. Им ведь тоже о себе думать надо»...

Баловень судьбы, познавший изнутри всю грязную изнанку политической кухни в высших эшелонах власти, всё ещё заблуждался, что его «сдали свои», а следователи, мол, лишь выполнили «социальный заказ». Он даже мысли не допускал, что не по чьей-то команде осуществлялось расследование данного дела, в том числе и по поводу его преступной деятельности, а напротив, вопреки интересам партийной верхушки, совсем не желавшей видеть его в тюрьме. Чурбанов никак не мог избавиться от привычных стереотипов и лишь спустя время, уже в суде, окончательно осознал, что своим привлечением к уголовной ответственности обязан прежде всего «простым следователям», а отнюдь не «верхам»...

Член «царской семьи» мог позволить себе подобные откровения. Слушать эти циничные рассуждения было неприятно, но необходимо. Такова уж задача следователя: больше

слушать и меньше говорить, вбирать в себя максимум информации, анализировать её, докапываться до сути происходящего. Впрочем, эти лирические отступления ни в коей мере не влияли на официальную позицию Чурбанова. Он так и не выдал никого из тех, кто вершил политику. Его «примерное поведение» было учтено в ЦК КПСС, где уже окончательно решалась его судьба, оформленная потом документом, именуемым «приговором Верховного суда СССР».

В отличие от Чурбанова другие высокопоставленные партийные функционеры были более осторожны в высказываниях. Но по отдельным разговорам, деталям, оперативной информации, анализу всех обстоятельств дела и политической ситуации того периода можно сделать вполне определённые выводы.

Говорили ли они правду о взятках, приписках и коррупции в республике? Безусловно. Они не выгораживали себя, выдавали крупные ценности. Порой лукавили в одном: несколько занижали суммы полученных и переданных взяток. Но не оговорили ни одного человека, не указали ни одного преступного эпизода, который бы не соответствовал действительности. Конечно, всем было обидно, что только они предстали в качестве «отдельных негативных явлений». Почему, не трогая другие регионы, копают только в одном Узбекистане? Но, рассуждали они, видимо такова воля верхов, а ей привыкли беспрекословно подчиняться. Привыкшие читать между строк, они наизусть помнили высказы-

вания Горбачёва на XXVII съезде о ситуации в Узбекистане. Вспомните, как комментировал это выступление Генсека Айтмуратов в приведённом выше отрывке: «Мы все поняли, что Вы имели в виду средний слой работников ЦК КПСС, которые курировали постоянно Узбекистан». Они понимали, что это с дальним прицелом приговор. Из него они делали и другой вывод: более высокие слои в аппарате ЦК, а уж тем более из нынешнего руководства страны отвечать за приписки, тотальную коррупцию, разложение кадров не намерены. За всё ответят они – исполнители высшей воли. И это был предел, за который никто не выходил. Неслучайно в заявлениях столько выражений личной преданности лидеру страны и перестройке.

Задумайтесь: почему Осетров или Смирнов не помышляли о раскаянии? Потому что оба были подготовлены перед арестом, знали, что за их судьбу будет борьба. Выдать кого-то означало лишить себя шанса оказаться вновь на свободе. Большинство функционеров такими надеждами себя не тешили. Да и находясь в длительной изоляции, могли судить о политике лишь по длинным речам и докладам, публикуемым в прессе. Но как только в апреле-мае 1989 г. сотрудники КГБ «разъяснили» истинную позицию Политбюро, все раскаявшиеся подследственные скопом изменили показания: раз так нужно верхушке партии, то они вмиг стали честными руководителями, жертвами произвола следователей.

Как же реагировал Горбачёв на этот поток признаний, достаточно искренних и правдивых, которые ложились к нему на стол? В своей обычной манере – никак. Разумеется, ни один из подследственных так и не получил ни от него, ни от его подчинённых из ЦК КПСС никакого ответа.

Жалоба вручается адресату. За пять тысяч.

А в самом деле, зачем главе партии и государства реагировать на информацию подследственных? Что, у него без того дел мало – важных и серьёзных? Всё так, если бы мы жили в нормальном государстве, где верховенствует право и все равны перед законом. В таком случае вмешательство руководства любой партии или общественной организации в сферу правосудия было бы просто абсурдом. Но дело всё в том, что речь идёт о тоталитарном режиме нашего социалистического образца. А у нас вопросы ответственности крупных функционеров находятся не в ведении Генерального прокурора, а в исключительной компетенции Генсека. Разрешат он и его окружение применить закон к конкретной личности, и он будет применён, ну а если не разрешат – и жаловаться некому. Это во-первых. А во-вторых, жалоба жалобе рознь. И Генеральный секретарь при всей своей занятости находил-таки время реагировать на каждую дошедшую до него жалобу на действия следователей.

Главное заключалось в том, чтобы ухитриться положить такую жалобу к нему на стол. За столь деликатные дела с охотой брались покровители из ЦК КПСС, которых подкармливали мафиозные группы из Узбекистана. Естественно, небескорыстно, ибо дополнительная услуга требовала и

дополнительных расходов, факты такого рода выявлялись не только в ходе нашего расследования, но в других уголовных делах, где фигурировали «уважаемые люди».

12 декабря 1985 г. Прокуратурой Узбекской ССР был взят под стражу председатель колхоза «Политотдел» Коммунистического района Ташкентской области М. Хван. Герой социалистического труда, член ЦК и депутат Верховного Совета УзССР, делегат пяти съездов партии, руководитель передового хозяйства, он был известен во всей республике. Важные московские деятели, например министр внутренних дел СССР Щёлоков, работники ЦК КПСС, местные партийные баи, Рашидов и Усманходжаев, непременно заезжали в колхоз, где были оборудованы прекрасные домики с обязательным обильным угощением и немалыми дарами. Хван давно привлекал наше внимание, поскольку много знал, имел обширные связи. Следствие располагало информацией о даче им взяток многим должностным лицам. Кроме того, в ходе ревизии выяснились крупные приписки и хищения и в его колхозе, в связи с чем республиканская прокуратура, проводившая следствие, неоднократно просила в Верховном Совете Узбекистана согласия на привлечение Хвана к уголовной ответственности, но получала отказ. Лишь в декабре 1985 г. согласие было получено, Хван был взят под стражу и препровождён в Ташкент – в следственный изолятор КГБ УзССР, где тогда находились и некоторые наши обвиняемые.

Поскольку у нас были свои вопросы к Хвану, мы полу-

чили от прокурора республики письменное разрешение допросить его. Несколько дней встретиться с Хваном не удалось, отвлекали другие более неотложные дела. В это время в Ташкенте появился ответственный работник Прокуратуры Союза, который пожаловался нам, что его откомандировали в Узбекистан как на пожар, даже чемодан толком не собрал. А всё лишь потому, что Генеральному прокурору из ЦК передали жалобу Хвана, и лично Горбачёв распорядился немедленно разобраться и доложить. Стало понятно, что в Москве у Хвана есть влиятельные покровители, ибо дураку ясно, что просто так жалобы к Горбачёву на стол не попадают.

20 декабря 1985 г. мы встретились с Хваном. В течение целого дня слушали его исповедь, исповедь талантливого хозяйственника, вынужденного действовать в преступной системе, и потому невольно вовлечённого в приписки и хищения, взяточничество и злоупотребления. Он рассказал о взятках, которые давал Усманходжаеву и Осетрову, другим руководителям. В ходе допроса выяснилось, каким образом его жалоба оказалась на столе Горбачёва и чем объясняется столь поспешная реакция на это обращение. Вот что рассказал Хван:

«Я написал письмо на имя Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Горбачёва М. С. В письме я изложил суть дела, что меня необоснованно обвиняют в организации приписок хлопка, и изложил доводы в опровержение этого, про-

сил снять с меня необоснованные обвинения. Вместе со своей женой Ким Тамарой Николаевной рано утром 10 декабря 1985 г. самолётом мы прилетели в Москву. Сразу по прибытии устроились в гостиницу «Россия», номер на южной стороне 4 этажа. После этого, оставив жену в гостинице, я отправился в ЦК КПСС, захватив с собой письмо на имя М. С. Горбачёва. На тот момент я являлся членом ЦК Компартии Узбекистана, имел удостоверение об этом, поэтому меня беспрепятственно пропустили в здание ЦК КПСС. Я решил обратиться за помощью к своему бывшему партийному руководителю и хорошему знакомому Истомину Б. М. и прошёл в сельхозотдел ЦК. Истомин более 10 лет был вторым секретарём Ташкентского обкома КП Узбекистана, а примерно восемь лет назад перешёл на работу в Москву в ЦК КПСС, сейчас он заведующий сектором сельхозотдела ЦК. И когда он был вторым секретарём обкома партии, и когда работать стал в ЦК КПСС, между нами всегда были хорошие отношения. Когда Истомин приезжал из Москвы в командировку в Узбекистан, то он всегда посещал наш колхоз «Политотдел», и мы встречали его как высокого и почётного гостя. Истомин курировал регион Средней Азии, в том числе и нашу республику, но мне не приходилось обращаться к нему с какими-либо просьбами до декабря 1985 г. Я подробно рассказал Истомину суть вопроса, показал ему составленное мною письмо на имя Генерального секретаря ЦК КПСС».

Далее Хван рассказал, как его жалоба была передана помощнику Генерального секретаря Александрову («он был у нас в Узбекистане, и я слышал о нём хорошие отзывы», — отметил Хван по поводу помощника Генсека), как Истомин ходил договариваться по поводу его письма, как он передал Истомину почтовый конверт с деньгами в сумме 5 000 руб. «Деньги были в банковской упаковке 50-рублевыми купюрами. Когда я отправился с женой в Москву, то захватил с собой эти деньги для того, чтобы по совету знающих людей найти в Москве солидного адвоката, который бы помог в моём деле по юридическим вопросам. Эти деньги я носил в почтовом конверте в кармане пиджака. И именно эти деньги я отдал Истомину для того, чтобы он помог мне в том, чтобы моё прошение попало по назначению и меня больше не беспокоили по вопросам приписок в колхозе. Я ещё не знал в то время, что в отношении меня уже есть постановление на арест и дано согласие Верховным Советом УзССР на привлечение меня к уголовной ответственности. 12 декабря 1985 г. в номере гостиницы «Россия» я был арестован, а потом доставлен в Ташкент. Как дальше развивались события в ЦК КПСС по моему заявлению, мне неизвестно».

А события развивались так. После изучения материалов дела, получения объяснений от Хвана и иных лиц проверяющий пришёл к выводу об обоснованности привлечения его к уголовной ответственности и несостоятельности доводов Хвана в жалобе Горбачёву. Руководство союзной прокуратуры

ры направило по этому поводу подробное заключение в ЦК КПСС, отметив, в том числе, каким путём жалоба попала к Горбачёву, и какую роль в этом сыграл Истомин. Описав круг, проделав тысячи километров, жалоба Хвана с заключением прокуратуры вновь оказалась в папке Горбачёва. Полагаете, что Истомину пришлось туго? Отнюдь. Цековский «труженик» не только под суд не угодил, его даже не пожурили по-отечески. А в то же время краснобаи из ЦК на все лады захлёбывались речами о том, что наша славная партия начала перестройку, о новом мышлении, о строительстве здания правового государства. Какие кирпичи в его фундамент закладывали архитекторы со Старой площади – видно не только на примере дела Хвана. Такими вот «кирпичами» партийная верхушка и завалила дело № 18/58115-83.

Лигачёв проявляет интерес

Не только привлекаемые к уголовной ответственности функционеры и их родственники обращались к Генсеку. Вынуждены были на этот шаг идти и мы – двое следователей по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, руководители следственной группы. Обращаясь к Генеральному секретарю ЦК КПСС через голову своего руководства, мы грубо нарушали субординацию, что в чиновничьем мире является непозволительной дерзостью, тяжким грехом. Но приходилось действовать так не от хорошей жизни. Нужно было использовать все возможности для продолжения расследования.

В докладной записке, направленной Горбачёву в марте 1986 г., мы подробно проинформировали его об обстановке тотальной коррупции и приписок в Узбекистане, о необходимости привлечения к уголовной ответственности Усманходжаева, Осетрова, Салимова, Чурбанова и других сановников. Мы сообщали о том, что установлены факты получения взяток Чурбановым на сумму свыше 670 000 руб., а Усманходжаевым – свыше 500 000 руб. «...Кроме того, – писали мы Горбачёву, – именно Усманходжаев был одним из инициаторов обмана государства при заготовке хлопка-сырца. Так, министр хлопкоочистительной промышленности Усманов В. показал, что после смерти Рашидова Усманходжаев в

декабре 1983 г. лично дал ему и Председателю Совета Министров Худайбердиеву Н. указание о приписке в государственную отчётность 240 000 тонн хлопка-сырца на сумму более 183 000 000 руб. Этот факт подтвердили Худайбердиев и другие должностные лица. Всего же, как свидетельствует заключение планово-экономической экспертизы, только в 1983 г. в Узбекской ССР приписано 991 700 тонн хлопка-сырца, за что незаконно выплачено хлопкосеющим хозяйствам более 757 000 000 руб., из которых 286 000 000 руб. было похищено...

Трудящиеся хорошо осведомлены о причастности нынешних руководителей республики к совершённым преступлениям, в связи с чем вокруг них образовался вакуум доверия, а точнее – отсутствие всякого доверия к власти в их лице. Нерешительность и колебания, какими бы соображениями они ни были продиктованы, а тем более оставление руководителей в их нынешнем положении, основной частью населения республики будет расцениваться как очередное покровительство антисоциальным элементам со стороны высшего руководства, как это и имело место в прошлом...»

Через несколько месяцев нас вызвали к заместителю заведующего отдела административных органов ЦК КПСС В. Аболенцеву. У него на столе лежало наше письмо с резолюцией Горбачёва «разобраться и доложить» и рядом резолюция нижестоящих должностных лиц. Началась обычная в стенах ЦК иезуитская беседа-шантаж: на кого замахивае-

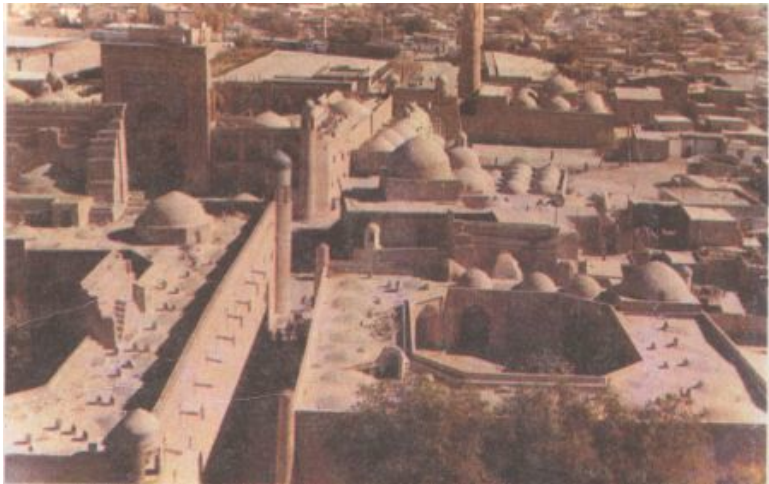
тес, не слишком ли много себе позволяете. А после того, как мы решительно отвергли такую тональность разговора, последовали благодарность за принципиальную постановку вопроса и заверения от имени руководства, что все проблемы будут решены в кратчайший срок. На том всё и кончилось. Все материалы были списаны в архив. Никто даже пальцем не пошевелил.

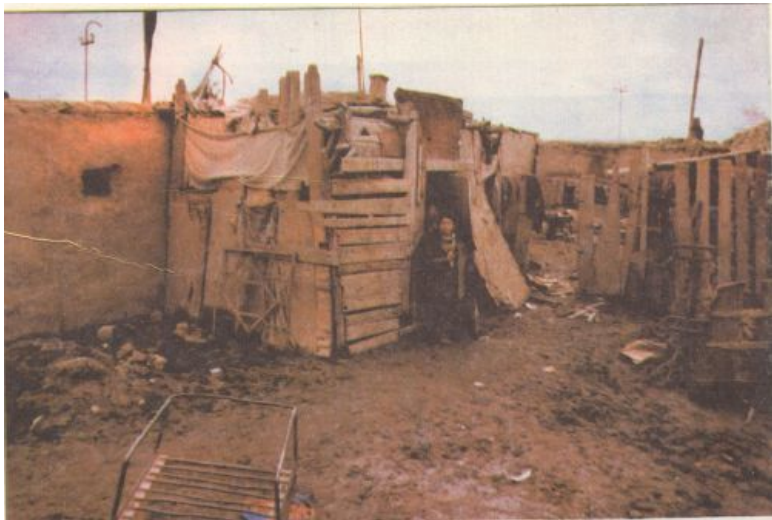
Фото 1. Встреча крёстных отцов. Л. Брежнев в гостях у Ш. Рашидова. Ташкент, 1982.

Фото 2. Руководство республики на первомайской демонстрации в Ташкенте. Вскоре они станут подследственными и будут раскаиваться в «Матросской тишине».

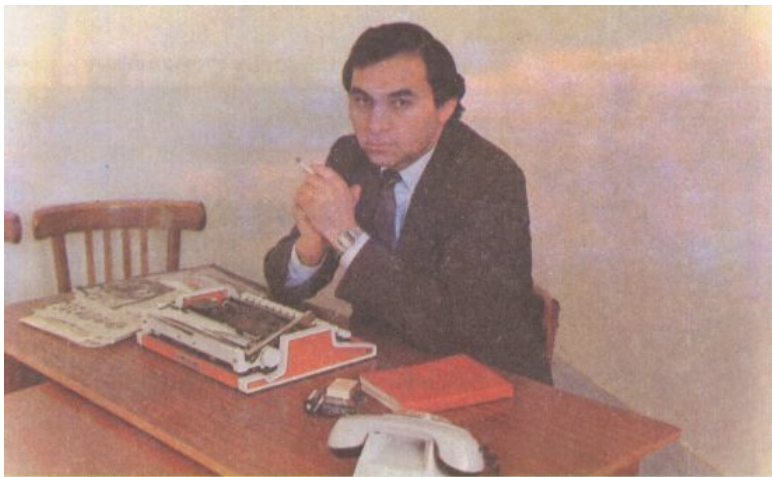
Фото 3. Древняя Бухара. Здесь начиналось «кремлёвское дело».

Фото 4. Трудом этих людей создавались богатства партийных баев.

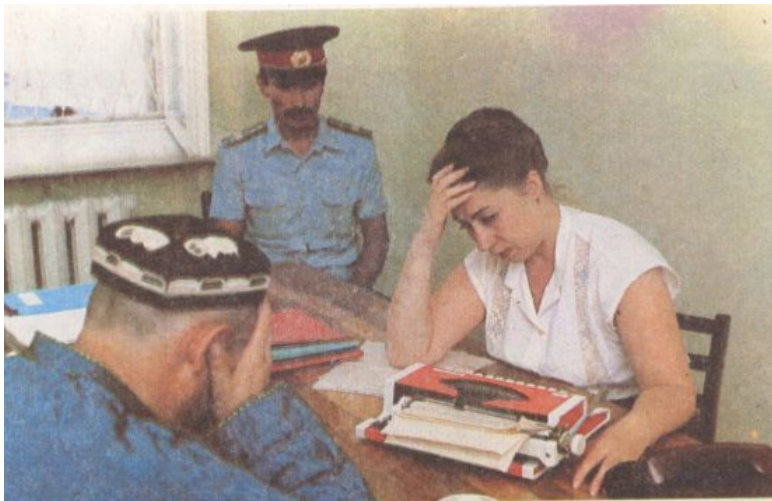

Фото 5. Ахмадҷон Адылов – делегат съезда КПСС.

Фото 6. Один из лучших следователей группы Бахтияр

Абдурахимов.

Фото 7. Допрос ведёт следователь Людмила Пантелева.

Фото 8. Следователь Светлана Московцева.

Фото 9. Вылет следственно-оперативной группы на очередную операцию.

Фото 10. Возвращение с задания. Изъятые ценности доставлены.

Фото 11. Меры предосторожности не были лишними.

Фото 12, 13. 1984 г. Извлечение из тайников золота партии. Вот почему так ненавидели следственную группу.

Фото 14, 15. Следователи за работой. Вычищают подпольные кладовые.

Фото 16. Лидеры компартии страстно любили монеты царской чеканки.

В июле 1986 г. мы повторно направили Горбачёву ещё более объёмную записку о необходимости привлечения к уголовной ответственности Усманходжаева, Осетрова, Чурбанова, Смирнова, Салимова и других руководителей, о массовых репрессиях, которые они организовали в отношении рядовых работников, вовлечённых в систему тотального взяточничества, о противодействии расследованию со сторо-

ны Генерального прокурора Рекункова и его заместителя по следствию Сороки:

«...Желание «отсидеться в окопах», действовать по принципу – как бы чего не случилось, и не брать на себя ответственность, является определяющим фактором в их поведении. С первых дней расследования мы получили прямое указание от тов. Сороки не расширять дело и ограничить ход следствия рамками виновности 8 лиц, арестованных органами КГБ в апреле-июне 1983 г. Но уже в конце того же года следствием были добыты бесспорные доказательства о причастности ко взяточничеству ответственных партийных работников и руководства МВД УзССР, о чём было доложено тов. Сороке. Однако такой подход к объективному установлению истины вызвал его крайнее раздражение. Он вновь дал указание не выявлять организаторов преступления и прекратить дальнейший сбор доказательств в отношении них. Мы отказались выполнять его незаконное требование, после чего последовали угрозы об отстранении от следствия и даже увольнения из органов прокуратуры. Аналогичной позиции тов. Сорока упорно придерживается и до настоящего времени.

Встретив такое ожесточённое сопротивление с его стороны, мы тем не менее продолжали всестороннее глубокое расследование и ставили своё руководство перед свершившимся фактом, когда на каждого из организаторов преступления были добыты многочисленные доказательства получе-

ния ими взятки в сумме от 500 000 до 800 000 руб. При таких обстоятельствах тов. Сорока был бессилён отказать в санкции на арест, хотя каждый раз выражал своё недовольство, сопровождающееся угрозами. Однако и после дачи санкции он всячески препятствовал реализации арестов, что привело к самоубийствам министра внутренних дел УзССР Эргашева К., его первого заместителя Давыдова Г., первого секретаря Кашкадарьинского обкома партии Гаипова Р. ...

Наиболее нетерпимая обстановка сложилась вокруг дела в конце 1985 г., когда мы довели до сведения тов. Рекункова и Сороки о преступной деятельности Усманходжаева и других лиц. В ответ на занятую нами позицию не замедлили сказаться репрессии со стороны Генерального прокурора СССР, который, держа у себя в сейфе все переданные ему следственные материалы о виновности Усманходжаева и его приспешников, 2 января 1986 г. в присутствии всего состава следственного управления поставил под сомнение работу следственной группы и высказал целый каскад угроз в наш адрес... С этого времени дальнейшая работа по изобличению преступников была парализована с лёгкой руки тов. Рекункова. Под видом фальшивой доброжелательности тов. Сорока стал убеждать, что мы неправильно понимаем политическую ситуацию момента, всё, что нами делается, является самоубийством, и что самое разумное решение – закончить расследование и побыстрее выбраться из опасной зоны, пока не начались драматические события для прокуратуры

в целом. Убедившись и на этот раз в нашей бескомпромиссности, тов. Сорока пошёл на дальнейший саботаж расследования, выразившийся в том, что запретил выезды руководителя следственной группы в Узбекистан, а по существу посадил под домашний арест, чтобы таким путём ещё более осложнить дело. Он же без каких-либо обоснований отказал в даче санкции на арест министра внутренних дел УзССР Ибрагимова Н. и его заместителя Султанова М. Более того, открыто и в категорической форме заявил, что Усманходжаев, Осетров, Чурбанов, Смирнов никогда не будут привлечены к уголовной ответственности. Эту позицию, по его словам, он будет отстаивать на всех уровнях.

Отрицательная роль нашего руководства проявилась и при расследовании других уголовных дел в Узбекистане. Например, следствие по так называемому «хлопковому делу» проведено таким образом, что к уголовной ответственности были привлечены более двадцати тысяч второстепенных лиц, а главные организаторы этих массовых преступлений из числа областных и республиканских звеньев остались в стороне, сохранив миллионные богатства, нажитые за счёт своих подчинённых, которые по их вине оказались на скамье подсудимых.»

Как же отреагировал Михаил Сергеевич на наше повторное обращение? А никак. Вновь документ спустили вниз и благополучно положили под сукно. На этот раз не посчитали нужным даже снисходительно побеседовать с нами.

Но мы тоже не сдавались. Надо было либо капитулировать, либо продолжать попытки продвинуть вперёд расследование, столкнуть с мёртвой точки вопросы, решение которых, увы, зависит только от руководства страны.

В ноябре 1986 г. мы вновь обратились к Горбачёву. И на этот раз документ, побывавший, как мы выяснили по своим каналам, у него на столе, постигла прежняя участь: никакой реакции. И тогда с аналогичной запиской мы обратились уже к Ельцину. Мы писали, что по предыдущим обращениям реальных мер не принято. Продолжает восседать в своём кресле Усманходжаев, хотя выявленная следствием сумма полученных им взяток уже превышает 1 200 000 руб. Спокойно чувствуют себя Осетров, Салимов, Абдуллаева и другие руководители республики, а их покровители, засевающие в цеховских креслах – Могильниченко, Пономарёв, Ишков, по-прежнему дезинформируют руководство страны. Как ни в чём ни бывало пребывает на посту второго секретаря ЦК КП Молдавии Смирнов. Чурбанова руководители Прокуратуры СССР доводят до самоубийства. Мы вновь обратили внимание на массовые репрессии против второстепенных правонарушителей в Узбекистане, проводимых мафиозной группировкой Усманходжаева и правоохранительными органами республики и центра: «Трёхлетнее расследование убедило нас в том, что «принципиальность» нашего руководства проявляется лишь в отношении второстепенных и третьестепенных нарушителей закона и вовсе отсутствует, когда речь

идёт об организаторах. По существу они явились их жертвами, у них не было другого выхода, чтобы устоять и выжить в тех невыносимых условиях, когда, начиная от Рашидова и кончая руководством районного звена, все вымогали взятки у подчинённых. Мы глубоко убеждены, что поголовные аресты такого количества людей без учёта степени вины и реальной ситуации, в которой было ими совершено правонарушение, является ошибочным, политически вредным решением. Эта гигантская масса на местах лучше любого прокурора знает поимённо главных преступников, знает также, благодаря кому они вовлечены в эти преступления. Поэтому привлечение одних и оставление на свободе организаторов приведёт к взрыву недовольства, что уже имеет место, когда сотни людей окружают райкомы, обкомы, ЦК КП Узбекистана, требуя справедливости в решении их судеб. Не отрицая свою вину, они открыто ставят вопрос об ответственности тех, кто сделал из них преступников. И никто до сих пор не может дать им разумного ответа.

...Эти люди убеждены – беззаконие совершается от имени государства. К примеру, если взять за основу, что каждый из двадцати с лишним тысяч привлечённых к уголовной ответственности по «хлопковым делам» имеет 100 родственников (крайне заниженная цифра), то окажется, что более 2-х с лишним миллионов населения автоматически встанет в оппозицию к акту государственного правосудия. Не является ли это блестящим доказательством разрушительной ра-

боты со стороны административных органов в борьбе с организованной преступностью, когда корни, породившие это явление, сознательно (а точнее – преступно) остаются нетронутыми, в то время как карательные усилия направляются на побочные явления. Получается так, что зло вновь порождает зло, а добро оборачивается в свою противоположность.

Трагедия этой республики с 18-миллионным населением не знает аналога в стране по степени социального разложения общества. И всю полноту ответственности за произошедшее должны нести руководители республики и их приспешники на местах, а не «стрелочники». Мы категорически выступаем против неоправданных массовых репрессий в этом регионе в виду их полной политико-правовой несостоятельности и крайне негативных последствий для оздоровления социальной обстановки в Узбекистане.

Таким образом, действия нашего руководства вольно или невольно объективно совпадают с позицией группировки Усманходжаева. В чём это выражается? Во-первых, делается всё возможное, чтобы организаторы были оставлены на своих высоких постах вместе с награбленными богатствами и не понесли наказание за содеянное. Во-вторых, всё направлено к тому, чтобы к уголовной ответственности было привлечено максимально возможное количество людей из той социальной группы, которая была вынуждена выполнять преступные установки своего руководства. И, наконец, в-третьих, поступая таким образом, руководство Прокуратуры Союза

ССР и группировка Усманходжаева выступают в роли «активных борцов» с организованной преступностью в Узбекистане, что вполне удовлетворяет тех и других, независимо от того, что все выявленные в ходе следствия основные проблемы республики по-прежнему остаются нерешёнными. Действия этих лиц отличаются лишь целями и мотивами их поведения. Если прокурорские работники проявляют нерешительность, граничащую с беспринципностью, не хотят рисковать и брать на себя личную ответственность, чтобы не вызвать гнев и раздражение защитников этой преступной группировки, то Усманходжаев со своими приспешниками всячески лавируют, пытаясь предстать перед Центром принципиальными и чистыми руководителями, сохранить занимаемое положение и уйти от ответственности. Именно этим объясняется то обстоятельство, что наиболее крупные уголовные дела, расследуемые в Узбекистане, умышленно не были объединены в одно производство, чтобы профессионально корректировать тактику и стратегию всего следствия, ибо в таком случае вскрылись бы огромные масштабы преступной деятельности тех лиц, которые сегодня необоснованно берутся под защиту...»

Мы не случайно дословно приводим эти выдержки из наших посланий Горбачёву и Ельцину в ноябре 1986 года. Не прошло и трёх лет, как нас стали обвинять в том, против чего мы открыто выступали. На съездах народных депутатов и сессиях Верховного Совета СССР именно на нас ма-

фиозное лобби пыталось возложить ответственность за аресты десятков тысяч людей в Узбекистане. Делалось это вопреки официальной информации Прокуратуры, где указывалось, что за 6 лет группа привлекла к уголовной ответственности лишь 62 человека. Тем не менее, с подачи Лукьянова, отлично знавшего фактическую сторону дела и умело дирижировавшего депутатским оркестром, нас обвинили в репрессировании десятков тысяч жителей республики.

Осенью 1985 г. после поездки в Узбекистан Ельцин ставил перед Горбачёвым вопрос об освобождении от должности Усманходжаева, но получил отпор. Воспользовавшись нашей докладной запиской, содержащей конкретные факты и доказательства, он решил вынести этот вопрос на заседание Политбюро и настоял на его рассмотрении. Докладная записка была оглашена. На заседание срочно из санатория ЦК КПСС «Барвиха» был вызван Генеральный прокурор Рекунков. По результатам обсуждения было принято следующее постановление.

**Коммунистическая партия Советского Союза.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ**

Совершенно секретно

№ П43/ХУ

Т.т. Горбачёву, Лигачёву, Соломенцеву,
Разумовскому

**О письме в ЦК КПСС работников
Прокуратуры СССР т.т. Гдляна Т. Х. и Иванова Н.**

В. от 11 ноября 1986 г .

Поручить т.т. Соломенцеву М. С., Разумовскому Г. П. провести партийную проверку по письму работников Прокуратуры СССР и о результатах доложить Политбюро ЦК КПСС.

(Из протокола i 43 заседания Политбюро ЦК КПСС от 4 декабря 1986 г .)

Вот как рассказывал об этих событиях Ельцин 17 апреля 1990 г. на сессии Верховного Совета СССР, когда он предложил отклонить представление Генерального прокурора о нашем увольнении с работы и аресте:

«...Я был кандидатом в члены Политбюро и хочу сказать хотя бы об одном факте, который характеризует обстановку, в которой работала группа Гдяна и Иванова. В начале 1986 года они обратились к руководству КПСС, ко многим членам Политбюро с серьёзной запиской, где были обрисованы факты, с которыми они встретились, и попросили, чтобы им дали разрешение на то, чтобы начать следствие против руководителей республики, в том числе Усманходжаева. Полгода – ни ответа и никакого решения. Они написали письмо мне. Я пришёл к Генеральному секретарю, затем вынес этот вопрос на Политбюро. И я должен сказать, что Политбюро в тот момент не согласилось с тем, чтобы привлекать к ответственности или по крайней мере возбудить дело против Усманходжаева...»

Позиция, занятая Ельциным, помогла, хоть и со скрипом,

сдвинуть дело с мёртвой точки. В ходе обсуждения данного вопроса в Политбюро было дано устное согласие на привлечение к уголовной ответственности Чурбанова, Осетрова, Худайбердиева. Что же касается не только Усманходжаева, но и других действующих функционеров ЦК КПСС и ЦК КП Узбекистана, упоминавшихся в докладной записке, то было дано поручение ещё раз всё проверить, во всём разобраться, выяснить, не оговорили ли важных товарищей, а лишь потом делать выводы. В переводе с цековского языка на житейский постановление Политбюро № 43 о проведении «партийной проверки» означало фактически отказ следствию на привлечение этих лиц к ответственности.

И всё же это была хоть и частичная, но всё же победа. Даже такое компромиссное решение партийной верхушки позволяло продвинуть расследование вперёд. Хотя на деле его выполнение также сопровождалось многочисленными препятствиями. Дело Чурбанова Рекунков распорядился выделить в отдельное производство и передать в Главную военную прокуратуру (ГВП). Тут уже поднялся шум. О том, что столь произвольное выделение дела отразится на объективности и полноте расследования, пришли к выводу даже в очень послушной ГВП. Тогда придумали компромисс: её следователя В. Миртова включить в состав нашей следственной группы, дело Чурбанова в отдельное производство не выделять, но допросы брежневского зятя поручалось проводить одному Миртову.

Вся суть правосудия, вершившегося в огромной державе верхушкой КПСС, была сформулирована в одной фразе: «Я вам не позволю копать в грязном белье Генерального секретаря». Так высокомерно заявил нам заместитель Генерального прокурора Сорока. На что тут же получил ответ: для того и работаем, чтобы у Генерального секретаря бельё было чистым. Сорока отказался санкционировать арест Чурбанова, поскольку постановление было вынесено от нашего имени. Постановление на арест Чурбанова было перепечатано и подписано Миртовым. Вся эта недостойная возня была затеяна ради того только, чтобы угодливо докладывать в ЦК КПСС: Чурбанов арестован Главной военной прокуратурой. Так что волю Старой площади Прокуратура услужливо исполнила. Рекунков и Сорока отказались также санкционировать обыски в квартире Чурбанова, на его даче, в квартире покойного Брежнева.

Каким же кликушеством звучали приказы и указания руководства союзной Прокуратуры о неуклонном и строгом соблюдении законности. Уж где-где, а в доме 15-а на Пушкинской улице с законностью привыкли обращаться как с проституткой. Неукоснительной там почиталась лишь одна «законность» – наглые требования преступной верхушки КПСС. Любой мало-мальски грамотный юрист покраснеет от стыда, узрев слово «законность» в деле Чурбанова. Только вдумайтесь: по закону Генеральный прокурор и его заместители вправе отстранить своего подчинённого от рассле-

дования и передать дело другому следователю. Но запрещать руководителям группы вести допросы арестованного по их делу подследственного и поручать эту работу подчинённому – такого мировая практика, пожалуй, не знает.

Естественно, мы не выполнили незаконного указания. С первого же дня, как арестовали Чурбанова, оба проводили его допросы, очные ставки. Участвовали в этой работе и Миртов, и начальник следственной части Прокуратуры СССР Г. Каракозов. Примерно через месяц об этом стало известно Рекункову и Сороке. Но было уже поздно: Чурбанов дал показания, замять его дело было уже невозможно.

...Я сидел в приёмной Председателя КПК Соломенцева. Гдяян в это время находился в Узбекистане, и по вызову мне пришлось явиться одному. Уже который день в Прокуратуре Союза царил переполох. Одного за другим на Старую площадь вызывали работников, причастных к ведению нашего дела. Я ждал уже минут 20. Наконец, из кабинета вышел наш куратор Каракозов. По случаю вызова в ЦК КПСС он был в прокурорской форме с петлицами Государственного советника юстиции 2 класса. Угрюмо кивнул и направился к выходу. Минут через пять меня пригласили в кабинет. Соломенцев был не один, рядом с ним сидел секретарь ЦК КПСС Разумовский, отвечающий в то время за партийные кадры. На столе перед ними лежала наша докладная записка на 15 листах, которая 4 декабря 1986 г. была предметом обсуждения на Политбюро.

В ходе двухчасовой беседы мне сообщили, что делом интересуется Лигачёв. Ни у меня, ни у моих сановных собеседников не было никаких иллюзий по отношению друг к другу. Прокуроры в цековских креслах интересовались, как чувствует себя арестованный 13 декабря 1986 г. Осетров, как ведёт себя на допросах, о чём рассказывает. По всему было видно, что судьба вляпавшегося в уголовщину верного товарища по партии далеко не безразлична высокопоставленным покровителям. Много говорили о фактах массовых репрессий в Узбекистане, о позиции Прокуратуры СССР в этом вопросе. Очень подробно спрашивали, как содержатся арестованные, чем их кормят. Когда речь зашла о том, что подследственные получали взятки не только денежными знаками, но и дублёнками, коврами, Разумовский совершенно искренне изумился: «А разве это криминал? Ведь так же принято – дарить друг другу подарки». Так что с нравственностью у наших лучших представителей «ума, чести и совести» было всё в полном порядке.

«С кем вы связались, – в сердцах сказал нам Караказов, – это же шайка, воры». Через пару дней он передал нам указание предоставить Соломенцеву все материалы по Усманходжаеву и некоторым членам ЦК КПСС. Мы отлично понимали, что сие означает. Поэтому копии ушли по указанному адресу, а оригиналы остались у нас. А дальше, хотите смейтесь, хотите – нет, – Соломенцев распорядился, чтобы мы подготовили ему вопросы, которые председатель КПК соби-

рался задать Усманходжаеву! Собственных усилий, видимо, для этого не хватало. Усманходжаев позже рассказывал нам, что в кабинете у Соломенцева он очень внимательно и обстоятельно изучил все документы, которые собрало к этому времени следствие по его преступным деяниям. А затем улетел в Ташкент продолжать руководить республикой. Он был занят этим важным делом ещё более года.

В итоге вся наша переписка с Генсеком фактически закончилась тем, что Горбачёв и его окружение целых три года покрывали Усманходжаева и ещё дольше – его московских соучастников, всячески уводя их от ответственности.

Вот так вели следствие «законники» со Старой площади, хотя Прокуратура СССР находилась совсем в другом месте.

ВРЕМЕНА И ПРАВЫ

Наказания в колхозе «Ленинизм»

«Свиньи, ишаки, скоты, душманы! – громыхал хан. – Я вас научу работать!» Рядом, как изваяние, застыл средних лет грузный мужчина с затравленными глазами. На вытянутых над головой руках, боясь пошевелиться, он уже не первый час держал большой ком земли. Хан, обнаружив, что земля на его поле плохо боронована, был в гневе. Другие подданные, втянув головы в плечи и опустив глаза, думали лишь об одном: чтобы их миновала немилость владыки. Ведь рядом были ханские нукеры¹¹, готовые исполнить любое повеление своего господина, например, посадить провинившегося в зиндан¹²...

Подобные сюжеты из жизни азиатских деспотий знакомы нам по учебникам истории рабовладельческого Востока и художественной литературе. Однако следствие по делу № 18/58115-83, в котором подробно описывается этот случай, мало занимали предания старины глубокой. Дело происходило в 1982 году во время заседания бюро райкома ком-

---

¹¹ Нукер – воин в странах Востока.

¹² Зиндан – тюрьма.

партии в городе Гиджуване Бухарской области Узбекской Советской Социалистической Республики. «Нукерами» были здесь работники милиции, «подданными» – партхозактив района, а живым монументом с комом земли над головой – председатель колхоза имени Владимира Ильича Ленина Ибрагим Тохтаев. Наконец, в роли грозного «хана» выступал первый секретарь райкома партии Салим Рахимов.

Этот «верный ленинец» азиатской чеканки вёл себя как истинный восточный деспот. Так, в декабре 1983 года на выездное заседание бюро райкома партии в колхозе «Ленинизм» Рахимов прибыл в сопровождении замначальника РОВД и 30 милиционеров. На одном из полей он увидел несколько коров и овец. «Когда началось бюро, Рахимов стал говорить председателю колхоза Жамолову, что тот вообще не работает, что у него большие потери при сборе хлопка. То же самое сказал мне и дал команду заместителю начальника РОВД Жураеву, чтобы он забрал нас. После бюро нас отвезли в милицию». – Это из показаний парторга колхоза Ш. Усманова.

«Я с Рахимовым, членами бюро и председателями колхозов выходили на хлопковые плантации. Так как воды было мало, хлопчатник был увядший. Рахимов поинтересовался, почему, а когда я ему объяснил, он вырвал стебель хлопчатника и ударил им меня по лицу, – жаловался председатель колхоза Х. Норпулатов. – Дошло до того, что Рахимов велел начальнику милиции посадить меня. При большом скопле-

нии людей, многие из которых являлись моими подчинёнными, меня отвезли в милицию и продержали там до тех пор, пока сам Рахимов не велел привезти меня обратно...»

Родина высоко оценила трудовые подвиги Рахимова, удостоив его орденов Ленина, «Знак Почёта» и других правительственных наград. Его усердие в строительстве светлого будущего на узбекской земле не знало границ. «Перед началом совещания комиссия проехала по колхозам, выявляя недостатки, и привезла различные сорняки, стебли хлопчатника, как это называл Рахимов – «экспонаты». Когда он ругал какого-то председателя, то ставил его перед трибуной и давал в руки «экспонат», который председатель держал над головой, – рассказывал свидетель С. Рахманов. – В таком положении люди находились в течение всего бюро, т.е. несколько часов...»

Педагог-историк по образованию, Рахимов демонстрировал действенные методы воспитания трудящихся масс. Передвигался по району он непременно в сопровождении двух автомашин ГАИ, работники милиции дежурили при нём бесменно даже на совещаниях и бюро. «В июне 1982 г. на бюро райкома Рахимов спросил меня, почему не выполнен план сдачи мяса. Я ответил, что сейчас скот на откорме, а через месяц мы его сдадим, и база план выполнит. Рахимов заявил, что такой работник ему не нужен, и сказал начальнику милиции Мукимову отправить меня в милицию... Я просидел там всю ночь...», – рассказывает в своих показаниях

директор откормочной базы Х. Джураев.

Малограмотный обладатель двух дипломов о высшем образовании, не знакомый даже с азами истории и культуры собственного народа, в совершенстве владел партийным лексиконом, состоящим из нецензурной брани и оскорблений. Об этом рассказывали в своих показаниях десятки должностных лиц. Педагогический талант этого бая также оценили по достоинству: Рахимову присвоили почётное звание «Отличник народного просвещения УзССР» и «Отличник народного просвещения СССР».

Деловитый хозяйственник и строгий педагог был в чести у начальства: район успешно выполнял и перевыполнял планы по хлопку и по всем другим видам продукции. Правда, тот факт, что всё это была сплошная липа, никого не интересовал: подобная практика распространялась повсеместно. Реальными были лишь щедрые денежные взятки, подношения промышленными и продовольственными товарами, которыми хозяин района одаривал должностных лиц областного и республиканского масштаба. Естественно, что не было руководителей в районе, которых бы всемогущий Рахимов не обложил бы, в свою очередь, данью. Ему платили все и за всё. Только следствие доказало получение Рахимовым взяток на сотни тысяч рублей, хотя и это была лишь вершина айсберга. Часть преступных капиталов удалось изъять. В конце 1987 г. он был осуждён...

Ну и что? – может возразить иной читатель, – разве среди

коммунистов-руководителей не встречались выродки, стоит ли сгущать краски. Увы, это была система. Годами отшлифованная, она безотказно действовала на протяжении всего существования тоталитарного режима.

Бухара – один из древнейших центров мировой цивилизации, современный город, процветающий областной центр. Мечта туристов всего света – город-музей под открытым небом. На узких улочках и современных проспектах то и дело встречаешь американцев и англичан, немцев и французов, японцев и австралийцев. Но скрытый от глаз приезжих город жил иной жизнью, основанной на культе денег и грубой силы, запугивании непокорных, злоупотреблениях, обмане, провокациях, безудержном обогащении власть имущих. Один из них – Кудратов, в 1976-1983 гг. работавший директором горпромторга.

На секретаря райкома Рахимова гнул спину весь район. На коммуниста Кудратова трудились лишь несколько сот торговых работников из 65 магазинов горпромторга. Зато организация «труда» была поставлена на порядок выше. Все без исключения ходовые товары продавались по повышенным ценам, которые устанавливал сам Кудратов, которому «уходил» и весь «навар». Обложив данью подчинённых, он контролировал каждый их шаг и брал взятки не только деньгами, но и кондиционерами, холодильниками, телевизорами, одеждой и обувью, предметами туалета. Всего в ассортименте подношений числилось больше сотни наименова-

ний. Отпуск дефицитных товаров, назначение на должности, открытие или закрытие торговых точек, сокрытие недостатков, награждения переходящими красными знамёнами за «победу в соцсоревновании» и любые другие вопросы решались Кудратовым только за взятки. Крупные суммы текли в его карман и за счёт фиктивных уценок и утрусок, списания товаров и других махинаций. Любопытно, что Кудратов и не пытался скрывать свой образ жизни. Он владел несколькими домами и автомашинами, при обыске у него были изъяты крупные суммы денег, фляги с ювелирными изделиями и золотыми монетами, полтора километра ткани. Состояние Кудратова оценено в 4,5 миллиона рублей.

«Активная жизненная позиция», как любили выражаться наши идеологи, Кудратова основывались на кулачном праве. Например, в случае задержки выплаты взяток он просто забирал и присваивал выручку из торговых точек: 10, 30, 50 тысяч рублей, а когда ему возражали...

«...1. В январе 1979 г. Кудратов в помещении склада № 5 за отсутствие на рабочем месте и опоздание на работу избил заведующего складом А. Арифова. Его же избил в магазине № 12 за неявку на рыночную торговлю, в январе 1982 г. за опоздание на работу, в сентябре того же года за то, что в магазине находились работники других торговых организаций, в октябре того же года ударил на рынке, когда стоял и с кем-то разговаривал. Наносил побои в мае 1982 г.

2. В мае и августе 1982 г. за грязь подверг избиению в по-

мещении магазина и у себя в служебном кабинете заведующего магазином № 17 Хасана Джамалова.

3. В январе 1981 г. за опоздание на работу возле магазина № 12 избил продавца этого магазина И. Курбанова.

4. В июле 1982 г. за отказ продавать ткань по завышенным ценам на рынке подверг избиению продавца магазина № 12 Ш. Салиева.

5. Летом 1982 г. за несвоевременное обслуживание покупателей в помещении магазина № 34 избил продавца этого магазина Т. Кулдашева.

6. В сентябре 1982 г. за то, что лечил ноги на рабочем месте, в помещении магазина № 62 ударил заведующего магазином А. Салихова.

7. В сентябре 1982 г. за допущенную недостачу возле магазина № 12 избил заведующего магазином № 64 Ш. Ташкулова, угрожал ему расправой и в дальнейшем.

8. В декабре 1982 г. за приём для реализации товаров без его разрешения обругал и ударил заведующего магазином № 36 Д. Муминова.

9. Осенью 1982 г. за отпуск в магазины товаров без его разрешения в своём служебном кабинете ударил заведующего складом № 2 Х. Касымова.

10. В конце 1982 г. за невыполнение плана товарооборота возле магазина № 14 ударил заведующего магазином Р. Хикматова.

11. В январе 1983 г. за невыполнение плана товарооборо-

та в помещении магазина № 22 ударил по лицу заведующего Т. Каштиева».

Этот далеко не полный рассказ о том, как Кудратов воспитывал подчинённых, приведён в приговоре Верховного суда УзССР от 13.05.1986 г. Нашли подтверждение в суде и другие его методы воздействия.

Из показаний завмага А. Ахадова:

«... Не желая ввязываться в эту преступную систему, я неоднократно обращался к Кудратову с письменным заявлением уволить меня по собственному желанию, но он всякий раз рвал моё заявление у меня на глазах, оскорблял нецензурной бранью, выгонял из кабинета, заявляя, что если я уйду из горпромторга, то только в тюрьму».

«... Если не будете давать взятки, – наставлял Кудратов завмага М. Кариеву, – я вас всех уничтожу, сгною в тюрьме. В УВД все мои люди, выброшу тебя как собаку, никто тебя в Бухаре не примет на работу... Никто меня не тронет, хозяин здесь я...»

И это были не пустые угрозы. Когда, например, работник горпромторга Р. Давлеткамова попыталась разоблачить Кудратова, то её выгнали с работы, завели уголовное дело, дважды пытались отравить. Кудратов отдавал под суд и других непокорных. Опасаться ему было некого и нечего. «Когда мы, завмаги, продавали в открытую товары по завышенным ценам на рынке, – рассказывает в своих показаниях Ка-

риева, – нас охраняли работники милиции и сам Музаффаров – начальник ОБХСС УВД. Он и Кудратов всегда находились на рынке и не уходили до тех пор, пока мы не заканчивали торговлю». Свои люди были у Кудратова и в прокуратуре, и в суде, и в облисполкоме, и в обкоме партии.

Обладатель почётного звания «Заслуженный работник торговли Узбекской ССР» Кудратов, обворовывая государство и население Бухары, щедро делился частью добычи с другими областными руководителями. Особенно тесное «деловое сотрудничество» сложилось у него с Каримовым. «От директора Бухарского горпромторга Кудратова Каримов получил: в июне 1978 г. 30 000 руб.; в ноябре 1978 г. две взятки по 30 000 руб.; в апреле, ноябре и декабре 1979 г. три взятки по 30 000 руб.; в июне, октябре и ноябре 1980 г. три взятки по 30 000 руб.; в 1981 г. три взятки по 30 000 руб.; в мае, ноябре, декабре 1982 г. три взятки по 30 000 руб., – всего деньгами 450 000 руб. и, на протяжении 1978-1982 гг., промышленными товарами на 49 410 руб., в том числе 6 мебельных гарнитуров, 5 цветных телевизоров, 5 холодильников, 20 ковров, 5 кондиционеров, вазы, мужская, женская и детская обувь, различные ткани, сувениры и другие промышленные товары на сумму 499 410 руб.»

Мы привели выдержку из приговора Верховного суда СССР от 29 мая 1987 г. по делу первого секретаря Бухарского обкома партии, заслуженного ирригатора Узбекской ССР Каримова. В суде было подтверждено, что Каримов так же

открыто, как и Кудратов, вымогал взятки с руководящих работников области, обкладывая их регулярной данью. Кудратов, выплачивая шефу свою часть дани, в то же время скупал для него крупные партии ювелирных изделий, золотые монеты. У Каримова их было изъято на сумму в 6 миллионов рублей. Их владелец, кстати, переезжая из Бухары в Ташкент, увёз с собой государственную мебель и даже щиты ограждения отопительных батарей и лестничных маршей на сумму в 2 885 рублей. Патологическая жадность ханов и курбаши с партбилетами в карманах, вероятно, должна бы заинтересовать психиатров. Мы же, исследуя деятельность Рахимова, Кудратова, Каримова и их соучастников, не смогли выявить ни единого факта проявления гуманности, попыток оказать материальную помощь конкретным людям, крайне в ней нуждающимся.

Сколько стоит Звезда Героя?

Генеральному прокурору СССР

Реункову А. М.

от бывшего первого секретаря

Хорезмского обкома партии

Худайбергенова М. Х.

Заявление

Давая правдивые показания по своему делу, хочу, товарищ Генеральный прокурор, сообщить Вам дополнительно о некоторых фактах дачи мною взяток руководящим работникам Узбекистана, что не нашло отражения в моих заявлениях. Нижеперечисленные взятки мною были даны следующим лицам:

1. Бывшему первому секретарю ЦК КП Узбекистана Рашидову Ш. Р. в 1982 г. я дал взятку в сумме полутора миллионов рублей за обещание присвоить мне звание Героя Социалистического Труда. Но Рашидов не успел выполнить своё обещание, так как он скончался в 1983 г. Один миллион рублей из этой суммы я дал ему в деньгах, остальные 500 тысяч рублей – в золотых изделиях...

3. Первому секретарю ЦК КП УзССР

Усманходжаеву И. Б. в ноябре-декабре 1983 года я дал 4 взятки на общую сумму 500 тысяч рублей за представление моей кандидатуры на звание Героя Социалистического Труда...

4 сентября 1986 г. Худайбергенов (подпись)

И он своего добился. Руководство Узбекистана представило кандидатуру Худайбергенова к награждению Звездой Героя и настойчиво проталкивало это дело в Москве. Но Мадьяру Худайбергенову не повезло. Хорошо смазанный наградной конвейер впервые, кажется, дал сбой. Андропов и его окружение стали несколько иначе оценивать систему массовых приписок и коррупции в республике, уже начались первые расследования. Поэтому, должно быть, в Кремле решили, что Звезды Героя Худайбергенов не достоин, а вот ордена Ленина – вполне. Эта награда, вручённая Худайбергенову в январе 1984 г. оказалась для Мадьяра Худайбергенова, израсходовавшего 2 миллиона рубликов, в прямом смысле самой дорогой в жизни.

Покупались и продавались не только ордена и должности. Алимбаю Примову пришлось, к примеру, раскошелиться на партбилет. Об обстоятельствах этого он рассказал 21 января 1988 г. на допросе: «...12 октября 1985 г. меня неожиданно вызвали на заседание бюро Каракалпакского обкома партии и исключили из КПСС с формулировкой: за допущенные ошибки в период работы первым секретарём Элликкалинского райкома партии. На другой день я написал заявле-

ние на имя второго секретаря ЦК КП Узбекистана Т. Осетрова и вылетел в Ташкент. В тот же день, 13 октября 1985 г. я попал на приём к Осетрову, отдал ему заявление, переговорил с ним и передал деньги ... Потом побывал на приёме у Усманходжаева... Я вынул из кармана три пакета из белой бумаги и положил ему на стол. Там было 50 000 руб., в двух по 20 000 руб. и в одном – 10 000 руб., всё купюрами по 100 рублей в банковской упаковке... Усманходжаев сказал, что он мне поможет, и для решения этого вопроса будут подключены необходимые работники. Деньги я оставил у него на столе, а сам, попрощавшись, ушёл... Вскоре меня пригласили в кабинет к Осетрову, где слушался мой персональный вопрос. Докладывал член парткомиссии ЦК КП Узбекистана Шадиев, присутствовали заведующий отделом Догонкин, председатель парткомиссии Абдуллаев, его первый заместитель Стрижнев и инструктор ЦК Горюнов. При подведении итогов Осетров сказал, что он переговорил с первым секретарём Каракалпакского обкома партии Салыковым, меня никто не посадит, а восстановят в партии. Считаю, что передача денег Осетрову и Усманходжаеву сыграла необходимую роль, и я достиг желанной цели...»

Заместитель министра внутренних дел УзССР Таштемир Кахраманов на допросах мог часами рассказывать о своём вкладе в военно-патриотическое воспитание молодёжи. Всю жизнь был на комсомольской и партийной работе. Защищал диссертацию на тему «Роль ЦК КП Узбекистана в во-

енно-патриотическом воспитании молодёжи». Кандидат исторических наук. Книги «Воспитывать патриотов Родины», «Школа мужества», «По пути отцов», которые он написал, просил приобщить к материалам уголовного дела. Вот только никак не мог внятно объяснить, как ему, родившемуся в 1940 г., удалось получить медали за участие в Великой Отечественной войне и оборону Халкин-Гола. «Мне давали, я брал», – наконец, изрёк вожак молодёжи. Не любил он и других некоторых вопросов, например, о причинах приписок числа комсомольцев в органах внутренних дел республики.

«Если нужно дотянуться до хлеба – наступи на Коран». Такое толкование ислама приходилось не раз слышать от верующих в Аллаха партаппаратчиков. Сунул на лапу, и в твою область идут мостовые перекрытия, предназначенные для БАМа, газовые трубы для Уренгоя, бетонные покрытия для взлётно-посадочной полосы на Байконуре. За взятки строились коттеджи и охотничьи домики для собственных усад и отдохновения родственников, распределялись путёвки, освобождались от службы в армии и от уголовной ответственности.

Не более чтит священное коммунистическое писание и сиятельные партийные бонзы в Москве. Во Дворце Съездов, Георгиевском зале Кремля, в особняках на Старой площади следователей-профессионалов часто не покидает ощущение, что находишься прямо на месте происшествия. На па-

мья приходят десятки эпизодов из многотомного уголовного дела. Факты передачи конвертов с деньгами не зафиксированы разве что в Мавзолее Ленина и то, вероятно, потому, что там слишком людно. Материалы уголовного дела бесстрастно свидетельствуют, что перераспределение наворованного наиболее интенсивно происходило во время проведения Съездов КПСС, совещаний, Пленумов ЦК, сессий Верховного Совета СССР. «Когда я приходил в ЦК КПСС, – откровенничал, например, Каримов, – то на меня все так и смотрели, что я принёс. Как будто я должен. Без взятки там ни один вопрос не решить». А таких Каримовых слеталось на эти «судьбоносные» партийные и иные мероприятия тысячи.

Надо заметить, что московские коррупционеры отличались этакой деликатностью, что ли, при взимании дани с региональных руководителей. Выработывался даже своеобразный стиль поведения, весьма характерный, скажем, для заведующего сектором орготдела ЦК КПСС Виктора Смирнова, курировавшего партийные кадры Средней Азии.

В показаниях первого секретаря Ташкентского обкома партии Мусаханова от 28 октября 1987 г. говорится: «...В Москве я зашёл в сектор к Смирнову. После разговора по служебным делам Смирнов попросил меня достать в Ташкенте ювелирный набор из серёг с камнем «бирюса», так как в Москве он не мог приобрести. Объяснил, что у его супруги должен быть вскоре день рождения, и он хотел бы сделать

ей подарок. Смирнов заранее меня предупредил, что стоимость драгоценностей он оплатит. Я согласился ему помочь. По возвращении в Ташкент я дал поручение заведующему финхозотделом обкома партии Бузрукову приобрести комплект драгоценностей. Вскоре он принёс мне серьги и кольцо с камнем «бирюса» и я оплатил ему 700 или 800 рублей. Так совпало, что с приближением дня рождения супруги Смирнова я по служебным делам оказался в Москве и взял с собой этот комплект. В кабинете Смирнова я передал ему эти украшения в пластмассовой коробочке. Он осмотрел их, ему очень понравился набор, поблагодарил. Потом спросил меня, сколько стоит. Я ответил, что это подарок от меня, но он настоял, и я сказал ему цену. Он взял из сейфа деньги – 700 или 800 рублей, и передал их. Мне стало неудобно, т.к. я хотел сделать ему подарок, а получилось, что он его оплатил. Тогда я вытащил из портфеля приготовленные заранее 8 000 руб., завёрнутые аккуратно в маленький свёрток, и положил перед Смирновым. Сказал, что это передайте Вашей супруге небольшой сувенир на память, от моего имени поздравьте её. Сказал, что обязан его дружеским расположением ко мне. Он поблагодарил, я вышел из кабинета. Кабинет Смирнова располагался в новом здании ЦК в пристройке-многоэтажке на 4 этаже...»

Изящно, не правда ли?

Как мы убедились в ходе следствия, все руководители областного и республиканского уровня в Узбекистане наизусть

знали даты рождения Смирнова, его жены и дочери. Не только Мусаханову, но и многим другим он заказывал приобрести те или иные вещи и нередко оплачивал их. Но вот вручаемые одновременно с этими вещами крупные денежные взятки никакого протеста у него не вызывали. Это был, если хотите, его почерк. Такие же характерные уловки использовал Смирнов, когда над ним нависла угроза разоблачения. Вот что говорится в показаниях Каримова от 23 февраля 1987 г. : «...О намечавшемся моём аресте Смирнов также заранее был осведомлён и примерно за два месяца до него, в июне 1984 г. он возвратил мне каракулеву шубу 44 размера, которую я дал ему в ноябре 1982 г. Тем самым, как я понял его действия, Смирнов хотел показать, что его со мной ничего не связывает. В этот период я с семьёй проживал в Ташкенте, работал заместителем министра мелiorации и водного хозяйства. Шуба была доставлена мне в служебный кабинет в моё отсутствие... Почти одновременно с возвращением шубы Смирнов вернул мне 500 рублей – очень незначительную сумму от того, что получил меня в виде взяток... А получил он от меня за ряд лет деньгами, промышленными товарами на общую сумму более 55 000 рублей...»

Нет, что ни говори, а нравы кремлёвской коррумпированной элиты были куда более изысканными. Запуская руку в государственную казну или принимая подношения с мест, они не прочь были при этом ещё и повыпендриваться.

26 ноября 1980 г. Щёлокову исполнялось 70 лет. Подарок для Министра внутренних дел СССР, члена ЦК КПСС, Героя Социалистического Труда, кавалера орденов Ленина, Красного Знамени, Октябрьской Революции, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени и других наград, конечно же, не мог быть заурядным. А посему с ведома Щёлокова и Чурбанова работники ХОЗУ МВД подобрали в Гохране золотые часы марки «Налпако» с золотой бортовой цепью. Их передали на Московский экспериментальный ювелирный завод для реставрации, оттуда 20 ноября 1980 г. часы поступили в магазин «Самоцветы», а 21 ноября 1980 г. были приобретены работниками ХОЗУ МВД по цене: часы – 2 300 руб., цепь – 1 700 руб. Конечно, стоимость их, как и других изделий, которые любили выбирать себе вожди в Гохране, явно занижена.

26 ноября 1980 г. Чурбанов вручил часы и цепь Щёлокову, а 28 декабря 1980 г. утвердил фиктивный акт о том, что часы за 4 000 руб. подарены МВД... кому бы вы думали? – Густаву Гусаку! Этот эпизод подробно описан в приговоре Верховного суда СССР по делу Чурбанова. Сам Чурбанов подтвердил, что в день 70-летия Щёлокова вручил ему золотые часы и цепь, приобретённые работниками ХОЗУ, а позднее подписал акт об их списании якобы на подарок Гусаку. Он также отметил, что у него был доверительный разговор со Щёлоковым, и тот сам намекнул ему, что неплохо бы в качестве подарка приобрести ему хорошие старинные часы.

15 мая 1984 г. по этому поводу в качестве свидетеля был допрошен и Щёлоков, который подтвердил, что Чурбанов преподнёс ему золотые часы и цепь. Но выдать их отказался, заявив, что эти часы с цепью он потом «подарил другому лицу, имя которого называть не считает удобным». Щёлоков разыграл благородное недоумение и по поводу того, что уволенные в государственной казне часики списали на Гусака: «О передаче золотых карманных часов тов. Густаву Гусаку по случаю его дня рождения через министра внутренних дел ЧССР тов. Обзина мне ничего неизвестно, и этот акт я увидел впервые сегодня на допросе...»

Однако бывший начальник ХОЗУ МВД генерал-майор В. Калинин, под непосредственным руководством которого осуществлялось казнокрадство, был более откровенен на следствии: «После получения часов я был вызван к первому заместителю Министра внутренних дел Чурбанову, который мне сказал передать ему эти часы с цепочкой, он будет делать подарок министру. Я спросил, на кого списать, он ответил: «На наших демократических друзей». Я пошёл к Щёлокову, доложил. Он мне сказал: «Ну, если хочет подарить Чурбанов, пусть дарит». Я вернулся к Чурбанову, и он предложил мне списать часы с цепочкой на подарок Генеральному секретарю ЦК КПЧ, Президенту ЧССР Густаву Гусаку от МВД СССР. Акт на списание с этой формулировкой был утверждён Чурбановым».

Нет в живых Щёлокова, Гусака. Нет в государственной

казне и старинных золотых часов. Растащены антикварные предметы, произведения живописи, иконы и многие другие ценности из нашего национального достояния. Разворованы алмазы и бриллианты, испарился золотой и платиновый запас, прикарманены миллиарды в иностранной валюте.

Личная жизнь Рано Хабибовны

Всего четыре месяца проработала школьной учительницей педагог по специальности Рано Абдуллаева. Её увлекла комсомольская работа. Стала Рано первым секретарём ЦК ЛКСМ Узбекистана, затем – заместителем Председателя Совета Министров республики, потом – секретарём ЦК республиканской компартии. Защитила рано кандидатскую диссертацию на тему: «Деятельность комсомола Узбекистана в годы семилетки 1959-1965 гг.» Тему для докторской выбрала не менее сложную: «Руководство КПСС Советами в условиях развитого социализма». Стала доктором исторических наук. Из-под пера её вышли книги «Эстафета преобразований», «Юность моя – комсомол», «Руководство КПСС Советами в условиях развитого социализма». Член Верховного Совета СССР, Верховного Совета республики, делегат партийных съездов, увешанная правительственными наградами, она в составе комсомольских и партийных делегаций объехала весь мир. Подследственную просто распирало от важности собственной персоны и значимости её заслуг. «Я – единственная женщина – секретарь ЦК по идеологии, – твердила она на допросах, – меня сама Раиса Максимовна знает». Искренне возмущалась тем, что следствие к ней придирается, пытаюсь выяснить, почему ремонт её коттеджа обошёлся государству в 36 тысяч рублей, каким образом удавалось

её сыну менять, как перчатки, автомашины, как обеспечивались квартирами родственники и друзья. «Все так жили, не я одна», – слышали в ответ следователи, и не было никакого сомнения в том, что говорится это с истинной партийной убеждённостью.

Из показаний Абдуллаевой 25 ноября 1987 г. :

«...На первоначальном этапе следствия по моему делу я занимала недостаточно искреннюю позицию в части получения от должностных лиц тех или иных материальных ценностей. На это у меня имелись свои причины, причём главная из них заключалась в том, что это затрагивало мою личную жизнь, затрагивало меня как женщину. Дело в том, что с 1967 г. по 1983 г. я находилась в интимных отношениях с первым секретарём ЦК КП Узбекистана Рашидовым, была его любовницей. Я любила его, и мне всегда казалось, что он отвечает мне теми же чувствами. Мы периодически встречались с ним у него дома, в г. Москве в гостинице. Последний раз подобная встреча с ним была у меня в сентябре 1983 г. , незадолго до его смерти. О наших близких с ним отношениях, хотя мы не афишировали по известным причинам свою связь, знали некоторые лица из актива республики, в частности, секретари ЦК, многие первые секретари обкомов партии. Соответственно, это определяло и их отношение ко мне как

к близкому к Рашидову человеку, старались лучше встретить, льстили, стремились как-то отличиться в моих глазах. Поэтому ряд должностных лиц и вручали мне деньги, ювелирные изделия, и многое из полученного я передавала самому Рашидову. Таким образом, многие противозаконные действия с моей стороны были связаны с Рашидовым, с нашими близкими с ним отношениями. Поэтому я прошу понять меня и как женщину, что мне было трудно перейти черту и рассказать о своих отношениях с Рашидовым и связанными с этими отношениями некоторых преступных фактах.

Сейчас я приняла твёрдое решение чистосердечно рассказать обо всём, ничего не скрывая, о чём и написала сегодня в явке с повинной, которую передала администрации следственного изолятора для следствия. Отныне я намерена последовательно и твёрдо вскрывать все негативные факты, которые происходили в моей жизни и в жизни республики, потому что мне небезразлично всё там происходящее. Своим правдивым рассказом я желаю внести свой вклад в дело борьбы с негативными явлениями, не скрывая и своих конкретных действий...»

Из показаний Абдуллаевой 27 ноября 1987 г. :

«...Айтмуратова Ережепа я знаю с того времени, когда в 1971 г. стала заместителем

Председателя Совета Министров УзССР по культуре, а Айтмуратов в это время являлся Председателем Совета Министров Каракалпакской АССР. Между нами были ровные, деловые, хорошие отношения... В 1980 г. после одного из заседаний Совмина Айтмуратов зашёл ко мне в кабинет. В это время тяжело болел секретарь ЦК КП Узбекистана по сельскому хозяйству Ю. Курбанов, и многим было понятно, что он уже не поднимется. С Айтмуратовым мы говорили по служебным делам, потом он перевёл разговор на болезнь Курбанова, что хотел бы уехать из Каракалпакии. Хотя он прямо не сказал о своём желании занять место секретаря ЦК вместо Курбанова, но это было очевидно из существа разговора. Кроме того, я поняла, что это прелюдия и что за разговором последует дача взятки... Я ему прямо сказала, что поняла его и поговорю об этом с Рашидовым. Айтмуратов обрадовался, стал благодарить меня, после чего вынул из портфеля бумажный свёрток и вручил его мне... В свёртке был конверт с деньгами в сумме 5 000 руб. После пересчёта денег я всё вновь также завернула и решила отнести это Рашидову. Я была уверена, что Айтмуратов знал о моих интимных отношениях с Рашидовым, поэтому и обратился ко мне за содействием как к любовнице Рашидова...

В этот день я не успела связаться с

Рашидовым, а на другой день позвонила ему и он сказал зайти вечером. Вечером я пришла в кабинет Рашидова, подробно рассказала ему о состоявшемся разговоре с Айтмуратовым и вручила ему от Айтмуратова свёрток с 5 000 руб. Рашидов взял деньги и положил их или в стол, или на полочку под телефонами. Рашидов в принципе не возражал против кандидатуры Айтмуратова, но дал понять, что решение этого вопроса является преждевременным, поскольку Курбанова не следует хоронить раньше времени.

Примерно через 6-7 месяцев после этого Курбанов скончался. Я вновь заходила к Рашидову и напомнила о кандидатуре Айтмуратова. Он улыбнулся и сказал: «Ну и настырная ты, разве я могу тебе отказать», т.е. дал понять, что вопрос с Айтмуратовым будет решён положительно. Так и произошло, Айтмуратов стал секретарём ЦК КП Узбекистана по сельскому хозяйству...»

По-разному вели себя партийные функционеры в период расследования дела. Командир дивизиона ГАИ Иззатов, к примеру, выйдя от следователя после очередного допроса, умудрился вновь получить взятку. Председатель Каганского райпо Шарипов жестоко отдубасил своего племянника, избличившего его на допросе, поместил в больницу и попытался свалить избиение на следователей. Председатель Совета Министров Худайбердиев спрятался в дурдом и, об-

ложившись учебниками по психиатрии, изучал симптомы шизофрении и других освобождавших от уголовной ответственности заболеваний. Второй секретарь ЦК КП Узбекистана Осетров, убедившись после 30 очных ставок, что окончательно заврался, отказался давать какие-либо показания и встречал изобличающих его лиц исключительно матерной бранью. Чего только не предпринимают подследственные, чтобы выпутаться из уголовного дела. Их можно понять, да и следователи привыкли уже ничему не удивляться. Но Абдуллаева поначалу просто ошарашила следствие.

В первые недели после ареста она, вопреки фактам, начисто отрицала всё. Тогда провели ряд очных ставок, на которых сослуживцы изобличали её в коррупции, после чего от Абдуллаевой поступает явка с повинной, где излагается такая версия: дескать, «иногда я получала в небольших размерах взятки, но лишь часть средств оставляла себе, остальное передавала Рашидову, который был моим любовником».

Вот те на! Уж кто-кто, а Рашидов был предметом нашего очень пристального внимания: не давали покоя его огромные капиталы, которые по самым минимальным подсчётам составляли более 100 миллионов рублей. Но никаких сведений о любовных похождениях престарелого республиканского вождя у нас не было. Кроме того, надо было просто знать главную хранительницу домашнего очага Рашидова и его миллионов Хурсанд Гафуровну, женщину такого крутого нрава, что узнай она про любовные шашни Шарафа Раши-

довича, от Рано Хабибовны мокрое место только бы и осталось. Но эмоции эмоциями, а следствие обязано проверить все, даже бредовые версии. Были допрошены лица из ближайшего окружения Рашидова, и они начисто опровергали возможность любовной связи его с Абдуллаевой. Почти месяц, образно говоря, мы вытаскивали Рано Хабибовну из постели «видного деятеля коммунистической партии и советского государства», как именовался Рашидов во всех отрывных календарях. Причём делали это вовсе не ради спасения чести выдающегося казнокрада эпохи застоя, а исключительно в интересах установления истины. Но секретарь по идеологии упрямо стояла на своём: любила Рашидова, и всё тут, а он не разрешал брать много, да и почти всё, что получала, отбирал.

Лишь 22 декабря 1987 г. Абдуллаева, наконец-то, была вынуждена признать всю вздорность своей версии, перестала переключать полученные взятки в карман Рашидова и вспомнила, что она порядочная и почти непорочная женщина. «...Я не являлась ничьей любовницей, я честная женщина. Но взяточничество становилось нормой поведения между руководителями, оно задело и меня... Худайбердиеву я вручила 5 000 руб... От Раджабова получила 7 000 руб. и отрез «хан-атласа»... От Айтмуратова получила 5 000 руб... От Камалова три раза получила по 10 000 руб., кольцо и серьги с бриллиантами... От Худайбергена получила 5 000 руб... От Каньязова получила 4 000 руб... От Мусаханова

получила 15 000 руб... От Каримова получила 12 000 руб... Я присматривалась и наблюдала за тем, как проводится расследование, и в конце концов убедилась, что для следствия главным является установление истины, что оно проводится объективно. Это и побудило рассказать, какие криминальные эпизоды у меня действительно были...»

Что же, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Но, сообщая об обстоятельствах получения и дачи взяток, Абдуллаева вновь не удержалась от того, чтобы не принизить свою роль: «...Могла ли я бороться тогда с политической мафией, возглавляемой кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС Рашидовым, который, в свою очередь, пользовался покровительством Брежнева? Рашидов сплотил вокруг себя костяк наиболее преданных кадров, таких как Усманходжаев, Осетров, Салимов, Худайбердиев, Мусаханов, Орлов и т.п. На фоне этих махинаторов, многие из которых стали миллионерами, я старалась вести себя по возможности более достойно...» – скромно констатировала Рано Хабибовна и тут же с гневом обрушилась на коварных соучастников: «...Когда после смерти Рашидова я попыталась забыть прошлое, стала отходить от махинаторов, от взяточничества, занимать по многим вопросам принципиальную линию, по-партийному решать служебные вопросы, очищать идеологический участок от мафии и её связей, то в конечном итоге стала неугодной Усманходжаеву и другим членам новой мафии. Это и послужило причиной моего освобождения с поста секретаря

ЦК КП Узбекистана...»

Кстати, эта удивительная способность к мимикрии секретаря по идеологии не осталась незамеченной при разгроме «кремлёвского дела». Абдуллаева изобличала коварных следователей с комсомольским задором и продемонстрировала богатую фантазию. За что и была спешно реабилитирована и восстановлена в родной КПСС. Но дома её ждали и некоторые разочарования. Все доходные должности в республиканском руководстве уже были проданы.

Глава

Утренняя гимнастика подполковника ОБХСС

Разумеется, подследственные могут занимать любую позицию, использовать все средства для своей защиты. Но в случае с Абдуллаевой мы-то имели дело не с заурядной перекупщицей краденого из Марьиной рощи. Перед нами, наконец, женщина Востока, а это уже совсем иной разговор. Освещённое вековыми мусульманскими традициями, здесь отношение к женщине складывалось совершенно особое. Нечестивцам, которые даже случайно видели личико ханской жены, рубили головы. Камнями забивали женщин, осмелившихся послушаться мужчину, а уж тем более изменить ему. Ещё недавно женщин и девушек убивали лишь за то, что они решались снять с себя чадру. Парадоксально, но факт: освободив от вековых, подчас диких, предрассудков женщину Востока, коммунистическая власть, похоже, избавила некоторых из них и от всякой морали вообще. В обстановке лжи и лицемерия, где всё продаётся и всё покупается, где разгульный образ жизни партийной знати становится почти идеалом, нравственный облик подследственной Абдуллаевой, замужней женщины, имеющей взрослых детей, явление, в общем-то, заурядное.

Материалы дела свидетельствуют, что предметом взяток

было и женское тело. Мы уже рассказывали, как местные чекисты в течение нескольких месяцев исследовали образ жизни начальника ОБХСС Бухарского УВД подполковника Музаффарова. Подслушивающая аппаратура находилась и в его служебном кабинете. Прежде чем магнитные записи были уничтожены, нам удалось фрагментарно прослушать некоторые из них. Самым бурным у блюстителя социалистической собственности были утренние часы. Вот Ахат в рабочем кабинете. Приятный женский голос – первая посетительница. Щёлкнул ключ в двери кабинета. И вскоре – уже не надо никаких пояснений – магнитофонная лента бесстрастно фиксирует сопенье, характерные всхлипы и вздохи. И так – почти каждый день, вроде утренней гимнастики. В длинном списке фамилий посетительниц, в основном, торговые работники. Большею частью из числа «провинившихся»: недостачи, обсчёт покупателей, незаконные уценки товаров. За сокрытие следовало платить, но Ахат великодушно предлагал взамен сексуальные улады. И женщины, многие, кстати, замужние, соглашались: ведь так дешевле. Но когда объект любовных утех приедался, привередливый начальник ОБХСС вновь начинал расчёты деньгами.

Может поведать уголовное дело и такой сюжет. У офицера милиции четверо детей и красавица-жена, на которую загляделся секретарь обкома партии. Не уступить старшему по должности – невежливо. Жена милиционера на многие годы становится любовницей партийного вожака, зато муж-рого-

носец стремительно растёт по службе. Секретаря переводят в другую область, и он забирает с собой и подругу с мужем, которого назначает на высокий пост. Но «честность» – превыше всего. Трогательная дружба семьями не мешает партийному секретарю получить с мужа любовницы на сей раз 50 тысяч рублей – за должность.

Вот другой пример.

Из показаний Х.:

«...Он вызывал меня в любое время дня к себе в кабинет. Я брала с собой папку для бумаг и шла к нему. Заходили с ним в комнату отдыха, дверь он плотно закрывал, хотя это были лишние предосторожности. Никто бы не решился к нему зайти без разрешения. Неприятно было и то, что он всегда спешил. Он даже не давал мне полностью раздеться. Делал своё дело и выпроваживал меня. Я выходила от него ещё не остывшая, и мне казалось, что все работники видят моё состояние. Было очень стыдно проходить через приёмную... Когда он не выезжал в командировки, то вызывал меня и два и даже три раза в неделю, иногда реже... Как-то у меня были месячные, он рассердился и мне пришлось удовлетворить его желание другим способом. Однажды я не выдержала, попросила его оставить меня в покое. Тогда он напомнил, что моя должность заведующей отделом обкома партии стоит больших денег и желающих занять

этот пост немало... О нашей связи догадывались многие, догадывался и муж. Но что он мог сделать с первым секретарём обкома...»

В процессе расследования выявлено немало случаев, когда партийные функционеры содержали подружек не только для собственных утех. В качестве живого товара их предлагали республиканскому и московскому начальству. Расплачивались же с гетерами за государственный счёт: обеспечивали квартирами, автомашинами, представляли к наградам, назначали на выгодные должности, даже «избирали» депутатами. Однажды приходит в кабинет один из следователей нашей группы и сообщает, что допрашивал одну такую девицу и на вопрос о том, депутатом какого Совета она является, не смог получить внятного ответа. Случай любопытный. Зашли побеседовать. Симпатичная девушка, 26 лет, не замужем. Объясняет, что раньше была депутатом горсовета. На последних выборах её опять куда-то избрали, но она не знает – в городской или областной Совет. На сессии, естественно, не ходит. «А зачем мне это?» – говорит совершенно искренне. Кстати, через несколько месяцев узнали, что функционер-покровитель выдал девушку замуж за своего подчинённого и обеспечил квартирой.

Шестилетнее кропотливое расследование даёт право утверждать, что в какую бы область, какой бы район на карте этого региона мы не ткнули пальцем, везде можно было обнаружить своих рахимовых, кудратовых, абдуллаевых.

Менялись лишь фамилии, обстоятельства конкретных эпизодов, но неизменной оставалась суть порочной системы, где культ денег и грубой силы, алчность и безнаказанность, круговая порука стали нормами жизни и поведения партийных мародёров.

Диктатура КПСС нанесла непоправимый ущерб всем народам нашей страны. Серьёзно пострадало и население азиатских республик. Именно здесь большевистское правление приняло наиболее чудовищные формы, и в то же время закрепились наиболее прочно. И поныне марксисты-ленинцы чувствуют себя здесь вольготно, лишний раз подтверждая, что восточный деспотизм мало чем принципиально отличается от коммунистического режима.

На смену эмирам, ханам и курбаши пришли новые с партбилетами в кармане и наглой пропагандистской тарабарщиной на устах. Кстати, можно обнаружить и прямую преемственность, когда бывшие муллы, баи, ханские отпрыски становились партийными руководителями, плодя новую элиту. Нигде больше в нашей стране не наблюдалось такого жуткого социального неравенства: узкий круг партийных миллионеров и их ближайшего окружения и огромные массы забитого, замордованного, запуганного, зачастую живущего далеко за чертой бедности народа. За его счёт кормилась вся эта наглая и чванливая знать. Она и по сей день заинтересована в том, чтобы вечно держать этот народ в страхе и нищете, не допускать инакомыслия, пресекать тягу к свободной

и богатой жизни, к установлению демократических институтов. Вот почему наиболее прочную паутину мафия сплела именно в южных регионах страны. Десятилетиями здесь создавалась обстановка, при которой были невозможны разоблачения крёстных отцов мафии и верных им оруженосцев. От вмешательства центральных правоохранительных органов вся эта паутина только слегка дрогнула. Кремлёвские покровители уберегли не только себя, но и региональные группировки от дальнейших разоблачений. В 1989 году эти преступные кланы вздохнули с облегчением. Для закрепления успеха они организовали погромы и резню под видом межнациональных конфликтов. Когда крушение прежнего режима стало очевидным и начался процесс провозглашения независимости, то мафиози вкладывали в это понятие иной смысл, а именно: независимость от разоблачений, свободу и дальше обирать свой измученный народ, в неприкосновенности сохранять все привилегии и капиталы правящей касты. Но уже и в этих разбуженных республиках пробиваются демократические ростки. Новым силам и предстоит продолжить смертельный поединок с мафиозно-коммунистическим спрутом.

ТРОН ИНДИЙСКОГО ВЛАДЫКИ

Занавес поднимать рано

Генеральному прокурору СССР
от Музафарова Ибрагима.

Находясь в следственном изоляторе № 1 мне стало известно, что если следственной группой Прокуратуры СССР будет взят под стражу бывший министр МВД Эргашев, то после этого должно быть покушение на жизнь руководителя следственной группы Гдляна Т. Х.
16 мая 1984 г. Музафаров (подпись)

Генеральному прокурору СССР
от следователя следственной
группы Прокуратуры СССР
Абдурахимова Б. Б.

В ходе расследования уголовного дела № 18/58115-83 мне неоднократно приходилось проводить следственные действия с обвиняемым Музафаровым Ибрагимом по кличке «Каль». 16 мая 1984 г. в следственном изоляторе № 1 МВД УзССР я получил от него информацию о готовящемся покушении на руководителя следственной группы тов. Гдляна Т. Х. Музафаров ещё на свободе поддерживал дружеские отношения с одним из главарей преступного мира

Узбекистана, который в настоящее время содержится в камере №...¹³ того же следственного изолятора. 10 мая 1984 г., как пояснил Музафаров, путём подкупа дежурного по корпусу (дал ему 50 рублей), он из своей камеры проник в камеру №..., где встретился с ...

В доверительной беседе он сообщил Музафарову, что поддерживает связь с работниками милиции, которые вместе с ним запланировали убийство Т. Гдляна в случае ареста министра внутренних дел УзССР Эргашева К. Работников милиции, ныне занимающих ответственные посты, не столько волнует судьба Эргашева, сколько то обстоятельство, что в силу слабости характера и трусости он выдаст этих должностных лиц. По этому плану убийство Гдляна должен совершить один уголовник, находящийся на свободе. Если он будет пойман, то никого не выдаст, возьмёт убийство на себя, выдвинув незначительный, надуманный мотив...

16 мая 1984 г. Б. Абдурахимов (подпись)

С этих двух документов и началась тайная операция по пресечению подготавливаемого покушения. Получив в свои руки ниточку, оперативники из республиканского КГБ неожиданно выявили, что помимо этих лиц покушение на жизнь руководителя следственной группы готовил и сам Эргашев. Тогда удалось не допустить этого террористического акта. Позднее были и другие тайные операции, о содержа-

---

¹³ Номер камеры ташкентской тюрьмы и фамилия источника информации, которые содержатся в тексте рапорта опущены.

нии которых мы и по сей день не вправе рассказывать. К сожалению, не все эти попытки пресекались без потерь. Через несколько лет погиб в Бухаре Музафаров, оказавший нам неоценимую услугу в 1984 г. Не удалось уберечь некоторых следователей, свидетелей обвинения. Часть этих преступлений осталась нераскрытой. Писать о большинстве операций ещё рано, потому что в таких делах утечка информации может повлечь непоправимые последствия.

Гласность в криминальной сфере специфична и предполагает определённые ограничения. В западных странах, например, недопустимо разглашение данных о внедрённых в мафиозные структуры агентах, важных свидетелях. Опасаясь за жизнь людей, им меняют фамилии, документы, возмещают расходы по смене места жительства. Жёсткий запрет на разглашение оперативной информации существует и у нас в стране. Если бы не смерть Музафарова, не упомянули бы и его фамилию, рассказывая об оперативных мероприятиях 1984 г. Но и при этом, читатели, конечно, обратили внимание, мы не указываем ни номер камеры, где Ибрагим встречался с источником информации, ни фамилию этого уголовника. Поскольку понимаем: достаточно лишнего намёка, и где-нибудь далеко от Москвы могут забиться в предсмертных судорогах либо этот человек, либо другой платный агент, без которых не обходится ни одно государство мира в борьбе с преступностью, тем более с мафией. Поэтому должны пройти десятилетия, прежде чем обстоятельства той или

иной оперативной комбинации могут быть преданы гласности. И тем не менее, об одной из таких прямо-таки детективных историй сегодня уже можно рассказать.

Сокровище Бабура

Ранним утром 4 мая 1984 г. в следственной части прокуратура СССР зазвонил телефон.

– Салом алейкум.

– Ваалейкум ассалам.

После витееватых приветствий стало ясно, что незнакомец представляет хорошо знакомый нам среднеазиатский регион, а знаки внимания на узбекском языке – часть атрибутики, призванной подчеркнуть, что разговор идёт со «своим».

– Тельман-ака, вся пресса Советского Союза пишет о том, сколько золота и бриллиантов вы отобрали у наших баев. Это хорошо. Но, согласитесь, что у вашей следственной группы всё-таки узкая специализация и масштабы не те. Вы рое-те тысячи тонн грунта, и находите каких-нибудь несколько центнеров золотых побрякушек.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я ничего не хочу сказать, я хочу предложить.

– А именно?

– Трон Бабура.

– Не понял.

– А что тут понимать, историю надо знать. Я имею в виду того самого моего земляка по имени Бабур, который после долгих преследований у себя на родине оказался на чужби-

не и в средние века стал владыкой Индии с её несметными богатствами. Вот трон я вам и предлагаю. Вещь-то, как вы понимаете, дорогая. Ваши следователи за пятилетку не выкопают столько золота, сколько стоит эта реликвия. Если это вас интересует, то я к вашим услугам.

– Хорошо приходите ровно через час.

Как только в телефонной трубке затикали первые сигналы отбоя, в голове сами по себе стали выстраиваться версии по поводу только что полученной довольно любопытной информации. Самым естественным было бы предположить, что это либо авантюра, либо тот самый его величество случай. Расследуя громкое и беспрецедентное дело, мы привыкли быть осторожными во всём, чтобы не дать спровоцировать себя и не поставить под удар интересы расследования. Какой-то внутренний тормоз автоматически сработал и на сей раз: не поддаваться эмоциям. Но в то же время, даже по нормам уголовно-процессуального права, мы не можем отбрасывать любую информацию, всё должны досконально проверить и дать юридическую оценку каждому факту. Есть, кстати, у этой процессуальной медали и обратная, человеческая сторона, на которой начертано: «Чем чёрт не шутит».

Пропуск оформлен был на имя Салиева Мухамаджона Салиевича. И вот он в кабинете № 403, который благодаря прессе уже получил известность как место юридического диссидентства в правоохранительных органах Советского государства, своеобразный штаб, куда каждодневно стека-

лись сведения об имперских, княжеских, ханских и байских взятках, хищениях и других должностных преступлениях из пяти среднеазиатских республик, республик Закавказья, Северного Кавказа, Молдавии, Украины, России и белокаменной Москвы.

В кабинете – гость из далёкого, но уже ставшего нам близким и даже чем-то родным Узбекистана. О чём он собирался рассказать? И какая может быть связь между средневековым и нашей эпохой перестройки? Между империей на Индостанском полуострове и советской империей?

Не терпелось поподробнее расспросить обо всём. Но за пять лет работы в Узбекистане мы уже неплохо ориентировались в дебрях азиатской дипломатии. Перейти сразу к сути дела – сразу проиграть его. В Азии спешат, но медленно, и поэтому плохо воспринимают тот тип людей, которые, не удостоив элементарного внимания собеседника, норовят, как говорится, взять быка за рога. В соответствии с вековой традицией прежде чем перейти к основной теме разговора, стороны долго, порой невыносимо нудно спрашивают друг друга о здоровье, семье, детях, близких и родных, порой даже о живности в хозяйстве. Весь этот набор однотипных, заученных сизмальства слов произносится во время медленного чаепития. Кстати, в Узбекистане нас научили одному хорошему, древнему правилу: одна заварка – одно чаепитие. Считается дурным тоном использовать одну заварку дважды или трижды. В суматошной Москве мы, конечно, постепен-

но забыли эту отличную восточную традицию.

Итак, мы, как и положено, минут 30-40 потратили на взаимный обмен любезностями, постепенно приближаясь к основной теме нашей беседы – трону Бабура.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

г. Москва 04 мая 1988г.

Следователь следственной группы Прокуратуры СССР старший советник юстиции Мысловский Е. Н. в помещении следственной части прокуратуры СССР допросил в качестве свидетеля гр-на Салиева Мухамаджока Салиевича, 19.07.38 г. рождения, уроженца г. Андижана, узбека, б/п, временно не работающего, проживающего: Узб. ССР, г. Андижан, 2-ой микрорайон, д. 49, кв. 2. Об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний по ст. 181-182 УК РСФСР предупреждён:

Салиев (подпись)

Перед началом допроса свидетель Салиев заявил, что русским языком владеет хорошо и показания желает давать на русском языке.

Салиев (подпись)

По существу дела свидетель пояснил:

В следственную группу Прокуратуры СССР, возглавляемую старшим следователем по особо важным делам Т. Гдляном, я решил обратиться в связи с

появившимися в центральных газетах сообщениями о том, что именно его следственная группа ведёт борьбу с организованной преступностью в Узбекистане. Я считаю, что к таким преступным группам относятся враждующие в течении многих лет между собой группировки Насреддиновой и Рашидова. Судьба столкнула меня с этими группировками, и я хочу предотвратить совершаемые ими преступления. Дело в том, что я являюсь младшим сыном Якубова Салиджана. По семейному преданию наш род относится к знатным родам Узбекистана. Мой дед служил военным министром у Кокандского хана, а мой отец и его братья после революции сражались за Советскую власть. Младшего брата отца повесили басмачи в 20-х годах. Наш род относится к древним родам, и по преданию именно у нас находится на хранении историческая и культурная ценность, реликвия мусульман Павлиний трон Бабура. Последним хранителем этой реликвии был мой отец. По установившемуся порядку в роду обычно выбирался человек, который и становился хранителем. У нас в семье несколько братьев. Старшие братья от одной матери, я – от другой. Отец часто говорил, что человек не должен потерять свою основу, что сейчас не оставляют детям фабрики и заводы, но дают образование. Из разговора с отцом я чувствовал, что он готовит меня к чему-то, но прямого разговора о хранении трона Бабура у нас не было. В 1958 году я поступил в медицинский институт... В 1964 году я

освободился из мест заключения и вернулся домой. Отец был тяжело болен и лежал при смерти. Вот тогда, незадолго до смерти, он урывками объяснил мне, что является хранителем трона, и назвал примерно место хранения схемы с расположением тайника с тронном. Дней через десять-двенадцать после моего освобождения отец умер. Впоследствии, размышляя над причинами всего происшедшего в моей семье, я пришёл к твёрдому убеждению, что всеми этими событиями руководила какая-то мощная рука. Я стал искать причины и сейчас уверен, что всё это было подстроено руками Насреддиновой, действовавшей через своих людей в Андижане. У них была главная цель – любой ценой развалить наш род и добраться до трона.

Протокол мною прочитан, записано с моих слов правильно.

Салиев (подпись)

Следователь (подпись)

После первого дня общения с Салиевым возникли некоторые нестыковки, разночтения одного и того же текста. Но приступать сразу к официальной проверке было рискованно. Опасались, и не без оснований, утечки полученной от свидетеля информации, неординарной, противоречивой и секретной одновременно. Предстояло действовать осторожно и максимально скрытно. По нашему заданию работники милиции провели ряд оперативных мероприятий и сообщили: Салиев устроился в гостиницу «Северная», по утрам за ним приезжает автомобиль марки «Вольво», в своём номере

встречается с рядом лиц азиатского региона. Он же в беседе с нами утверждал, что в Москве ни с кем не поддерживает контактов, кроме следствия, и что о его приезде в столицу никто ничего не знает. Естественно, сразу возник вопрос: если Салиев, как он утверждает, искренен и «не держит камень за пазухой», то с какой целью отрицает всё то, что стало нам известно?

ПРОТОКОЛ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОПРОСА
СВИДЕТЕЛЯ САЛИЕВА М. С.

г. Москва 05 мая 1988 г .

Допрос начат в 17 час. 20 мин.

Допрос окончен в 19 час. 10 мин.

Вопрос: Что вы можете пояснить относительно исторической или материальной ценности трона Бабура?

Ответ: Я сам этого трона не видел и могу судить о нём только по тем разговорам, которые когда-то происходили в окружении моего отца. Поскольку трон считался реликвией мусульман, то о нём часто вели разговоры собеседники моего отца. В то время я не придавал значения этим разговорам. По преданию, этот трон был изготовлен шахом Джahanом, внуком Бабура. Материальную ценность его не могу назвать, но, видимо, он должен быть украшен драгоценными камнями, поскольку являлся тронем восточного владыки, а на Востоке все любили украшать вещи драгоценными камнями. Гораздо большую ценность он представляет как историческая и культурная ценность.

Поэтому я и считаю, что его необходимо передать государству.

Вопрос: Каким образом вы планируете организовать передачу этого трона?

Ответ: Прежде всего мне надо попасть в дом моего отца, который мой брат Салиев Ибрагим продал без моего ведома в 1981 году. Насчёт даты продажи я могу ошибаться, так как точно этого не помню. Я выписался в 1979 году и уехал из Узбекистана. По существу я спасался бегством от преследования и прожил два года в Москве без прописки. Средства у меня на это были. Вернулся в Андижан я только в ноябре 1983 года, когда дом был продан...

Но кроме меня никто не знает, где находится тайник, и я пока не хочу называть, где он находится. Вот поэтому мне и надо сейчас попасть в дом. Я не хочу появляться там самостоятельно и делать что-либо в обход закона, чтобы меня не считали грабителем. После того, как схема будет у меня на руках, нам надо будет выехать в то место, где хранится трон. Это находится даже в другой республике, но и это место я пока не хочу называть. Я полагаю, что на всю операцию, если мы начнём её с утра, у нас уйдёт день.

Я хочу пояснить, что, передавая трон властям, я могу навлечь на себя гнев фанатиков. Но в то же время я последний, кто знает о тайнике трона. У меня нет семьи, бремя тайны мне тяжело нести. Передать мне её некому...

Кроме того, я хочу, чтобы группировка

Насреддиновой, преследующая наш род из-за этого трона, оставила нас в покое...

Вот почему я хочу расстаться с тайной трона и начать спокойную жизнь.

Протокол прочитан мною, с моих слов записано правильно.

Салиев (подпись)

Следователь (подпись)

Засада в горном ущелье

В двух протоколах допросов отражены официальные контакты следствия с Салиевым. Но была и другая неофициальная часть беседы, в ходе которой свидетель дал кое-какие сведения, но не пожелал включить их в протокол своего допроса.

Предстоящие совместные действия, по мнению владельца трона, должны быть организованы следующим образом. В силу чрезвычайной секретности операции, в ней обязательно (это было поставлено одним из главных условий) должны участвовать руководители следственной группы и несколько ведущих, особо доверенных следователей. Участие оперативных служб КГБ и МВД категорически отвергалось в силу патологического недоверия свидетеля к этим органам. Затем ограниченное количество наших работников (по сути, речь шла о руководстве следственной группы) с его участием проникает в бывший отцовский дом, выкапывает из тайника схему места нахождения трона, и вечером, под покровом наступающей темноты, группа на автомашинах незаметно пересекает границу Узбекистана и движется по территории Киргизии к окрестностям г. Ош, а далее в горы Памира, ближе к китайской границе. Конечный пункт – глубокое, обрывистое ущелье, из которого нет ни одного бокового выхода. Там и хранится трон знаменитого Бабура. После изъяс-

тия, согласно сценарию Салиева, трон не нужно завозить в Узбекистан, ибо, по его мнению, фанатики из числа мусульманских фундаменталистов могут отбить его, а следователей разорвать на части. Окольными путями реликвию надо доставить в Москву и сдать в Государственное хранилище ценностей.

Вот и вся предложенная нам схема предстоящих действий по изъятию трона Бабура. Салиев поставил жёсткие условия: если хоть один из пунктов предложенного им плана будет нарушен, то он категорически отказывается выдать трон. Вот такие дела. Хозяин-то положения он: захочет – выдаст, не пожелает, закапризничает – поминай как звали уникальную, историческую ценность. Она действительно существовала. Следователь Мысловский побывал в столичном музее искусств народов Востока. Эксперты подтвердили, что трон Бабура действительно существовал на самом деле. Из Индии он попал в Среднюю Азию и хранился в Кокандском ханстве, будучи яблоком раздора, из-за обладания которым шла постоянная вражда, ибо тот, кто владел трон-символом, тот и претендовал на власть в ханстве. После революции следы трона Бабура вместе с отступающими отрядами басмачей затерялись где-то в Ферганской долине.

Начался затяжной, многодневный торг по согласованию взаимоприемлемых условий. Обе стороны использовали изрядный запас приёмов азиатской дипломатии. В мягких, обтекаемых выражениях, за которыми стоял реально пресле-

дуемый интерес, мы пытались убедить друг друга в наибольшей эффективности и безопасности предлагаемых планов.

Ну, во-первых, нас насторожило, и не без оснований, то обстоятельство, что одним из главных условий предстоящей акции было обязательное участие в ней руководителей следственной группы и ведущих следователей. Во-вторых, не могло не вызывать сомнения категорическое возражение Салиева против участия оперативных работников КГБ и МВД в проведении операции. Кто же в этом случае, возникал вопрос, будет обеспечивать безопасность безоружных следователей и охрану бесценной реликвии? Появились и другие вопросы, на которые Салиев не мог дать вразумительных ответов, однако он твёрдо стоял на своём. Создавалось такое впечатление, что его как бы заклинило, будто он был туго привязан к чему-то, от чего не мог отступить ни на шаг. Но тем не менее, в ходе изнурительных переговоров нам удалось перехватить инициативу. Договорились, что мы сами назначим время проведения операции, определим состав её участников, наметим меры по обеспечению безопасности. Салиеву же было рекомендовано не высовываться, отправляться в Андижан и ждать нашего сигнала.

Началась подготовка к проведению операции «Трон Бабура». О результатах переговоров и достигнутом соглашении мы поставили в известность начальника следственной части Каракозова и просили дать добро на проведение акции. Тот, в свою очередь, доложил заместителю Генерального проку-

рора по следствию, а он по инстанции – Генеральному прокурору.

Через несколько дней мы получили разрешение руководства на реализацию намеченного плана. Достигли договорённости с МВД и КГБ об оперативной поддержке действий нашей группы. Следователь Мысловский вылетел в Ташкент и там, уже на месте, обговорил с наиболее доверенными оперативниками некоторые конкретные детали общих действий. Особое внимание уделили организации безопасности предстоящего мероприятия. Первый заместитель министра внутренних дел Узбекистана генерал-майор Э. Дидоренко (в дальнейшем репрессированный за свои смелые действия и принципиальную позицию по борьбе с республиканской мафией) выделил два десятка своих бойцов, вооружённых автоматами и обеспеченных бронежилетами и связью. К группе присоединились местные чекисты в штатском, тоже, конечно вооружённые табельным оружием. Кавалькада автомашин с участниками операции ранним утром выехала из Ташкента и через три часа прибыла в Андижан. Они заехали за Салиевым и направились к бывшему дому его отца. Улица была с обеих сторон заблокирована автоматчиками, которые охраняли зону предполагаемых раскопок. Другим автоматчикам было приказано забраться на дувал и занять позиции. Всё было организовано с намерением продемонстрировать внушительную вооружённую силу участников операции.

Новые владельцы дома были буквально ошарашены и дол-

го не могли понять, что к чему. Чтобы успокоить людей, следователь показал санкционированное прокурором постановление о проведении обыска и объяснил, что следствие к ним не имеет никаких претензий.

Трудно описать состояние нашего московского визитёра Салиева, который, конечно, не ожидал, что на эту акцию будет брошена вооружённая до зубов группа, явно демонстрирующая силу. Он сник, видимо стал понемногу понимать суть происходящего, но упрекнуть следователей было не в чем. Ему предложили показать место, где хранилась схема. Салиев повёл в одну из комнат с сандалем – узбекской печью. Почти в каждой семье есть специально приспособленное в земле углубление, где разводится огонь и, когда угли начинают тлеть и угасать, домочадцы садятся вокруг сандала, опускают ноги вовнутрь, накрываясь сверху одеялом. Так жители обогриваются здесь в зимние месяцы. Начались раскопки. Но уже к вечеру все убедились, что никакой схемы там нет. «Так где же она?» – спросили Салиева, на которого было жалко смотреть. Он еле слышно пробормотал: «Не копайте больше. Видимо, я ошибся. Ничего там нет».

Ещё в Москве мы договорились с Мысловским, что в случае неудачных раскопок тот отпускает Салиева домой. Незадачливый кладоискатель ушёл, не зная, правда, что наблюдение за ним продолжается...

К тому времени мы достаточно знали, что ничего под сандалем нет и не должно быть, что против следствия бы-

ла подготовлена крупномасштабная акция. На сей раз по физическому уничтожению руководителей группы и лучших следователей. Цель – прежняя: воспрепятствовать нашему проникновению в Ферганскую долину, где в течение десятилетий сформировались устойчивые и достаточно могущественные преступные группировки. Благодаря утечке информации не только из местных органов КГБ и прокуратуры, но и из ЦК КПСС они знали, что мы намерены всерьёз разворошить их клан. Поэтому лихорадочно прикидывались возможные варианты противодействия разоблачениям. Многочисленные угрозы расправиться со следователями или попытки подкупить их не давали результатов. Малоэффективными оказывались и другие провокации против группы. Уже неоднократно появлялись у нас и подставные лица, как правило – вполне респектабельные, которые вызывались помочь изъять у министров, прокуроров и хозяйственных руководителей по нескольку миллионов, с указанием на аккуратно составленных схемах якобы конкретных мест их хранения, количества мешков, чемоданов и фляг, набитых золотом и деньгами. Однако ожидания, что мы попадёмся на эти уловки, подставимся под удар и с нами можно будет разделаться чужими руками, не оправдывались. Нужна была новая, необычная наживка, на которую следствие клюнуло бы обязательно. В поисках её мафиози и вспомнили о троне индийского владыки, а вместо респектабельной личности решили использовать человека, за плечами у которого было

шесть судимостей.

Что бы произошло, если бы следствие угодило в расставленные сети? Руководители группы и их надёжные помощники без серьёзного вооружённого прикрытия в ночное время с проводником Мухамаджоном оказываются в горном ущелье, из которого нет выхода. Живьём из этого каменного мешка не ушёл бы никто. В том числе и Салиев. Дав согласие пройтись по лезвию бритвы, он превратился с этого самого момента в потенциального смертника. Ведь только устранением его можно было бы окончательно спрятать концы в воду.

Попади мы в ловушку с треном Бабура, некоторые события могли бы обернуться по-иному. Конечно, были бы официальные сообщения о трагическом случае в горном ущелье, возможно – посмертные награждения и хвалебные публикации в прессе. Уголовное дело, которое мы вели, новые руководители группы спустили бы на тормозах. Кстати, если бы погибли не мы, а подчинённые следователи группы, то самого факта было бы достаточно, чтобы отстранить нас обоих от руководства следствием. Немало коррупционеров ушло бы от всякой ответственности, продолжая руководить ограбленным ими народом. Свободно вздохнули бы и на кремлёвской вершине мафиозной пирамиды. Верные ленинцы, на которых клейма-то поставить негде, по-прежнему сотрясали бы воздух пустословием своих речей, вызывая гром аплодисментов на XIX партконференции и последующих пленумах

и съездах. И не заварилась бы скверная политическая каша вокруг «кремлёвского дела» на Съезде народных депутатов и в Верховном Совете СССР.

Всё это можно предположить с достаточно большой степенью вероятности. Но задуманная мафией акция не состоялась.

Профессиональное следственное чутьё, годами выработанное правило, когда ключ к разгадке проблемы пытаешься найти в нюансах, еле заметных противоречиях и оттенках, уберегло нас от соблазна всерьёз заняться поисками сокровища. Первое сомнение – уголовнику вряд ли пришла бы в голову изящная идея с троном индийского владыки. Смущали и категорические требования Салиева обеспечить присутствие на операции руководства группы, исключить участие в ней сотрудников КГБ и МВД, угрюмое ущелье и ночное время проведения операции...

Время встречи – полночь

Но чутьё, как говорится, к делу не пришьёшь. И тут мы хотим поделиться с читателями информацией, которая обычно помечается грифом «совершенно секретно». Это, кстати, редчайший случай, когда следователи приоткрывают завесу над кухней своей работы. Понятно, что мы не называем имён и умалчиваем о некоторых моментах, которые могли бы раскрыть источники, из которых мы получили ценные сведения.

Итак, внезапное появление Салиева для нас оказалось неожиданностью. Как быть? Несмотря на всю привлекательность предполагаемой операции по изъятию трона Бабура возникли первые сомнения. За неимением времени решили обратиться к главным и в высшей степени надёжным источникам информации – к двум нашим друзьям в Узбекистане, занимающим до сих пор довольно высокое положение в иерархии власти. В течении всего расследования и в последующие годы они оказывали нам неоценимую помощь. Однако прибегали мы к услугам этих людей в исключительных, экстренных случаях. Был разработан код из определённых слов, понятных только нам. Время телефонной связи было определено ровно на 24 часа. Текст был таков: «Ака-джон, нарушается график работ, требуется ваше вмешательство». Ответ: «Я дам указание исправить положение». На следующий день после этого разговора мы встречались поздним ве-

чером в условленном месте в Ташкенте и обсуждали возникшие проблемы. Если же мы звонили из Москвы, то из текста выпадало слово «джон». Иначе говоря, обращение «Акаджон» означало встречу в Ташкенте, а в варианте обращения «ака» – в Москве. По прибытии в Москву один из наших друзей звонил нам: «Я в аэропорту, пришлите машину». Это означало, что гость благополучно долетел до столицы и встреча состоится в условленном месте поздним вечером того же дня. Периодически время встреч и пароли менялись.

На следующий день после условного звонка в Москве состоялась встреча, на которой мы изложили всю фактуру и попросили помощи. Долговременная работа приучила нас понимать друг друга с полуслова. Задача ставилась перед нашим другом не простая, и на другой день он вылетел в Ташкент. А мы тянули время, ведя затяжные переговоры с Салиевым. Чтобы принять окончательное решение, необходимо было получить из Узбекистана подтверждение.

Спустя несколько дней наш друг вновь появился в Москве. Мы разговаривали три часа, узнали немало любопытных деталей. Например, после обсуждения плана провокации в узком кругу отцов мафии к ним в Фергану приезжал вояжёр из ЦК КП Узбекистана. Примерно недели две спустя было получено также согласие от московских мафиози. После этого машина заработала. Впереди был знаменательный рубеж – XIX Всесоюзная партконференция. К этому времени предполагалось покончить с «занозой в теле пар-

тии» – непослушным следствием, нагло продолжающим разоблачения в монолитном кадровом корпусе. На роль провокатора было несколько кандидатур, остановились на Салиеве. Одному из умельцев поручили составление фальшивой схемы места расположения индийского сокровища. За три дня до появления Салиева в Москве схема была зарыта, но не там, где он показал, а в другом месте неподалёку. По задумке хозяев Салиева раскопки должны были начаться в сандале, затем, в зависимости от поведения следователя, переместиться на место расположения фальшивой схемы. На схеме должно быть обозначено место в горном ущелье, где, якобы, хранится трон. С началом акции по сигналу Салиева группа из 12 отпетых уголовников должна была прибыть в ущелье и занять там боевые позиции. Боевики имели на вооружении стрелковое оружие, несколько автоматов и ручной пулемёт. Выяснилась одна любопытная деталь: наёмники не были осведомлены, в кого они будут стрелять. Мафия понимала: не всякий, даже отпетый уголовник пошёл бы на это «мокрое» дело, знай он, что речь идёт о следственной группе пользовавшейся к тому времени уже большой известностью в нашей стране. Не случайным был и выбор места расправы на территории другой республики: мафиози, естественно, не желали привлекать излишнее внимание к Узбекистану.

Получив эту ценнейшую для нас информацию, мы решили никого, в том числе руководство Прокуратуры СССР, с полученными сведениями не знакомить, а начать проведе-

ние операции «Трон Бабура» по плану, уже согласованному с начальством. Если откопаем схему, прерываем работу, назначаем судебную экспертизу и устанавливаем липу. Но в любом случае прогулка в горное ущелье не состоится.

Мы поставили своей целью продемонстрировать мафии нашу силу, остудить некоторые горячие головы, показать бесперспективность дальнейших провокаций против следствия. И эту задачу выполнили. А через несколько месяцев основательно потрясли и ферганский клан. Удалось привлечь к уголовной ответственности и арестовать первых секретарей Ферганского обкома партии Умарова и Наманганского – Раджабова (оба они являлись делегатами XIX Всесоюзной партконференции), Андижанского – Рахимова, первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Усманходжаева. Попала в поле зрения нашей следственной группы и Насреддинова – Председатель Президиума Верховного Совета УзССР, пользовавшаяся благосклонностью Хрущёва, а позднее – Брежнева. В начале семидесятых годов она возглавила Палату национальностей Верховного Совета СССР. Спустя несколько лет, когда в Узбекистане проходило очередное расследование в отношении сановных коррупционеров и многие её соучастники были осуждены, по личному указанию Брежнева дело Насреддиновой было незаконно приостановлено и почти на 10 лет упрятано в архив союзной Прокуратуры. Криминальные эпизоды, связанные с Насреддиновой, были выявлены и нашей группой. Поэтому мы настояли на отмене

незаконного постановления и по старому её делу, присоединив его к материалам следствия. Но и на сей раз кремлёвские покровители не допустили, чтобы она предстала перед судом. Когда начался разгром расследования, было прекращено и дело Насреддиновой. И на этот раз, похоже, что на всегда.

Обосновавшись в Ферганской долине, мы кропотливо исследовали действия преступных группировок, тесно связанных с ташкентским и московскими мафиози. А затем провели и успешные акции по изъятию крупных ценностей Усманходжаева, причём вновь с демонстрацией силы, серьёзным прикрытием, использованием техники, окончательно переломив ситуацию в свою пользу. Мафиози затаились и уже больше не помышляли о террористических актах, подобных операции «Трон Бабура». Постепенно сжималось кольцо и в отношении хозяев Салиева. Мы не спешили, поскольку могли «засветить» своих помощников из Ташкента, но рано или поздно раскрыли бы и провокацию с тронем Бабура. Судя по всему, расследование в Ферганской долине обошлось бы без серьёзных эксцессов, если бы не подули другие ветры из Москвы.

Где спрятан легендарный трон, неизвестно и по сей день, а вот стихи индийского владыки Бабура дошли до нас. Есть среди них такие строки:

Не требуй от жителей

*мира сего хорошего:
кто сам не хорош –
не жди от того хорошего.*

ПРИГЛАШЕНИЕ К ХАРАКИРИ

Как арестовывали Лукьянова

«Генеральный прокурор РСФСР Степанков сообщил, что при попытке ареста покончил жизнь самоубийством бывший министр внутренних дел СССР Б. Пуго...»

«Известия», 23 августа 1991 г .

«Как стало известно, вечером 24 августа покончил жизнь самоубийством советник Президента СССР, маршал С. Ф. Ахромеев».

«Невское время», 27 августа 1991 г .

«Вчера в пять утра с балкона своей квартиры на пятом этаже роскошного дома в Плотниковом переулке выбросился управляющий делами ЦК КПСС Николай Ефимович Кручина. По словам сотрудника прокуратуры Ленинского района Москвы, Н. Е. Кручина оставил предсмертную записку, в которой заявляет, что жизнь прожил честно и преступником себя не считает, а также заверяет Михаила Сергеевича Горбачёва в своей преданности».

«Комсомольская правда» 27 августа 1991 г .

«В минувшее воскресенье добровольно ушёл из жизни ещё один из бывших партбоссов. Из окна своей комнаты, расположенной на восьмом этаже, выбросился работавший некогда управляющим делами ЦК КПСС Георгий Павлов¹⁴. Никакой предсмертной записки в кабинете обнаружено не было».

«Би-Би-Си», 7 октября 1991 г.

«Таким же, становящимся традиционным образом, ушёл из жизни Дмитрий Лисоволик, сотрудник международного отдела ЦК КПСС».

«Смена», 1 ноября 1991 г.

В праздничной симфонии победившей демократии зловещим диссонансом зазвучала послепутчевая хроника расчётов с жизнью высокопоставленных чиновников со Старой площади. Странные обстоятельства самоубийства породили волну слухов и домыслов, попыток докопаться до истинных причин, требований провести объективное расследование. А никакой сенсации просто-напросто нет. Разве миллионы людей не стали свидетелями того, как доводили до самоубийства бывшего главу союзного парламента Лукьянова, создавая ему самые благоприятные возможности для принятия «мужественного решения»? Вспомним прямую телетрансляцию сессии Верховного Совета СССР 28 августа 1991 г.

---

¹⁴ Как свидетельствуют материалы уголовного дела № 18/58115-83, в числе лиц, получавших взятки из Узбекистана, был и управляющий делами ЦК КПСС Георгий Павлов.

12 час. 40 мин. На трибуне Генеральный прокурор СССР Трубин. Он обращается к сессии с просьбой дать согласие на привлечение к уголовной ответственности и арест народного депутата СССР Лукьянова, поскольку следствие уже располагает достаточно серьёзными доказательствами его участия в заговоре ГКЧП.

360 голосами при 2 «против» и 28 воздержавшихся парламент даёт такое согласие. Самого Лукьянова в зале нет, поэтому у присутствующих в зале депутатов и у телезрителей создалось впечатление, что бывший глава парламента уже арестован.

18 час. 30 мин. Депутат Белозерцев сообщает, что Лукьянов находится в своём кабинете и по монитору следит за ходом сессии. Председатель Совета Союза Иван Лаптев обещает во всём разобраться и покидает зал заседаний. По возвращению он информирует депутатов, что к Лукьянову уже прибыли следователи.

Как же развивались события дальше? Об этом впоследствии рассказал сам Лукьянов и его близкие. Оказалось, что следователи нанесли всего лишь визит вежливости. Подтвердив, что он подозревается в причастности к путчу, следователи заверяют, что арестовывать его никто не собирается и можно отправляться домой. «Зачем? – искренне недоумевает Анатолий Иванович. – Арестуйте меня прямо сейчас, здесь». Но следователей уже и след простыл. Никто не препятствует поездке Лукьянова на подмосковную дачу, где

он прямо говорит своим близким, что его хотят довести до самоубийства, но он такого удовольствия никому не доставит. Об этом же без обиняков заявила жена Лукьянова в телевизионном интервью несколько дней спустя.

Как профессионалы, наблюдая за перипетиями ареста Лукьянова, мы лишний раз убедились, что начала действовать давнишняя схема «приглашения к харакири» разработанная некогда в тиши цеховских кабинетов. Бывший многие годы хозяином одного из таких кабинетов Лукьянов на сей раз угодил в тенета коварной схемы, но решительно отказался стать её покорным заложником. Уж кто-кто, а он прекрасно знал, как нужно действовать в тех случаях, когда необходимо спрятать грязные концы в воду, заткнуть рот свидетелю, убрать с дороги соучастника преступления, который слишком много знает. В этом плане политическая мафия отличается от заурядной воровской шайки разве только одним. Уголовники убирают неудобных свидетелей без затей, а крёстные отцы со Старой площади разработали для этих целей оригинальную изуверскую систему, характерные приёмы и методы которой мы хорошо изучили, расследуя уголовное дело о коррупции в высших эшелонах партийно-государственной власти.

Выстрел на улице Лопатина

Утром 15 августа 1984 года выстрелом в голову из пистолета системы «Браунинг» покончил с собой бывший министр внутренних дел Узбекистана Эргашев. Констатировав этот факт, местная прокуратура поспешила прекратить уголовное дело «за отсутствием события преступления», хотя подлинные мотивы самоубийства следствием установлены не были. Предсмертная записка Эргашева была написана по-узбекски. Приводим её перевод:

«Я абсолютно одинокий человек, сын бедняка, оклеветан Рашидовым и его шайкой. Мелкумов – КГБ, Яхьяев Х., Архангельский Г. В. и их люди на побегушках Алимов Музафар, Таджиханов Убайдулла очень крупные деньги израсходовали, чтобы оклеветать меня. К этому присоединился зам. министра МВД СССР Лежепеков – близкий друг Мелкумова и Мельник – начальник УК МВД СССР.

Я честный член КПСС, марксист-ленинец, умер.

Да здравствует КПСС, марксизм-ленинизм!

Да здравствует советский народ!

Дети, вы по строительству коммунизма работайте добросовестно и никогда не сталкивайтесь с клеветой. Хадича, душенька, постоянно будь здорова. По отношению к детям будь настоящей матерью, они тоже будут к тебе заботливы. Что такое клевета и её

последствия испытываю с 1976 г .6 и она надоела.

15.08.1984 г. Кудрат.

Хадича, родители, родственники, дети, невестка, сваты, зятя очень хорошие, хотелось бы видеть их, но не смог достичь этого желания. Я перед вами в большом долгу. Вы меня за это простите. Я никому не должен, ещё раз говорю, что честный человек и был оклеветан. Без чьей-либо помощи я продвинулся до такой должности сам как одинокий советский гражданин.

Кудрат».

Складывается впечатление, что перед нами отстаивающий свою честь коммунист, очередная жертва интриг рашидовской мафии, Гордый и несломленный. Так ли это? Давайте познакомимся с выдержкой из другого документа, который так же, как и предсмертная записка Эргашева, публикуется впервые.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1 декабря 1987 г. г. Москва

Следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР старший советник юстиции Н. В. Иванов, рассмотрев материалы Уголовного дела № 18/58115-83,

УСТАНОВИЛ:

Общие застойные явления в стране способствовали резкому нарастанию негативных тенденций в 70-х – начале 80-х годов в Узбекской ССР.

Бывшим первым секретарём ЦК КП Узбекистана Рашидовым Ш. Р. и его ближайшим окружением насаждался командно-административный стиль руководства, культ личности первого лица, обстановка парадности и благодушия, допускались массовые нарушения принципов подбора и расстановки кадров, обман государства. Протекционизм, землячество, семейственность, угодничество, зажим критики, очковтирательство и другие негативные явления приводили к распространению взяточничества среди должностных лиц различных уровней и рангов.

Развитие негативных тенденций в республике в обстановке вседозволенности, безнаказанности и круговой поруки существенно отразилось и на деятельности МВД УзССР и его органов на местах, где в 70-х годах началось разложение части руководящих кадров.

В результате этого не выполнялись надлежащим образом функции МВД по борьбе с преступностью, наносился серьёзный ущерб государственным и общественным интересам, охраняемым законом правам и интересам граждан.

Положение усугублялось и отсутствием контроля за деятельностью органов внутренних дел республики со стороны МВД СССР, руководство которого в лице министра Щёло-

кова Н. А. и его заместителя Чурбанова Ю. М. не только попустительствовало разложению кадров, но и само вовлекло их в коррупцию.

В этих условиях руководство республики и руководство МВД СССР было заинтересовано в том, чтобы на посту министра внутренних дел УзССР находились лично им преданные и послушные руководители, которые бы безоговорочно выполняли их указания и охраняли от разоблачения существующую негативную обстановку и преступные связи.

Не случайно 5 июля 1979 года на пост министра внутренних дел Узбекской ССР выдвинут Эргашев Кудрат, 1932 года рождения. Ранее, с 27 мая 1971 года по январь 1976 года и 6 мая 1978 года по 5 июля 1979 года он являлся начальником УВД Кашкадарьинского облисполкома, а с 5 января 1976 года по 6 мая 1978 года – начальником УВД Наманганского облисполкома. Работая в этих областях и используя своё ответственное положение в корыстных целях, Эргашев систематически получал взятки от подчинённых ему по службе и зависимых лиц. Зная многие годы о преступной деятельности бывшего первого секретаря Кашкадарьинского обкома КП Узбекистана Гаипова Р. Г., Эргашев не только не препятствовал этому, но стоял на страже его личных интересов, путём оказания услуг и угодничества добивался его покровительства. Пользуясь огромной поддержкой Рашидова Ш. Р., Гаипов рекомендовал ему своего ставленника, а в свою очередь, кандидатура угодливого и безынициативного Эрга-

шева устраивала руководство МВД СССР. Это и определило выдвижение интеллектуально ограниченного, некомпетентного, льстивого к руководству, но грубого с подчинёнными, беспринципного и алчного человека на пост министра внутренних дел УзССР. Не соответствуя занимаемой должности по своим деловым, политическим и личным качествам, не имея даже высшего юридического образования, Эргашев, тем не менее, находился на этом посту до 30 июня 1983 года и, исходя из своих корыстных побуждений, использовал данные ему полномочия в целях извлечения личных выгод и обогащения. Пользуясь за счёт угодничества и дачи взяток покровительством заместителя министра внутренних дел СССР Чурбанова Ю. М., Эргашев тщательно оберегал от разоблачения преступную деятельность своего руководства в республике и в Москве, а те, в свою очередь, не препятствовали Эргашеву самому обирать своих подчинённых. Будучи призванным в силу своих служебных обязанностей вести борьбу с преступностью, Эргашев сам вовлекал подчинённых во взяточничество, возглавил преступную группу в системе МВД УзССР».

Далее перечислены многочисленные факты получения Эргашевым крупных взяток от директора Наманганской Птицефабрики О. Араповой, начальников Бухарского УВД А. Дустова и М. Норова, их заместителя Ш. Рахимова, начальников ОБХСС и ГАИ того же УВД А. Музаффарова и Т. Очилова, начальника ОБХСС Кашкадарьинского УВД Х.

Худайбердиева, начальника ГАИ Ташкентского УВД А. Мадаминова и других лиц, излагаются доказательства, подтверждающие достоверность этих криминальных эпизодов.

«После возбуждения дела, – отмечается в постановлении, – уже в начальной стадии его расследования стала проявляться причастность Эргашева к выявленной группе взяточников, в связи с чем приказ министра внутренних дел СССР №222 л/с от 30.06.1983 г. Эргашев был уволен из органов внутренних дел по статье 67 п. «б», и ему была установлена пенсия.

Однако Эргашев продолжал оставаться членом ЦК КП Узбекистана и депутатом Верховного Совета УзССР, в связи с чем в июне 1984 года следственные органы проинформировали эти инстанции о преступной деятельности Эргашева, он был отозван из депутатов Верховного Совета УзССР избирателями Айкиранского избирательного округа № 291 Наманганской области.

Понимая, что после лишения депутатской неприкосновенности последует привлечение к уголовной ответственности за взяточничество, и опасаясь этого, 15 августа 1984 г. около 7 часов утра по месту своего жительства во дворе дома № 28 по улице Г. Лопатина в г. Ташкенте Эргашев покончил жизнь самоубийством, произведя один выстрел в голову из пистолета. Как практический работник правоохранительных органов, Эргашев понимал все отрицательные последствия привлечения к уголовной ответственности и не желал

их наступления. По мнению следствия, на решение Эргашева покончить жизнь самоубийством повлияла прежде всего боязнь ответственности за многочисленные тяжкие преступления и неотвратимость наказания за их совершение, о чём свидетельствовали произведённые в период 11-13 августа 1984 года аресты не менее влиятельных в республике лиц, таких как бывший первый секретарь Бухарского обкома КП Узбекистана Каримов А. К. и директор Папского агропромышленного объединения Наманганской области Адылов А., оба члена ЦК КП Узбекистана и бывшие депутаты Верховного Совета СССР и Узбекской ССР».

Преданному марксизму-ленинизму 52-летнему генерал-лейтенанту грешно было обижаться на Рашидова, которому, обязанный своей карьерой, он по-холопски верно служил. Даже когда над проштрафившимся министром сгустились тучи, замаячила тень разоблачения и его пришлось освобождать от занимаемой должности, Рашидов не оставил соучастника в беде. Эргашева с почётом отправили на пенсию и наградили медалью «За доблестный труд», а местным правоохранительным органам было запрещено заниматься расследованием его деятельности.

Заметая следы и пытаясь дезориентировать следствие, эксминистр в своём предсмертном послании винит во всех грехах Рашидова – крёстного отца мафии и своего благодетеля. А к «шайке Рашидова», помимо работников местного и союзного МВД, ЦК КП Узбекистана, которые, якобы,

за деньги организовали клеветническую компанию против него, Эргашев причисляет и председателя республиканского КГБ Мелкумова. Того самого, который в 1983 году за активную борьбу с коррупцией был смещён Рашидовым с занимаемого поста.

Понятно, почему местная прокуратура при расследовании обстоятельств смерти Эргашева не усердствовала в выяснении мотивов самоубийства. Ведь соучастников не на шутку всполошила возможность его ареста. Он слишком много знал и немало мог рассказать следствию. Прорабатывался даже план физического уничтожения Эргашева как потенциального источника информации. Вместе с тем, привлечь к уголовной ответственности бывшего министра, члена ЦК и депутата Верховного Совета Узбекистана без согласия партийных органов было невозможно, поэтому в штабе мафии – республиканском ЦК нам всячески противодействовали. Эргашева вовсе и не собирались выводить из состава ЦК или лишать депутатской неприкосновенности, а все наши ходатайства ложились «под сукно». Когда же нам удалось заручиться поддержкой в Москве, то и тогда вместо дачи согласия Президиумом Верховного Совета Узбекистана на привлечение депутата Эргашева к уголовной ответственности, как это обычно происходило, была организована долгая процедура отзыва его избирателями. Случай редчайший в практике.

В начале августа 1984 года оперативные службы КГБ за-

нялись, наконец, Эргашевым, организовали наружное наблюдение, прослушивание телефонных разговоров. И выяснилось немало интересного. По мере того, как кольцо вокруг Эргашева сжималось, он в поисках поддержки заметался от одного покровителя к другому. Но друзья-мафиози советовали лишь одно: во имя дела, семьи, сохранения капиталов принять «мужественное решение» – уйти из жизни. Был зафиксирован и ряд телефонных разговоров на эту тему. Но Эргашев не решался пойти на крайний шаг, ещё на что-то надеялся. Попытки организовать покушение на жизнь Гдляна срывались, поскольку мы уже контролировали ситуацию. Тогда Эргашев кинулся к Адылову, надеясь на возможность его группировки. Но 11 августа 1984 года был арестован Каримов, а вслед за ним 13 августа – Адылов. У нас была санкция и на арест Эргашева, о чём друзья из ЦК опять-таки услужливо предупредили эксминистра.

А тот всё медлил. Может всё-таки не напрасно? Потому что помимо утечки информации о некоторых действиях следствия стали наблюдаться и другие странные вещи. Санкционировав заключение Эргашева под стражу, заместитель Генерального прокурора СССР Сорока запретил реализацию ареста до его особых указаний. И день за днём отменял начало операции, ничего при этом не объясняя, хотя мы постоянно предупреждали своего начальника, что Эргашева склоняют к самоубийству. Было очевидно, что за бывшего министра вступились мощные силы и в Москве. После пере-

говоров со столицей создавалось впечатление, что возможное самоубийство Эргашева не только не пугает, но и даже устраивает кое-кого.

14 августа Сорока распорядился произвести арест Эргашева лишь после того, как его исключат из КПСС, на этом, дескать, настаивают партийные органы. В тот же день первый заместитель министра внутренних дел УзССР Давыдов позвонил Эргашеву и пригласил его на партсобрание для исключения из партии. Вскоре был зафиксирован ещё один звонок: замзавотделом административных органов ЦК КП Узбекистана, предупреждая Эргашева об аресте, вновь напомнил, что у него не осталось иного выхода, как только принять «мужское решение».

Трудно сказать, сколь долго продолжалось бы ещё последовательное доведение Эргашева до самоубийства, будь он покрепче. Но он, наконец, сломался.

Усманходжаев, Осетров и другие крёстные отцы не только облегчённо вздохнули, но и принялись наперегонки «стучать» в ЦК КПСС и другие инстанции: дескать, совсем распоясались московские следователи, житья не дают бедным руководящим работникам, своими незаконными методами доводят их даже до самоубийства. Вот, мол, и Эргашев в своём предсмертном послании утверждает, что невиновен, поэтому республиканская прокуратура начала следствие, разберёмся обстоятельно, как группа Гдляна довела Эргашева до самоубийства, подробно потом доложим.

Конечно, при этом никто даже не упомянул о том, что мы вообще не соприкасались с Эргашевым, даже ни разу не вызывали его на допрос. Лихо сработали партийные мафиози, убив сразу двух зайцев: московскую следственную группу скомпрометировали, и дело по факту самоубийства Эргашева взяли в свои руки. С таким решением местной прокуратуры был вынужден согласиться Генеральный прокурор страны.

Как и следовало ожидать, проводилось это расследование из рук вон плохо, дело передавалось от одного следователя к другому. В итоге ни единого слова о попытках доведения человека до самоубийства и причинах его сказано не было. Но самое любопытное даже не в результатах расследования, предугадать которое было совсем несложно. Первые лица республики и партийные функционеры самых высоких уровней наперебой взялись преподнести самоубийство Эргашева как мужественный поступок настоящего мужчины. Как бы в назидание кому-то они начали разглагольствовать о том, как должен поступать коммунист: позаботился о семье, сохранил капиталы, сам ни в чём не покаялся и никого не выдал. Причём пропаганда эта велась безо всякого камуфляжа настолько открыто, что даже в беседах со следователями работники ЦК без тени смущения высказывались в таком вот духе.

В соответствии с действующим законодательством уголовное дело в отношении умершего подлежит прекращению,

но не освобождает от ответственности его соучастников. Поэтому приговором Верховного суда УзССР от 13 мая 1986 года А. Дустов, А. Музаффаров, А. Очиллов, Ш. Рахимов были осуждены за дачу взятки Эргашеву на общую сумму 212 280 руб. Фамилия покойного министра продолжала звучать на различных судебных процессах и в дальнейшем, поскольку в деле № 18/58115-83 выявлялись всё новые эпизоды его взяточничества на сотни тысяч рублей. Заместители министра Т. Кахраманов и П. Бегельман, начальники УВД С. Саттаров, Х. Норбутаев, Д. Джамалов, М. Норов, Я. Махамаджанов и другие, сообщая о своей преступной деятельности, упоминали и факты вручения ими крупных взяток Эргашеву, рассказывали, как он вовлекал их в преступную деятельность, подстрекал к даче взяток и союзным руководителям.

Так, в октябре 1982 года Джамалов, Норбутаев, Махамаджанов вручили взятки Чурбанову прямо в кабинете Эргашева и в его присутствии. Министр вызывал подчинённых одного за другим в свой кабинет, где они и передавали деньги подвыпившему зятю Генерального секретаря ЦК КПСС. Довольные удалялись. Ещё бы, такой большой человек, а не побрезговал, взял! Кстати, это редчайший случай в криминальной практике, ибо вручение взяток – действие интимное, творимое с глазу на глаз, без свидетелей. Обстоятельство это, лишний раз свидетельствующее о нравах советской номенклатуры, подтверждает, кроме всего прочего, и тот факт, что Эргашев имел влияние на Чурбанова, изуверски впутывал

его в мафиозную паутину. Эргашев неоднократно и сам вручал деньги своему благодетелю.

Все перечисленные эпизоды вменены в обвинение соучастникам Эргашева, подробно изложены в постановлении, с выдержками из которого читатель уже знаком. Иное решение по этим криминальным фактам принято в отношении покойного министра: «Несмотря на полное изобличение, уголовное дело в отношении Эргашева, в действиях которого содержится состав преступления, предусмотренных ст.ст. 152 ч. 2, 153 ч. 2 УК УзССР и ст.ст. 173 ч. 2, 174 ч. 2 УК РСФСР, подлежит прекращению ввиду его смерти на основании п. 8 ст. 5 УПК РСФСР».

Что же, Закон есть Закон. И по этому поводу нечего добавить, кроме, разве что, одной детали. Генерал Норбутаев, многие годы проработавший под началом Эргашева в Кашкадарьинской области, помимо собственных капиталов выдал ещё и 338 тысяч рублей, которые в своё время ему передал на хранение Эргашев. По нашим сведениям, капиталы покойного министра составляли около 10 миллионов рублей, и основными хранителями этих богатств были члены семьи и близкие родственники. Служивцам, знакомым, как показывает практика, передаются на хранение лишь крохи. Выдача Норбутаевым мизерной части этих накоплений лишь подтверждает наш вывод.

Так вот ушёл от следствия министр-взяточник, а вместе с ним и его миллионы. Нет, вовсе не случайно мафия пред-

принимала такие отчаянные усилия, чтобы вывести Эргашева из игры. Совсем иной смысл в связи с этим приобретают его слова, обращённые к близким: «Дети, вы по строительству коммунизма работайте добросовестно и никогда не сталкивайтесь с клеветой». Своему клану Эргашев «коммунизм» построил, детям предстояло закрепить эти «завоевания» и избежать разоблачения...

Трагедия в больничной палате

Через три месяца после самоубийства генерал-лейтенанта Эргашева за тысячи километров от Ташкента прозвучал ещё один выстрел. В парадном мундире генерала армии рухнул навзничь бывший министр внутренних дел СССР Щёлоков. Чванливого и самолюбивого министра почти два года демонстративно подвели к этому финалу: вывели из состава ЦК КПСС, лишили депутатского мандата, генеральского звания, правительственных наград. Вместо привлечения его к уголовной ответственности и взятия под стражу, а все основания для этого имелись, чередой шли допросы в Главной военной прокуратуре. Щёлоков даже выдал в возмещение причинённого ущерба несколько сот тысяч рублей. От него отвернулись те, кто был обязан ему карьерой, благополучием. Щёлоков понимал, чего все хотят от него, но держался, пока мог. Но любому терпению приходит конец. И в ноябре 1984 года на подмосковной даче Щёлоков выстрелил в себя из охотничьего ружья к нескрываемой радости тех, о ком он очень многое мог бы рассказать.

При изучении большинства трагических эпизодов выяснялось, что партийно-мафиозные структуры вмешивались в расследование и всеми способами пытались устранить наиболее опасные звенья возможных разоблачений. Расширялась география самоубийств. Это были жертвы как андро-

повского наступления на организованную преступность, так и корректировки этой политики коррумпированной властью.

Продолжали уходить из жизни и функционеры в Узбекистане. Печальный жребий выпал и Давыдову, тому самому, который в августе 1984 года по команде местного ЦК приглашал Эргашева на собрание в МВД для исключения его из партии. Давыдов прошёл многолетнюю практику в аппарате ЦК КП Узбекистана, был вторым секретарём Наманганского обкома партии, а в 1968 году его назначили первым заместителем министра внутренних дел УзССР. Почти 17 лет беспрерывно прибывал Давыдов на этом посту, благополучно пересидев трёх министров. Но в последние годы осторожный и изворотливый Давыдов стал всё чаще оставлять следы. В ходе следствия выявились многочисленные факты получения им взяток от подчинённых и зависимых лиц. Вслед за Эргашевым встал вопрос о привлечении к уголовной ответственности и его.

Поскольку Давыдов не обладал депутатским иммунитетом, а оснований для привлечения его к уголовной ответственности было в достатке, в марте 1985 года мы представили все собранные доказательства своему руководству и предложили санкционировать арест, в котором нам сразу же было отказано. Заместитель Генерального прокурора Сорока прочитал пространную лекцию о том, что существует практика, в соответствии с которой действующий генерал милиции, замминистра может быть привлечён к ответственности

лишь после согласования с партийными органами и только тогда, когда будет уволен со службы в МВД. Наши возражения, что подобная процедура не основана на требованиях закона, никакого действия не возымели. Тогда, напомнив своему начальнику обстоятельства самоубийства Эргашева, к которым Сорока имел самое непосредственное отношение, мы стали настаивать, чтобы отказ в санкции на арест Давыдова и свои незаконные указания он изложил письменно. Но не тут-то было. Кому охота творимое беззаконие оформлять документально! А посему Сорока попросту выставил нас из кабинета, потребовав выполнять его устные распоряжения.

Обжаловать произвол было некому: в подобных случаях, как мы уже убедились, Генеральный прокурор Рекунков принял бы сторону Сороки. С тяжёлым сердцем, уже предчувствуя беду, мы были вынуждены выполнять эти указания. Подготовили информацию в отношении Давыдова в МВД СССР и ЦК КП Узбекистана. Вновь дрогнула мафиозная паутина, затрещали телефонные аппараты, начались переговоры за плотно закрытыми дверями.

Деятели из республиканского ЦК тут же подробнейшим образом проинформировали товарища по партии, что он «засветился» по уголовному делу. С их подачи не менее странные вещи стали происходить и в МВД СССР. Вместо незамедлительного отстранения генерала-мздоимца от занимаемой должности началась волокита, после чего Давыдова убедили самому подать рапорт об увольнении «по болез-

ни». 15 апреля 1985 года он подал такой рапорт, а 24 апреля был помещён в центральный госпиталь МВД УзССР для обследования состояния здоровья. И лишь с 11 мая 1985 года приказом МВД СССР N 152 Давыдов был уволен из органов внутренних дел по ст. 67 п. «б» – по болезни.

Уж теперь, казалось бы, мы должны были получить санкцию на арест Давыдова, ведь все незаконные требования Сороки выполнены. Как бы не так! Им были выдвинуты новые условия: вот когда Давыдов выпишется из госпиталя и будет решён вопрос об исключении его из КПСС, тогда, дескать, и будет дана санкция на арест. Как и в случае с Эргашевым всё повторилось, словно в дурном сне.

Не увенчались успехом и попытки договориться с оперативными службами КГБ об организации наблюдения за Давыдовым. Шли первые месяцы так называемой перестройки, и руководство КГБ в очередной раз заняло выжидательную позицию, дескать, надо разобраться, куда подуют новые ветры. Нам намекнули, что если бы с такой просьбой к ним обратился Генеральный прокурор СССР – другое дело. Но сегодня прокуратура вовсе не горела желанием проявлять активность. Следствие оказалось в цейтноте.

Если в случае с Эргашевым мы знали каждый его шаг, пользуясь оперативной информацией, и видели, как его толкачи на самоубийство, убеждая в принятии «мужественного решения», то в ситуации с Давыдовым отсутствовала даже такая информация. Было лишь известно, что 15 мая Давы-

дова уведомили об увольнении, что партком готовит партсобрание в МВД для исключения коммуниста Давыдова из рядов КПСС, о чём он, конечно же, прекрасно знал. 16 мая Давыдов сам звонил из госпиталя в управление кадров МВД УзССР и уточнял мотивы и формулировку увольнения.

Утром 17 мая 1985 года медперсонал обнаружил в одной палате № 80 на кровати труп Давыдова с огнестрельным повреждением в правой височной области головы и зажатым в правой руке пистолетом. Труп был обложен вокруг головы четырьмя подушками, накрыт сверху двумя одеялами и халатом. На постели обнаружены три стреляные гильзы и одна пуля калибра 5,45 мм. Две аналогичные пули позднее были извлечены из трупа Давыдова. В обойме пистолета находилось пять патронов. В палате в шкафу висел костюм покойного, где в правом внутреннем кармане пиджака обнаружены две записки.

Одна записка на двух листах адресована первому секретарю ЦК КП Узбекистана Усманходжаеву и Министру внутренних дел УзССР Ибрагимову. Приводим её текст без сокращения:

«Глубокоуважаемый Инамжон Бузрукович!
Товарищ министр, Ниматжан Ибрагимович!

Ухожу из жизни из-за неизлечимой, как я уверен, болезни, полученной на предприятии Миисредмаша, и тяжёлой душевной депрессии. За всю трудовую жизнь не имел взысканий, ничем себя не запятнал. Горько и

обидно, что неожиданное предложение идти на пенсию сделано в столь бесцеремонной и даже грубой форме, хотя я сам собирался подать рапорт осенью.

Сейчас, по-моему, стало легче оболгать ответственного работника, чем когда-либо. Запачкают грязью и говорят – отмывайся, а нет... И мне кажется, кто-то хочет оклеветать меня, взвалить на меня грехи бывших руководителей, очернить безупречную работу в МВД в течение 16,5 лет.

Ухожу честным работником органов МВД, коммунистом, генералом, отцом. Прошу позаботиться о семье, моих кристально чистых тружениках – маме, жене, детях, им будет очень тяжело.

Спасибо партии и правительству за всё.

Давыдов (подпись)

Дополнение:

Сегодня получил сообщение. Приказом по МВД СССР от 11 мая с.г. я уволен на пенсию без права ношения формы. Я считаю это бесчестьем для генерала, заслуженного работника МВД СССР и заслуженного инженера УзССР. Никто не переговорил со мной, не высказал каких-либо обвинений или претензий. Неужели сейчас такая слепая и фанатичная вера каким-нибудь клеветникам?! Неужели вот так, походя, можно жестоко оскорбить члена КПСС с 33-летним стажем, генерала?! Не могу ничего понять, сердце – сплошная кровавая рана, веры в справедливость нет!

Я вынужден сам принять крайнюю меру к

сохранению своей чести и достоинства. А перед этим – не лгут!

Последняя просьба – достойно похороните.

Давыдов (подпись)

16 мая 1985 г. »

Иначе объясняются мотивы самоубийства в записке Давыдова к семье. Здесь уже ни слова о его преследованиях, клевете. Что это: двойная бухгалтерия даже перед смертью? Впрочем, сравните сами:

«Милые мои, дорогие Женя, мама, Саша, Света, Серёжа и все родные!

Знаю, болен неизлечимой болезнью, я считаю – болезнью крови, так как к вечеру она становится какой-то болезненной, возникает давление и сильная боль в голове. Уже ряд лет РОЭ крови доходит до 35! (Сейчас – 36!). Мочекаменная болезнь и пиелонефрит доставляют страдания. Постоянные кровотечения из прямой кишки наводят на мысль о её раке. Левое ухо полностью оглохло. Начались приступы мерцательной аритмии. Считаю, что все эти болезни – в какой-то мере расплата за работу на атомном предприятии...

Чувствую себя плохо. Не хочу быть в тягость всем, прозябать неизлечимым. Ухожу из жизни честным коммунистом, генералом. Позаботьтесь, пожалуйста, Серёжа и все о маме – ей будет очень тяжело.

Милые мои, Вы должны быть крепкими, жить дружно.

Простите, прощайте.
Жора».

А дальше всё повторилось, как и в случае с самоубийством Эргашева. Поскольку творческая фантазия у партийных аппаратчиков весьма скудная, усманходжаевские прихлебатели разыграли очередной спектакль по уже известному сценарию. В Кремль понеслись вопли о следователях, которые не дают спокойно работать по перестройке общества, компрометируют руководящие органы республики, незаконно преследуют честных работников. Вот и Давыдов, которого мы, мол, знаем как принципиального, честного коммуниста. Нет оснований ему не верить. А он в предсмертной записке утверждает, что стал жертвой клеветы, преследований, возмущён этим произволом, но и перед смертью благодарит за всё партию и правительство. Эти следователи постоянно терзали его допросами, издевались, вот он и не выдержал. Республиканская прокуратура начала расследование обстоятельств самоубийства Давыдова, необходимо во всём тщательно разобраться...

Никто даже не обратил внимание на то, что в своём предсмертном послании Давыдов сам отрицает какие-либо беседы и допросы в связи с уголовным делом: «Никто не переговаривал со мной, не высказал каких-либо обвинений или претензий». И никто не задался вопросом, почему в записке семье он объясняет самоубийство лишь состоянием здоровья, а в записке Усманходжаеву – клеветой в его адрес? Одним

словом, всё происходило по старой схеме: и следственную группу скомпрометировали, лишили её важного источника информации, и дело по самоубийству Давыдова сохранили в местной прокуратуре, под своим контролем.

Правда, на сей раз Прокуратура УзССР действовала более оперативно. Уже 20 июня 1985 года расследование было завершено и его результаты изложены в постановлении о прекращении уголовного дела. Приведём некоторые выводы из этого документа:

«...Две рукописные записки, обнаруженные в правом кармане пиджака Давыдова, согласно заключению судебно-почерковедческой экспертизы, выполнены Давыдовым.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть Давыдова относится к категории насильственной и наступила от множественных огнестрельных пулевых ранений головы с повреждением костей черепа и вещества головного мозга. Учитывая расположение и направление раневого канала, тяжесть повреждений, можно предполагать, что первые два выстрела произведены в одно входное отверстие, имеют два разных раневых канала и не смертельны, третий выстрел был произведён в верхнее входное отверстие и его раневой канал проходит, повреждая стволовую часть головного мозга, и является смертельным. Учитывая локализацию входных отверстий, доступность для нанесения собственной рукой, несмертельный характер первых двух выстрелов экспертная комиссия полагает, что Давыдов мог сам в себя произвести

три выстрела.

Согласно заключению судебной-баллистической экспертизы пистолет ПСМ № МС 0334Е исправен и к стрельбе пригоден. Три гильзы и пули калибра 5,45 мм выстрелены из пистолета ПСМ № МС 0334Е.

Судебно-дактилоскопическая экспертиза пришла к выводу, что след пальца руки на спусковом крючке пистолета ПСМ № МС 0334 Е оставлен большим пальцем правой руки, а на левой стороне рукоятки оставлен безымянным пальцем правой руки Давыдова...

При осмотре палаты № 80, где находился труп Давыдова, обнаружена книга А. П. Чехова, которую он читал. На странице 240 была закладка, где имеется иллюстрация человека с пистолетом, направленным в грудь, внизу подпись «Рассказ без конца». Осмотром места происшествия не установлены признаки, свидетельствующие об убийстве другими лицами или об инсценировке самоубийства.

Свидетель Матюшин Г. И., который находился на лечении в госпитале вместе с Давыдовым и часто навещал его, показал: Давыдов особенно удручённо вёл себя в последний вечер, на вопросы отвечал неохотно, лежал в каком-то забытии. Поэтому в 20 час. 30 мин. 16 мая 1985 года он попрощался и ушёл из его палаты.

Свидетель Кадыров Х. из палаты № 81 показал, что 16 мая 1985 года Давыдов был замкнут, очень много курил, о чём-то думал.

Сын Давыдова Г. И. – Давыдов Александр показал, что 16 мая 1985 года в начале восьмого пришёл к отцу в госпиталь. Тот сказал, что есть приказ о его уходе на пенсию и формулировка плохая, что не так представлял себе завершение своей деятельности. Настроение было плохое. У отца было личное оружие.

Указанные материалы приводят к выводу о том, что Давыдов Г. И. покончил жизнь самоубийством. Нет данных, указывающих на доведение Давыдова до самоубийства».

В прессе высказывалось немало недоумений по поводу того, мог ли Давыдов самостоятельно произвести три выстрела в голову? Исключать этого нельзя. Несмотря на жалобы на здоровье, Давыдов был плотного телосложения, крупный, ещё крепкий мужчина. Он использовал пистолет малого калибра – 5,45 мм и из трёх выстрелов два первых не причинили смертельных повреждений. Заранее подготовленное им табельное оружие, содержание записок, вся обстановка происшедшего свидетельствовали о его намерении покончить с жизнью. Кстати, ни наша следственная группа, ни КГБ, ни МВД не получили ни одной информации о том, что кто-либо «помог» Давыдову нажать спусковой крючок пистолета. Вместе с тем сомнения остались. Тем более, что местные следователи не сумели или не захотели как следует обосновать свои доводы. Они не дали оценки такому, например, факту, что у Давыдова, по заключению экспертов, не было рака или других смертельных заболеваний, что на-

ходится в явном противоречии с содержанием двух его записок.

«За отсутствием события преступления» уголовное дело было поспешно прекращено.

Понятно, почему марионеточная местная прокуратура ни словом не обмолвилась о том, что предшествовало смерти Давыдова, каковы подлинные мотивы этого происшествия. Ведь в противном случае предстояло поднять руку на партийную мафию в руководстве республики и говорить о том, что хотя Давыдов и не вызывался на допросы, но был изобличён в коррупции и понимал, что вслед за увольнением с должности последует привлечение к уголовной ответственности. Нужно было также сказать и о нарушениях УПК в Москве и Ташкенте в целях противодействия аресту Давыдова. Короче, мафия права: лучший свидетель – мёртвый свидетель. Именно здесь кроются причины неполноты следствия по обстоятельствам смерти Давыдова, нежелание выяснять мотивы и делать объективные выводы.

Расследование дела о коррупции тем временем продолжалось. Несмотря на самоубийство Давыдова, в Верховном суде УзССР были проверены и признаны достоверными факты получения им взяток от работников Бухарского УВД Дустова, Рахимова, Музаффарова, Очилова. 13 мая 1986 года они были осуждены. Но фамилия Давыдова продолжала фигурировать в деле. Прозвучала она и в Верховном суде СССР на чурбановском процессе: трём из девяти подсудимых – Джа-

малову, Норбутаеву, Махамаджанову были вменены в обвинение эпизоды дачи ими взяток покойному замминистра. Но самого Давыдова на скамье подсудимых не было...

От миллионов Рашидова – к капиталам Брежнева

«Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы». Это указание Сталина наследники его всегда помнили и неукоснительно претворяли в жизнь. Конечно, тот факт что кто-то собственной рукой лишает себя жизни, в любом нормальном человеке не может не вызывать чувства сострадания. Но как бы то ни было, у нас к этому чувству примешивалась ещё и профессиональная досада. Ведь обрывались связи, которые могли стать для следствия ценными источниками информации.

Только хотя бы по этой простой причине следствию были вовсе ни к чему подобные трагические происшествия – они путали планы, выбивали расследование из намеченной колеи. Тем нелепее кажутся обвинения в том, что в следственной группе доводили, дескать, хороших людей до самоубийства. В печати появились леденящие душу рассказы о зверствах следователей, живописалось, как честные труженики вынуждены были накладывать на себя руки. Особенно преуспела в этом Ольга Чайковская, в конце мая 1989 г. опубликовавшая в «Литературной газете» свой «Миф». Как сообщил позднее Лигачёв в своей книге «Загадка Горбачёва», это произведение произвело на него неизгладимое впечатление, открыло глаза на творимый следователями произвол. Удо-

стоил Егор Кузьмич благодарного внимания и другие статьи любимой писательницы. Впрочем, ни Чайковская, ни Лига-чѐв не посчитали нужным посоветоваться по этому поводу хотя бы со своим единомышленником Сухаревым. А ведь Генеральный прокурор СССР, не скрывающий неприязни к руководителям следственной группы, в мае 1989 г. в своей докладной записке в ЦК КПСС сообщил, что Давыдов, Ходжимуратов и другие лица покончили с собой, опасаясь привлечения к уголовной ответственности...

Что же могли сделать следователи, чтобы прервать трагическую череду самоубийств?

Последней каплей, переполнившей чашу нашего терпения, послужило происшествие с начальником Джизакского УВД Ярлы Нарбековым. Возглавляя УВД на родине покойного Рашидова, где объёмы приписок были самыми высокими в Узбекистане, Нарбеков стал известен следствию как взяточполучатель ещё по хлопковым делам. Эти материалы были переданы нашей следственной группе тем более, что и мы также выявили факты дачи им взяток. Шла осень 1985 г. Республиканский ЦК партии через прокурора Узбекистана Бутурлина попросил у нашей следственной группы информацию в отношении лиц, которые проходят в качестве подозреваемых по делу. Мы категорически отказались такую информацию предоставить. Из Ташкента на нас пожаловались в ЦК КПСС, руководству Прокуратуры СССР. Рекунков в очередной раз уступил нажиму и дал нам указание предста-

вить требуемые сведения. Вынужденные выполнить это указание, мы, вместе с тем, решили скрыть основных фигурантов: секретарей обкомов и ЦК, республиканских руководителей, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, а ограничиться кругом второстепенных и третьестепенных лиц. В этом списке оказалась и фамилия Нарбекова, с которым мы к тому времени также ещё не встречались. Прошло около двух недель, и мы получили сообщение, что Нарбеков застрелился. Вновь местное расследование с уже трафаретным результатом: дескать, ни с того, ни с сего – взял и покончил с собой. Но поскольку генерал-майор Нарбеков на тот момент являлся действующим начальником УВД, свою проверку провели и сотрудники инспекции по личному составу МВД СССР. Мы встречались с ними в штабе нашей группы в Ташкенте и узнали следующее. Через неделю после того, как в республиканском ЦК получили информацию союзной прокуратуры, Нарбекова вызывал к себе заведомо административных органов и сообщил, что тот находится в поле зрения следственной группы. Затем Нарбекова вызвал к себе министр внутренних дел УзССР Ибрагимов. По возвращении в Джизак Нарбеков в кругу друзей сообщил, что дела его плохи, что его предупредили в Ташкенте: надо прятать концы в воду. Ещё через несколько дней Нарбеков заменил пистолет малого калибра на табельный «Макаров», из которого и застрелился через два дня у себя дома.

Обобщив все подобные происшествия за последние два

года, мы потребовали от руководства Прокуратуры СССР пресечь порочную практику согласования своих действий с местными партийными бонзами, прекратить поставлять информацию о ходе следствия в штаб мафии. Факты были убийственны, а доля вины в этих трагических случаях самих руководителей союзной прокуратуры столь очевидна, что даже Сорока, опасаясь их огласки, был вынужден пойти на попятную. Мы отвоевали себе право не представлять более никакой информации в местные партийные органы и решать все вопросы в Москве. И хотя неофициальная договорённость и позднее не раз нарушалась нашим начальством, только за счёт этих ограничений удалось спасти жизни нескольким функционерам.

Мы предприняли и ещё один радикальный шаг. Поясним его суть подробнее. В апреле 1985 года покончил жизнь самоубийством первый секретарь Кашкадарьинского обкома партии Гаипов. За двадцать лет правления этот «кашкадарьинский Ленин», как любили величать его подхалимы из ближайшего окружения, скопил огромное состояние, которое оценивалось в несколько десятков миллионов рублей. И вот спустя полгода, в октябре 1985 года, в связи с выявленными фактами взяточничества, хищений и других должностных преступлений, которые совершили его сыновья, мы арестовали Арслана Рузметова – начальника Ташкентского аэропорта и Адылбека Гаипова – заместителя директора Каршинского горпромторга. Старший наследник – Рузметов

выдал из отцовского состояния 400 тысяч рублей. Он обещал вернуть государству ещё 10 миллионов, но затем стал хитрить, выдвигать неприемлемые условия, например, прекращения его дела о взятках и хищениях. Удалось изъять лишь часть гаиповских богатств. Впрочем, это тема отдельного разговора. Мы же обращаем сейчас внимание на это обстоятельство лишь потому, что арест сыновей Гаипова вызвал шок в мафиозной среде. Количество желающих уклониться от тюрьмы столь оригинальным способом, как самоубийство, резко сократилось.

В чём же дело? Чтобы читателю стала понятнее, придётся обратить его внимание на некоторые особенности нашего «правового» государства. Покойника, как известно, не посадишь на скамью подсудимых, поэтому уголовное дело в отношении умершего не может быть возбуждено, а возбуждённое дело подлежит прекращению. Такое решение, однако, может быть принято, если доказано, что преступление совершено именно умершим гражданином. И в любом случае правоохранительные органы обязаны принять меры к изъятию преступно нажитого. Практика же исполнения этих правовых норм сложилась весьма уродливая, вполне соответствующая фактическому неравенству граждан перед Законом и вольного его толкования в интересах высшей коммунистической номенклатуры.

Если, к примеру, рядовой уголовник ограбил сберкассу, то не будет ему покоя и после кончины: розыск продолжится

до тех пор, пока не отыщутся похищенные деньги. Иное дело – члены Политбюро, секретари ЦК, обкомов и горкомов, министры и другие высокопоставленные функционеры. Если кто-то из них и привлекался к уголовной ответственности с конфискацией преступно нажитого, то в отношении умерших лиц таких прецедентов уже не было. Коммунистической Фемиде сама мысль о расследовании деятельности умерших высокопоставленных уголовников, конфискации их богатств представлялась кошунственной.

Читателю известно множество фактов о различных корыстных злоупотреблениях Брежнева, Рашидова, Георгадзе и других государственных и партийных деятелей. Но до сих пор не принято никаких мер по расследованию этих фактов и изъятию капиталов преступного происхождения. Наоборот, есть немало примеров прямо противоположных. Так, после самоубийства Щёлокова изъятые у него ранее ценности были возвращены сыну Игорю. Вернули папино имущество и другой наследнице – Галине Брежневой. Таким образом, далеко не случайно «стойкие солдаты ленинской партии», как они сами любили себя скромно величать, с молоком матери усваивали, что естественная кончина либо добровольный уход из жизни ограждают не только от позора разоблачения, но и позволяют сохранить клановые богатства. Именно в этом заключается подчас основной мотив сановных самоубийств.

Наша следственная группа решила сломать подобную по-

рочную практику, а значит, устранить ещё одну причину самоубийств. Фактически следователи вступили в борьбу за сохранение жизни мафиози.

К сожалению, первый блин вышел комом. Осенью 1984 г. мы оперативным путём установили несколько человек, у которых по дальним кишлакам жена и дети Эргашева хранили крупные ценности покойного министра. Однако Сорока решительно не позволил нам трогать эти ценности. Через некоторое время, когда удалось изъять 338 тысяч рублей, принадлежащих Эргашеву и выданных его сослуживцем Норбутаевым, мы опять вернулись к первоначальному плану. Стали настаивать на его реализации перед руководством. И вновь последовал столь же категоричный отказ со ссылками на сложившуюся практику и увещевания, что, дескать, недопустимо глумиться над покойным. Более того, Сорока настоял на прекращении дела в отношении Эргашева, а самое главное, запретил оперативным службам оказывать содействие в поисках его миллионов. А они в то время дробились на всё более мелкие партии, перемещались по всё большему кругу хранителей. Мы же не имели возможности контролировать смену адресов и, в конечном счёте, дело в отношении Эргашева вынуждены были прекратить.

Столкнувшись со столь явным противодействием, ещё раз убедившись, что плетью обуха не перешибёшь, мы стали действовать более осторожно и осмотрительно. В частности, собрав достаточно улики в отношении сыновей покой-

ного Гаипова, мы не стали согласовывать их арест со своим московским начальством, а получили санкции на арест у местных прокуроров.

По мафиозной паутине пошли судороги. В устоявшейся за десятилетия порочной правовой практике была пробита серьёзная брешь, создан опасный для коррумпированной власти прецедент: оказывается, и добровольный уход из жизни сановного мздоимца не является индульгенцией, не освобождает от ответственности соучастников-наследников, не гарантирует сохранность наворованных миллионов. Так стоит ли в таком случае накладывать на себя руки? И своей цели мы добились: после ареста сыновей Гаипова ни один крупный босс из числа подозреваемых уже не спешил свести счёты с жизнью. И хотя проблема этим полностью не исчерпывалась, следствие уже не несло столь существенных потерь.

Сохранилась проблема потому, что не произошло изменений в позиции руководства страны, правоохранительных ведомств, в том числе – Прокуратуры СССР. Какой шум был поднят по поводу ареста сыновей Гаипова! Но после проверки материалов дела Сорока не решился освободить их из-под стражи, поскольку собранные доказательства сомнений не вызывали. Тем не менее профилактические меры против повторения подобных прецедентов наше начальство приняло: прокурору Узбекистана было запрещено санкционировать любые наши акции без согласования с Москвой. Оперативным службам предписывалось не оказывать никакого

содействия по розыску капиталов самоубийц. Надзирающим прокурорам вменялось в обязанность прекращать уголовные дела в отношении покойных миллионеров.

В закрепление порочной практики внёс свою лепту и Верховный суд СССР. На чурбановском процессе, как в фокусе отразившем все пороки государственной правовой политики, из обвинения подсудимых были исключены все эпизоды получения и дачи взяток, связанных со Щёлоковым, Эргашевым, Давыдовым и другими самоубийцами.

Когда в 1989 г. начался разгром дела, то в числе первых были реабилитированы сыновья Гаипова. Им простили все доказанные факты взяток и хищений ради восстановления сомнительных принципов «социалистической законности», на которые осмелилась посягнуть наша следственная группа.

Итак, в конце 1985 г. нам удалось освободиться от назойливой опеки мафиозного ЦК КП Узбекистана и приостановить эпидемию самоубийств. Но от этого легче не стало. Опекать взяточников теперь взялись стратеги со Старой площади, с которыми надлежало согласовывать все вопросы по расследуемому делу. Действовали же они так же, как и ташкентские функционеры. С одной стороны всячески препятствовали проведению расследования, в результате чего вопрос об аресте Чурбанова затянулся на 1,5 года, Осетрова – на 2, Усманходжаева и Салимова – на 3, Смирнова – на 4 года. С другой стороны, даже давая согласие на привлечение к уголовной ответственности, цековские «прокуроры» огова-

ривали его массой условий, всячески затягивающих проведения расследования, тем самым подталкивая подследственных к принятию уже знакомого «мужественного решения».

Мы вынуждены были неоднократно информировать о таких ситуациях Генерального прокурора СССР. Вот выдержки из рапорта, поданного 13 мая 1988 г.:

«По расследуемому нами уголовному делу № 18/58115-83 было получено следующее указание заместителя Генерального прокурора СССР тов. Катусева А. Ф.:

1. Осуществлять вызовы и допросы бывшего секретаря ЦК КП Узбекистана И. Усманходжаева и бывшего Председателя Президиума Верховного Совета УзССР А.Салимова без избрания в отношении них мер пресечения в виде содержания под стражей. Кроме того, производить им очные ставки с изобличающими их лицами, содержащимися под стражей.

2. Не привлекать к уголовной ответственности по данному делу второго секретаря ЦК КП Молдавии В.Смирнова, заведующего сектором отдела сельского хозяйства ЦК КПСС Б. Истомина, бывшего инструктора отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС М. Ишкова, бывшего инструктора ЦК КПСС, ныне первого секретаря Бухарского обкома КП Узбекистана И. Джаббарова. Выделить материалы в отношении них в отдельное производство.

Это указание не может быть исполнено по следующим основаниям.

Вызовы и допросы Усманходжаева и Салимова без решения вопроса о привлечении их к уголовной ответственности и аресте не будут способствовать установлению объективной истины, не прибавят новых доказательств по делу. В то же время это даёт им возможность принять меры к надёжному укрытию нажитых преступным путём ценностей. Кроме того, появится реальная опасность, что Усманходжаев и Салимов могут покончить жизнь самоубийством, организовать провокации или акты насилия против следствия, либо совершить иные непредсказуемые действия, зная степень своей вины.

Подобные случаи уже имели место в прошлом. Последовательное доведение до самоубийства Н. Щёлокова, Ю. Чурбанова, К. Эргашева, Г. Давыдова, Р. Гаипова уже заканчивались необратимыми последствиями для правосудия.

Лишь Чурбанов не решился покончить с собой, однако бессмысленные вызовы его на допросы до ареста позволили ему принять меры к надёжному сокрытию ценностей, которые не изъяты и поныне. Однако и он заявил в беседе, что не ожидал ареста, в противном случае «мог бы сутки отстреливаться».

Поэтому мы не пойдём на этот шаг и не допустим, чтобы «тихое убийство» организаторов преступлений в Узбекистане, каковыми являются Усманходжаев и Салимов, было бы совершено иными должностными лицами прокуратуры.

Их вызовы, допросы и проведение очных ставок возмож-

ны лишь в том случае, если в тот же день после проведения этих следственных действий они будут взяты под стражу...

Мы также не можем согласиться с указанием тов. Катусева не привлекать к уголовной ответственности Смирнова, Истомина, Ишкова, Джаббарова, изобличённых во взяточничестве! Попытки представить расследуемое дело в качестве «узбекского феномена», искусственное его расчленение в интересах коррумпированных должностных лиц в Москве, освобождение покровителей от ответственности не согласуются с требованиями закона...

В связи с этим просим Вас отменить указание тов. Катусева по дальнейшей судьбе дела».

Сменивший в 1987 г. Сороку на посту заместителя Генерального прокурора Катусев, указания которого мы обжаловали, сам признавал их незаконный характер. Не скрывал он и того, что лишь выполнил требования секретаря ЦК КПСС Лукьянова. Последовавшая 30 мая 1988 г. отставка Рекунова, приход Сухарева и другие события позволили нам проигнорировать незаконные требования партийного куратора, а позднее и арестовать многих из поименованных в рапорте подозреваемых. И просто чудом взять их живыми! Не каждый ведь выдержит долго в страхе ожидания тюрьмы, когда опекуны постоянно дружески информируют о выявлении всё новых криминальных фактов и дают ознакомиться с изобличающими документами, когда одного за другим арестовывают соучастников, когда лишают депутатского манда-

та, не приглашают на пленумы и совещания, захлопывают перед носом двери гостеприимных прежде кабинетов.

С борьбой за жизнь отдельных представителей коррумпированной знати тесно связана проблема изъятия капиталов покойных мздоимцев. Ключ к её решению уже был найден. Любимые родственники наших высоких руководителей оказывают порой весьма существенное влияние на принятие решений государственной важности, кадровые перестановки, сами становясь объектом пристального внимания мафиози. Вовсе не за красивые глаза родственники вождей получают в «подарки» мебель и видеоаппаратуру, шубы и деликатесные продукты, антиквариат и картины, деньги и ювелирные изделия. Они активно участвуют в приобретении дач и автомашин, в распределении добычи и надёжном сокрытии ценностей. Об этом бесстрастно свидетельствуют материалы тысяч уголовных дел, в том числе и проводимого нами расследования. И если все эти криминальные факты в отношении семейных соучастников доказательственно закреплены, то путь к преступно нажитым миллионам открыт.

Предметом нашего пристального внимания была семья покойного Рашидова. О вручении ему крупных взяток дали показания все арестованные секретари обкомов, секретари ЦК Компартии Узбекистана, Председатели Совета Министров и Президиума Верховного Совета республики, другие должностные лица. Деньги передавались не в конвертах – в чемоданах. Суммы были астрономические. Один вручил 1,5

миллиона, другой – около миллиона, третий – 800 тысяч. По нашим оценкам и анализу оперативной информации получалось, что по самым минимальным подсчётам у Рашидова было ценностей на сумму не менее 100 миллионов рублей. Основным соучастником и распорядителем этих богатств была жена Рашидова – Хурсанд Гафуровна. В поездках по республике она всегда сопровождала мужа. Ездили они в специальном поезде, для которого в каждом областном центре были сооружены специальные подъездные пути. Хурсанд Гафуровна собирала дань с местных руководителей прямо в вагоне. Деньги и золотые изделия часто передавались ей жёнами областных боссов, которые также поведали об этом следствию.

Был арестован и сват Рашидова Камалов – первый секретарь Каракалпакского обкома ЦК Узбекистана. Следствие изъяло у него ценностей более чем на 6 миллионов рублей. Камалов ничего не скрывал. Он и его близкие многое рассказали о ценностях Рашидова и о том, какими путями можно к ним подступиться.

Тщательную подготовку, скрывая её от руководства союзной прокуратуры, мы вели и по другим направлениям. Начать операцию под условным названием «Клад Чингисхана» планировали в июне-июле 1989 г. Конфискация рашидовских миллионов позволила бы нанести не только сокрушительный удар по утвердившейся практике сохранения в неприкосновенности богатств покойных мздоимцев, но и

подступиться к капиталам Брежнева.

Но нас остановили. На следствие обрушились обвинения в жестокости, в том, что аморально отнимать преступно нажитые миллионы у вождей КПСС. Мафия, имея своё лобби в союзном парламенте, преградила следствию путь к «чёрной партийной кассе», миллиарды из которой успешно отмываются сегодня на глазах у голодного и нищего народа.

С ДИКТОФОНОМ В «МАТРОССКУЮ ТИШИНУ»

Переполох на Пушкинской, 15

В кабинете Генерального прокурора СССР повисла тягостная тишина. Капризно властный, не терпящий возражений подчинённых, способный быстро принимать самостоятельные решения Рекунков на этот раз серьёзно задумался. Мы также не пытались прервать затянувшуюся паузу. Все доводы уже были высказаны. Рекунков колебался, и мы понимали почему: в его душе боролись профессионал и чиновник. И если профессионал подсказывал одобрить наши предложения, то чиновник осторожничал, оберегал от поспешного шага, нашёптывал: «как бы чего не вышло». Прошедший сталинско-брежневскую школу и безоговорочно принявший андроповский курс в правовой сфере, старый прокурорский служака в новых условиях растерялся. Доведённое до филигранности интриганство и иезуитство архитекторов перестройки, заклинания об усилении наступления на мафию при фактическом свёртывании этой борьбы приводили его в замешательство. Рекунков знал, что ему уже подготовлена замена, но ещё надеялся, что это произойдёт не

так скоро.

– Я направил информацию в ЦК КПСС, – наконец прервал он молчание, – пригласил товарищей прийти, посмотреть на изъятые ценности. Ответа пока нет. Потом и решим о времени проведения выставки.

Аудиенция закончилась, мы покинули сановный кабинет.

В те апрельские дни 1988 г. в доме 15 по Пушкинской улице, где размещалась Прокуратура СССР, происходили необычные вещи. У Мраморного зала, у дверей кабинетов стояли вооружённые автоматами воинские караулы из дивизии имени Дзержинского, даже Генеральный прокурор не имел доступа в эти помещения. Режим охраны и без того закрытого учреждения был усилен. Со всеми этими обстоятельствами и был связан разговор в кабинете Рекунова.

К тому времени возможности кабинетного разрешения проблем расследования были исчерпаны. Прорыв в средства массовой информации усилил позиции нашей группы, но так и не привёл следствие в кабинеты коррупционеров на более высоких этажах власти. Борьба продолжалась, и требовалось предпринять новые, неординарные шаги, чтобы продвинуть расследование вперёд. С этой целью мы задумали организовать в здании Прокуратуры СССР пресс-конференцию с демонстрацией очередной партии изъятых у обвиняемых ценностей. После некоторых колебаний Рекунов в принципе дал согласие на проведение такой выставки, но о пресс-конференции он и слышать не хотел. В течение

последних двух месяцев нашей группой были изъяты крупные капиталы, принадлежащие свату Рашидова – Камалову и первому секретарю Элликалинского райкома партии Примову. Были тут наличные деньги и облигации на сумму 4 миллиона 700 тысяч рублей. Золотые монеты, кольца, серьги, браслеты, цепочки с бриллиантами и другими камнями весили более 43 килограммов. Общая сумма изъятого по самым скромным прикидкам составляла 8 миллионов рублей.

В конце апреля 1988 г. спецрейсом под усиленной охраной автоматчиков ценности были доставлены из Узбекистана в Москву в здание центрального аппарата Прокуратуры Союза.

Несколько дней следователи группы пересчитывали драгоценности, повторно осматривали их, вели видео- и фото-съемку, после чего все эти богатства и были выставлены в Мраморном зале. И тут Рекунков вновь заколебался. До сего случая в Прокуратуре СССР ни разу не проводилось не только пресс-конференций, но даже иных более скромных мероприятий: руководство надзорного ведомства продолжало держать круговую оборону против гласности. Да что там гласность: по указанию Рекункова не велено было пускать даже девушек в брюках.

В ЦК КПСС, куда Генеральный прокурор направил информацию о результатах следствия с приглашением посетить выставку изъятого, хранили молчание. С самого начала, между прочим, было ясно, что реакция будет именно такой.

Ещё бы, ведь кремлёвских покровителей мафиозных группировок из Узбекистана приглашали посмотреть на капиталы товарищей по партии, на «чёрную партийную кассу».

Рекунков нервничал. С одной стороны, не хотелось терять авторитет в глазах подчинённых, было поздно отступать, ибо весь аппарат прокуратуры знал о предстоящей выставке. В то же время в ЦК КПСС задуманное мероприятие явно игнорировалось. Наконец, 27 апреля Рекунков выдал из себя разрешение, но предупредил, что пресс-конференции он не потерпит. Ограниченному контингенту журналистов разрешалось лишь поглазеть на изъятые ценности и при этом не задавать никаких вопросов. Дело шло к вечеру, и нужно было спешить, пока начальство не передумало. Всё же, несмотря на окончание рабочего дня, мы успели обзвонить многие редакции. На этой весьма странной пресс-конференции-выставке, где запрещалось предоставлять какую-либо информацию, мы умудрились всё-таки дать краткие интервью тележурналистам из «Взгляда» и программы «Время». Большего не удалось, ибо появился первый заместитель начальника Главного следственного управления В. Илюхин. Оттеснив следователей, он как представитель руководства Прокуратуры СССР сначала расхвалил работу нашей группы, а затем от имени Генерального прокурора заявил, что прокуратура пока не готова дать исчерпывающую информацию. Журналистов попросили в письменном виде направить свои вопросы, и лишь тогда Прокуратура СССР проведёт пресс-конфе-

ренцию. Это обещание было выполнено лишь после настойчивых требований ряда редакций только в начале 1989 г., но на это мероприятие мы даже не были допущены. Тем не менее, своей цели мы добились: представители средств массовой информации, а значит и миллионы читателей и телезрителей увидели документальные видеосъёмки изъятия ценностей и иных следственных действий, в неофициальных беседах со многими журналистами мы рассказали о проблемах следствия и препятствиях, которые нам чинят в объективном, полном и всестороннем завершении дела. Конечно, всех интересовал вопрос: кто эти двое партийных работников, у которых отняли их капиталы. Но мы были непреклонны: существует презумпция невиновности, и пока дело не рассмотрит суд, их фамилии останутся тайной следствия.

В тот же день об этом, прямо скажем, неординарном по тем временам событии рассказало всесоюзное радио и телепрограмма «Время», а в последующие дни большинство центральных газет напечатали репортажи с выставки, в которых появилась первая информация о препятствиях, чинимых следствию, звучало требование расследовать дело до конца и в полном объёме. Всё-таки недаром говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Всплеск информации по поводу прошедшей в прокуратуре выставки многим открыл глаза на существо проблем нашего следствия, масштабы коррупции в высших эшелонах власти, истинные причины противодействия расследованию. Ситуация, меж-

ду тем, складывалась парадоксальная и нелепая, какая вообще возможна только в нашем отечестве. В ЦК КПСС негодовали по поводу случившегося. Всё произошло настолько быстро, информация о выставке выплеснулась так внезапно, и где – в полностью управляемых газетах, на телевидении и радио! А на Старой площади не успели даже ничего толком предпринять. В средствах же массовой информации, приученных к покорности, полагали, что всё согласовано наверху и там санкционировано, потому и старались изо всех сил рассказать как можно больше. Громы и молнии обрушились на голову Рекункова. Особенно усердствовали секретарь ЦК КПСС, куратор правоохранительных органов Лукьянов и подчинённый ему адмтдел ЦК КПСС. «Кто разрешил? Кто позволил? Почему вы компрометируете нашу партию?» – допрашивали на Старой площади опешившего Рекункова. В свою очередь тот не нашёл ничего лучшего, как заявить в своё оправдание, что он – Генеральный прокурор – никакого разрешения на проведение выставки не давал, а его подчинённые проявили самовольство. Столь примитивные объяснения только подлили масла в огонь. «Так кто же у вас там Генеральный прокурор – вы или Гдлян?» – вопрошали разгневанные борцы за чистоту партийных рядов. – Вы что, уже не в состоянии контролировать ситуацию в своём ведомстве? Может, вы вообще не желаете или не можете работать?» И, как водится в кремлёвском паноптикуме, тут же последовали оргвыводы: не прошло и месяца, как Рекунко-

ва отправили на «заслуженный отдых». Его место занял другой функционер, профессионально не подготовленный, зато прошедший многолетнюю комсомольскую и партийную выучку, вёрткий, гибкий и безнравственный, а главное, абсолютно надёжный. Именно Сухареву и было поручено осуществить разгром дела о коррупции в высших эшелонах власти.

ДЖИНН ВЫХОДИТ ИЗ БУТЫЛКИ

Стремительный прорыв к гласности в нашем расследовании оказался весьма чувствительным. Чтобы ослабить его эффект, вслед за оргвыводами опомнившиеся покровители мафии со Старой площади использовали услужливых журналистов и юристов. Те с пеной у рта начали обосновывать мнение партийных функционеров, что демонстрация, мол, преступно нажитых ценностей и любая иная информация в период расследования недопустимы. Естественно, при этом не приводилось каких-либо ссылок на действующее законодательство, поскольку ссылаться было вовсе не на что...

Трудно и противоречиво утверждалась гласность в правовой сфере, прежде чем достигнуть своего нынешнего уровня. Почти на пять лет глухая завеса молчания опустилась и над расследуемым нашей группой уголовным делом. Вспоминается, например, такой эпизод.

Летом 1985 г. мы направили в Верховный суд УзССР выделенное из основного расследования уголовное дело в отношении Музаффарова, Кудратова, Дустова и других. Многие сотни доказанных эпизодов взяточничества на сумму свыше трёх миллионов рублей нашли своё подтверждение и в суде. В мае 1986 г. был вынесен приговор, а изъятые у шести подсудимых ценности на сумму около 6 миллионов рублей были конфискованы в доход государства. На тот момент

это дело являлось уникальным не только для Узбекистана, но и для страны в целом. Неудивительно, что через месяц в штабе группы в Ташкенте появился собственный корреспондент «Известий» Г. Димов. Он показал телеграмму из редакции с заданием о подготовке большой публикации по поводу завершившегося процесса. Журналист уже ознакомился с приговором, другими судебными документами, попросил их прокомментировать и долго записывал наши ответы на магнитную ленту. А вскоре сообщил, что подготовленную им статью в Москве посчитали слишком сенсационной, резкой, поэтому он её сейчас переделывает, смягчает выводы и формулировки. Волокита продолжалась год и лишь летом 1987 г. Димов честно признал, что редакция «Известий» категорически отказывается публиковать ею же заказанный материал, дабы не смущать советских людей масштабами коррупции. Вместо этого ему заказали статью «о нарушении законности следствием».

В декабре 1987 г. в Узбекистан приехал спецкор «Правды» Г. Овчаренко. День за днём наблюдал он за работой группы, участвовал в допросах, обысках. Убедился, в каких трудных условиях работают люди – по несколько лет вдали от семьи и за нищенскую зарплату, часто без выходных, недосыпая, скверно питаясь, постоянно рискуя здоровьем, а то и жизнью. Уже перед отъездом журналист рассказал, какую установку получил он в редакции: следователи, дескать, являются нарушителями законности, творят произвол

в отношении партийных кадров, и обо всех этих «художествах» его просили собрать материал. Статью «Правда» получила прямо противоположную. Трудно сказать, увидела бы она свет, если бы Усманходжаева не убрали с поста первого секретаря ЦК КП Узбекистана во второй половине января 1988 г. Крёстного отца мафиозных групп республики, не достигшего, кстати, пенсионного возраста, тихо спроводили на персональную пенсию союзного значения, сохранив за ним членство в ЦК КПСС, депутатство в Верховном Совете СССР и две шикарные столичные квартиры в придачу. Обычный финал для партийных мафиози подобного уровня предусматривает вместе с тем и снятие запрета на критику опального функционера. И тут уж известная своей принципиальностью «Правда» кинулась догрызать опального партийного начальника: 23 января 1988 г. она напечатала статью Овчаренко «Кобры над золотом».

Как бы то ни было, именно эта публикация прорвала информационную блокаду. Грустно и смешно, но опять сработал стереотип нашего рабского мышления: если в «главной газете страны», печатном органе ЦК КПСС снят запрет с данной темы, то можно подать голос и другим изданиям. Появились статьи и интервью в «Комсомольской правде», «Собеседнике», «Неделе», «Московских новостях», «Аргументах и фактах», «Труде», «Смене», «Крестьянке», других газетах и журналах, пошли репортажи по центральному телевидению и радио.

Журналисты, освещавшие работу следователей, принимавшие участие в отдельных акциях группы, могут немало порассказать о трудностях, которые возникали на пути подготовленных ими материалов на газетную полосу или в эфир. Например, так и не увидели тогда зрители 45-минутный документальный телефильм «Противоборство»¹⁵, подготовленный в феврале 1988 г. для показа по ЦТ в передаче «Человек и закон», запрещались отдельные сюжеты в программе «Взгляд», некоторые статьи в газетах. И тем не менее информация о проблемах следствия по делу № 18/58115-83 становилась достоянием широкой общественности. Почему же стало возможным такое в условиях, когда средства массовой информации являлись ещё достаточно управляемыми, а независимых изданий просто не было? Однозначный ответ дать трудно, нужно учитывать многие факторы. Один из главных, по нашему мнению, заключается в следующем. К началу 1988 г. борьба с мафией в стране была уже почти свёрнута, правоохранительные органы деморализованы, а рост преступности принимал всё более угрожающие размеры. Явное нежелание скомпрометировавшей себя власти прибегнуть к покаянию или хотя бы дать оценку уже сошедшим с политической сцены коррумпированным функционерам также вызывали всё большее недовольство населения. В подобной ситуации наиболее дальновидные из кормчих со

---

¹⁵ Почти 4 года фильм был под запретом и появился на телеэкране лишь после провала августовского путча в декабре 1991 г.

Старой площади, оценив эффект первых публикаций, быстро смекнули, что на примере работы нашей группы можно нажить политические дивиденды, а заодно и дезориентировать общественное мнение. И вот уже то там, то здесь завуалированно или почти открыто стала проводиться мысль. Именно по инициативе ЦК КПСС в стране ведётся бескомпромиссная борьба с коррупцией, должностными преступлениями. Слова «организованная преступность», а тем более «мафия» официальные структуры произносить ещё не решались.

Тоталитарный режим и раньше допускал гласное осуждение отдельных негативных явлений, лишь бы они не затрагивали её величество Систему. В 1988 г. именно такая ситуация и возникла применительно к отдалённому от Центра региону: бесспорные факты выявленной там массовой коррупции и злоупотреблений были налицо. Им следовало лишь дать оценку. Вот и начали наши оппоненты интерпретировать установленную коррумпированность республиканских этажей власти в выгодном для себя свете: дескать, мы тут в Москве о перестройке печёмся, а на периферии в это время «зоны, закрытые для критики» появились, «отдельные негативные явления» в них наблюдаются. Недосмотрели. Зато теперь искореняем их принципиально и бескомпромиссно. Вот почему Лукьянов и его подушенные успешно отбивали все наши атаки, то окриком, то отеческими поучениями рекомендовали локализовать дело, ограничить его рамками

Узбекистана, отказывали в согласии на привлечение к ответственности сановных мздоимцев и фактически заморозили расследование на длительный срок. Выходило так, что вал публикаций на поверхности моря гнал волну, а на дне в тиши кабинетов прожжённые дельцы от политики плели паутину прежних интриг и под перестроечные заклинания обдывали свои клановые делишки.

Покровители мафии просчитались, выпустив джинна из бутылки ради своих тактических, сиюминутных плутней. Благодаря средствам массовой информации об уголовном деле, которое мы вели, заговорила вся страна. Буквально за несколько месяцев мы обрели нового союзника в лице общественного мнения. Пора было переходить в контрнаступление. Уже давно не было иллюзий в отношении позиции Горбачёва и его команды. Только публично поставив руководство страны в сложное положение, можно было добиться от него хотя бы робкого движения в сторону утверждения законности и социальной справедливости. Требовался качественно новый прорыв. Для осуществления его можно было бы использовать трибуну XIX партконференции. Но как на неё пробиться?

В то время как десятки коррупционеров преспокойно получали мандаты делегатов, мы засели за статью, которая приобрела широкую известность под названием «Противостояние». В ней мы поставили многие проблемы борьбы с коррупцией, говорили открыто о противодействии следствию со

стороны мафии и её покровителей, в том числе из ЦК КПСС. По прошествии пяти лет многие из вопросов, поставленных нами, не потеряли своей актуальности. Например, проблема создания Следственного комитета не решена и по сей день. Осторожно подбиралось каждое слово, каждое предположение, чтобы не дать противнику ни одного повода для возможных обвинений в нарушении презумпции невиновности или тайны следствия.

Одна редакция за другой отвергали нашу статью, ибо по остроте поставленных вопросов материал был написан на пределе гласности того периода. И вдруг удача – опубликовать материал согласился главный редактор «Огонька» В. Коротич. За два дня до начала конференции статья вышла в свет. Это случилось 26 июня. На следующий день, разумеется, грянул гром со Старой площади. Поздно вечером 27 июня 1988 г. мы вновь сидели в кабинете Генерального прокурора СССР и с интересом наблюдали за поведением Сухарева. В отличие от своего предшественника Рекункова он даже внешне не стремился «сохранить лицо», выглядел каким-то помятым, суетливым, растерянным. Сухарев в который раз уже перечитывал наш рапорт, составленный в тот же вечер по его указанию. Там, в частности, говорилось:

«В связи с публикацией в журнале «Огонёк» № 26 от 26 июня 1988 г. статьи «Противостояние» наше утверждение о том, что на партийной конференции «в числе авторитетных и весьма заслуженных людей оказались и скомпрометиро-

вавшие себя на ниве взяточничества лица», основано на материалах уголовного дела. Мы не указали в статье фамилии этих лиц, чтобы не быть обвинёнными в нарушении следственной тайны.

Поскольку Вы не были осведомлены о наших намерениях (статья готовилась ещё при бывшем Генеральном прокуроре СССР Рекункове А. М. без его ведома), то после выхода в свет журнала считаем своим долгом назвать конкретных лиц, проходящих по делу, но представленных в качестве делегатов на партийной конференции. К ним относятся:

1. Бывший заведующий сектором отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС, ныне второй секретарь ЦК КП Молдавии Смирнов В. И., в отношении которого дали подробные показания первые секретари Бухарского, Навоийского, Каракалпакского, Хорезмского, Ташкентского, Кашкадарьинского, Сурхандарьинского обкомов КП Узбекистана Каримов А. К., Есин В. П., Камалов К., Худайбергенов М. Х., Мусаханов М. М., Гурапов Н. Т., Каримов А. и другие, а всего 16 должностных лиц. Из их показаний следует, что Смирнов, как куратор Узбекистана, получил в 1976-1984 гг. взятки на общую сумму 376 000 руб.

2. Могильниченко К. Н. – заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС. О вручении ему взятки в 1983-1984 гг. на общую сумму 90 000 руб. сообщили в своих заявлениях и на допросах шесть привлечённых к уголовной ответственности лиц, из них четверо –

члены и кандидаты в члены Бюро ЦК КП Узбекистана.

3. Джаббаров И. – первый секретарь Бухарского обкома КП Узбекистана. О получении им взяток на общую сумму 77 000 руб. в 1977-1984 гг. дали показания четверо должностных лиц, а бывший Председатель Совета Министров Узбекской ССР Худайбердиев Н. Д., первый секретарь Навоийского обкома партии Есин В. П. и секретарь ЦК КП Узбекистана Айтмуратов Е. сообщили о получении взяток от Джаббарова на сумму 13 000 руб.

4. Раджабов Н. Р. – первый секретарь Самаркандского обкома КП Узбекистана. О вручении ему взяток в 1978-1982 гг. на общую сумму 38 000 руб. указали четверо партийных руководителей, а Худайбердиев Н. Д., Есин В. П. и Орлов Г. М. сообщили о получении взяток от Раджабова на сумму 21 000 руб.»

Далее подробно перечислялось, как на протяжении ряда лет мы и руководство Прокуратуры СССР информировали ЦК КПСС о выявленных криминальных фактах в деятельности указанных выше делегатов XIX партконференции, а также в отношении Усманходжаева и бывшего председателя Президиума Верховного Совета УзССР Салимова.

На Сухарева жалко было смотреть: не проработал и месяца на посту Генерального прокурора, а уже оказался в эпицентре опасного конфликта. Утром следующего дня открывалась конференция. Встревоженные обитатели Старой площади надеялись, что их ставленник как-то потушит возник-

ший скандал, обвинит во всём следователей. Но у нас на руках были факты и документы, и их нечем было опровергнуть. Генеральный прокурор то раздражённо выговаривал нам за самовольничество, то назойливо напоминал, что он только месяц работает, ещё ни в чём не разобрался и не знал о готовящейся статье. Наконец, он выбрал самую безопасную для себя позицию: так и не решившись ознакомить ЦК КПСС с собственным мнением, он отправил на Старую площадь... наш рапорт.

Очередной «исторический» партийный форум был омрачён разыгравшимся скандалом. Видимо, за всю историю съездов и конференций не было ещё случая, чтобы после утверждения доклада Мандатной комиссии ей пришлось собраться повторно, вместо покаянных речей выслушивать дерзкие пояснения Коротича. Публично главный редактор «Огонька» передал в президиум, лично в руки Горбачёва, полученный от нас ранее пакет. Там была подробная информация о следственных материалах в отношении четырёх делегатов конференции, а также перечень документов, направленных в разное время в ЦК КПСС с информацией о взяточничестве этих лиц. Находился в пакете и ещё один документ, ограждающий самого Коротича от назойливого любопытства «товарищей по партии». В своё время мы ознакомили его с рядом видеоматериалов и документов. После чего Коротич дал нам подписку о неразглашении данных предварительного следствия, которые стали ему известны, и о воз-

возможной ответственности по ст. 184 УК РСФСР в случае нарушения подписки. Копия этого документа также была передана Горбачёву. И когда на разных этажах партийной иерархии у Коротича требовали объяснений, он ссылался на эту подписку. Кстати, такая форма предусмотрена законодательством большинства цивилизованных стран мира.

Товарищи из ЦК недовольны

Получив ещё одно подтверждение истинной цены заверений о самых демократических выборах делегатов конференции и лозунгов о решительной борьбе с коррупцией, строительстве правового государства, общественность ожидала развязки скандала. При иных обстоятельствах следственную группу тихо бы разогнали, а дело похоронили. А теперь учинить такое с известными всей стране людьми, которые якобы «по инициативе ЦК КПСС ведут бескомпромиссную борьбу с коррупцией в Узбекистане» было нелогично и опасно, могло серьёзно подорвать престиж Генсека и всего коммунистического Олимпа. Оставалось одно: постепенно скомпрометировать следственную группу в глазах общественного мнения.

Пока на Старой площади продумывали новые козни, мы тоже не сидели сложа руки, хорошо понимая, что гласность может стать нашим надёжным союзником.

Так возникла идея предпринять ещё один нетрадиционный ход, открыв для прессы двери следственного изолятора. Журналистам предоставлялась возможность встречи с любым из подследственных и получения от них любой информации, но при условии не предавать огласке обстоятельства конкретных криминальных эпизодов и фамилий тех, кому передавались и от кого получались взятки, хранителей цен-

ностей. Кроме того, если обвиняемый откажется от беседы либо не пожелает завизировать подготовленный материал, то никакой публикации быть не должно. Тем самым учитывались и соблюдение требований закона, основополагающих принципов правосудия, и элементарные нормы журналистской этики, и охрана прав содержащихся под стражей лиц.

В следственный изолятор зачастили журналисты с диктофонами и блокнотами. Они встречались с бывшими секретарями ЦК, обкомов и райкомов партии, хозяйственными руководителями. Подследственные оказались весьма общительными, охотно рассказывали, от кого получали и кому давали взятки, при каких обстоятельствах это происходило, у кого и как хранили свои богатства, о покровителях из Москвы, о коррупции в центральных ведомствах. В подтверждение своих слов предъявляли журналистам личные записки, копии заявлений, отправленных Генеральному секретарю ЦК КПСС, Генеральному прокурору и другим руководителям, где подробно излагались факты коррупции в коридорах высшей партии и государственной власти. Давали оценку следователям, стилю и методам их работы, условиям содержания в тюрьме. Возмущались, почему не принимается мер к сановным соучастникам во взяточничестве.

Не прошло и месяца с момента завершения партконференции, как необычные интервью из следственного изолятора бывших Председателя Совета Министров УзССР Худайбердиева, секретаря ЦК КП Узбекистана Айтмуратова,

первых секретарей Ташкентского, Каракалпакского и Сурхандарьинского обкомов партии Мусаханова, Камалова, Каримова, первых секретарей райкомов партии Примова и Каныязова, председателя правления Бухарского облпотребсоюза Мирзабаева появились в некоторых центральных изданиях.

Рассказывая о фактическом положении дел, подследственные в то же время выражали обеспокоенность по поводу покровительства московских функционеров массовому взяточничеству и припискам в Узбекистане. Кстати, после первой статьи в «Аргументах и фактах» руководству еженедельника тут же дали выволочку в ЦК КПСС. Не успели стихнуть гневные речи на Старой площади, как появилась публикация в «Правде», а потом и в других газетах. В редакциях по-прежнему были убеждены, что щекотливая прежде тема «открыта» на самом верху, неповоротливые чиновники со Старой площади вновь не сумели вовремя «перекрыть кран», предупредить очередной залп публикаций.

Руководству Прокуратуры СССР выразил своё крайнее недовольство Лукьянов. Наше правительство оправдывалось: «Эти следователи – неуправляемые, опять действовали самовольно». Вопрос о «самоуправстве» было предложено вынести на рассмотрение коллегии Прокуратуры. В ИЗ-48/4 МВД СССР, широко известный как «Матросская тишина», зачастили проверяющие к обвиняемым, которые встречались с журналистами. Но беседы с «героями» газет-

ных публикаций разочаровывали и даже шокировали. Подследственные благодарили за столь высокое внимание к ним, выражали надежду, что теперь-то уж будут приняты соответствующие меры к должностным лицам из ЦК КПСС и других ведомств, которые получали взятки, способствовали припискам и коррупции в Узбекистане. Почему это, мол, одни сидят в тюрьме, а другие работают как ни в чём не бывало или получают персональные пенсии? А проверяющие только допытывались: не принуждали ли вас давать интервью, не переврали ли чего журналисты. Ответы получали отрицательные. А Худайбердиев отметил, что после того, как журналисты второй раз встречались с ним и визировали материал, он внёс ряд дополнений и уточнений, и именно в таком виде текст был опубликован. Эти статьи обвиняемые приобщили к своим «досье», личным записям, которые при расследовании вёл каждый из них. Претензий по опубликованным материалам ни у кого не было.

Выносить на рассмотрение коллегии оказалось нечего. Но разбирательство всё же было предпринято, так сказать, в семейном кругу. В чём только не пыталось обвинить нас начальство! И в нарушениях общих принципов правосудия и уголовного процесса, забвении принципов невиновности, разглашения тайны следствия, самоуправстве, нежелании подчиниться субординации. Ни о каких нарушениях закона речи, понятно, не шло по той простой причине, что их не было. Самый тяжкий грех, который больше всего беспо-

коил прокурорских служаек, заключался в том, что «товарищи из ЦК недовольны» оглаской и самим прецедентом вообще. Одним словом, пустой и бесполезный получился разговор, в итоге которого последовало высочайшее запрещение каких бы то ни было встреч подследственных с прессой. Через МВД СССР в следственный изолятор поступило указание не допускать журналистов в тюрьму к обвиняемым без письменного на то согласия Генерального прокурора или его заместителей. Любопытно, что при всём желании выслужиться перед ЦК КПСС никакого, даже символического наказания на нас наложено не было. Ну совершенно не за что, что тут поделаешь!

Вместе с другими мерами выступления в средствах массовой информации позволили добиться привлечения к ответственности Усманходжаева, Салимова, Смирнова и других функционеров, продвинуть следствие на очередную ступень. Небезынтересно, что возникали такие ситуации, когда гласность в освещении отдельных сторон следственной работы играла известную роль и в обеспечении безопасности людей из нашей группы. Так, в 1988 г. в КГБ и МВД из разных источников поступила информация, что за головы следователей мафия заплатила наёмникам сотни тысяч рублей, что готовится также нападение с целью отбить у нас часть изъятых у преступников миллионов. Попытки обеспечить каждого следователя личным табельным оружием результата не дали: пистолеты выделили лишь двум руководителям групп-

пы. Мы сами приняли рад мер: обеспечили охрану мест проживания следователей, они выезжали под прикрытием автоматчиков, перемещались только группами, менялись номера на автомашинах. Помимо того в печати и по радио, в программе «Взгляд» мы рассказали и продемонстрировали, как вооружена группа. Показали следователей в бронежилетах – о том, что личного оружия у них нет и ребята берут его эпизодически напрокат в других ведомствах, мы, естественно, умолчали. Рассказывали о том, что в нашем распоряжении имеются вездеходы, вертолёт, автомашина с автоматчиками, надёжная охрана. В результате ситуация резко изменилась. Вскоре мы получили информацию о том, что деньги вернулись к хозяевам: наёмники не захотели рисковать. Такое порой ненавязчивое напоминание о возможности вооружённого отпора не одному нашему следователю сохранило здоровье, а то и жизнь.

Вслед за судебным процессом по делу Чурбанова, явившегося по сути дела одним из этапов контраступления мафии в предверии окончательного разгрома дела, в центральные средства информации со Старой площади поступил уже официальный запрет на любые наши выступления. А после известного решения Политбюро ЦК КПСС о создании комиссии во главе с Пуго по проверке дела со страниц различных изданий, через телерадиоэфир на следственную группу хлынул обильный поток лжи, дезинформации, нелепых обвинений. Партийная монополия на средства массовой ин-

формации блестяще продемонстрировала обратную сторону гласности времён перестройки.

Не имеет смысла бросать упреки редакциям, вынужденным тогда выполнять волю своих хозяев со Старой площади. Но спрятать правду становилось всё труднее. Чем сильнее становилось давление на нашу группу, тем меньше оставалось в обществе наивных простаков, которые верили решительным журналистам и правоведам. А по мере того, как разваливался тоталитарный режим, терялась монополия КПСС на средства массовой информации, мы вновь ощутили поддержку честных журналистов, которые то завуалированно, а потом всё более открыто стали писать и говорить правду. И низкий им за это поклон.

ФОКУСНИКИ В СУДЕЙСКИХ МАНТИЯХ

Исповедь министра внутренних дел

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО

16 октября 1987 г . г. Ташкент

Следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР старший советник юстиции Н. В. ИВАНОВ, с участием старшего помощника Генерального прокурора СССР государственного советника юстиции 2 класса Г. П. КАРАКОЗОВА в помещении следственного отдела КГБ Узбекской ССР, с соблюдением требований ст.ст. 127 и 128 УПК УзССР, допросили в качестве обвиняемого:

Яхьяева Хайдара Халиковича, 9 января 1927 года рождения, уроженца г. Самарканда, узбека, гражданина СССР, беспартийного, с высшим образованием, женатого, проживающего до ареста в г. Ташкенте, ул. Авроры, 27, не судимого.

Допрос начат в 11 час. 35 мин. Перерыв на обед с 12 час. 30 мин., до 16 час.

Допрос окончен в 19 час. 00 мин.

Русским языком владею хорошо, в услугах переводчика не нуждаюсь, желаю давать показания на русском языке.

Яхъяев /подпись/

В предъявленном обвинении, изложенном в постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого от 16 октября 1987 г. виновным себя по ст.ст. 152 ч. 2 и 153 ч. 2 УК УзССР и по ст.ст. 173 ч. 2 и 174 ч. 2 УК РСФСР ПОЛНОСТЬЮ ПРИЗНАЮ.

Яхъяев /подпись/

«По существу предъявленного мне обвинения желаю пояснить следующее. Я полностью признаю себя виновным в том, что в 1970-1979 гг. как министр внутренних дел Узбекской ССР получал взятки от начальников УВД областей Алимова М. С., Норова М. С., Сабирова С. З., Мухаммадиева А., Махамаджанова Я., а также от других работников органов внутренних дел Юлдашева Р., Нарзыкулова А, Бегельмана П. Б., Салахидинова М., Юлдашева Ю., Норбутаева Х. В постановлении от 16 октября 1987 г. правильно указано, что от этих лиц я получил 89 взяток на общую сумму 146 153 руб. Сам я давал взятки министру внутренних дел СССР Щёлокову Н. А., заместителю министра внутренних дел СССР, зятю бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева –Чурбанову Ю. М. и управляющему делами ЦК КП Узбекистана Умарову Т. Юридически мои действия

квалифицированы правильно, но жизнь разнообразнее и богаче всех юридических конструкций. Для меня есть более страшный суд – это моя совесть, которая не даёт мне покоя ни днём, ни ночью...

Успешно решать все вопросы по службе можно было лишь в случае, если будет поддержка как от руководства республики, так и от руководства МВД СССР. Определённую поддержку от Рашидова Ш. Р. я имел. Стали складываться более доверительные отношения и с министром внутренних дел Щёлоковым Н. А.

В 1968 г. Щёлоков сам попросил меня прислать в Москву свежие фрукты. Что я мог ответить министру внутренних дел страны, близкому человеку Л. Брежнев? Отказать? Но на это бы не решились многие должностные лица, потому что подобный отказ мог привести к серьёзному осложнению отношений. И я начал посылать ему по 2-3 раза в год посылки с фруктами, ягодами, арбузами, дынями. В Узбекистане всё это стоит недорого, но всё же стоит деньги. Щёлоков же воспринимал всё это как должное и ни разу не сделал, даже из приличия, попытки оплатить все эти продукты.

В первом квартале 1970 г. я находился по делам в г. Москве и зашёл к Щёлокову. После решения служебных вопросов он повёл разговор на личные и бытовые темы. Был одет в гражданском костюме тёмного цвета. Щёлоков сказал, что привык шить в Молдавии костюмы у хорошего портного-еврея, а

сейчас бы снова хотел сшить костюм у хорошего мастера, желательно еврея. Поинтересовался, есть ли в Ташкенте хорошие мастера, и сможет ли он там заказать костюм из добротного материала. Я ответил, что по приезде выясню этот вопрос и ему сообщу. Но Щёлоков сказал, что можно и не связываться с индивидуальным пошивом, приобрести готовый костюм, возможности для этого в Москве имеются. Намёк на взятку был не прозрачный, а прямой, в неловкой форме. Почему-то Щёлоков прямо не решился назвать вещи своими именами. У меня при себе были деньги в сумме 2 200 руб., я вынул их из кармана, ни во что не завернутые, и отдал Щёлокову. Он не смутился, положил деньги в ящик стола. Более того, тут же попросил меня посылать ему из Ташкента свежие фрукты, овощи, коньяки, вина в большем количестве, чем мы посылали раньше, и почаще. Я пообещал это выполнить, и мы расстались. С этого времени в среднем один раз в месяц в большом объёме в Москву стали посылать коробки с продуктовыми наборами. В начале 1971 г. Щёлоков позвонил мне по ВЧ перед совещанием и намекнул на деньги. На этот раз я привёз и вручил ему 5 000 руб. Так с тех пор и пошло: посылали продуктовые наборы, и каждый год я давал ему взятки деньгами».

Из протокола допроса обвиняемого Яхьяева Х. Х. от 17 октября 1987 г .:

«...Конечно, сейчас могут найтись демагоги и заявить: неужели нельзя было работать без взяток,

как работает большинство советских людей. Отвечу так на этот вопрос: большинство советских людей действительно не занимались взяточничеством, а вот должностные лица республики почти поголовно погрязли во взяточничестве. Не заниматься этим можно было при одном условии, уйти с поста и работать рабочим на заводе или хлопкоробом в поле. А на всех этажах служебной лестницы у нас в республике коррупция была повсеместной. Это я заявляю со всей ответственностью, как очевидец случившегося и информированный человек.

Последний раз мы встречались со Щёлоковым Н. А. в июне 1979 г., когда решался вопрос о моей отставке. Точнее, вопрос этот уже был решён. Я уже подал рапорт об отставке по болезни, и он был удовлетворён. Мы сидели с ним часа два, долгий, хороший разговор состоялся. Щёлоков вспоминал нашу совместную работу, убеждал, чтобы я смирился и не вступал больше в схватки с большими людьми, чтобы принял отставку как должное. Предупредил меня о том, чтобы я держал язык за зубами по поводу тех взяток, которые я ему передал. Ему не хотелось, чтобы я шумел, боролся за свой пост, привлекал внимание к этому вопросу. Во время этой беседы я вручил Щёлокову последнюю взятку в виде четырёх ниток жемчуга стоимостью 3 333 рубля. Этот жемчуг я ранее в виде взятки получил от Махамаджанова Якуба – начальника Наманганского УВД. Щёлоков принял у меня этот жемчуг и поблагодарил. От него всё ещё

много зависело и в плане пенсии, решении других вопросов моей судьбы, хотелось, чтобы у него осталась хорошая память обо мне. Всего за эти годы я передал Щёлокову денег 72 000 руб., также продукты, золотые изделия, промышленные товары, а всего взяток на общую сумму 105 953 руб.

Все эти взятки передавались Щёлокову для того, чтобы иметь его поддержку в работе. Такую поддержку я от него имел. После каждой моей поездки в Москву и каждой взятки МВД УзССР вовремя и в необходимом количестве получало служебный и специальный транспорт. При распределении общих штатов удовлетворялись все мои заявки. Оперативно-технический отдел получал технические новинки, дефицитные химикаты. Мы первыми получили для ГАИ 40 пистолетов-скоростемеров. Своевременно получали обмундирование, хотя в других местах это было проблемой. Он давал возможность поездок сотрудников министерства по стране для обмена опытом, увеличивал нам лимиты поступающих в Академию МВД СССР. Мы в нужном количестве обеспечивались путёвками в ведомственные санатории и дома отдыха. Помог решить вопрос об открытии в Ташкенте Высшей школы МВД СССР. Положительно с его помощью был решён вопрос и об открытии Высшего пожарно-технического училища. И масса других вопросов из-за того, что Щёлоков оказывал мне поддержку и покровительство. После 1979 г. мне с ним больше встречаться не приходилось.»

Из протокола допроса обвиняемого Яхьяева ХХ от 19 октября 1987 г.:

«С Юрием Михайловичем Чурбановым я впервые познакомился в г. Ташкенте в июне 1976 г., когда он являлся начальником политуправления Внутренних войск МВД СССР и имел звание генерал-майора. Ещё до приезда Чурбанова меня прямо из дома вызвал к себе в кабинет первый секретарь ЦК КП Узбекистана Рашидов и предупредил о приезде Чурбанова – зятя Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева, чтобы я сам его встретил, оказал максимум ему внимания, позаботился о хороших подарках для него.

5 июня 1976 г. я выезжал в аэропорт Ташкента встречать Чурбанова. Разместили его и помощников в резиденции ЦК КП Узбекистана по ул. Шелковичной (ул. Лопатина). На другой день вместе с Чурбановым, моим заместителем Давыдовым Г. И. и командиром дивизии внутренних войск Сираждиновым Б. Х. побывали в ЦК КП Узбекистана в кабинете у Рашидова, где состоялась беседа. В дальнейшем показали Чурбанову достопримечательности Ташкента, музеи, научно-исследовательский институт садоводства и виноградарства им. Шрейдера, выезжали в Ташкентскую область в колхоз им. Ленина, где было организовано угощение. Чурбанов лишь на день вылетел в Бухарскую область, остальное время провёл в Ташкенте, мы вместе завтракали, обедали, ужинали, разговаривали, поближе узнали друг друга. Никаких

служебных вопросов с ним не решали...

Для Чурбанова были приготовлены: сюзане – декоративный настенный ковёр стоимостью не менее 200 руб.; красивой расцветки ковёр 2х3 м стоимостью не менее 250 руб., с учётом невысоких в то время цен на ковры; два чайных сервиза по 16 руб. каждый; два столовых сервиза по 24 руб. – все красиво расписаны национальным узбекским рисунком и, несмотря на невысокую стоимость, смотрелись они очень нарядными. Помимо сервизов, сюзане и ковра были также отрезы ткани стоимостью не менее 100 руб.

За день-два до отлёта Чурбанова в Москву рано утром я провёл его в комнату и показал все эти вещи для него. Чурбанов воспринял всё как должное и выразил удовлетворённость подарками. Сказал, что его жена Галина Леонидовна будет довольна. После осмотра подарков мы наедине разговаривали с Чурбановым. Он сам завёл разговор о том, что в Москве жить не так просто, как кажется, очень много расходов. Я понял, что следует дать деньги. Кроме того, видел, как благосклонно Чурбанов отнёсся к приготовленным для него вещам. Я и раньше хотел дать ему деньги, но были сомнения: дать ли сразу или позднее, если дать, то какую сумму. Чурбанов сам вывел меня из затруднительного положения, и я решил окончательно вручить ему деньги. Решил для себя, что хватит суммы в 15 000 руб.: это и немало и не слишком много, для первого знакомства достаточная сумма... Улучив удобный момент, когда мы находились одни

в помещении, я отдал свёрток с деньгами в руки Чурбанову и сказал, что это ему на память об Узбекистане. Чурбанов ответил: «Хорошо», и тут же положил свёрток в карман брюк. Потом мы пообедали и дальше всё шло по порядку.

Или после обеда в тот день, или вечером Чурбанов похвалил узбекские фрукты. Я его намёк понял и изъявил желание посылать ему фрукты. После отъезда Чурбанова для него регулярно направлялись коробки с овощами и фруктами в свежем и сушёном виде, виноградом, винами, коньяком. Стоимость отправленных коробок за эти годы составляет не менее 2 500 руб.

С приходом Чурбанова на пост заместителя министра внутренних дел СССР по кадрам я оказался уже и в служебной зависимости от него. Для укрепления наших с ним отношений в январе 1978 г. в Москве я передал очередную взятку не только Щёлокову, но и Чурбанову. С 23 по 26 января 1978 г. в Москве в здании Академии МВД СССР было проведено совещание по итогам года, а в последующие дни проводилась учёба руководящих кадров. Для Чурбанова я захватил с собой 10 000 руб., свёрток имел при себе. Чурбанов вёл группу министров союзных республик, и туда входили начальники ГУВД Москвы и Ленинграда. В здании Академии у Чурбанова имелся отдельный кабинет. Занятия заканчивались около 16 часов, и после этого я зашёл к нему в кабинет. Разговаривали мы с ним наедине, не более 10 минут. Он спрашивал о работе,

говорили на другие темы. Перед уходом я вынул из кармана свёрток с деньгами и положил на стол перед Чурбановым. Сказал: «Это вам». Он улыбнулся, взял свёрток и положил в ящик стола. Попрощались, и я ушёл. Таким образом, всего я дал Чурбанову взятку на общую сумму 28 230 руб. в Москве и Ташкенте.

...О привлечении Чурбанова к уголовной ответственности я узнал лишь в апреле 1987 г. 20 апреля между нами была проведена очная ставка, во время которой Чурбанов сам рассказал о фактах получения от меня взяток и в основном всё правильно. Я напомнил ему лишь некоторые детали, уточнили суммы взяток».

Чурбановский процесс

Прошло ещё около года, прежде чем Яхъяев занял своё место на скамье подсудимых рядом с Чурбановым и сослуживцами из Узбекистана: заместителями министра Таштемиром Кахрамановым и Петром Бегельманом, начальниками областных УВД Джалалом Джамаловым, Якубом Махамаджановым, Хушвактом Норбутаевым, Муином Норовым, Салимом Сабировым. 5 сентября 1988 года Военная коллегия Верховного суда СССР начала рассмотрение их дела, и с этого времени к расположенному в центре Москвы особняку на улице Воровского было приковано внимание общественности.

Интерес был объясним. Впервые за многие десятилетия на скамье подсудимых уместилось так много руководителей правоохранительного ведомства: генерал-полковник, генерал-лейтенант, четыре генерал-майора и три полковника МВД. Кроме того, на скамье подсудимых восседал член семьи генерального секретаря ЦК КПСС – в советской истории подобных прецедентов ещё не было. Впрочем, и сам Юрий Михайлович существенно отличался от своих подельников. Ему незачем было заискивать перед своим начальством для продвижения по службе, мотивы мздоимства были иными. Он не опускался до вымогательства, но не гнушался деньгами, предметами роскоши и другими подношениями. Ведь

так было принято в высших эшелонах власти. Кроме всего прочего, не было отбоя от желающих всучить что-либо члену «царской» семьи. Если бы Чурбанов и пожелал вспомнить все денежные суммы, вещи и продукты, которые ему вручались в различных регионах страны, то просто бы не смог. Так же, как и девиц весёлого нрава, которых услужливо поставляли подчинённые генералы и полковники для усад сановного командировочного. Тем более, что тот большую часть суток пребывал в подпитии. Впрочем, это вполне соответствовало нравам тогдашнего МВД СССР. В Ленинграде, например, один из партхозактивов, бывших в ту пору в большой моде, проводили Романов и Щёлоков – оба будучи, мягко говоря, не в форме, о чём немало судачили «активисты» в кулуарах и буфетах.

Фото 17. В этих конвертах передавались взятки кремлёвским вождям.

Фото 18, 19. Деньги счёт любят. Перед сдачей в Госбанк.

Фото 20, 21. Все эти баснословные богатства отняты у казнокрадов. А на языке юристов они именуются вещественными доказательствами.

Фото 22, 23. 28 апреля 1988 г. В Мраморном зале Проку-

ратуры СССР выставка изъятых богатств. (В ценах 1994 г. их здесь на 12 миллиардов рублей). Руководство довольно. Позднее изъятие капиталов мафии будет признано нарушением «социалистической законности».

Фото 24. 1988г. Вместе с заместителем Генерального прокурора СССР А. Катусевым и начальником следственной части Г. Каракозовым обсуждается план операции по изъятию ценностей Первого секретаря обкома партии К. Камалова.

Фото 25. Зятю от тестя. Брежнев вручает Чурбанову очередной орден.

Фото 26. Гараж Чурбанова на даче в Подмосковьѐ.

Фото 27. Увековечился. Мраморный бюст Чурбанова.

Фото 28. Зять Брежнева и его подчинённые генералы на скамье подсудимых.

Фото 29. Арест В.Смирнова. Первая «ласточка» из ЦК КПСС.

Фото 30. Март 1989 г. Предвыборная кампания в разгаре.

Фото 31. Март 1989 г. Прокурор Н. Попова и Н. Иванов дают интервью после изъятия очередных миллионов у мафии.

Фото 32. 3 мая 1989 г. Встреча членов Политбюро с народными депутатами СССР. Гдлян протестует против развала «кремлёвского дела». На другой день последовала реакция Горбачёва, и мы были отстранены от руководства следственной группой.

В остальном же дело Чурбанова ничем не отличалось от других, выделенных из основного дела № 18/58115-83 и уже рассмотренных судами. По ним уже были осуждены десятки лиц, и представленный следствием доказательственный материал не вызывал нареканий и сомнений. Все девять генералов и полковников МВД признали свою вину на следствии, их показания были тщательно проверены и подтверждены иными материалами. Они не раз давали изобличительные показания в других процессах по поводу своих соучастников, и достоверность этих криминальных эпизодов

была подтверждена рядом приговоров соответствующих судов. Тем не менее приговор Военной коллегии Верховного суда СССР, оглашённый 30 декабря 1988 года, ошеломил не только юристов, но и широкую общественность. Яхьяев и Кахраманов были освобождены из-под стражи в зале суда. Остальные приговорены к лишению свободы сроком от 8 до 10 лет, Чурбанов – к 12 годам. При этом три четверти эпизодов взяточничества были признаны недоказанными и исключены из обвинения.

Что же произошло? Ответ на этот вопрос следует искать не в анализе криминального эпизода или оценке доказательств. Чтобы понять суть происходящего, надо, во-первых, учесть особенности правовой политики того периода, а во-вторых, иметь в виду то обстоятельство, что руководили судом, словно кукловоды марионетками, «правоведы» со Старой площади.

Напомним читателю, что в 1986 году начатое ещё при Андропове наступление на организованную преступность стало уже существенно угрожать интересам коррумпированной партгосноменклатуры, поэтому Горбачёв и его окружение стали постепенно переводить стрелку правовой политики в прежнее положение. К 1988 году этот порочный правовой курс уже приобрёл законченные формы.

В любом цивилизованном государстве чётко разграничены законодательная, исполнительная и судебная власти. Своеобразную четвёртую власть гарантирует средствам мас-

совой информации конституционные нормы о свободе слова и печати. Тоталитарный режим в нашей стране лишь декларативно подтверждал принцип разделения властей, поскольку фактически вся она концентрировалась в руках вождя КПСС и узкого круга лиц. В стране осуществлялось лишь партийное правосудие, которое в тот или иной момент отражало общую политическую направленность и конъюнктуру. В доперестроечный период доминировали определённые элементы обвинительного уклона. Поскольку вожди отечества постоянно шарахаются из крайности в крайность, то и советское правосудие в один прекрасный момент (как раз в тот самый период, который мы сейчас рассматриваем) лихо перевело стрелки на уклон оправдательный. И не было бы в том ничего предосудительного, если бы эта тенденция определялась результатами процессов, происходящих в недрах общества и созданных им правоохранительных структур, а не диктовались сверху, утверждалась директивно как очередная генеральная линия КПСС. В соответствии с ней руководство высшего судебного ведомства страны всё чаще требовало с нижестоящих органов более высокого процента оправдательных приговоров. Перестали учитываться при вынесении приговоров такие смягчающие вину обстоятельства, как чистосердечное раскаяние и возмещение материального ущерба. По существу они превратились в свою зловещую противоположность – в факторы, эту ответственность отягчающие: раскаялся, выдал преступно нажитые ценности

– отвечай по всей строгости закона, получай, как говорится, на всю катушку. Насаждаемый сверху опасный пережестовывал законность до абсурда: достаточно было подсудимому без каких-либо доводов изменить признательные показания и заявить о незаконных методах следствия, как всё это принималось на веру безо всякой проверки, вероятность же реабилитации либо существенного смягчения приговора в таком случае значительно возрастала. Конечно, весь преступный мир с чувством глубокого удовлетворения воспринял перемены в правовой политике родной коммунистической партии. Быстренько сориентировались и наши подследственные, особенно после XIX партконференции, которая под демагогические рассуждения о правовом государстве этот курс фактически благословила. Не стал исключением и чурбановский процесс, проведённый в жёстком соответствии не с Законом, а конъюнктурой того периода перестройки. Из девяти подсудимых, которые ранее признавали вину, лишь один Бегельман продолжал полностью раскаиваться в содеянном. Яхьяев и Кахраманов через три года вдруг «вспомнили» о своей кристальной честности, остальные в той или иной степени стали корректировать свою позицию. С учётом чистосердечного раскаяния, активной помощи расследованию государственному обвинителю просил определить Бегельману меру наказания ниже низшего предела – 6 лет лишения свободы. Но Бегельман осмелился разоблачать и высших партийных функционеров. Словно в отместку за раскаяние, суд

приговорил Бегельмана к 9 годам лишения свободы. Это что – дабы другим неповадно было? Такой же вопросительный знак можно поставить и на приговор генерал-майору Норбутаеву. Из всех подсудимых он единственный добровольно и в крупном размере выдал преступно нажитые ценности. Но это обстоятельство вовсе не смягчило приговор, как следовало бы ожидать. Норбутаеву определили 10 лет лишения свободы. У его же соседей по скамье подсудимых, не пожелавших расстаться с преступными капиталами, сроки оказались на год-два ниже. Такие приговоры как бы ненавязчиво подвели и судей, и подсудимых к одной простой мысли: коммунист-жулик не должен раскаиваться, тем более выдавать капиталы, а если уж попался, то должен молчать. Так же упорно, как это делал, например, верный сын ленинской партии Осетров.

Тимофей Николаевич дождался своего часа. В суде рассматривались эпизоды получения им взяток от Бегельмана, Джамалова, Махамаджанова, а также случай дачи самим Осетровым 25 000 рублей Чурбанову. К тому времени следствием были выявлены факты получения им и других взяток на общую сумму свыше миллиона рублей, в бытность работы первым заместителем Председателя Совета Министров и вторым секретарём ЦК КП Узбекистана. Доставленный в судебное заседание Осетров держался твёрдо: никаких взяток не брал и не давал, а следствие нарушает законность. Такое большевистское упорство, вопреки очевидным и, казалось

бы, доказанным уликam, оказало магическое воздействие на суд, который одним махом исключил из дела все криминальные эпизоды. Осетрова выгораживали практически открыто, не пытаясь даже хоть какие-то приличия соблюсти.

Поощрил суд и других проверенных товарищей – Кахраманова и Яхьяева, которые все месяцы процесса твердили о своей невинности и изобличали «коварное следствие». Вместо 13 и 15 лет заключения, на чём настаивал государственный обвинитель, суд фактически реабилитировал обоих. При этом были проигнорированы изобличительные показания соучастников и многие другие подтверждённые в суде доказательства их виновности. Бывшие министр и замминистра внутренних дел Узбекистана, наиболее виновные в распространении коррупции в своём ведомстве, оказались в объятиях родственников и друзей. Успели дать и несколько интервью, отметив, что их освобождение стало возможным благодаря перестройке. И в этом они были, увы, правы...

Почему же, возникает вопрос, избежал светлой участи некоторых своих подельников Чурбанов? А потому, что не «дозрел». Да, его изобличали во взяточничестве премьер-министр Узбекистана Худайбердиев, управделами ЦК Умаров, секретари обкомов Каримов и Есин, соучастники по скамье подсудимых. Но точно также была доказана виновность Яхьяева и Кахраманова, но их-то реабилитировали, а Чурбанова осудили, поскольку в отличие от них все четыре месяца процесса он продолжал твердить о получении

220 000 рублей, правда, упорно считал эти подношения не взятками, а подарками. Такая позиция, так же как и поведение Бегельмана, связывала руки суду и весьма существенно. Поэтому, произвольно уменьшив объём взяток, предъявленных Чурбанову обвинением, в 7 раз – до 90 960 рублей, суд был вынужден отправить в заключение не пожелавшего «перестроиться» Юрия Михайловича.

Где вершилось правосудие

Приговоры на чурбановском процессе выносили вовсе не судейские чины, а «законники» со Старой площади, где и вершилось всегда партийное правосудие. То, что всё сведётся именно к такой ситуации, было ясно уже тогда, когда расследование дела Чурбанова и других только-только было завершено.

30 мая 1988 года обвинительное заключение по этому делу было утверждено заместителем Генерального прокурора СССР Катусевым, и все 110 томов направлены в Верховный суд СССР. Мы уехали в Узбекистан, где продолжалось расследование основного дела в отношении партийных функционеров.

Начало июня 1988 года застало нас в Хорезмской области, в Ургенче. Вот уже второй год с беспокойством и страхом поглядывали из многих сановных кабинетов на здание областной прокуратуры, где обосновались следователи нашей группы, которую местные жители называли «московской комиссией». Мы проводили обычное рабочее заседание, когда раздался звонок телефонного аппарата правительственной связи. Звонила из Москвы Надежда Константиновна Попова — один из надзирающих за делом прокуроров. Она сказала, что в Верховном суде СССР возмущены обвинительным заключением по делу Чурбанова и требуют его переделать, а Кату-

сев уже неофициально изъял его из суда.

Итак, началось. С первых же дней появления в суде чурбановского дела нахально стали нарушать закон. Ведь в соответствии со ст. 226 УПК РСФСР, если суд не согласен с выводами обвинительного заключения, то в распорядительном заседании должно быть вынесено определение о возвращении дела на доследование с обоснованием такого решения. Вместо этого какие-то неофициальные договорённости, требования внести коррективы.

Ситуация выглядела так. После организованной в апреле 1988 г. пресс-конференции-выставки Лукьянов и его соратники уже не выпускали нас из поля зрения, жёстко отслеживая каждый шаг. Поступившее в Верховный суд СССР обвинительное заключение немедленно было доставлено оттуда в ЦК КПСС, на очередную, так сказать, экспертизу. После чего последовали раскаты грома и засверкали молнии. А какую иную реакцию могли вызвать такие, например, строки из обвинительного заключения: «Преступная клика во главе с Рашидовым находила поддержку и покровительство у части высокопоставленных лиц в Москве. Подобная поддержка была обусловлена не только лестью и угодничеством, присущими Рашидову, но и соображениями меркантильного характера. Иначе говоря, эти связи были проникнуты духом коррупции, когда немалая часть взяток из Узбекистана передавалась руководящим работникам в Центре». Как из пулемёта, посыпались гневные вопросы. Как эти следователи

посмели утверждать, что в годы перестройки в Узбекистане ничего не меняется? Что значит – обстановке произвола покровительствовали в Москве? Как посмели пофамильно указывать повинных в беззакониях лиц из окружения Рашидова? Брежнева и Рашидова нет в живых – поэтому во всём виноваты только они! Ишь, самодеятельность тут развели! Заместителю Генерального прокурора Катусеву только и осталось, что оправдываться: дескать, недоглядел, невнимательно прочитал текст, учтёт замечания, всё исправит.

Преамбулу обвинительного заключения, где был дан анализ сложившейся в Узбекистане и в Центре обстановки коррупции, выделена роль всех обвиняемых, по указанию Катусева и несмотря на наши возражения, переписали заново. Все острые углы сгладили, изъяли все выводы, вызвавшие ярость на Старой площади. Дело Чурбанова и других взято было под неусыпный контроль ЦК КПСС. Именно там принимались все основные решения, оформлявшиеся затем в суде.

Скандал на XIX партконференции, публично проявивший несовместимость интересов правосудия и коррумпированной власти, окончательно определил и задачи чурбановского процесса: максимально скомпрометировать работу следственной группы в глазах общественного мнения. Конечно, наши оппоненты хорошо понимали, что сломать хорошо доказанное дело крайне сложно без нарушения уголовно-процессуального законодательства, принципов и проце-

дуры правосудия. Но если того требует ЦК – что может быть выше для чиновников в судейских мантиях?! Ведь не Закон же, в самом деле!

Ну, а раз так, тогда поехали...

В соответствии со статьями 221 и 239 УПК РСФСР судебный процесс должен начаться не позднее месячного срока после поступления дела в суд, а начался только через три месяца. Всё это время подсудимые уже числились за Верховным судом, он же отвечал и за режим их изоляции, который был немедленно ослаблен. Создана была благоприятная обстановка для контактов подсудимых между собой и заинтересованными лицами на свободе. Вместе с тем, следователям отказывали во встречах с подсудимыми, хотя необходимость их допросов возникала в связи с продолжением общего расследования. Оперативным путём, например, мы установили, что у подсудимого Яхьяева налажен нелегальный контакт с волей и его убеждают отказаться от прежних изобличительных показаний. Но Яхьяев колебался. И вдруг узнаём, что за несколько дней до начала процесса судья разрешил дочери Яхьяева, юристу по образованию, свидание с отцом. Мы попросили отменить это решение, сообщив судье оперативную информацию по данному вопросу. Но нам отказали. На свидание дочь открыто, не таясь, в присутствии надзирателя заявила отцу, что «всё подготовлено», он окажется вскоре на свободе, если будет всё отрицать и твердить о полной невиновности. Яхьяев такую позицию и занял в су-

де. За три летних месяца подобным образом удалось обработать и других подсудимых.

Практически были сняты ограничения на общение соучастников и в зале судебного заседания, и во время совместного приёма пищи в перерывах, и по пути в суд, куда всех привозили на одной автомашине. Среди свидетелей было немало людей, уже осуждённых за дачу взяток Чурбанову, Яхьяеву, Кахраманову и другим подсудимым и содержащихся в различных колониях. Всех их одновременно доставили в московские тюрьмы и режим изоляции создали весьма мягкий, так что они могли почти свободно общаться не только между собой, но и с подсудимыми, которых прибыли изобличать.

Свидетели из Узбекистана поселялись в одной гостинице. В результате неоднократных, порой необоснованных перерывов в судебном заседании в отдельные дни их количество достигало нескольких десятков человек. В это время свидетелей активно обрабатывали знакомые и родственники подсудимых.

Протесты государственного обвинителя по всем отмеченным фактам судом игнорировались. Не предпринималось ничего для того, чтобы обеспечить должную изоляцию участников процесса – залог объективного установления истины. Даже невооружённым глазом можно было заметить, что рассуждения о «нарушениях законности» следствием весьма поощрялись в суде. Временами складывалось впечат-

ление, что идёт суд не над коррупционерами, сидящими на скамье подсудимых, а над следственной группой. Государственный обвинитель дважды вынужден был заявлять протест по поводу необъективности и тенденциозности суда – случай исключительный в практике Верховного суда СССР. Однако эти протесты были необоснованно отклонены.

Даже обычным нашим российским разгильдяйством и халатностью трудно объяснить такие, например, факты. В обвинительном заключении был указан 501 свидетель, допросили же всего около 200 человек. Среди них были все родственники подсудимых. Нет нужды говорить, как они «помогали» установлению истины. А ведь обязанностью суда является проверить все без исключения доказательства, тем более в условиях, когда многие криминальные эпизоды стали оспариваться.

В суд были представлены десятки видеокассет допросов обвиняемых, очных ставок между ними и свидетелями. Эти видеозаписи начисто опровергали возникший на суде миф о принуждении взяточников к даче ложных показаний. Совершенно естественно, что их было необходимо просмотреть в судебном заседании. Все кассеты до единой. На это потребовалось бы ещё около 3-х недель. Но вопреки требованиям закона в суде в течение 3-х часов были просмотрены лишь фрагменты видеозаписей. Это что, тоже халатность?

Если лимит времени распространялся на рассмотрение всех существующих обстоятельств дела, всех доказательств,

то на другое времени хватало. Так, приобщались к делу подложные документы, публикации в прессе... Было заявлено и удовлетворено судом даже ходатайство о приобщении к делу материалов по поводу покушения на жизнь следователей...

Доходило и до казусов. Желая выслужиться перед цеховским начальством, в первый же день процесса председательствующий не огласил первые 27 страниц обвинительного заключения. Даже в новой редакции, по сути, в кастрированном виде, преамбула документа была опущена. И это несмотря на то, что Закон требует от председательствующего огласить обвинительное заключение от первой до последней строчки. Вообразите, во что превратится суд, если судьи будут выбирать из обвинения только те места, которые по каким-то причинам устраивают их больше, чем другие!

Военная коллегия не вынесла частного определения по качеству следствия, так и не доказав ни одного факта нарушения законности, признав, что все звучавшие в суде рассуждения о незаконных методах ведения следствия не более чем досужие вымыслы. Но это обстоятельство как-то ускользнуло от внимания широкой общественности. В то же время с помощью рептильных журналистов из партийных средств массовой информации в сознание миллионов людей, следивших за ходом процесса, вбивалось представление о непрофессионализме следствия, о многочисленных нарушениях им законности.

Но самым поразительным фокусом, проделанным в ходе

чурбановского процесса, была метаморфоза с цифрами, характеризовавшими размеры взяточничества. Общая сумма доказанных обвинением взяток была произвольно уменьшена судьями в 4,5 раза. С этой целью беспардонно исключались десятки и десятки криминальных эпизодов. Так, из 94 тысяч рублей, вменённых генералу Сабирову, суд посчитал доказанными эпизоды получения им взяток лишь на 14 тысяч, признав «недостоверными» показания около двух десятков его подчинённых, изобличающих во взятках своего бывшего начальника. Даже из признаваемых Чурбановым 220 тысяч рублей суд признал лишь 90 тысяч: ошибается, дескать, товарищ, суду виднее, сколько он взял.

Вершиной судебной эквилибристики стали манипуляции со взятками Яхьяева. Вот что говорилось в сообщении ТАСС по итогам процесса: «В ходе судебного разбирательства выяснилось, что на подсудимого Яхьяева в портфеле следственной группы имеются дополнительно несколько томов, эпизоды которых связаны с предъявленным ему ранее обвинением во взяточничестве. В связи с этим суд выделил дело в отношении Яхьяева в отдельное производство и направил материал на него в Прокуратуру СССР для дополнительного расследования. Поскольку Яхьяев страдает рядом серьёзных заболеваний и содержится под стражей более трёх лет, суд изменил ему меру пресечения и освободил его из-под стражи, взяв с него подписку о невыезде».

Что же пытались скрыть за этим маловразумительным

разъяснением судейские фокусники? А вот что. Следствие доказало и вменило в вину Яхьяеву факты получения 89 взяток на общую сумму 146 153 руб. За эти преступления закон предусматривал ответственность вплоть до высшей меры наказания. Кроме того, следствие представило доказательства дачи самим Яхьяевым взяток Щёлокову, Чурбанову и Умарову на общую сумму 144 183 руб. За эти преступления закон предусматривал ответственность в виде лишения свободы на срок до 15 лет, а также конфискацию имущества и возможность ссылки.

Что же осталось в результате судебного разбирательства? Некоторые факты злоупотреблений Яхьяева по службе, совершённые 10-15 лет назад. Ответственность за них вдвое меньше, чем за взяточничество, и поэтому эти дополнительные факты ни в коей мере не повлияли бы на меру наказания, но эти факты для расследования весьма трудоёмки и потребовали бы ещё год работы. Поэтому руководители Прокуратуры СССР и Верховного суда СССР обсудили ситуацию и пришли к выводу, что из-за этих эпизодов не следует затягивать завершение дела и направление его в суд. Аналогичные решения принимались и по поводу других обвиняемых, в отношении которых имелись дополнительные, но менее значительные эпизоды, ещё не расследованные.

Таким образом, возвращая дело якобы на новое расследование, суд исключил из обвинения Яхьяеву все 89 фактов получения им взяток и все без исключения эпизоды дачи им

взяток. Иными словами, суд фактически оправдал Яхьяева за взяточничество. Поясним суть, как говорят, на пальцах. Некто совершил 10 убийств, за что и попал под суд. Но при этом были сведения, что 10-15 лет назад он подрался с кем-то у пивного ларька. И вот суд исключает из обвинения все 10 убийств и предлагает расследовать обстоятельства драки пятнадцатилетней давности. После чего, мол, и будем выносить приговор.

Ловкость рук, и ... через несколько месяцев дело Яхьяева было прекращено, поскольку в результате срока давности и амнистий он не подлежал ответственности за злоупотребления 10-15-летней давности.

А судьи – кто?

«**Правительственная.** Ташкент. Первому заместителю Председателя Совета Министров Узбекской ССР товарищу Осетрову Тимофею Николаевичу.

Примите сердечные поздравления в связи с юбилеем и награждением орденом Дружбы народов. Желаю доброго здоровья и дальнейших успехов в вашей деятельности на благо советского народа.

С уважением – Теребилов».

Аналогичного содержания правительственные телеграммы обнаружены при обысках у Усманходжаева, Худайбердиева, Салимова и других взяточников из руководства республики. Знакомство с автором тёплых поздравительных телеграмм позволит нам пристальнее присмотреться к коридорам высшей судебной власти, где многие годы припеваючи жили подлинные мастера судебных трюков.

Владимир Иванович Теребилов был своим человеком в партийно-мафиозной верхушке Узбекистана. Депутатом Совета национальностей Верховного Совета СССР четырёх созывов он избирался в Ферганской долине. Два десятка лет в составе узбекской делегации он представлял интересы руководства республики в высшем органе власти страны. Не знать ничего о коррупции, хищениях, приписках, разложе-

нии кадров в течение двух десятилетий юристу-практику можно было лишь при одном условии: очень сильном желании их вовсе не замечать. Так что Теребилов вполне устраивал и партийных боссов в Москве, и мафиозные кланы Рашидова-Усманходжаева. Он ничем не докучал взяточникам ни в Верховном Совете, ни в ЦК КПСС, в составе которого находился с 1971 года, ни на посту Министра юстиции, ни в должности Председателя Верховного суда страны.

Когда в 1984-1987 годах под руководством Горбачёва, Лигачёва, Усманходжаева, Осетрова и их сподвижников проходила кампания борьбы с «отдельными негативными явлениями», когда крёстные отцы бросили в тюрьмы по так называемым «хлопковым делам» десятки тысяч своих сограждан из числа исполнителей их воли, то Теребилов поддержал этот локальный геноцид узбекского народа через подчинённую ему судебную систему. Приговоры были неоправданно жестоки: расстрел, 15, 14, 12 лет лишения свободы. Мало кто получил меньше 10 лет. Мафия заметала следы, отправляя в застенки рядовых исполнителей своих преступных замыслов, сохраняя в неприкосновенности главарей, свои основные структуры, рычаги власти.

По мере исследования сложившейся в республике ситуации мы всё чаще натыкались на следы Теребилова. Его фамилия мелькала в журналах проживающих в резиденции ЦК КП Узбекистана, в списках лиц, пользовавшихся персональными самолётами вождей республики, в оперативной ин-

формации по криминальным связям взяточников. Чувствовалась рука Теребилова при передаче в суды расследованных нами уголовных дел. Так, он жёстко контролировал процесс по делу бывшего первого секретаря Бухарского обкома партии Каримова. Когда 14 апреля 1987 года в здании Верховного суда СССР началось слушание его дела, в служебном кабинете Теребилова у монитора собирались работники административного и организационного отделов ЦК КПСС. В зале были установлены камеры, передававшие изображение в кабинет Председателя Верховного суда. Функционеры беспокоились не напрасно. Признавая свою вину и раскаиваясь, Каримов в тоже время подробно рассказывал в суде, при каких обстоятельствах и в каких размерах он сам давал взятки работникам ЦК КПСС Смирнову, Могильниченко, Ишкову, руководителям республики Усманходжаеву, Осетрову, Салимову и другим лицам, требовал, чтобы его судили вместе с ними – его соучастниками. Такая строптивая позиция определила судьбу подсудимого. Судебный приговор лишь оформил партийный вердикт: смертная казнь. Чтобы он замолчал навсегда. И нам позднее стоило немалых усилий, чтобы сохранить Каримову жизнь. Расстрел был заменён 20-ю годами заключения. В ряду свидетелей обвинения по делу о коррупции в высших эшелонах власти удалось сохранить ещё одного человека.

Председательствовать в чурбановском процессе Теребилов поручил заместителю председателя Военной коллегии

генерал-майору юстиции Михаилу Марову, проигнорировав, скорее всего сознательно, одно обстоятельство весьма щепетильного свойства: несколько лет назад этот генерал проходил службу в Ташкенте, где председательствовал в Военном трибунале Туркестанского военного округа, и был лично знаком по службе с некоторыми подсудимыми. Есть элементарная профессиональная этика, которая предписывает судье в подобных случаях заявить самоотвод. Но до этики ли, когда кукловоды со Старой площади повелевают своим марионеткам развалить уголовное дело. Отчего же наш «независимый» суд так ревностно выполнял приказания хозяев? Заглянем ещё раз в материалы уголовного дела № 18/58115-83.

Из протокола допроса обвиняемого Умарова Хамдама – бывшего первого секретаря Ферганского обкома партии: «... Теребилова В. И. я знаю как депутата Верховного Совета СССР от Кокандского избирательного округа 8, 9, 10 и 11 созывов. Прилетал он в Коканд через Ташкент. Оттуда нам сообщали, что он тогда-то и тогда-то будет в Коканде, номер рейса, и мы его встречали. Встречали, как правило, первый секретарь обкома, председатель исполкома, первый секретарь горкома и председатель Кокандского горисполкома. Обычно после встречи в аэропорту мы сопровождали Теребилова в дом приезжих зеленхоза, давали ему немного отдохнуть, обедали, составляли план работы. Проживал Теребилов и питался за счёт города, т.е. деньги он за это не пла-

тил. Часто с Теребиловым приезжал и председатель Верховного суда Узбекистана, в последнее время это был Йигиталиев. Приезжал он, как правило, на 3-4 дня, уезжал также через Ташкент.

Теребилову я передал две взятки по 15 000 руб. Первый эпизод был в 1983 году: мы с женой приезжали отдохнуть в подмосковный санаторий ЦК КПСС «Барвиха». Тогда Теребилов пригласил нас с женой к себе на дачу. В один из выходных дней пришла машина от Теребилова, и мы с женой поехали к нему. Дача Теребилова находится недалеко от санатория. Я с собой прихватил коробку с грушами, яблоками, сухофруктами и туда же положил завёрнутые в бумагу деньги – 15 000 руб. Как только мы приехали на дачу к Теребилову, разделись, и тут же я эту коробку занёс в комнату! Сказал, что вот фрукты, гостинец по нашему обычаю. При мне Теребилов коробку не вскрывал. Поблагодарил и пригласил к столу... Тогда остро стоял вопрос о строительстве промышленных объектов в Коканде, объектов социального, культурно-бытового назначения. Из них главный – реконструкция чулочно-прядельного комбината. Решался тогда вопрос и о строительстве Новококандского химкомбината. Чтобы заинтересовать Теребилова в решении этих вопросов, я и дал ему 15 000 руб. Они решились положительно, и помощь исходила действительно от Теребилова. Он «пробил» эти вопросы через Совет Министров, Госплан, ЦК...

Второй эпизод взятки имел место в предпоследний при-

езд Теребилова в Коканд в 1985 г. Как обычно, получив сведения о его приезде, я выехал в Коканд, чтобы встретить его. Теребилов прибыл со своим помощником. Разместились я, Теребилов и его помощник в Доме приезжих зеленхоза. Пробыли мы с Теребиловым в Коканде три дня. В день его отъезда я зашёл к нему в комнату. Сам Теребилов туалетной комнате, а его чемодан стоял на столике и был приоткрыт. Я положил 15000 руб., завёрнутые в бумагу, в чемодан, на вещи. Вышел из комнаты. Потом все позавтракали и проводили Теребилова в аэропорт. Я считал своим долгом отблагодарить Теребилова за то, что он уже сделал для области и что ещё для нас сделает...»

Из протокола допроса обвиняемого Усманходжаева И.Б.: «...После избрания меня на должность первого секретаря ЦК КП Узбекистана Владимир Иванович в числе первых связался со мной по телефону правительственной связи и тепло поздравил. При этом заверил, что будет оказывать всяческую помощь в решении стоящих перед трудящимися республики задач. Мне было лестно слышать добрые слова от такого уважаемого человека... Осенью 1985 г. Владимир Иванович прибыл в республику для встреч с избирателями. После поездки в Ферганскую область, вернувшись в Ташкент, он зашёл ко мне в ЦК и рассказал о встречах, наказах избирателей. В беседе я воспользовался случаем и попросил Теребилова увеличить штаты судебных работников Узбекистана и прислать нам грамотных и квалифицирован-

ных специалистов. В ответ Владимир Иванович мне сказал, что данный вопрос разрешить практически невозможно. Мы договорились встретиться за ужином в гостинице ЦК. Ужинали в уютном кабинете, были вдвоём. Кушали плов, пили сухое вино, говорили о делах республики. Я ещё раз поставил вопрос об укреплении судебной системы республики...

Утром у себя в кабинете положил в дипломат чёрного цвета красочные альбомы и буклеты об Узбекистане и деньги – 20 000 руб. в конверте. Приехал к Владимиру Ивановичу в номер. Поставил на пол дипломат с деньгами и книгами, сказал, что подарок от меня. При этом сообщил, что там двадцать тысяч денег и книги. Он поблагодарил меня, взял дипломат и отнёс его в спальню. Я попрощался и ушёл. Спустя некоторое время Теребилов мне позвонил и сообщил, что смог разрешить вопросы о расширении штатов судебных работников республики. Действительно, в 1986 г. Верховным судом СССР Верховному суду Узбекистана было выделено 24 или 26 дополнительных единиц судебных работников...

Вторую взятку Теребилову я дал в 1986 г. Мы встретились с ним у меня в рабочем кабинете. Разговаривали о встречах с избирателями. Я попросил Владимира Ивановича подождать минутку. В комнате отдыха в сейфе взял два конверта по 10 000 руб. в каждом. Давать меньше, чем первый раз неудобно. Передал Теребилову обе пачки, всего 20 000 руб. При этом подумал, что он может ещё пригодиться оказать помощь в будущем. Уже в 1987 г. по моей просьбе он

увеличил штат судебных работников на 14-15 человек...

Первый раз давать взятку Председателю Верховного суда СССР было, честно говоря, страшновато. Потом понял, что он такой же хапуга, коррумпированный преступник, облечённый властью, как и многие ему подобные представители из Москвы, которым я давал взятки ранее...»

Только суд, тщательно исследовал приведённые показания в совокупности с другими доказательствами, мог решить вопрос о виновности или невиновности Теребилова в коррупции. Но материалы эти на судейский стол не попали. Начавшийся весной 1989 г. разгром уголовного дела о взяточничестве в высших эшелонах власти Узбекистана и Москвы привёл к автоматической реабилитации десятков партийных сановников. В их числе оказался и главный судья страны.

Статью из номера убрать, редактора уволить.

Во многом помогли преуспеть фокусникам в судейских мантиях и наши средства массовой информации.

В ЦК КПСС прекрасно понимали, что гласность в чурбановском процессе могла бы сорвать задуманный спектакль. Посему во все печатные издания, на ТВ и радио со Старой площади поступил запрет давать какую-либо информацию из зала суда. Освещение процесса было поручено только ТАСС – ведомству, которое в то время являлось, по существу, одним из отделов того же ЦК. Информации ТАСС правились и визировались либо Маровым и руководством Верховного суда СССР, либо прямо в ЦК КПСС. Общественности же объясняли, что подобные ограничения приняты с целью исключить какое-либо воздействие на ход судебного разбирательства.

Но вот приговор оглашён. Он вызвал немалое удивление и у юристов-профессионалов, и у простых людей. Теперь, казалось бы, высказывание различных точек зрения на судебное решение уж никак не повлияет, и ограничения должны быть сняты. Не тут-то было. В «Правде», «Известиях», «Труде», «Литературной газете» и других центральных изданиях появились обширные публикации, посвящённые завершившемуся процессу. И хотя писали их разные люди,

но суть сводилась к одному. Во-первых, процесс проведён в полном соответствии с нормами закона, приговор объективен, на что и должны ориентироваться другие суды страны. Во-вторых, в споре между обвинением и защитой победили адвокаты, благодаря усилиям которых стало возможным освобождение Яхьяева и Кахраманова, исключение множества якобы недоказанных криминальных эпизодов. В-третьих, выявилась масса недочётов и нарушений в ходе следствия, свидетельствующих о его недостаточной компетентности. Всё это, по мысли законников из ЦК КПСС, должно было посеять в обществе сомнения в объективности расследования дела о коррупции. В прессе косяком пошли статьи с такими обвинениями. При этом замалчивалось, что сам суд не нашёл никаких оснований для вынесения частного определения в адрес следствия.

Одновременно из ЦК поступил полный запрет на все наши выступления по данному поводу. Задача была поставлена однозначная: скрыть правду о чурбановском процессе. Как это делалось, подробно могли бы рассказать члены редколлегии «Комсомольской правды», «Социалистической индустрии» и других газет, где из вёрстки уже готовых номеров изымались набранные и завизированные интервью следователей с оценкой чурбановского процесса. А главного редактора «Водного транспорта» Г. Панушкина, который осмелился опубликовать в своей газете фельетон «Свободу Юрию Чурбанову!» и наши интервью, просто выгнали с ра-

боты.

Допустим, мы могли быть необъективными в своих оценках. Но запрет распространялся и на других юристов, публицистов и журналистов, которые по поводу чурбановского процесса имели точку зрения, отличную от официальной. Кому, к примеру удалось посмотреть пятисерийный документальный фильм «Чурбанов и другие», снятый белорусскими документалистами во время судебных заседаний в Верховном суде СССР? Во второй половине 1989 года ленту показали по республиканскому телевидению. После демонстрации первых же серий разразился скандал, но зрители добились, чтобы фильм показали полностью. Потом фильм обошёл многие зарубежные страны. И только у нас он оказался под запретом, поскольку не показывался ни по телевидению, ни в кинотеатрах.

И всё-таки полностью скрыть правду о чурбановском процессе не удалось. В начале января 1989 года мы на 15 минут вышли в прямой эфир в одной из передач радиостанции «Юность». Через месяц в урезанном, правда, виде опубликовал небольшую нашу статью журнал «Новое время». В феврале 1989 года, участвуя в телепередаче Ленинградского ТВ «Общественное мнение», посвящённой проблеме смертной казни, один из нас, выступая в прямом эфире, отошёл от темы и попытался объяснить «странности» этого судебного разбирательства.

Для оценки итогов чурбановского процесса, проверки

объективности приговора по инициативе Генерального прокурора СССР была создана специальная комиссия более чем из двух десятков компетентных юристов, которая работала в феврале-марте 1989 года. Ещё в декабре 1988 года Сухарев публично заявил, что если суд оправдает кого-либо из подсудимых, то он немедленно принесёт протест на приговор. Но как только стало ясно, что приговор по делу фактически вынесен в ЦК КПСС, Генпрок как-то сразу стушевался. И всё же, чтобы сохранить лицо, он пошёл на создание комиссии. Вот главный её вывод: на приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу Чурбанова и других в виду его незаконности и необоснованности Генеральному прокурору необходимо принести протест.

Разумеется, никакого протеста Сухарев приносить и не собирался. Тем более, что кремлёвская власть уже готовилась поставить жирный крест на расследовании дела о коррупции, а послушных исполнителей своих предначертаний, фокусников в судейских мантиях Теребилова и Марова потихоньку спровадить на заслуженный отдых.

Замолчать и похоронить выводы комиссии по чурбановскому процессу тоже не удалось. Пять месяцев спустя, в июле 1989 года в еженедельнике «Аргументы и факты» было опубликовано интервью с работником Главной военной прокуратуры В. Прищепой, которое называлось «Законность и целесообразность». Вот что в нём, к примеру, говорилось: «В вводной части приговора оказался «забыт» подсудимый,

бывший начальник УВД Хорезмского облисполкома генерал-майор милиции Сабиров. Данными о его личности суд незаконно дополнил приговор через десять дней после его вступления в силу. Причём в заседании без участия подсудимого и защитника. Эти и другие отступления от требований закона не позволяют считать решения по делу образцовыми, как это, увы, полагают многие авторитетные юристы, не изучившие материалы. Несмотря на естественные рабочие споры, в главном наше мнение было единодушным: надо безусловно вносить протест, что в данном случае является полномочием Генерального прокурора... 30 декабря 1989 года истекает годичный срок пересмотра судебного решения в сторону, усугубляющую положение затронутых им людей. По моему мнению, необоснованно оправданные по некоторым эпизодам лица окончательно уйдут от ответственности. Осуждённый Сабиров выйдет на свободу, а «чурбановские» тенденции проявятся и в других судах. Всё это может осложнить борьбу со взяточничеством, а значит, и с организованной преступностью. Избежать повторного громоздкого слушания этого дела по соображениям целесообразности – не значит упростить ситуацию, наоборот. Раз уж мы строим правовое государство, то законность должна быть превыше всего».

Публикация снова вызвала немалый общественный резонанс. Вновь Генеральному прокурору стали задавать вопрос: намерен ли он внести протест по делу Чурбанова и когда?

И вновь на выручку Сухареву пришли Лукьянов со товарищи, которые просто цыкнули на газеты и таким немудрёным способом приглушили полемику вокруг чурбановского процесса.

Прищепа оказался прав. Было прекращено дело в отношении Яхьяева: Ленинская партия вновь открыла объятия блудному сыну Кахраманову. Стали постепенно покидать места заключения и другие осуждённые.

А чурбановский процесс так и остался пятном на мантии советской социалистической Фемиды.

НА ЗАВИСТЬ ВЫШИНСКОМУ

КПК вместо УПК

Из показаний кандидата в члены ЦК КПСС, первого секретаря Бухарского обкома КП Узбекистана И. Джаббарова:

"...Я знал, что арестованы Худайбердиев, Осетров, Айтмуратов, Есин и другие крупные руководители, которым давал взятки. Естественно, сильно переживал, боялся разоблачения и ареста... Я был делегатом XIX партконференции, приехал в Москву в составе делегации Узбекистана. После статьи в "Огоньке" – "Противостояние", написанной руководителями следственной группы Гдляном и Ивановым, я был сильно расстроен и подавлен, так как не исключал, что речь шла в том числе и обо мне, как взяточнике. Когда и на конференции был поднят вопрос, что в зале находятся взяточники, это было для меня большой неожиданностью. Я был готов к тому, что этот вопрос мог возникнуть где-либо на другом уровне, но на партконференции этого не ожидал..."

Тем более не ожидал такого поворота событий Соломенцев. Скандал на высшем партийном форуме затрагивал его непосредственно. Ведь именно в возглавляемом им Коми-

тете Партийного Контроля сосредоточивалась вся информация о коррупции многих должностных лиц, которые тем не менее с правом решающего голоса восседали в зале Кремлёвского Дворца Съездов. Он мог оказаться в весьма щекотливом положении при разрешении возникшей ситуации. Но внешне выглядел невозмутимо. Бывал и не в таких переделках. Куда только не бросала судьба кадрового партработника: второй секретарь Челябинского обкома КПСС, первый секретарь Карагандинского обкома партии, второй секретарь ЦК КП Казахстана, первый секретарь Ростовского обкома, секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР. Дважды Герой Социалистического Труда, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени и других наград. С 1971 года бессменно входил в состав Политбюро ЦК КПСС.

Почётное кресло Председателя КПК Соломенцев занял в 1983 году при Андропове. Для 70-летнего функционера это обеспечивало не только власть, но и возможность пребывать на этом посту пожизненно. Его предшественник А. Пельше сохранял председательское кресло до 84-х лет, пока не был захоронен в Кремлёвской стене. Да и обязанности необременительные. Надо лишь чётко отражать интересы верхов, стоящих над Законом. Как известно, законы писаны для рядовых граждан и обязательны только для них. Для номенклатуры же существуют парткомиссии райкомов, горкомов, обкомов, ЦК КП республик и высшая инстанция партийного

правосудия – Комитет Партийного Контроля при ЦК КПСС. Тут тебе и дознание, и следствие, и суд – всё в одном лице. Конечно, задачи КПК были различны в зависимости от направленности и нюансов политики очередного вождя и покорной ему партийной верхушки. Скажем, способствовать проведению репрессий 30-50-х годов, а во второй половине 80-х помогать реабилитации невинно осуждённых; следить за неукоснительным выполнением требований Хрущёва «догнать и перегнать Америку» путём выполнения 2-3 планов по мясу, зерну, шерсти, а потом наказывать тех, кому за счёт приписок и других махинаций удалось эти требования выполнить; частично вести борьбу с коррупцией и одновременно преследовать тех, кто осмелился достичь на интересы сановных мздоимцев... Но при всех вариациях политической конъюнктуры неизменной оставалась одна задача: зорко стоять на страже корпоративных интересов коммунистической номенклатуры и беспрекословно выполнять любой приказ её верхушки.

Конечно, от ошибок никто не гарантирован. Допускал их и Пельше. Так, в 1977 году КПК исключил из КПСС Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР Насреддинову за получение ею крупных взяток, которые были доказаны следствием, проверены в судебных процессах. Но вмешался Брежнев, устроил нагоняй. Решение пришлось отменить. Через несколько лет в связи с расследованием коррупции в Краснодарском крае Пельше также не проявил

дальновидности и не сумел вовремя погасить скандал. Только после вмешательства Брежнева расследование было остановлено, Медунов ушёл от ответственности, а заместитель Генерального прокурора СССР по следствию Найдёнов лишился своей должности. Но Брежнев прощал своим подчинённым неумышленные промахи, потому они на карьере Пельше не отразились.

Соломенцев в своё время поддержал избрание Горбачёва Генсеком и считал себя вправе рассчитывать на ответственное понимание. Ему импонировала политика Горбачёва и в части свёртывания борьбы с коррупцией, особенно в верхних эшелонах власти. Соломенцев способствовал этому процессу не только по долгу службы, выполняя те или иные поручения, но и по своим убеждениям. Не допуская таких промахов, как Пельше, он был предельно осторожен: не делал ни одного лишнего шага, пока не только позиция Генсека, членов Политбюро, но и других влиятельных руководителей не прояснена окончательно. И лишь тогда действовал решительно и просто. В частности, если это касалось разгрома дел о коррупции, применялась обычная схема: следователей обвиняли в нарушениях соцзаконности, против них возбуждали уголовное дело, а в дальнейшем, в зависимости от их поведения, либо увольняли со службы, либо судили. Уголовное же дело о коррупции передавали послушным, исполнительным работникам, и они спускали его на тормозах, за что и поощрялись.

В точном соответствии с этой схемой было разгромлено так называемое «золотое дело». В 1986 году на заседании КПК рассматривался вопрос о помощнике Брежнева Г. Бровине. Он сам того заслужил: покаялся в Верховном суде страны в получении взятки, даже возвратил полученную сумму. Истинные коммунисты так не поступают. Его исключили из КПСС, и в тот же день Бровин был арестован. Но разве в КПК могли тогда предполагать, что следственная группа прокуратуры во главе с А. Нагорнюком начнёт копать глубже. Эти ребята собрали со всей страны уголовные дела по расхищению золота в золотодобывающей промышленности, оттуда потянулись нити в ЦК КПСС. Стали подбираться и к другим махинациям, которые крёстные отцы со Старой площади творили с валютой, золотым запасом, алмазами. Конечно, не только для себя старались, ещё и братские тоталитарные режимы поддерживали, кормили компартии по всему миру. Против Нагорняка и следователей его группы мигом возбудили уголовное дело о «нарушениях законности», они были изгнаны из прокуратуры. Расследование преступлений Бровина и других соратников по «золотому делу» передали следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР В. Галкину. От беседы с ним у Соломенцева осталось приятное впечатление: пожелания начальства тот понимал с полуслова. И впрямь, через полгода от «золотого дела» даже пыли не осталось: все материалы разбросали по разным архивам, а Бровина в назидание дру-

гим осудили: дабы не болтал лишнего...

В том же 1987 году пришлось ударить по рукам и не в меру прытким товарищам с Украины. Прокурор Одесской области В. Зимарин и некоторые его коллеги из МВД и КГБ, похоже, поверили в перестройку, начали всерьёз вести борьбу с коррупцией. Особенно разворошили службу ОБХСС, от работников которой потянулись преступные нити на более высокие этажи власти. Арестовали начальника ОБХСС Одессы А. Малышева, а ведь того с детских лет опекал сам Гейдар Алиев. Одним словом, пришлось вмешаться. Прокуроров, следователей, оперативников поувольняли, Малышева освободили и восстановили в прежней должности, дело о коррупции прекратили. А с помощью «Литературной газеты» так расписали «преследования» Малышева и других мздоимцев, – аж слезу прошибало. В завершение в январе 1988 года провели заседание КПК по этому делу и раструбили о том во многих газетах: пусть все знают, что КПК твёрдо стоит на страже соцзаконности и никому не позволит её нарушить, преследовать честных коммунистов-руководителей!

Много подобных «заслуг» было на счету у Председателя КПК, и тем не менее Соломенцев начал чувствовать, что его положение стало пошатываться. Уже отчётливо прослеживалась линия Горбачёва на постепенную замену всех тех, кто помогал ему прийти к власти, на более молодых, гибких, изворотливых, более преданных ему лично. Он видел, что

всё большую силу набирали Лукьянов, Разумовский и другие функционеры их типа...

В президиуме XIX партконференции он и А. Громько были самыми старшими не только по возрасту (75 и 79 лет), но и по стажу пребывания в Политбюро. Нет, вовсе не случайно именно в их адрес на партконференции звучит критика с партийных низов. Соломенцеву, опытному аппаратчику, этот приём был хорошо известен: звучал сигнал того, что уже готовится замена.

А тут ещё некстати этот скандал с делегатами-взяточниками. Правда, товарищи по партии Разумовский и Сухарев пришли на помощь, бодро солгав конференции, что уголовные дела в отношении каких-либо делегатов не возбуждались, достоверной информацией о взяточничестве этих лиц ни ЦК КПСС, ни прокуратура не располагает. После чего было принято решение поручить КПК и прокуратуре разобраться во всей этой истории. Но Соломенцев хорошо понимал, что в зависимости от дальнейших событий эта ситуация может ускорить его отставку. Да и в условиях гласности работать он не привык. Прежде он бы выполнил поручение конференции в два счёта по уже отработанной методике: следственную группу бы разогнали, дело похоронили и всё было бы шито-крыто. А когда к скандалу приковано всеобщее внимание и любой его шаг может стать достоянием общественности? Ох, и времена пошли...

Соломенцев предложил Сухареву ещё раз тщательно про-

верить материалы уголовного дела в отношении делегатов конференции, а также Усманходжаева и Салимова и представить в КПК подробное заключение. В свою очередь Генеральный прокурор поручил эту работу группе подчинённых прокуроров. После тщательной проверки были подготовлены заключения в отношении Усманходжаева, Салимова и делегатов XIX партконференции Могильниченко, Смирнова, Джаббарова, Раджабова. 13 июля 1988 года эти шесть заключений за подписью Сухарева были направлены Соломенцеву. В документах отмечалось, что Усманходжаевым получено взяток на 2 миллиона рублей, Салимовым на 497 000 рублей, Смирновым – на 376 000 рублей, Могильниченко – на 90 000 рублей, Джаббаровым – на 77 000 рублей, Раджабовым – на 38 000 рублей, а также о фактах дачи ими взяток другим должностным лицам. В отношении Смирнова Генеральный прокурор отметил, что география его преступной деятельности не ограничивалась одним Узбекистаном: «...Прокуратурой Союза ССР расследуется и уголовное дело о взяточничестве некоторых должностных лиц Таджикской ССР. По этому делу с 14 марта 1988 года содержится под стражей и бывший первый секретарь Кулябского обкома КП Таджикистана С. Хасанов. В своих письменных заявлениях и на допросах он сообщил о многочисленных фактах получения взяток, а также о даче взяток вышестоящим работникам, в том числе и Смирнову. Он пояснил, что летом 1980-1981 годов вручил Смирнову взятку в размере 5

000 руб. В действиях Смирнова содержится состав преступлений, предусмотренных ст.ст. 173 УК РСФСР, 152 УК Узбекской ССР, 186 УК Таджикской ССР».

Все заключения Сухарев завершил традиционной для того времени фразой: «Сообщается в порядке информации и решения вопроса о привлечении к партийной и уголовной ответственности».

Как же отреагировало высшее руководство на очередную информацию прокуратуры о взяточничестве Смирнова и других функционеров? В своей обычной манере. Уже 20 июля 1988 года, спустя неделю после того, как эти документы легли на стол Соломенцева, в «Правде» была опубликована информация ТАСС: «Для участия в работе XI съезда Компартии Эквадора из Москвы в Кито выехала делегация КПСС во главе с кандидатом в члены ЦК КПСС, вторым секретарём ЦК Компартии Молдавии В. И. Смирновым». Поделившись ценным опытом с коммунистами Эквадора, Виктор Ильич благополучно вернулся в Кишинёв, где продолжал руководство республикой. Напрасно переживали на партконференции и другие взяточники. Гром не грянул, всё осталось по-прежнему. Джаббаров продолжал руководить Бухарской областью, Раджабов – Самаркандской, Салимов – Ташкентским институтом ирригации и механизации сельского хозяйства, а Могильниченко в ЦК КПСС занимался, как и прежде, подбором и расстановкой кадров по всей стране и одновременно, как секретарь парткома ЦК, направлял дея-

тельность партиячейки на Старой площади. Не у дел оставался лишь пенсионер Усманходжаев, обставляя пока две шикарные московские квартиры, которые ему выделили товарищи по партии и соучастники по взяткам.

Но мы не ослабляли натиск, используя прежде всего рычаги гласности. Выступили перед коллективами ТАСС, Гостелерадио СССР, ряда центральных газет. В начале августа 1988 года в телепрограмме «Взгляд» сообщили, как после конференции уже дважды проверялись материалы дела, но вывод один и тот же: имеются все основания для привлечения ряда делегатов конференции к уголовной ответственности. Кстати, это было последним нашим выступлением в этой популярной программе: вплоть до закрытия самого «Взгляда» вход туда нам был запрещён по распоряжению из ЦК.

В эти же бурные летние дни состоялась встреча руководителя следственной группы с Лукьяновым. Инициативу проявили мы. Анатолий Иванович прежде избегал всяческих личных контактов с нами, но на сей раз согласился и назначил время. Но принял только одного Гдляна. Беседовали более полутора часов. Фактически в очередной раз прояснилась позиция. Анатолий Иванович в совершенстве владел искусством использовать и кнут, и пряник. Он пространно рассуждал о презумпции невиновности, о нежелательности сообщать какие-либо сведения о ходе следствия в средствах массовой информации и демонстрировать изъяты партий-

ные миллионы, о недопустимости представлять дело так, будто с коррупцией борется лишь одна данная следственная группа, тогда как этим важным делом занято руководство страны, ЦК КПСС, все правоохранительные органы. Произнесено было множество и других мало чего значащих слов. Единственно конкретным в этом разговоре было заявление Лукьянова о том, что он выйдет с предложением наградить Гдляна, Иванова и других следователей группы высокими правительственными наградами. Только вот есть одно условие. И какое бы вы думали? Ну, конечно, завершить расследование в ближайшие месяцы. Иными словами: сверните дело – получите ордена и медали.

А Соломенцев нервничал. И было отчего. 23 октября 1988 года Усманходжаев в заявлении Генеральному прокурору в числе своих московских взяточполучателей назвал и Соломенцева, которому передал 100 000 рублей. На последующих допросах Усманходжаев уточнил обстоятельства дачи взяток. Первый случай имел место в ноябре 1983 года после его утверждения первым секретарём ЦК КП Узбекистана. Он подготовил портфель-дипломат, куда положил 50 000 руб., книги и альбомы об Узбекистане. Дипломат вручил Соломенцеву в его кабинете. В 1984 году он передал Соломенцеву аналогичный дипломат с 50 000 руб., книгами, программой торжества в связи с 60-летием Узбекской ССР и приглашением посетить республику.

О мотивах дачи этих взяток Усманходжаев рассказал на

допросе 1 ноября 1988 году заместителю Генерального прокурора Васильеву: «...Соломенцеву М. С. я передал две суммы по 50 000 руб. каждая. Я знал, что в КПК много материалов по нашим делам, поэтому, передавая деньги Соломенцеву, рассчитывал на поддержку нас в КПК... И эту поддержку я чувствовал. Однажды проверяли Кашкадарьинскую область и, по-моему, это было при Гаипове Р. Было много недостатков в работе, и этот вопрос хотели рассмотреть в ЦК КПСС, но я просил передать в республику, и материалы были переданы в ЦК КП Узбекистана. Потом проводилась проверка работы медицинских дошкольных учреждений, и тоже было много недостатков. По моей просьбе материалы также не были рассмотрены в ЦК КПСС, а переданы в республику... Последний раз меня пригласили Соломенцев и Густов по записке Прокуратуры СССР и беседовали со мной. Я отказался, что фактов взяточничества не было, и написал объяснение...»

Кстати, эти встречи с Усманходжаевым и другими лицами, подлежащими привлечению к уголовной ответственности, убедили Соломенцева лишь в одном: если их арестуют, то они долго не продержатся, выдав всех. Не было в них большевистской стойкости. От предчувствия беды на душе Соломенцева было муторно.

Где же выход?

Его нашёл Лукьянов, продемонстрировав, заметим, что по части лицемерия и коварства он даст сто очков старым

партийным кадрам, вроде Соломенцева.

В Политбюро была направлена докладная записка, которую, помимо Лукьянова, подписали Соломенцев и Разумовский. В ней предлагалось дать согласие на привлечение к уголовной ответственности члена ЦК КПСС Усманходжаева, кандидатов в члены ЦК КПСС Смирнова, Салимова, Джаббарова, а также Раджабова. О Могильниченко, кстати, в этом документе даже не упоминалось, и вот почему: Константин Николаевич, как заместитель заведующего отделом оргпартрabоты ЦК КПСС, был «ключом» к самому Лигачёву, тогда ещё весьма могущественному. Одновременно предлагалось отстранить нашу группу от расследования: дескать, раз Гдлян и Иванов так настойчиво требовали привлечения этих лиц к уголовной ответственности, значит, они и их группа не смогут объективно провести расследование. А потому, нужно создать самостоятельную следственную группу, в основном из работников КГБ, частично подключив к ним специалистов Прокуратуры СССР и Главной военной прокуратуры. Ей и поручить расследование. О том, как согласуется само послание в Политбюро и содержащиеся в нём предложения с требованиями Уголовно-процессуального кодекса – естественно, и речи быть не могло: какой там ещё УПК, когда есть КПК.

Ай да Анатолий Иванович, каков ловкач – Соломенцев даже духом воспрянул. Ну, конечно же, главное ведь не доказательства по делу, а то, в чьих они руках, кто ведёт рас-

следование. Передать дело офицерам КГБ и ГВП, людям послушным и покладистым – это же с гарантией развалить его. Предполагалось определить новой «независимой» – Соломенцеву очень уж понравилось это словечко у Лукьянова – группе дислокацию на Лубянке, ибо само место внушало некоторый трепет даже законникам со Старой площади. А согласие на привлечение Усманходжаева, Смирнова и других лиц к уголовной ответственности, при передаче дела другим, – так это для отвода глаз. Новая группа несколько месяцев будет только изучать материалы дела, потом потихоньку дезавуирует доказательства, поставит их под сомнение и доложит руководству. А там и общественность через полгода-год можно будет успокоить, мол, независимая группа тщательно, скрупулёзно во всём разобралась и пришла совсем к иным выводам. Потом за преследование честных партийных кадров можно будет привлечь к ответственности и не в меру ретивых следователей, чтобы другим неповадно было.

Политбюро одобрило докладную записку Лукьянова, Соломенцева и Разумовского. Теперь главный партийный судья мог быть спокоен.

И даже когда в 1988 году на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС Соломенцева тихо освободили от обязанностей председателя КПК и члена Политбюро, Михаил Сергеевич не корил судьбу. А за что, в самом деле? Ему назначили персональную пенсию, сохранили дачу, служебную автомашину и

другие привилегии. Даже правительственной связью, так называемой «первой кремлёвкой», установленной у него дома, Соломенцев продолжал пользоваться ещё три года подряд, вплоть до приостановления деятельности КПСС. Конечно, хотелось бы местечко в кремлёвской стене, но раз уж пошли такие времена, выходит, не сподобился...

Чай с лимоном

Отставка Соломенцева вовсе не означала, что теперь вместо КПК начнёт действовать УПК. Взамен Михаила Сергеевича Председателем Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС был назначен, по кремлёвской терминологии – «избран», другой верный ленинец Пуго. Борис Карлович принадлежал к той плеяде политиков, на которых делал ставку Горбачёв. Относительно молодой (51 год), исполнительный, крайне осторожный, льстивый, с мягкими вкрадчивыми манерами. Биография типична для аппаратчика-коммуниста. Прошёл все ступени комсомольско-партийной лестницы, служил в «вооружённом отряде партии» – КГБ, союзном и латышском.

Пуго никогда не сомневался в законности бесцеремонного вмешательства партаппарата в правосудие, тем более, когда оно осуществлялось Генсеком, Политбюро, секретарями ЦК. Он был твёрдо убеждён, что их указания безусловно выше требований Закона. Характерен, скажем, такой пример. 15 ноября 1988 года на открытом заседании депутатской комиссии Роя Медведева Пуго давал пояснения по «делу следователей». К тому времени в обществе уже выработалась устойчивая аллергия к вмешательству партаппарата во все сферы жизни, особенно в дела правосудия. Даже Генеральный прокурор Сухарев клятвенно заверял с трибуны Съезда

народных депутатов СССР: «Никаких препятствий со стороны ЦК КПСС в возбуждении дел, расследовании, аресте людей не было и нет...» Афишировать партийное руководство правосудием считалось ещё дурным тоном. Но главный партийный судья не высказал ни тени сомнения в обоснованности и законности вмешательства ЦК в расследование «узбекско-кремлёвского» дела. Более того, он даже огласил упоминавшуюся выше докладную записку, подписанную Лукьяновым, Соломенцевым, Разумовским, на основании которой Политбюро приняло решение по уголовному делу. Пуго считал это совершенно естественным. Вовсе не случайно из Председателя КПК при ЦК КПСС получился такой же исполнительный и гуттаперчевый Министр внутренних дел СССР, тоже при ЦК КПСС, а в августе 1991 года – член ГКЧП того же ЦК КПСС.

Все наши попытки встретиться с новым Председателем КПК, заявить о своей позиции, о вопиющей незаконности принятого в Политбюро решения оказались тщетными. Пуго решительно отвергал любые аргументы и требовал неукоснительно выполнять партийные указания.

13 сентября 1988 года, вслед за решением Политбюро, Президиум Верховного Совета – дал согласие на привлечение к уголовной ответственности депутатов Верховного Совета СССР Усманходжаева, Смирнова, Джаббарова, Раджабова. Салимов к тому времени оставался лишь депутатом Верховного Совета Узбекистана. Но даже эти четыре до-

кумента на официальных бланках Президиума ВС СССР с огромной гербовой печатью и за подписью Громыко не давали уверенности в успешном продолжении следствия. Четверо из них как ни в чём не бывало продолжали заниматься прежней «руководящей и направляющей» деятельностью, никого не вывели из состава ЦК КПСС на сентябрьском Пленуме. Нам было предложено сдать все материалы уголовного дела в отношении этих лиц вновь создаваемой следственной группе. Порой казалось, что на расследовании дела будет окончательно поставлен крест. Вновь, в который уже раз, мы обратились к Горбачёву, во второй половине сентября 1988 года:

«...14 сентября 1988 г. Генеральный прокурор СССР т. Сухарев А. Я. сообщил, что дано согласие на привлечение к уголовной ответственности за взяточничество бывшего первого секретаря ЦК КП Узбекистана Усманходжаева И. Б. и Председателя Президиума Верховного Совета республики Салимова А. У., первых секретарей Бухарского и Самаркандского обкомов партии Джаббарова И. и Раджабова Н., а также второго секретаря ЦК КП Молдавии Смирнова В. И.

В то же время, наряду с положительным решением этого принципиального вопроса дано ничем не оправданное и противоречащее закону указание о выделении уголовного дела в отношении этих лиц в отдельное производство и ведения самостоятельного следствия в отрыве от основного дела. Причём для его расследования создаётся новая следствен-

ная группа из работников КГБ, военной прокуратуры и Прокуратуры СССР, совершенно не знакомых со сложившейся обстановкой в республике, региональными особенностями, тактикой и методикой следствия.

Принятое решение является явным недоверием к 150 членам нашей следственной группы, которые пять лет честно и добросовестно исполняли свой служебный долг по борьбе с организованной преступностью. Они незаслуженно попали под подозрение в необъективности и некомпетентности. С этим, естественно, нельзя согласиться, поскольку достигнутые ими конкретные результаты говорят сами за себя.

Остаётся неразрешённым вопрос и о законности разделения единого уголовного дела с нашим фактическим отстранением от дальнейшего расследования, что является грубейшим нарушением требований статей 20 и 26 УПК РСФСР.

Искусственное, по чьей-то субъективной воле, расчленение дела на стадии предварительного следствия непременно приведёт к дезорганизации чётко отлаженной в течение 5 лет работы следственной группы и воспрепятствует выполнению требований закона о всесторонности, полноте и объективности расследования. Подобная практика раздробления уголовного дела на части является наилучшим способом развала следствия. Подобных примеров по стране немало.

Следует подчеркнуть, что само уголовное дело представляет чрезвычайную сложность в организации его расследования, стратегии и тактике. Чётко прослеживается полная

взаимосвязь как обвиняемых между собой, так и подлежащих привлечению к уголовной ответственности лиц с ними. Одновременно производится исследование тысяч эпизодов взяточничества. Как показала практика, свободное владение обстановкой и материалами дела происходит не ранее, чем через шесть месяцев, а то и более, после включения лиц в следственную бригаду...

Так в состоянии ли вести успешно самостоятельное следствие по существу посторонние лица, не знающие указанных выше особенностей? Даже если в новую следственную группу будут включены весьма квалифицированные в профессиональном отношении, честные и принципиальные следователи, то, во-первых, им потребуется много месяцев на изучение большого объёма материалов, а во-вторых, и в этом нет ни малейшего сомнения, коэффициент полезного действия у них будет крайне низок...»

Обратим внимание читателя, что в нашем послании Горбачёву ни словом не упоминается преступное решение Политбюро: так, отдельными намёками. Внешне всё выглядело так, будто рядовые члены КПСС обжалуют перед партийным лидером необоснованные указания коммуниста Сухарева. Чуть это всё, конечно, но таковы были неписанные правила, с которыми следовало считаться, чтобы решить какой-то вопрос. И такими, не писанными ни в каком законе правилами обставлялась вся деятельность партийной верхушки. Когда, к примеру, в 1977 году сдавали в архив дело

уже упоминавшейся Насреддиновой, то в незаконном постановлении о приостановлении следствия не значилось: «По указанию Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева...», а была совсем другая формулировка: «Уголовное дело в отношении Насреддиновой Ядгар Садыковны приостановить до особых указаний». Конечно, без ссылки на какую-либо статью УПК, но и про указание Брежнева – ни гу-гу.

Так и в нашем случае. Сухарев не скрывал, что не он, а ЦК КПСС принимал решение по уголовному делу, не скрывали это и в ЦК. Но письменно Сухарев никогда бы не дал указаний с формулировкой вроде: «На основании указаний Генерального секретаря... или на основании решения Политбюро... возбудить, прекратить, выделить, приостановить следствие...» Он обязан был давать указание во исполнение принятого наверху решения от своего имени, и в случае чего ответственным за ситуацию становился именно он. Такие взаимоотношения, кстати, утвердились не только в партийном руководстве правоохранительной деятельностью, но и во всех других сферах нашей жизни. И читатели сами могли бы привести не одну сотню подобных примеров.

Как и следовало ожидать, никакой реакции со стороны Горбачёва на наше послание не последовало. Коварный и осторожный Михаил Сергеевич привык загребать жар чужими руками, не оставлять следов, держаться в стороне. С тем, чтобы в нужный момент сделать очередной безошибочный, с

его точки зрения, ход. Как раз в это самое время он готовился занять пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, что произошло в ноябре 1988 года, к реформе избирательной системы. Мы понимали, что очередной скандал вокруг расследуемого нами дела был бы ему не на пользу. Наша записка несколько сковывала руки Горбачёву. Ведь если бы нас за непослушание с шумом отстранили бы от расследования дела о коррупции, то даже малосведущие в политике граждане напрямую связали бы это с конфликтом на XIX партконференции...

Между тем Сухарев выполнял партийный вердикт последовательно и методично. В здании комитета на Лубянке были выделены кабинеты для новой «независимой» следственной группы. Она должна была состоять из 30 человек, две трети из которых служили в аппарате КГБ. В кабинеты таскали импортные печатные машинки, компьютеры, множительную технику, установили даже правительственную связь. Проработав многие годы в Прокуратуре страны, мы обо всём таком только слышали, но в глаза не видели.

Так как в соответствии со ст. 126 УПК РСФСР дела о коррупции гражданских лиц неподследственны работникам КГБ и военной прокуратуры, то в состав группы включили несколько человек из союзной прокуратуры. Теперь «независимая» группа приобрела статус следственной группы прокуратуры СССР, а её руководителем стал заместитель начальника Главного следственного управления В. Титов. Фак-

тически же руководили следствием Председатель КГБ Чебриков и его заместители.

В докладной Лукьянова, Соломенцева и Разумовского предлагалось «усилить прокурорский надзор за следствием», что в переводе с партийно-чиновничьего на нормальный человеческий язык означает замену надзирающих прокуроров. Поэтому заместитель Генерального прокурора СССР по следствию Катусев был отстранён от надзора за расследованием дела. И даже не потому, что ему не доверяли в ЦК КПСС. Отнюдь. Катусев считался исполнительным работником, был на хорошем счету. Правда, изредка и робко пытался возражать против неприкрытого произвола партийных органов. Поэтому нужен был человек, начисто лишённый каких бы то ни было представлений о совести и профессиональной чести. И такого Сухарев нашёл, остановив выбор на своём заместителе Васильеве. Бывший прокурор Ленинграда, лишь полгода как переведённый в Москву, исповедовал лишь один жизненный принцип: «Готов выполнить любое указание любого правительства». Первый заместитель Генерального прокурора Васильев остался верен себе и в августе 1991 года, когда безропотно кинулся лизать сапоги самозваному ГКЧП, разослав в местные прокуратуры требование неукоснительной поддержки хунты.

Теперь оставалось немного: заставить руководство следственной группы «добровольно» передать в распоряжение новой «независимой» группы материалы уголовного дела в

отношении Усманходжаева, Салимова, Смирнова, Джаббаров, Раджабова, а также в отношении всех иных московских коррупционеров. Но мы заявили твёрдо: расчленение дела считаем незаконным, никаких постановлений по этому поводу выносить не будем, «независимую» следственную группу КГБ не признаём и никаких следственных документов ей не передадим.

Каждое утро начиналось со звонка Васильева, который требовал выполнить указания Сухарева. Мы отказывались. Затем к руководству вызвали начальника следственной части Каракозова. Тот возвращался из Сухаревского кабинета измотанный, пил лекарства и принимался за нас. Наутро всё начиналось сначала.

Нелепость происходящего усугублялась тем обстоятельством, что в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Сухарев мог отстранить нас от ведения следствия и передать его другой следственной группе, тем более, она уже была сформирована. Оставалось только вынести соответствующее постановление. Но его-то Сухарев писать очень не хотел, так как прекрасно понимал, что творит произвол, что может разразиться новый публичный скандал, который серьёзно затронет его интересы. Вот почему беззаконие творилось тихо – уговорами, угрозами, устными указаниями, только – чтоб никаких документов.

В конце концов мы тоже вынуждены были пойти на компромисс. Начали передачу материалов в отношении Усман-

ходжаева, Смирнова и других. Но, во-первых, передавали их не новой следственной группе, которую отказывались признавать, а лично Васильеву. Во-вторых, передавали не оригиналы документов, а копии. В-третьих, не выносили при этом никаких постановлений. Юридически, таким образом, расчленения дела о коррупции, чего так настойчиво добивался ловкий Лукьянов со товарищи, всё-таки не произошло.

Мы твёрдо заявили Сухареву, что не допустим незаконного раздробления дела, и если он предпримет силовые методы, то придадим огласке материалы следствия. Предупредили Генерального прокурора о том, что многие документы уголовного дела надёжно укрыты, что было чистейшей правдой. Не скрывали и того, что держим в курсе происходящего многих известных журналистов.

В самый разгар этих событий одного из руководителей следственной группы вызвали в Отдел административных органов ЦК КПСС к А. Павлову. Не было никаких сомнений: предстоит очередная проработка. И вдруг – радушная встреча, широкая улыбка, чай с лимоном и: «Тельман Хоренович! Мы знаем вас только с положительной стороны. Вы проделали большую работу в Узбекистане. Центральный комитет рекомендует вас на пост прокурора Армении. Сегодня в этой республике трудное положение, надо помочь. Ваш опыт очень там пригодится... С вами желает переговорить по этому поводу первый секретарь ЦК Компартии Армении

Сурен Гургенович Арутюнян. Он скоро подойдёт сюда. Ваше выдвижение согласовано на всех уровнях, Михаил Сергеевич согласен. Так что слово за вами.»

В тот же день состоялся обстоятельный разговор с Арутюняном: о трудном положении в Армении после карабахских событий, после резни в Сумгаите; о коррупции в республике, от которой устали люди, и борьбу с которой следовало бы активизировать; о том, что на посту прокурора Армении нужен человек, пользующийся в республике таким уважением, как Гдлян. Подтвердил Сурен Гургенович и информацию Павлова о том, что это выдвижение согласовано с Горбачёвым, не возражает и Сухарев.

Постоянная конфронтация с руководством Прокуратуры СССР и партаппаратом со Старой площади была столь привычной для нас, что новая ситуация всерьёз озадачивала. Арутюнян убеждал, что инициатива исходит от него, что он намерен подобрать квалифицированную команду в республике. Как мы позднее убедились, его намерения были вполне искренни. Но почему согласен Сухарев, конфликт с которым в последнее время достиг крайней отметки? Почему, наконец, такое радушие в ЦК? Что это – покупка должностью? Партийный кнут сменяет сладкий партийный пряник? Но это было бы предательством по отношению к следственной группе. Насколько совместима и работа прокурором республики и руководство группой? Если это совместимо, то в любом случае необходимо обдумать предложение. На том и

расстались.

Между прочим, это было уже второе подобное предложение. В 1984 г. пост прокурора Узбекистана хотел пожаловать Гдляну не кто иной, как Усманходжаев. Причём гарантировал поддержку Могильниченко и Лигачёва. Но тогда было совершенно очевидно, что предлагалась «взятка должностью» в обмен на прекращение разоблачений партийно-мафиозного аппарата. В 1988 г. аналогичная ситуация уже не была столь однозначной.

Должность старшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР приравнивается к должности прокурора области. Потолок в звании – Государственный советник юстиции 3 класса (генерал-майор). Кстати, уже много месяцев на столе у Сухарева лежало представление в Президиум Верховного Совета о присвоении Гдляну этого классного чина, но Сухарев, понятно, бумагу не подписывал.

Пост прокурора союзной республики несколькими ступенями выше, предполагал звание Государственного советника юстиции 2 класса (генерал-лейтенант), членство в ЦК компартии республики, депутатский мандат.

Обсудили ситуацию на собрании актива группы и пришли к выводу: дать согласие занять пост Прокурора Армении при условии, что Гдлян останется и руководителем следственной группы до полного завершения расследования по делу о коррупции. Арутюнян не возражал против такого совмещения обязанностей. Да и следствие только выиграло бы: повыше-

ние служебного статуса руководителя группы обеспечивало дополнительные возможности в проведении расследования. Кроме того, появлялась реальная возможность активизировать правоохранительные органы Армении в борьбе с местными мафиозными кланами, а через их изобличение и преступные связи вновь выйти на московских мздоимцев. Зайти, так сказать, с другого фланга и расширить географию расследования, укрепить доказательственную базу. Повышение в должности Гдяна ко всему прочему означало бы пусть косвенное, но признание нашей правоты в скандальной ситуации на XIX партконференции. Короче, согласие было дано, но при условии, что уголовное дело о коррупции до его завершения останется в производстве Гдяна. Это условие в ЦК приняли. Как-то подозрительно быстро согласился и Сухарев. Нет, что-то было тут не то...

Усманходжаев даёт показания

В 45-м номере «Огонька» за 1988 год читаем: «Комитету Партийного Контроля при ЦК КПСС и Генеральному прокурору СССР было поручено провести тщательную проверку представленных в президиум XIX партконференции материалов. И вот, спустя почти четыре месяца, стали известны первые её результаты.

Как сообщил нашему корреспонденту заведующий общим отделом ЦК Компартии Узбекистана К. Таиров, 19 октября состоялось заседание Бюро ЦК КП Узбекистана, заслушавшее вопрос о первом секретаре Бухарского обкома партии Исмаиле Джаббарове и первом секретаре Самаркандского обкома партии Назире Раджабове – делегатах XIX партконференции. Решением Бюро ЦК Компартии Узбекистана за злоупотребление служебным положением в корыстных целях по прежней работе И. Джаббаров и Н. Раджабов освобождены от занимаемых должностей, как скомпрометировавшие себя.

В тот же день они были задержаны работниками Прокуратуры СССР, а затем им было предъявлено обвинение во взяточничестве. Нам остаётся лишь добавить, что степень виновности Джаббарова и Раджабова выяснится в ходе следствия и суда.

Кроме того, Прокуратурой СССР были арестованы быв-

ший первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана И. Усманходжаев и бывший Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР А. Салимов и им предъявлены аналогичные обвинения».

Что же вынудило партийные верхи пойти на компромисс и отдать проверенных товарищей в руки следствия? Если коротко, то верная тактика, гласность, поддержка общественного мнения. И ещё, не смейтесь, — молва. Да, именно слухи. Поговаривали, что четыре делегата партконференции, заподозренные в коррупции, это высшие чины в партийной иерархии власти. Назывались фамилии Лигачёва, Соломенцева, Капитонова, Алиева, Громыко и других высокопоставленных особ. Эта информация в обзорах и справках КГБ регулярно ложилась на стол руководителей партии и страны. Время шло, и по мере того, как затягивался вопрос о делегатах-взяточниках, слухи обрастали самыми фантастическими иногда подробностями. В октябре 1988 года нас вызвал к себе Сухарев. Сказал прямо: идут нездоровые слухи по поводу делегатов конференции, в ЦК КПСС серьёзно озабочены тем, что мы затягиваем привлечение этих лиц к уголовной ответственности. Вот те на! Оказывается, Гдлян с Ивановым тянут волюнку. Пришлось напомнить Генеральному прокурору, что постановления о взятии под стражу Смирнова, Усманходжаева, Джаббарова, Раджабова были вынесены им на следующий день после получения согласия Президиума Верховного Совета СССР. Передали их Васильеву, а ко-

гда он отказался санкционировать арест, то это постановление передали лично ему – Сухареву, и уже несколько недель ждём его решения. Но с Александра Яковлевича – как с гуся вода: «Нас просят ускорить решение вопроса с Усманходжаевым, Салимовым, Джаббаровым и Раджабовым. Со Смирновым просили подождать, о нём и не заикайтесь. Ну, вы же понимаете, почему».

Лёд тронулся, ибо устами Сухарева глаголило высшее кремлёвское руководство. В течение нескольких дней передопрашивались все подследственные, составлялись новые справки, хотя никакой необходимости в этом не было: доказательства виновности, как следовало ожидать, сомнений не вызывали. Подготовлены постановления о заключении под стражу. Но Сухарев побывал в ЦК и распорядился: постановлений на арест не выносить, ограничиться задержанием подозреваемых на трое суток. Как так? Это что же, в расчёте на то, что если в течении 72 часов не последует признания задержанных, то их придётся освободить? Мы с начальником следственной части Каракозовым долго пытались доказать Сухареву – это просто глупость. Генеральному прокурору СССР, кандидату юридических наук зачитывали статью 122-ю УПК РСФСР и объясняли, при каких обстоятельствах применяется задержание. Речь идёт ведь не о карманнике, застигнутом на месте происшествия, а о первом секретаре ЦК крупной республики, у которого 2 миллиона полученных взяток, и о других крупных функционерах, доказательства

о коррупции которых не вызывают сомнений. Для применения такой временной меры, как задержание, нет никаких оснований, перечисленных в законе, зато для заключения под стражу на период расследования – их более чем достаточно.

Конечно же, Сухарев сам прекрасно понимал всю абсурдность своего распоряжения, но не отменил его. Причина упрямства скоро стала нам известна: новация сия, как позднее сообщил нам Сухарев, принадлежала секретарю ЦК КПСС, доктору юридических наук, крупному специалисту в области советского государственного строительства товарищу Лукьянову. А с начальством, как известно, не спорят. С лёгкой руки Анатолия Ивановича подобная порочная практика стала применяться всё чаще. И когда в августе 1991 года Верховный Совет СССР санкционировал привлечение Лукьянова к уголовной ответственности и арест, его, как мелкого воришку, также сначала задержали по ст. 122 УПК РСФСР и лишь через трое суток арестовали.

Руководить операцией по задержанию подозреваемого поручили Гдляну. В Узбекистан прибыли со всеми возможными предосторожностями. В Ташкенте остановились не как обычно в гостинице, а на конспиративной квартире КГБ. Обычный жилой дом, привычно грязный подъезд, обшарпанная дверь. Здесь мы вдвоём пробыли двое суток. Вечерами к нам приезжали председатель республиканского КГБ В. Головин, его заместитель В. Камалов, сотрудники 3-го управления КГБ Узбекистана. Им поступила команда Чеб-

рикова оказать содействие следствию в задержании четырёх взяточников. Все они находились под контролем и наружным наблюдением.

Принятые меры предосторожности вовсе не были лишними. Наши приезды в Узбекистан в последние два года, как правило, сопровождались какими-либо серьёзными акциями – арестами функционеров, изъятием крупных ценностей, и мафиози давно подметили эту закономерность. А после скандала на партконференции направление следующего удара было очевидно, так что неосторожные действия могли попросту привести к необратимым последствиям, например, самоубийствам, о которых мы уже рассказывали.

Начались и первые неувязки. Прибывшие в Ташкент следователи госбезопасности из состава «независимой» следственной группы проинформировали своих коллег в Узбекистане, что по решению Политбюро группа Гдяна отстранена от расследования, и дальше этим делом будут заниматься они. Отказались выполнять и наши распоряжения. Неосведомлённое в московских интригах руководство республиканского КГБ встало в тупик: с кем иметь дело, чьи команды выполнять. Пришлось по ВЧ связываться с Васильевым и Сухаревым, которые не очень твёрдо, но подтвердили, что руководителем операции назначен Гдян. С Лубянки же цыкнули на «независимых», дескать, разбираться будем в Москве, а сейчас совместными усилиями нужно провести задержание.

Только разобрались с этими дрызгами, как случилось почти ЧП: вечером 18 октября наружная служба... потеряла Усманходжаева. Он был у родственников в Ферганской долине, и мы регулярно получали информацию о его поведении. И вдруг Усманходжаев выехал в сторону Андижана и исчез из поля зрения оперативников... Операция была намечена на 19 октября 1988 года. В этот день Президиум Верховного Совета УзССР должен был рассмотреть представление заместителя Генерального прокурора – о даче согласия на привлечение к уголовной ответственности депутата Верховного Совета республики Салимова. В этот же день должно было состояться заседание бюро ЦК КП Узбекистана. На нём предстояло рассмотреть информацию Прокуратуры СССР в отношении Джаббарова и Раджабова и решить вопрос об их освобождении от занимаемых должностей. Без такого решения, хотя это и не предусмотрено никаким законом, не только подступиться к действующему первому секретарю обкома партии, но даже вызвать его на допрос было делом совершенно невозможным. Предполагалось задержать их после заседания прямо в здании ЦК. Одновременно с ними должны были быть задержаны Усманходжаев и Салимов, где бы они в тот момент ни находились. В служебных кабинетах, по месту жительства сразу бы начались обыски. Во второй половине дня 19 октября из Москвы в Ташкент должен был прибыть спецсамолет МВД с охраной. На нём задержанных предполагалось этапировать в Москву.

Все подозреваемые знали о том, что 13 сентября 1988 года Президиум Верховного Совета СССР дал согласие на привлечение к уголовной ответственности Смирнова, Усманходжаева, Джаббарова и Раджабова. Но время шло, а ничего не менялось. Они надеялись на лучшее и не без оснований: ведь все были выдвиженцами Лигачёва. Несколько проще было секретарями обкомов. Уже немало их коллег сменили кожаные кресла на тюремные камеры. И не будь они делегатами XIX «исторической» партконференции, серьёзных проблем с задержанием Раджабова и Джаббарова не возникло бы. Но и эти двое могли быть спокойны. Даже после их освобождения от должностей на заседании Бюро ЦК они не предполагали возможности немедленного задержания. Ведь формально Джаббарова и Раджабова избирали на их посты на областных партконференциях. Следовательно, после решения Бюро ЦК предстояло ещё собрать такие конференции и уже там оформить их отставку. Так что впереди у них время ещё было.

Нет, вовсе это не так просто – задержать высокопоставленных взяточников. Будь у следователя вагон доказательств, они могут оказаться никому не нужны, поскольку речь идёт о касте неприкасаемых.

Утром 19 октября мы прибыли в штаб группы. Беспокоила «пропажа» Усманходжаева, но он вскоре нашёлся: вылетал, оказывается, из Андижана в Москву. Далее всё уже шло по плану. Президиум Верховного Совета УзССР дал согла-

сие на привлечение к ответственности Салимова. Несколько затянулось заседание Бюро ЦК. Вопрос о Джаббарове и Раджабове слушался не первым, но зато и рассматривался быстро. Оба отрицали причастность к коррупции, но поддержки не нашли. Решением Бюро ЦК оба были освобождены от занимаемых должностей и покинули зал. Кстати, среди членов Бюро был и председатель КГБ Головин. В самый последний момент он попросил задержание произвести не в здании ЦК – дескать, пойдут разговоры, а позже, когда отставные сановники укатят на служебных автомашинах. Спорить не стали, обоих задержали тихо на ташкентских улицах. В здании института задержали Салимова. Одновременно в своей московской квартире был задержан Усманходжаев. Начались их первые допросы в качестве подозреваемых. Спецсамолетом Салимова, Джаббарова и Раджабова под конвоем доставили в Москву. Они и Усманходжаев были водворены в следственный изолятор № 4 МВД СССР, более известный под названием «Матросская тишина», где уже содержалось большинство подсудимых.

Местная мафия была в шоке: арестовали двух первых лиц республики и двух действующих первых секретарей обкомов. Представители феодал-коммунистической знати на всякий случай перепрятывали награбленное, инструктировали соучастников, что делать, если... Началось которое уже по счёту массовое перемещение капиталов по всей республике и за её пределами.

Между тем конфронтация следственной группы с коррумпированной кремлёвской властью выходила на новый виток. Сухарев запретил нам двоим, руководителям группы, допрашивать четверых задержанных. Очередное вопиющее нарушение УПК. К каждому следователю группы во время допросов подозреваемых был приставлен работник КГБ. Мы рассудили так: раз начальство даёт свои указания только устно, боясь их хоть как-то задокументировать в соответствии с законом, то такие незаконные распоряжения исполнению не подлежат. Мы сами начали допрашивать подследственных. Особенно бурным было раскаяние Усманходжаева. В его показаниях запестрели фамилии союзных министров, руководителей правоохранительных органов, секретарей ЦК КПСС, членов Политбюро... Сухарев схватился за голову. Уж теперь-то он точно может схлопотать на всю катушку от руководства страны. Его личные встречи и многочасовые беседы с бывшим первым секретарём ЦК КП Узбекистана не дали ожидаемого результата. Генеральному прокурору удалось лишь убедить Усманходжаева – Боже упаси, не упоминать больше о двух взятках по 30 000 рублей Лигачёву. Как уж там умолял преступника Генеральный прокурор великой державы, неизвестно, но взяточник милостиво согласился. В остальном же Усманходжаев упорствовал. Вот что он, в частности, рассказывал на допросе 1 ноября 1988 года заместителю Генерального прокурора Васильеву:

«...**Романову Г. В.** – секретарю ЦК КПСС я дал 10 000

рублей. Мне пришлось бывать у него два раза. В республике шло строительство, надо было много вопросов решать по размещению предприятий по производству микрокондиционеров. Я обращался в Госплан, но эти вопросы не решались. Мы обратились к Романову. По его намёку я понял, что надо дать деньги. В очередной приезд я приготовил дипломат, куда положил альбом, проспекты и деньги в сумме 10 000 руб. Во время встречи с ним я передал дипломат с содержимым, сказал, что здесь альбомы, книги. После передачи денег вопросы с ним были решены в пользу республики. Эти вопросы входили в его компетенцию. Других фактов передачи денег Романову не было.

Гришину В. В. – первому секретарю Московского горкома партии я передал деньги в сумме 30 000 рублей. Я обратился к нему с просьбой выделить московских строителей для выполнения работ в г. Ташкенте, где шло строительство жилья. Гришин отказал, сославшись, что строителей не хватает, в Москве нужно много рабочих. Я понял, что надо дать деньги. Я подготовил дипломат, куда положил книги, буклеты и деньги в сумме 30 000 рублей, и в очередной раз при посещении Гришина передал ему в кабинете. После этого была оказана помощь, были выделены строители, и в Ташкенте был построен большой жилмассив. Этот факт имел место в 1984 году. До передачи денег мы с Гришиным были знакомы, отношения были хорошие.

Рекункову А. М. – Генеральному прокурору СССР. В

протоколе допроса от 26 октября 1988 года я дал подробные показания по фактам передачи денег Рекункову. Он получил от меня 100 000 рублей. Первый раз я передал ему в Юрмале, где он отдыхал, 50 000 рублей и просил поддержать по «хлопковым» делам. Я просил ускорить их рассмотрение и посмотреть внимательно. Он пообещал. На следующий день во время прогулки я догнал его на лестнице и вручил ему чёрную папку с деньгами в сумме 50 000 рублей. При этом сказал: «Наши просьбы учтите, это подарок Вам». Папку он в моём присутствии не открывал. Второй раз он был у нас в Ташкенте на активе. Мы ездили с ним по полям, во дворце смотрели новый фильм об Усмани Юсупове, ужинали на даче. Он должен был в тот вечер в 9 час. 30 мин. улететь в Москву. По окончании ужина я передал ему дипломат, в котором были деньги в сумме 50 000 рублей, альбомы, буклеты. Об этом я сказал ему, но сумму не назвал...

Сороке О. В. – заместителю Генерального прокурора СССР я передал деньги в сумме 30 000 рублей. Он приезжал в Ташкент, когда я был уже первым секретарём ЦК КП Узбекистана. Они изучали хлопковые дела, работу органов. Он заходил ко мне в кабинет вместе с Каракозовым Г. П., прокурором республики Бутурлиным, министром внутренних дел УзССР Ибрагимовым. Когда все вышли, Сорока остался со мной, и я передал ему пакет с деньгами в сумме 20 000 рублей. Я просил внимательно посмотреть все наши дела, побыстрее их завершить. Я думал ускорить их, что за год-

полтора можно всё закончить, не предполагал, что так долго будет расследование. Личного интереса я не преследовал. Деньги я положил в два конверта и передал их Сороке. Он положил один конверт с деньгами в левый карман пиджака, второй – во внутренний.

В следующий приезд на другой год я передал Сороке дипломат чёрного цвета, в котором были деньги – 10 000 рублей. Мы жили вместе с ним в гостинице на Шелковичной, и я передал ему дипломат с деньгами. При этом сказал: «Олег Васильевич, это наши подарки Вам, книги, альбомы и ещё кое-что». Эту сумму я передал с той же целью...

Капитонову И.В.¹⁶ – я передавал деньги два раза по 50 000 рублей каждый раз. Первую сумму я передал после избрания меня первым секретарём ЦК КП Узбекистана. Я чувствовал его хорошее ко мне отношение, да и выдвижение меня на пост было не без его участия. Дача денег относится к ноябрю 1983 года, когда я вместе с Осетровым Т. Н. был в Москве. Я приготовил дипломат, куда положил деньги, книги, альбомы. При посещении Капитонова я поблагодарил его за доверие и оставил дипломат. Второй раз я передал ему таким же образом деньги в сумме 50 000 рублей в его кабинете в Москве. Это было в 1984 году в Москве, когда приглашал его на 60-летие республики. В дипломат я положил деньги в сумме 50 000 рублей, программу торжеств, пригласительные. Дипломат оставил в его кабинете. Через три дня он по-

---

¹⁶ Капитонов И.В. – секретарь ЦК КПСС.

звонил и поблагодарил меня за подарок...

Бутурлину А. В. – прокурору Узбекской ССР после его назначения у себя в кабинете я передал ему 15 000 рублей. Я просил его информировать о ходе следствия по делу, и он это делал. Я получил от него информацию, что арестованный по делу Худайбергенов М. даёт в отношении меня показания, что передавал мне крупные взятки. Председатель Бухарского облисполкома Асатов в суде заявил и обратился с письменным заявлением, в котором он сообщил, что давал мне взятки. Это заявление Бутурлин передал мне¹⁷...»

На этом и последующих допросах Усманходжаев рассказывал о вручении 100 000 рублей Соломенцеву; 50 000 руб. Смирнову; 20 000 руб. Аболенцеву, замзавадмотделом ЦК КПСС; 50 000 руб. Чурбанову; 40 000 руб. Теребилову; 15 000 руб. Истомину, завсектором сельхозотдела ЦК КПСС; работникам орготдела ЦК КПСС Ишкову и Пономарёву – по 10 000 руб.; Могильниченко – 25 000 руб.; 40 000 руб. – Васильеву, министру мелиорации и водного хозяйства СССР; 50 000 руб. – Щёлокову. Не скрывал и своих подчинённых, от которых на протяжении ряда лет сам получал взятки. Усманходжаев изъявил желание выдать в доход государства ценности на сумму в 4,5 миллиона рублей. Сухарев метался. Он уже понимал, что дал маху, не расчленив волевым

---

¹⁷ Оригинал этого документа при обыске изъят в квартире Усманходжаева. Осенью 1989 г. на открытом заседании Комиссии съезда народных депутатов СССР Бутурлин подтвердил факт передачи данного документа Усманходжаеву.

порядком дело ещё в сентябре и не передав принудительно наиболее опасную его часть «независимой» группе. Даже в случае скандала это было бы меньшим ударом по престижу кремлёвской верхушки. Дело о коррупции осталось единым, из «московского» последовательно превращаясь в «кремлёвское». Но ни одной обоснованной претензии Сухарев нам предъявить не мог. Ну хотя бы подследственные обратились с жалобой, появилась бы какая-никакая зацепка. Но они утверждали, что следователи ведут себя корректно, ни в чём не нарушают их прав.

Сухарев понимал, что козлом отпущения в этой щекотливой истории в любой момент предстояло стать именно ему. Он снова заметался по знакомым кабинетам на Старой площади. А её стратеги вдруг стали настойчиво напоминать о назначении Гдляна прокурором Армянской ССР. В Управлении кадров ежедневно напоминали о фотографиях для оформления личного дела и служебного удостоверения по новой должности. В Прокуратуре Союза каждый считал своим долгом поздравить с повышением. Засуетился Сухарев, обещал направить в Президиум Верховного Совета представление о присвоении Гдляну (через чин) сразу звания Государственного советника юстиции 2 класса. Партийному активу Армении было объявлено о том, кто назначается прокурором республики. В следственную часть потянулись со своими проблемами и жалобами жители Армении.

Для утверждения нового прокурора республики было

проведено заседание Коллегии Прокуратуры. Сухарев заливался соловьём, на все лады расхваливая достоинства кандидата: принципиальный, компетентный, политически грамотный, твёрдо стоит на страже социалистической законности. В общем, следует утвердить. Рукопожатия, улыбки, поздравления. Правда, осталось ещё обсудить маленький вопрос: кому передать руководство следственной группой по делу о коррупции? Иванов, мол, ещё молод, не потянет, надо подыскать руководителя из числа более опытных и постарше.

– Но позвольте, мы же договорились, что и при назначении прокурором Армении уголовное дело до его завершения остаётся в моём производстве?

– Ну что вы, Тельман Хоренович, в Узбекистане нас не поймут. Сами посудите, дело по этой республике будет вести прокурор Армении. Так что дело придётся сдать.

– Если так, то я отказываюсь от назначения. Я дело на кресло не меняю...

Об упрямстве Гдляна, естественно, побежали доклады вать на Старую площадь. А там просто руками развели: как это – отказываться от высокой должности, власти, всяческих благ и привилегий. Такого же просто быть не может...

Сухарев ещё какое-то время настаивал, грозил, что в противном случае никаких перспектив по службе у Гдляна больше не будет, а ему уже пора подумать о себе, о семье. И хотя никогда уже больше не придётся строптивому попить чай-

ку с лимоном в уютном кабинете на Старой площади, неговорчивый следователь стоял на своём. Когда через несколько месяцев руководителей следственной группы стали клеймить как нарушителей закона, о выдвижении «преступника» Гдьяна прокурором Армении почему-то никто не вспомнил.

Несостоявшийся республиканский прокурор спутал многие карты в, казалось бы, хитроумно задуманной комбинации, но обратный ход событиям придать уже было невозможно. «Независимую» следственную группу тихонечко расформировали в ноябре 1988 года, а к очередному Пленуму ЦК по требованию Пуго Сухарев направил информацию в отношении члена и двух кандидатов в члены ЦК КПСС Усманходжаева, Салимова и Джаббарова. Вот некоторые выдержки из этого документа: «...Все трое арестованных в своих заявлениях и на допросах подробно рассказали о совершении ими преступлений, выразившихся в систематическом получении взяток. Так, по Утверждению Усманходжаева, им было получено взяток на сумму более миллиона рублей. Салимов пояснил, что получил в виде взяток более 500 тыс. руб., Джаббаров – около 300 тыс. руб. Показания Усманходжаева, Салимова и Джаббарова при проверках находят своё объективное подтверждение в материалах следствия. Расследование преступной деятельности указанных обвиняемых продолжается».

На Пленуме ЦК 28 ноября 1988 года Усманходжаев, Са-

лимов и Джаббаров были выведены из состава ЦК КПСС «как скомпрометировавшие себя». Казалось, в Кремле поставили на них крест. Как бы не так...

«Расследовать дотла»

В ноябре 1988 года Лукьянов стал первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а его место секретаря ЦК КПСС, куратора правоохранительных органов занял член Политбюро Чебриков. В отличие от юриста Лукьянова Виктор Михайлович по образованию был инженером-металлургом. Родился в 1923 году в Днепропетровске, откуда родом была почти вся брежневская номенклатурная знать. С 1951 года на партийной работе. Из кресла второго секретаря Днепропетровского обкома компартии Украины пересел в Управление кадров КГБ СССР, который затем возглавил в 1982 г. Генерал армии, лауреат Государственной премии СССР. Два десятка лет член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, кавалер нескольких орденов Ленина, Трудового Красного Знамени и других наград...

В своё время Чебриков активно проводил андроповский курс на усиление борьбы с организованной преступностью. Он был одним из инициаторов появления «бухарского дела», неоднократно, вместе с Рекуновым, докладывая наверх об успешных совместных акциях двух великих ведомств. По иронии судьбы именно секретарю ЦК Чебрикову и сменившему его на посту Председателя КГБ Крючкову и предстояло оказаться в числе могильщиков уголовного дела № 18/58115-83.

Проработавшие вместе два десятка лет Чебриков и Крючков понимали друг друга с полуслова. Это мы почувствовали сразу. Если раньше прослушивание наших кабинетов в Ташкенте и Москве осуществлялось лишь эпизодически, то с конца 1988 г. прослушивание и звукозапись служебных и домашних телефонов руководителей следственной группы стало постоянным. Продолжалось оно и после избрания нас двоих народными депутатами СССР, вплоть до августовского дня 1991 г., после которого наши досье с визами Горбачёва были обнаружены при обыске в кремлёвском сейфе руководителя аппарата Президента СССР Болдина. Кстати, на протяжении всего этого времени мы располагали достоверной информацией о том, что наши телефоны прослушиваются.

Чебрикову не составляло никакого труда через руководство Прокуратуры добиться включения в состав кашей группы сотрудников госбезопасности А. Жучкова, И. Кудрякова, В. Карабанова, С. Бушуева и других во главе с полковником А. Духаниным. Конечно, было совершенно очевидно, чем будет заниматься этот «троянский конь» и какие можно ожидать последствия. Был заметно усилен и неприкрытый контроль КГБ за нашей деятельностью. Речь идёт не о предусмотренном законом прокурорском надзоре, который помимо Генерального прокурора и двух его заместителей Катусева и Васильева, осуществляли ещё 16 подчинённых им прокуроров, а о мелочной опеке, неправовом вмеша-

тельстве в следствие. В частности, к нашим следователям, осуществлявшим допросы Усманходжаева и Салимова, Васильев приставил «понятых» из числа работников КГБ. На каждый, например, допрос обвиняемого Усманходжаева в течение нескольких месяцев мы были обязаны получать разовое письменное разрешение Васильева, что было просто откровенным издевательством и произволом. С каждым новым протоколом допроса Васильев бежал в ЦК к Чебрикову, а Духанин – на доклад к Крючкову.

Всё это мы вынуждены были терпеть, чтобы не уступить в главном. Нужно было, например, на этом этапе решать-таки вопрос о привлечении к уголовной ответственности Смирнова и Могильниченко.

Бурно раскаиваясь в «Матросской тишине», новое её пополнение незамедлительно «заложило» своих московских покровителей. В собственноручных заявлениях и на допросах Усманходжаев, Салимов и Джаббаров рассказали о целом ряде эпизодов дачи ими взяток Смирнову. Их набралось полмиллиона. Не забыли товарищи по партии и Могильниченко.

Из показаний Усманходжаева 01.11.1988 г.:

«Могильниченко я передал 25 000 рублей. В 1984 году он приезжал к нам на XVI Пленум ЦК КП республики и я вручил ему на даче. Деньги завернул в бумагу, уложил вместе с книгами в дипломат, и передал. Первую сумму я передал 15 000 рублей. Через год

примерно Могильниченко изучал работу республики с комиссией. По окончании проверки, после ужина, я передал ему дипломат, в котором было 10 000 рублей. Комиссией были отмечены недостатки, но в то же время указано, что есть сдвиги в работе. Я обращался, чтобы направили к нам больше кадров, и действительно, после передачи денег, к нам из разных республик прибыли кадры, которые хорошо работают по настоящее время».

Из показаний Джаббарова 28.11.1988 г.:

«В 1984 году примерно в апреле месяце в командировку к нам в область приехал Усманходжаев И. Б. вместе с Могильниченко К. Н. – зам. зав. отделом оргпартработы ЦК КПСС – с целью ознакомиться с положением дел, последствиями землетрясений. После ужина я зашёл в номер гостиницы к Могильниченко, ещё раз поблагодарил его за помощь, при случае просил подсказать Усманходжаеву о том, что области Госпланом республики многие показатели сельского хозяйства запланированы нереально, чтобы планирующие органы эти вопросы рассмотрели объективно. Когда уходил, я на тумбочку положил завёрнутый пакет с деньгами в сумме 5 000 рублей. Сказал при этом: на некоторые расходы. Он возмутился: для чего это? Я молча немного постоял, когда он успокоился, попрощавшись, вышел из номера гостиницы. На следующий день провели совещание в обкоме партии по вопросам ликвидации последствий землетрясения.»

Из показаний Раджабова 29.11.1988 г.:

«В апреле 1986 года в Узбекистан приехал Могильниченко. Поздно вечером мне позвонил Усманходжаев и сообщил, что завтра он вместе с Могильниченко поедет в Андижанскую область. Но так как дорога проходит через Наманганскую область, то мне необходимо их встретить... Я их встретил около 11 часов следующего дня. Сел к ним в машину. В машине я рассказал Могильниченко о внедрении в области бригадного подряда в сельском хозяйстве. Могильниченко попросил меня подготовить и передать ему справку об этом опыте...

В обкоме... я положил в конверт деньги в сумме 1000 рублей. Справку положил в обкомовский конверт и туда же конверт с деньгами... Когда расставались, Могильниченко отвёл меня в сторону от всех на 15–20 метров. Так мы разговаривали примерно 10 минут. Он сказал: «Работай смело, и мы тебя поддержим». В конце разговора я передал Могильниченко конверт со справкой и деньгами... Потом я встречался с Могильниченко много раз, но разговора о деньгах между нами не было...»

Дезавуировать эти новые признания, подтверждённые другими косвенными доказательствами, было уже крайне сложно. Как же реагировала на них Прокуратура СССР и ЦК КПСС?

5 ноября 1988 г. на Пленуме ЦК КП Молдавии была удовлетворена просьба Смирнова об освобождении его от долж-

ности второго секретаря ЦК «по состоянию здоровья». В декабре 1988 г. с такой же формулировкой освободился от своих обязанностей и Могильниченко. Обоих торжественно, с почётом отправили на пенсию, а Могильниченко даже наградили медалью «За доблестный труд». Решением союзного Совмина – обоим были установлены персональные пенсии союзного значения. На ноябрьском (1988 г .) Пленуме Смирнова так и не вывели из состава Центрального Комитета. Впрочем, и на мартовском и апрельском Пленумах в 1989 г ., на которых Смирнов отсутствовал в связи с арестом, он также оставался кандидатом в члены ЦК КПСС.

В течение декабря 1988 г. неоднократно Сухарев давал указания подготовить новое постановление на арест Смирнова, всякий раз отменяя собственное распоряжение то ссылкой на Пуго, то на Чебрикова, то на безымянных «некоторых товарищей». Жаловался, что Смирнов ежедневно бывает в ЦК, добивается приёмов, убеждает всех, что он стал жертвой клеветы.

Почему же так упорствовала партийная верхушка? Ведь в Кремле не оспаривали объективность материалов уголовного дела в отношении Смирнова и Могильниченко. Их участие в работе XIX партконференции также уже не имело существенного значения после ареста делегатов Джаббарова и Раджабова. А суть в том, что арест Смирнова и Могильниченко означал прорыв следствия в святая святых – ЦК КПСС. Создавался прецедент привлечения к ответственно-

сти кураторов региональных мафиозных группировок, и наши противники понимали, что следствие в состоянии добраться и до функционеров самого высокого уровня. К тому же последние четыре года Смирнов был вторым секретарём ЦК КП Молдавии, а факты коррупции в этой республике также не были секретом. Вовсе не беспочвенными были опасения, что по следу Смирнова и Могильниченко наша группа проникнет в Молдавию, Туркмению, Таджикистан и другие республики, а оттуда нити вновь потянутся в Москву...

Вот почему кремлёвская верхушка выискивала любой предлог, лишь бы не пойти на опасный прецедент, увести Смирнова от ответственности. Большие надежды возлагались на Верховный суд СССР, рассматривавший дело Чурбанова. Ожидания оправдались: марионеточные судьи стремительно свернули слушание дела и поспешили уже 30 декабря 1988 г. вынести свой вердикт. Но покровителей мафии со Старой площади ждало разочарование: провокация в судебном процессе не дала результата. Население восприняло приговор не как образец законности, а совсем наоборот. Только тогда наконец-то, была дана санкция на арест Смирнова. Это произошло 11 января 1989 г. – через четыре года после того, как в ЦК КПСС поступила первая информация о его криминальных деяниях, и через четыре месяца после того, как Президиум Верховного Совета СССР дал согласие на привлечение к уголовной ответственности. Сухарев потребовал содержать Смирнова не в «Матросской тишине», а

в следственном изоляторе КГБ в Лефортово, чтобы допросы Смирнова проводил Духанин, а другие следователи госбезопасности выявляли его криминальные связи в Молдавии и других республиках, закрепляли уже установленные эпизоды по Узбекистану и Таджикистану.

В январе 1989 г. были арестованы бывший первый секретарь Ферганского обкома КП Узбекистана, сват Усманходжаева Умаров и бывший первый секретарь Андижанского, затем Самаркандского обкомов партии Рахимов. Оба они рассказали о многочисленных фактах получения и дачи взяток, изъявили желание выдать нажитые преступным путём ценности в доход государства. Круг свидетелей обвинения московских мздоимцев расширился.

Обострялась и конфронтация с партийной верхушкой. Всё более нагло вели себя внедрённые в группу кагэбешники. К примеру, мы в то время приступили к изъятию ценностей Усманходжаева, Сухарев и Васильев настояли на том, чтобы в группу по изъятию вошли следователи КГБ. Все свои усилия они направили не на отыскивание преступных капиталов, а на противодействие этому. В результате у Усманходжаева удалось изъять денег, облигаций, золота, ювелирных изделий всего на сумму около полутора миллионов рублей. Полковник Духанин отказывался выполнять указания руководства группы, представлять нам материалы дела, все вопросы решал только с Крючковым и Васильевым. На уже упоминавшейся февральской встрече у Чебри-

кова, где присутствовал Лукьянов и все руководители правоохранительных органов, Крючков открыто угрожал разоблачить нашу «антизаконную деятельность». В привлечении к уголовной ответственности Могильниченко и других столичных функционеров нам категорически отказали.

Дело № 18/58115-83 выходило из кабинетов прокуратуры и Старой площади, выплёскивалось на улицы. Реакцией общества на порочную правовую политику верхов и продажное правосудие стало выдвижение и избрание нас народными депутатами СССР. Дело шло к развязке.

Планы по дальнейшему расследованию были такие. Укрепив свои позиции на Съезде народных депутатов, мы по его окончании предполагали начать операцию по изъятию многомиллионных богатств покойного Рашидова и привлечь к уголовной ответственности ряд работников ЦК КПСС, доказательств виновности которых в коррупции было предостаточно: Могильниченко, Истомина, Ишкова, Пономарёва и других, а также руководителей союзных ведомств, таких как министр мелиорации и водного хозяйства Васильев, министр лёгкой промышленности Тарасов. Укрепив таким образом доказательственную базу, мы могли бы вплотную подойти к изъятию капиталов Брежнева. И лишь тогда, то есть не ранее чем через 9-10 месяцев, угроза изобличения действующих кремлёвских вождей становилась бы реальной.

Именно этого и опасалась коррумпированная верхушка КПСС. 24 марта 1989 г. Политбюро перешло в открытую ата-

ку на следственную группу. А через два месяца с трибуны Съезда народных Депутатов СССР Лукьянов произнёс знаменательные слова о судьбе уголовного дела № 18/58115-83: «...Это дело должно быть расследовано дотла, до конца, куда бы ни вели его нити. Это – позиция Политбюро, это – позиция Президиума Верховного Совета...» Куда вели эти нити, читателю уже известно: к Лигачёву и Гришину, Романову и Алиеву, Соломенцеву и Капитонову, Могильниченко и Истомину, Тарасову и Васильеву, Терехилову и Рекункову, Сороке и Аболенцеву...

С грифом «совершенно секретно»

«Коммунистическая партия Советского Союза ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Совершенно секретно

№ П151/3

Т.т. Горбачёву, Рыжкову, Чебрикову,
Лукьянову, Пуго, Крючкову, Бакатину,
Кравцову, Сухареву, Теребилову, Павлову А.,
Ментешашвили

О записках членов Верховного суда СССР, сотрудников КГБ СССР и письмах в ЦК КПСС

Поручить т.т. Пуго Б. К. (Комитет партийного контроля при ЦК КПСС), Павлову А. С. (Государственно-правовой отдел ЦК КПСС), Ментешашвили Т. Я. (Президиум Верховного Совета СССР), Бобкову Ф. Д. (КГБ СССР), Побежимову А. С. (Прокуратура СССР), Гусеву С. И. (Верховный суд СССР), Шилову И. Ф. (МВД СССР), Губареву В. Т. (Минюст СССР) проверить факты, приведённые в записке членов Верховного суда СССР, сотрудников КГБ СССР и письмах в ЦК КПСС о нарушениях законности при расследовании дел о коррупции в

Узбекской ССР, и о результатах доложить в ЦК КПСС».
(Из протокола № 151 заседания Политбюро ЦК КПСС от 24
марта 1989 года)

Сухарев, сообщивший нам о создании комиссии ЦК во главе с Пуго, был явно не в себе: ведь в соответствии с Конституцией и действующим законодательством только он, Генеральный прокурор страны, был вправе вмешиваться в расследование, проверять материалы дела и любые сигналы о допущенных нарушениях, от кого бы эти сведения ни поступали. Более того, он был причастен к внезапному появлению в ЦК этих самых «данных о нарушениях законности». По предложению Чебрикова, именно он дал указание подобрать старые жалобы на следственную группу, уже неоднократно проверенные различными чинами прокуратуры и признанные необоснованными. Но теперь и они были пущены в ход. Генеральный прокурор предполагал, какой может быть реакция с нашей стороны, и не ошибся. Мы твёрдо заявили, что сотрудничать с антиконституционной комиссией ЦК КПСС не намерены. Сухарев долго уговаривал смирить гордыню, не цепляться за Конституцию и законы, а выполнить решение Политбюро. Дескать, вас уже не раз проверяли, у вас всё в полном порядке, зачем же волноваться, вступать в конфликт с руководством страны. Но мы стояли на своём: подчиняемся только закону – и баста. Прокурорский надзор – другое дело. Сейчас за деятельностью следствия осуществляют надзор два десятка прокуроров, если их недостаточно,

то хоть к каждому следователю группы приставьте по прокурору, это ваше право. Но вмешательства ЦК мы терпеть не намерены.

Сухарев побежал жаловаться на неговорчивых подчинённых своим шефам. 6 апреля Гдлян вызвал к себе Пуго. Теперь уж он, как руководитель комиссии ЦК, приказал, чтобы мы представили на Старую площадь интересующие их материалы уголовного дела. Сообщил, как станет осуществляться проверка, в какой последовательности будут вызываться следователи для дачи объяснений.

Борис Карлович даже опешил, получив решительный отпор. Гдлян заявил, что Политбюро принимало уже немало преступных решений, и попросил предъявить любую правовую норму: статью Конституции, закона, другого нормативного акта, дающую право ЦК какой-либо партии вмешиваться в осуществление следствия и правосудия. «Антиконституционную комиссию ЦК КПСС мы не признаём,— сказал Гдлян,— ни один лист дела в ЦК предъявлен не будет, и ни один наш подчинённый, пока мы — руководители группы, не явится для дачи объяснений. Нас может проверять лишь Генеральный прокурор и подчинённые ему прокуроры. Закон даёт им такое право. А вот у Бориса Карловича такого права нет, ибо мы — следователи по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, а не при ЦК КПСС.»

Теперь жаловаться на непослушных следователей побегал сам председатель комиссии. Уже на следующий день 7

апреля он направил в Политбюро записку следующего содержания:

«Секретно
ЦК КПСС

**О ходе выполнения постановления Политбюро
№ П151/3**

6 апреля с.г. состоялось очередное заседание образованной ЦК КПСС комиссии по проверке фактов о нарушении социалистической законности при расследовании дел о коррупции в Узбекской ССР. На заседание были приглашены Генеральный прокурор СССР т. Сухарев А. Я., а также работники Прокуратуры СССР т.т. Каракозов Г. П., Гдлян Т. Х., и Верховного суда СССР т.т. Тихомирнов Р. Г., Замятин В. И.

Приглашённые были проинформированы о соответствующем постановлении ЦК КПСС и основных направлениях работы комиссии по его выполнению. В выступлениях членов комиссии и приглашённых подчёркивалась необходимость обеспечения объективного, основанного на законе расследования фактов; указывалось также, что лица, совершившие преступления, должны предстать перед судом и понести заслуженное наказание.

На совещании выступил также т. Гдлян Т. Х. Его выступление носило бестактный, политически незрелый, юридически невыдержанный характер. Он утверждал, что создание комиссии ЦК КПСС «навязано аппаратом, является незаконным актом, ибо

противоречит Конституции СССР, линии КПСС на создание в стране правового государства». По мнению т. Гдляна Т. Х., этот шаг предпринят специально для того, чтобы «развалить уголовные дела крупных взяточников Узбекистана и Москвы, не допустить их разоблачения», а также из-за опасения, что т. Гдлян Т. Х. может «всё сказать на Съезде народных депутатов».

«Действия ЦК вынуждают нас, – сказал далее т. Гдлян Т. Х., – назвать поимённо всех крупных взяточников из центра». Он упомянул как «подозреваемого» т. Тербилова В. И. – председателя Верховного суда СССР. Кого-либо ещё он не назвал, однако заявил, что намерен это сделать «только на приёме у товарища Горбачёва М. С.» При этом т. Гдлян Т. Х. обратился к председательствующему передать его просьбу Генеральному секретарю ЦК КПСС.

На вопрос членов комиссии, известно ли Генеральному прокурору о наличии компрометирующих материалов в Прокуратуре СССР на кого-либо из руководства страны, т. Гдлян Т. Х. отказался давать ответ. Тов. Сухарев А. Я. оставил вопрос также без комментариев.

Тов. Гдлян Т. Х. в категорическом, нажимном тоне требовал от членов комиссии не начинать проверку, ибо она «сорвёт следствие», высказался, что народ уже дошёл до кипения, что «произойдёт взрыв, за которым могут быть непредсказуемые последствия. Я – депутат, соберу народ! Буду говорить об этом публично». Тов. Гдлян Т. Х. заявил, что если проверка

всё-таки начнётся, то «вся следственная группа, все 200 человек будут вынуждены сказать всему советскому народу о творящемся беззаконии».

Информируя об отношении т. Гдляна Т. Х. к постановлению ЦК КПСС, комиссия считает, что проверку следует вести по намеченному плану, не отвлекая при этом следственную группу от завершения уголовных дел.

Полагали бы необходимым поручить т. Сухареву А. Я. безотлагательно организовать объективную проверку утверждений т. Гдляна Т. Х. о получении взяток т. Тербиловым В. И., а при наличии соответствующих показаний – и по другим руководящим работникам с вынесением заключения об их обоснованности или отклонении.

Учитывая, что т. Гдлян Т. Х. с целью компрометации решения ЦК КПСС о проводимой проверке может обратиться в средства массовой информации с безответственными заявлениями, полагали бы целесообразным поручить Идеологическому отделу ЦК КПСС принять необходимые предупредительные меры.

Председатель Комитета

партийного Контроля при ЦК КПСС

Б. Пуго»

Наверху откликнулись немедленно. 10 апреля 1989 года было принято постановление Политбюро № 152 «О записке т. Пуго Б. К. от 7 апреля 1989 г.» После бурного обсуждения «архитекторы перестройки» порешили, что пора кончать с

этими экстремистами, для которых какие-то там законы выше постановлений Политбюро. Много, мол, стал себе позволять этот Гдлян! Надо резко активизировать работу комиссии. Заодно подключить к этой работе и Президиум Верховного Совета СССР: пусть партийная комиссия в дальнейшем представит свой компромат по следователям товарищу Лукьянову. И, конечно же, всем понравилось и безоговорочно было поддержано предложение Пуго, чтобы идеологический отдел ЦК КПСС обеспечил «необходимые предупредительные меры» против возможных выступлений Гдляна в средствах массовой информации. На деле это означало организацию информационной блокады следственной группы.

Во исполнение этого решения во все центральные средства массовой информации поступил из ЦК запрет на распространение любых наших заявлений, интервью, статей, а также любых других сведений, расходящихся с официальной линией. С этого времени и вплоть до известных событий в августе 1991 года действовали цензурные ограничения на любую позитивную информацию о работе следственной группы.

13 апреля 1989 года цековская комиссия направила Горбачёву отчёт о проделанной работе. Конечно, с грифом «секретно». Главные выводы: во-первых, группа Гдляна допускала массовые нарушения «социалистической законности», во-вторых, «действия т.т. Гдляна и Иванова и некоторых поддерживающих их лиц фактически ведут к компромета-

ции КПСС, руководства партии и страны путём создания соответствующего общественного мнения». На этом документе Генсек наложил следующую резолюцию:

«Т.т. Сухареву А. Я. (созыв)

Крючкову В. А.

Гусеву С. И.

Бакатину В. В. т. Лукьянову А.И. – контроль

Кравцову Б. В.

Кудрявцеву В. Н.

Яковлеву В. Ф.

Ознакомление с представленными материалами вызывает серьёзную озабоченность по поводу соблюдения соц. законности при расследовании уголовных дел по Узбекистану.

Прошу в 2-недельный срок тщательно разобраться по фактам, содержащимся в записке Комиссии, и выводы доложить Президиуму Верховного Совета СССР.

М. Горбачёв (подпись)/14 апреля 1989 г .»

Указание Горбачёва окончательно определило создание параллельно с комиссией ЦК КПСС ещё и комиссии Президиума Верховного Совета СССР. Генеральный секретарь сам же и определил её основной состав, указанный в резолюции. Под руководством Лукьянова она должна была выдать своё заключение уже после завершения деятельности партийной комиссии. С этого времени цековские законники заметно активизировались. Зашустрили на Старую площадь внедрён-

ные в группу следователи КГБ. Исполняя волю Лубянки, Рац, Духанин, Жучков, Карабанов, Харитонов, Панфилов, Цепухов, Янковенко и другие живописали, как осенью 1988 года Гдлян и Иванов осмелились не выполнить решение ЦК о расчленении дела, не передали «независимой» группе КГБ следственные документы, какими методами они фабрикуют дела на честных партийцев. Подбирались старые жалобы мафиози и их близких, был инспирирован целый шквал жалоб от заинтересованных лиц из Узбекистана. А как бы в подтверждение «нарушений законности» по команде со Старой площади 24 апреля 1989 года Пленум Верховного суда СССР пересмотрел старое дело Гдляна по Эстонии, реабилитировал Хинта и его соучастников, хотя ранее те же члены Верховного суда страны неоднократно подтверждали обоснованность осуждения этих лиц. Пленум вынес «Частное определение» в адрес следствия, где откровенная лож перемежалась с вольным толкованием тех или иных фактов, и более похожее на литературное творение, чем на юридический документ. Точку в этой истории поставила некоторое время спустя депутатская комиссия Съезда, которая, изучив материалы дела, пришла к выводу, что никаких нарушений закона Гдляном допущено не было и частное определение Верховного суда подлежит отмене.

С 26 апреля по 17 мая 1989 года всех подследственных из «Матросской тишины» стали вывозить в Лефортово, где Духанин и его подручные помогали «вспомнить» функцио-

нерам, что они «честные партийцы», а преступниками являются Гдлян, Иванов и «приближённые к ним следователи». Тем, кто не сразу ориентировался в происходящем, делали соответствующие уколы, помогающие освежить память. Шестилетний труд сотен следователей умельцами из КГБ сводился на нет. Оказалось, что в ЦК КПСС и других центральных ведомствах трудятся исключительно честные, порядочные люди, которых подследственные под угрозами и шантажом, оказывается, оговорили.

В начале мая 1989 года нас двоих отстранили от руководства группой, а затем и от расследования дела, а вслед разогнали и основной костяк группы – 70 наиболее квалифицированных и опытных следователей. Была сформирована новая следственная группа во главе с угробившим при Соломенцеве «золотое дело» Владимиром Галкиным, которого тут же повысили в должности. Именно о нём упоминал академик Сахаров, требовавший у Сухарева объяснений по поводу того, как Галкину удалось похоронить расследование о погромах в Сумгаите. Вскоре дело № 18/58115-83 перестало существовать как единое целое. Галкин разделил его на десятки самостоятельных дел. Более 90 процентов доказательств было поставлено под сомнение. Началось массовое освобождение из-под стражи «верных ленинцев». Материалы дела о коррупции были изъяты у нас насильно, переданы Галкину без оформления акта приёма-передачи, что позволило мошенникам от законности рассовывать по архи-

вам либо уничтожать изобличающие высшую власть документы, ставить под сомнение любые действия предшественников. Своеобразно подбирались кандидаты на освобождение из тюрем. 22 мая был выпущен Смирнов, 30 мая – Осетров, чуть позже – Джаббаров, Раджабов, Умаров, Салимов, т.е. прежде всего делегаты XIX партконференции и лица, работавшие в ЦК КПСС. Остальные должны были ждать своей очереди.

Ну а для полного торжества так называемой «социалистической законности» руководство страны поставило задачу кардинально изменить общественное мнение, явно симпатизировавшее нашей группе, и любым путём доказать, что в ЦК КПСС, в союзных ведомствах нет и не может быть коррупции. С апреля 1989 года в средствах массовой информации началась беспрецедентная кампания шельмования «экстремистов, карьеристов, авантюристов», как нас тогда окрестили. Однако и этот поток лжи был не способен скрыть творимый властями произвол. Возмущение общественности нарастало. Поддерживало нас и большинство рядовых членов партии. Весьма своеобразной была реакция кремлёвских лидеров на эти настроения. В частности, в ответ на телеграмму группы народных депутатов СССР Горбачёву в связи с антиконституционным противодействием следствию, 29 апреля 1989 года Лукьянов принял её авторов Гавриила Попова, Сергея Станкевича, Аркадия Мурашова, Илью Заславского, Александра Кузьмина и заверил в том, что в ЦК не суще-

ствует никакой комиссии по поводу расследуемого группой Гдляна уголовного дела.

Нагло соврать Анатолию Ивановичу было делом плёвым. Но уже на другой день его опроверг Пуго. 30 апреля 1989 года «Правда» опубликовала его заявление: «...Хочу проинформировать читателей «Правды», что для рассмотрения писем граждан, поступивших в связи с расследованием дел о коррупции в Узбекистане, создана Комиссия ЦК КПСС». Далее председатель Комитета Партийного Контроля перечислил «нарушения законности», допущенные Гдляном, Ивановым и их группой, о которых сообщается в многочисленных, якобы, письмах и жалобах граждан, фамилии которых не назывались. Жаль, мол, что в ЦК раньше не знали о нарушениях, давно бы навели порядок,— сетовал Пуго. А через месяц с трибуны Съезда народных депутатов СССР Лукьянов говорил прямо противоположное. Отвечая на вопрос, поступали ли в ЦК жалобы, сигналы, информация о злоупотреблениях группы Гдляна, Анатолий Иванович разоткровенничался: «Поступало довольно много. Я должен сказать, что мы на первом этапе очень верили этой группе... Когда этот процесс перешёл из количества в качество, тогда только была создана комиссия КПК при ЦК КПСС...»

О правомерности существования партийной комиссии по конкретному уголовному делу 3 мая 1989 года публично заявил и другой юрист – Горбачёв в Моссовете на встрече народных депутатов СССР с членами Политбюро.

Вот так и ввали без зазрения совести, не заботясь даже о том, чтобы соблюсти хоть какие-то приличия. Впрочем, до приличий ли было, когда уходила почва из-под ног...

Правда, некоторые коррективы в свои планы кремлёвским вождям всё же пришлось вносить. Даже они стали осознавать нелепость и незаконность существования комиссии ЦК. Поэтому её тихо, без лишней огласки распустили. Но это вовсе не означало, что восторжествовал Закон. Эстафету продолжила комиссия Президиума Верховного Совета. Её возглавил на сей раз Сухарев, который в качестве председателя комиссии должен был проверить деятельность ... Генерального прокурора СССР Сухарева и его подчинённых.

Оригинально, не правда ли? Добавим, что комиссия трудилась просто с космической скоростью. Уже 20 мая 1989 года во всех центральных изданиях, кроме «Крокодила», «Мурзилки» и «Пионерской правды», было опубликовано подготовленное на Старой площади заключение. Его, кроме Сухарева и Крючкова, подписали союзный министр юстиции Кравцов, министр внутренних дел Бакатин, первый заместитель председателя Верховного суда СССР Гусев, академик Кудрявцев и другие сановные юристы, обслуживающие ЦК КПСС. Буквально в считанные дни они установили, что следственная группа Гдляна годами чинила произвол с целью «искусственно расширить круг обвиняемых в коррупции ответственных работников», вплоть до, вы только подумайте, руководства партии!

Потребовала корректив и развязанная против опальных следователей кампания «информационного террора», которую на Олимпе власти посчитали недостаточно эффективной. В мае 1989 года персональная ответственность за этот важнейший участок партийной работы была возложена на подлинных мастеров дезинформации. В результате появился следующий документ.

**«Коммунистическая партия Советского Союза
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ**

Совершенно секретно

№ П158/3

ЛИЧНО

Т.т. Горбачёву, Рыжкову, Зайкову,
Медведеву, Чебрикову, Лукьянову,
Разумовскому, Пуго, Крючкову,
Сухареву

**О заявлениях и жалобах граждан
относительно действий следователей Т. Х. Гдяна
и Н. В. Иванова**

1. Поручить т.т. Чебрикову В. М., Зайкову Л. Н., Лукьянову А. И., Разумовскому Г. П., Крючкову В. А., Пуго Б. К., Сухареву А. Я. провести работу по разъяснению ситуации, сложившейся вокруг расследования «узбекского дела».

Комиссии, возглавляемой т. Сухаревым А. Я.,

опубликовать до начала работы Съезда народных Депутатов СССР итоги проведённого ею расследования.

2. В связи с многочисленными заявлениями и жалобами граждан на злоупотребления в ходе проведения следственных действий и в целях обеспечения законности поручить Генеральному прокурору СССР рассмотреть вопрос об отстранении следователей Гдяна Т. Х. и Иванова Н. В. от ведения следствия по «узбекскому делу»...

(Из протокола № 158 заседания/Политбюро ЦК КПСС/от 13 мая 1989 г.)

Пропагандистская машина по разоблачению зловерных следователей набирала обороты. 30 мая бывший шеф КГБ Чебриков, сменивший Лукьянова на посту секретаря ЦК КПСС, направил в Политбюро первый письменный отчёт.

ЦК КПСС

О выполнении постановления ЦК КПСС

«О заявлениях и жалобах граждан относительно

действий следователей Т. Х. Гдяна и Н. В. Иванова»

(П158/3 от 13 мая 1989 г.)

В соответствии с поручением приняты необходимые меры по разъяснению ситуации, сложившейся вокруг расследования так называемого «узбекского дела», утверждению объективного подхода общественности к результатам работы следственной группы Прокуратуры СССР, возглавляемой Гдяном Т. Х. и Ивановым Н. В.

Специально созданной комиссией Президиума Верховного Совета СССР, состоящей из народных депутатов СССР, крупных учёных-юристов, представителей правоохранительных органов, проанализированы имеющиеся по этим вопросам материалы Прокуратуры СССР, КГБ СССР, Верховного суда СССР, а также письма и жалобы граждан в государственные и партийные органы. Осуществлены встречи и беседы членов комиссии с рядом работников следственной группы, в том числе с Гдьяном Т. Х. и надзирающими прокурорами. Выводы и предложения комиссии Президиума Верховного Совета СССР опубликованы 20 мая текущего года в центральной прессе.

В дальнейшем были организованы выступления работников Прокуратуры СССР в трудовых коллективах, средствах массовой информации городов Москвы, Ленинграда, Зеленограда, Ташкента и других регионов страны. Опубликован ряд статей учёных-юристов, практических работников в союзной и республиканской печати, данная тематика освещалась по центральному радио и телевидению. Среди них, к примеру, статья «Только закон» обозревателя Ю. Феофанова от 21 мая, редакционное сообщение и заявление руководителей Эстонского НПО «Дезинтегратор» под общим названием «Кто как понимает гласность» в газете «Известия» от 23 мая, публикация О. Чайковской «Миф» в «Литературной газете» от 24 мая и подборка заявлений следователей

Прокуратуры СССР и КГБ СССР, участвующих в работе следственной группы Гдяна Т. Х., в «Советской России» под рубрикой «Таковы факты» от 25 мая текущего года и другие. В них в основном раскрываются порочный стиль и методы работы Гдяна и Иванова по добыванию «доказательств» виновности в совершении преступлений рядом лиц, приводятся факты допущенных ими нарушений социалистической законности, вносятся конструктивные предложения по предупреждению подобных явлений.

По сообщению Прокуратуры СССР, в настоящее время по фактам нарушения законности в период расследования «узбекского дела» возбуждено уголовное дело, существенно изменён и укреплён состав следственной группы. Приказами Генерального прокурора СССР от 6 и 22 мая 1989 года Гдян и Иванов отстранены от руководства группой и от расследования этого дела. За уклонение от передачи уголовных дел и других материалов для прокурорской проверки им объявлены строгие дисциплинарные взыскания».

Из КГБ и МВД, Прокуратуры и Верховного суда СССР, от заведующих отделами и секретарей ЦК КПСС потоком пошли в Политбюро отчёты о мероприятиях по разоблачению следственной группы. У кого-то из читателей это даже может вызвать недоумение. Ведь в традициях партаппарата было не оставлять следов своего незаконного вмешательства в работу правоохранительных органов, а тут столько доку-

ментов лишь по одному уголовному делу. Хотя не для того же писались эти бумаги, чтобы общественность узнала, сколь любезны сердцам покровителей мафии писательница Ольга Чайковская и публицист Юрий Феофанов, и по сей день без зазрения совести рассуждающих на страницах популярных газет о чести, достоинстве и правовом государстве. И не для того, конечно, чтобы стала достоянием гласности грязная политическая кухня кремлёвских главарей империи. Руководство КПСС, вестимо, не помышляло об огласке этой информации. Неслучайно она имела грифы «секретно» и «совершенно секретно» и хранилась в так называемой «особой папке», которая может десятилетиями не раскрывать своих тайн. Документов по «делу Гдляна-Иванова» ко времени августовского путча скопилось в архиве ЦК КПСС два десятка томов. Дело в другом: покровители мафии нутром чуяли опасность, которую мы представляли для правящей касты. Неслучайно развязанная против нас кампания сравнима разве что с аналогичными акциями в отношении Сахарова и Ельцина. Те хоть, правда, в отличие от нас избежали уголовного преследования.

25 мая 1989 года Сухарев возбудил против неугодных следователей уголовное дело. Но Мандатная комиссия Съезда народных депутатов СССР не нашла оснований для лишения нас двоих депутатских мандатов. Противостояние затягивалось, а окончательного разгрома тысячетомного дела о коррупции так и не произошло. В одночасье развалить его

при уникальном количестве доказательств виновности подследственных, изъятых у них огромных ценностях, было не так просто. Кое-кому, например, Усманходжаеву, пришлось отправиться на нары. Он дал показания о получении взяток на сумму свыше миллиона рублей. В показаниях лиц, дававших ему взятки, фигурируют два миллиона рублей. Почти на полтора миллиона рублей у него было изъято денег, облигаций, золотых монет, ювелирных изделий. Работу по проверке всех эпизодов группа завершить не успела. Осудили же Усманходжаева за получение им 50 тысяч рублей.

Чтобы выиграть время и как-то остудить не в меру возмущённую общественность, была создана уже третья по счёту комиссия. Теперь уже – Съезда народных депутатов СССР.

Ну а дальше кремлёвские покровители мафии начали действовать уже совершенно не маскируясь, как слоны в посудной лавке. Показательно, как отмывали Смирнова и Лигачёва.

19 мая 1989 года Коллегия Прокуратуры приняла решение продолжить расследование деятельности Смирнова и продлить содержание его под стражей. Но уже через три дня он был реабилитирован, по случаю чего Генеральный прокурор принёс ему публичные извинения. Следователи с Лубянки так грубо ломали смирновское дело, что это не могло не привлечь внимания депутатской комиссии. 1 августа 1989 года на заседании Верховного Совета СССР она потребовала, разумеется, безрезультатно, возобновления расследова-

ния по делу Смирнова.

О том, кто в стране хозяин, продемонстрировал и Лигачёв. Обидевшись на упоминание его фамилии в связи с расследуемым делом, он даже для видимости не стал обращаться в суд, а публично потребовал принятия мер Генеральным прокурором СССР.

И вот 20 сентября 1989 года состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором решали, брали Лигачёв и Смирнов взятки или не брали.

Коммунист Сухарев проинформировал старших товарищей по партии об обоснованном прекращении уголовного дела о взяточничестве Лигачёва и Смирнова, которые стали жертвами фальсификации следователей. Пытаясь скомпрометировать политическое руководство страны, Гдлян и Иванов «выколачивали показания на ответственных работников ЦК КПСС», поэтому, дескать, Усманходжаев и заявил о вручении им двух взяток Лигачёву по 30 000 рублей каждая. Кстати, перечислив далее лиц, которым тот давал показания по этому поводу, Сухарев, естественно, «забыл» упомянуть о своей нелегальной встрече с подследственным 28 октября 1989 года, после которой Усманходжаев заявил, что назвал Лигачёва «по ошибке».

Чего только не услышали от Генерального прокурора жрецы партийного правосудия. Оказывается, криминальные миллионы не такие уж преступные, их-де собирали «в виде отступного следователям» декхане. «Да, товарищи, действи-

тельно, я тоже задумался, попробуй собери 500 тысяч рублей, мы знаем, что это не так просто. А оказывается, что возможно», – на полном серьёзе убеждал Пленум Сухарев.

Выступивший вслед за ним член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Лигачёв поведал об укреплении руководящей роли партии во всех сферах жизни общества, в усилении борьбы с клеветниками и авантюристами, которые пытаются «вбить клин между партией и народом, между коммунистами и партийными комитетами, скомпрометировать принципиальных работников и протащить к власти своих людей».

Видимо, неслучайно на конспиративном языке мафии Егор Кузьмич именовался «доктором». Он ставил диагнозы решительно и чётко: «Прокуратура СССР установила, что события преступления не было. Это юридический термин. Что это значит, говоря иначе? Это злой умысел, это клевета и провокация... Два следователя принародно извергают потоки клеветы и демагогии на партию, на Политбюро, на аппарат ЦК и органы правосудия. И в течение длительного времени им это сходит с рук... Мы, члены ЦК, должны видеть, что шельмование коммунистов, представителей интеллигенции, писателей, учёных, руководителей как в центре, так и на местах стало распространённым преступлением перед личностью».

Уже очухавшийся от тюрьмы кандидат в члены ЦК Смирнов тоже сильно обижался. Не за себя – за партию. «Предметом постоянных грязных инсинуаций остаюсь я, став пре-

пятствием на их (Гдляна и Иванова) преступном пути, не пойдя на оговор честных людей и категорическим образом отвергнув сфабрикованные против меня чудовищные грязные обвинения. И сейчас ими всё делается, чтобы опять же, искажённо формируя общественное мнение, оставить меня, по выражению Иванова, «в закладе», шантажировать тем самым других и продолжать компрометировать аппарат ЦК, в целом партию».

Призвав к бескомпромиссной борьбе с Гдляном, Ивановым и им подобным, Виктор Ильич не удержался и от моральных сентенций: «Резко усиливающиеся за последнее время нападки на партию, её руководителей и представителей на местах вовсе не столь безобидны, как это кое-кому кажется. Тысячекратно повторённая ложь и особенно полуправда оставляют заметный след в умах и сердцах людей. Что же стоит за этим падением нравов?»

Действительно, что? Искать ответа на этот сакраментальный вопрос партийные судьи не стали, а единодушно порешили: Лигачёв и Смирнов взятки не брали. Ни в какой мере не усомнившись в правомерности принятия решения по уголовному делу на пленуме ЦК, кремлёвские деятели опубликовали уникальный по своему бесстыдству документ:

**Постановление Пленума ЦК КПСС
от 20 сентября 1989 года**

О сообщении Генерального прокурора СССР о рассмотрении заявления члена Политбюро, секретаря

ЦК КПСС Е. К.Лигачёва в ЦК КПСС и прокуратуру СССР

1. Пленум ЦК принимает к сведению сообщение Генерального прокурора СССР А. Я. Сухарева о рассмотрении заявления члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС Е. К.Лигачёва, адресованного в ЦК КПСС и Прокуратуру СССР. Проведённое в соответствии с законом Прокуратурой СССР расследование выдвинутых против Е. К.Лигачёва следователями Т. Х.Гдляном и Н. В.Ивановым утверждений о взяточничестве показало полную их несостоятельность. По заключению Прокуратуры СССР речь идёт об отсутствии самого события.

2. Пленум ЦК поручает Московскому горкому КПСС рассмотреть вопрос о партийной ответственности Т. Х.Гдляна и Н. В.Иванова в соответствии с выводами Прокуратуры СССР».

Лихо, не правда ли? Открыто, на весь мир продемонстрировали, что не суд, не прокуратура, не МВД являются правоохранительными инстанциями, а партаппарат – такое не снилось даже сталинскому правосудию и его апологету Андрею Януарьевичу Вышинскому.

ПАРЛАМЕНТСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Дорога к парламентским креслам

Открытия I Съезда народных депутатов СССР ждала вся страна. В обществе ещё не прошла эйфория, связанная с выборами, которые лишь с очень большой натяжкой можно было назвать демократическими. И хотя депутатов демократической ориентации было не более 10 процентов, с ними, ядром будущей оппозиции, связывали свои надежды на скорейшие реформы многие избиратели. Собирались во Дворец съездов многие известные «антисоветчики, популисты и экстремисты», как именовала их негодующая номенклатура. Шли на съезд и мы двое, посягнувшие на кремлёвскую «малину» и уже объявленные на всю страну государственными преступниками.

Утром 25 мая 1989 года на подступах к Кремлю собралось множество людей с лозунгами и плакатами, поддерживающими своих избранников. Мы шли через этот живой коридор, в котором то и дело раздавались аплодисменты.

Перед парадным подъездом Дворца съездов эмоциональные шеренги избирателей сменил молчаливый кордон из

офицеров КГБ. Я предъявил удостоверение и заметил, как насторожённо переглянулась охрана. Только миновал двери, как дорогу преградил человек в штатском.

– Вы – товарищ Иванов?

– Да.

– Николай Вениаминович?

– Да, а в чём дело?

– Я из охраны. Попрошу пройти со мной в комендатуру.

– Зачем? Документы, что ли, не в порядке?

– Документы в порядке, но вам надо обязательно пройти в комендатуру.

– Объясните толком, для чего?

– Там вам всё объяснят, пройдёмте.

– Мне нечего там делать. Я прибыл на съезд и иду в зал.

– Хорошо, хорошо, не нервничайте, пожалуйста. Николай Вениаминович, у вас личное оружие при себе?

– Вот оно что. Неужели на съезд идут с оружием?

– Мы только хотели в этом убедиться. Кто приходит с оружием, тот должен его сдать.

– Но я же не позволю себя обыскивать.

– Зачем же так. Но и нас поймите: за вами числится пистолет «Вальтер», а мы отвечаем за порядок.

– Помимо меня здесь сотни депутатов, которые имеют оружие, хотя бы секретари райкомов и обкомов. Вы что, их тоже приглашаете в комендатуру?

– Мы отвечаем за безопасность, это наша работа.

– Если боитесь стрельбы в зале, их и проверяйте. Импотенция есть, что терять. А кого ещё, кроме меня, вы пытались разоружить?

– Николай Вениаминович, если вы без оружия, то пожалуйста проходите.

– Сначала предъявите свои документы. Кстати, вы обязаны были сделать это сразу, как подошли ко мне.

– Зачем это. Я же вас не задерживаю.

– Понятно, желаете остаться инкогнито. Но хотя бы ответьте, кто ещё из депутатов удостоился вашего внимания?

– Извините за беспокойство...

Сотрудник госбезопасности ретировался. Как потом выяснилось, почётного приглашения в комендатуру удостоился ещё один народный депутат СССР – Гдлян. Рассказывая об аналогичной ситуации при входе в Кремлёвский Дворец съездов, Тельман Хоренович с усмешкой заметил, что посоветовал бдительному охраннику проверить также Лигачёва, Сухарева и своего шефа Крючкова, дескать, они-то в последнее время слишком нервничают и ведут себя неадекватно... Других же случаев проверки оружия у депутатов нам так и не удалось установить.

В зале бросилось в глаза, что у многих депутатов были в руках ксерокопии очерка Чайковской «Миф», напечатанного днём раньше в «Литературной газете», и свежие номера «Советской России» со статьёй на целую полосу под заголовком «Таковы факты. (Свидетельства следственных работни-

ков, не пожелавших мириться с противоправными действиями и методами Т. Х. Гдляна и Н. В. Иванова)». В первый же перерыв ксерокопии этих двух публикаций вновь усердно раздавали по рядам.

Не было никаких сомнений в том, для чего всё это затеяно. В депутатских креслах сидело немало представителей мафиозного лобби, в том числе и подозреваемых в коррупции лиц из Узбекистана и Москвы, их пособников и покровителей. Наше присутствие здесь как бы переносило противостояние с мафией на территорию Кремля, и мириться с таким положением крёстные отцы не собирались.

Всё шло к тому, чтобы выдворить нас из зала уже в первый день работы съезда. Решение на сей счёт должна была принять Мандатная комиссия. Общественное мнение уже обрабатывали в этом направлении: в последние дни требования лишить нас мандатов публиковались открыто, прозвучали они и на прошедшем перед съездом собрании представителей. Не хватало лишь малого – решения Прокуратуры СССР. И оно появилось 25 мая. Чуть ли не минута в минуту с торжественным открытием Съезда союзная прокуратура возбудила в отношении следственной группы уголовное дело № 18/67812-89 и сообщила об этом Мандатной комиссии, которая была избрана на Съезде утром и сразу же приступила к своей работе.

Так судьба наших депутатских мандатов стала предметом продолжительного обсуждения на заседании Мандатной ко-

миссии. Но вышла осечка. И вовсе не потому, что лишение депутатского статуса без всяческих на то оснований противоречило действующему законодательству. Для коррумпированной власти это было плёвым делом. Маневрировать на ходу пришлось по другим причинам. В частности, предстояло избрание Горбачёва Председателем Верховного Совета СССР, а уже с первых часов на Съезде начались осложнения по этому поводу. Наплевав на Конституцию, предусматривающую, что до избрания главы парламента Съезд ведёт Председатель Центральной избирательной комиссии, Генсек воссел в председательское кресло. Избрание самого себя главой государства опытный режиссёр взял в собственные руки. Однако он заметно нервничал, и лишний скандал был ему ни к чему. А тут ещё, вот досада, в Мандатной комиссии не обнаружилось привычного единомыслия. На неё свалилась гора жалоб по поводу того, что многие депутаты из коммунистической номенклатуры грубо нарушили Закон о выборах, что итоги голосования были кое-где подтасованы, в то время, как в наш адрес таких претензий не было. В случае неподтверждения только наших полномочий пришлось бы принимать и другие аналогичные решения. Запахло скандалом. К тому же депутация Эстонии заявила об отсутствии претензий к Гдяну, который несколько лет назад вёл дело Хинта, спешно реабилитированного марионеточным Верховным судом СССР вопреки собственным прежним решениям. Но расчёты подогреть националистические настрое-

ния, и тем самым повлиять на позицию эстонских депутатов, не оправдались. Наконец, нельзя было совсем не считаться с мощной поддержкой, которую оказывали нам избиратели Москвы, Ленинграда и других городов. Особенно беспокоила мафию ситуация в столице. В Зеленограде стихийно создавались группы защиты следователей. Был сформирован стачком. И это – на оборонных предприятиях военно-промышленного комплекса! 20 мая на многотысячном митинге в Зеленограде в нашу поддержку выступил Ельцин. 24 мая на предприятиях города прошла политическая забастовка в защиту опальных следователей. Она была первой акцией подобного рода в Подмосковье, и стало очевидно, что забастовочная волна в любой момент могла перекинуться в другие районы столицы. 21 мая на митинге в Лужниках, собравшем сотни тысяч москвичей и приезжих, единогласно прошло предложение о выдвижении Ельцина Председателем Верховного Совета СССР, а Гдляна – Генеральным прокурором страны. И хотя это вызывало только ответное озлобление верхов, те уже не могли полностью игнорировать подобные настроения в обществе.

На вечернем заседании 25 мая Съезд принял предложение Мандатной комиссии подтвердить полномочия всех без исключения 2 249 избранных депутатов. Так мы двое приобретали своеобразный статус депутатов-подследственных.

И начали кремлёвские вожди трудиться в поте лица. Большинство всего в 6 голосов удалось протащить Сухарева

на пост Генерального прокурора. Пришлось попотеть и с его первым заместителем Васильевым, кандидатуру которого трижды отвергали комитеты и комиссии Верховного Совета.

Поскольку лишить нас депутатского статуса не удалось, стратегам со Старой площади пришлось на ходу корректировать свои планы. Прежде всего, следовало заткнуть рот общественности, сбить накал возмущения, для чего требовался громоотвод. Им могла бы стать новая, третья по счёту, марионеточная комиссия. Она должна была отвлечь внимание, чтобы обеспечить свободу действий Сухареву и Крючкову по завершению разгрома «кремлёвского дела» и сбору компромата по «делу следователей».

На сей раз мафия на Старой площади не просчиталась. Дело в том, что идея создания очередной комиссии была популярной среди общественности, депутатов демократической ориентации. Всё в результате той же весенней эйфории, связанной с выборами. Как же, ведь такой прогрессивный съезд, конечно, он изберёт в комиссию самых достойных, компетентных, которые сумеют во всём разобраться. А такие требования всё громче звучали по всей стране. Нужно было время, чтобы народ воочию убедился в том, что представляет собой союзный депутатский корпус. Мы понимали, что партийная верхушка не допустит независимого состава комиссии, не даст ей реальных полномочий, не позволит установить истину, что результаты деятельности комиссии зара-

нее предрешены.

Как и следовало ожидать, при формировании комиссии нас лишили возможности сказать даже слово, заявлять кому-то отвод. Впрочем, как всё это происходило, видели миллионы людей, не отходивших в то время от своих телевизоров. Нам хочется вспомнить только один эпизод. В состав комиссии предложили включить юриста Леонида Кудрина. Этот судья отказался выполнять указания местных партийных функционеров по осуждению инакомыслящих и вышел из КПСС. За что был изгнан со службы и работал грузчиком. Его кандидатуру активно поддержал академик Сахаров: «Я считаю, что Кудрин является человеком, которого можно было бы рекомендовать для того, чтобы возглавить эту комиссию, в силу его биографии, в силу того, что он является одновременно и юристом, и представителем рабочего класса нашей страны. Это очень редкое сочетание, и оно имеет огромное психологическое значение...» Что тут началось! «Как же так, разве депутат без партбилета может быть объективным?», – негодовали выступающие, и предложенную кандидатуру успешно провалили. Вместо юриста Кудрина в составе комиссии оказался будущий член Президентского Совета Вениамин Ярин, получивший в народе прозвище «спецрабочий». А как же иначе – ведь его горячо отстаивал не какой-то там Сахаров, а сам Лукьянов: «...Здесь так активно выступал депутат Ярин, он болеет душой за это дело, давайте включим его в комиссию...». О том, что Анатолий

Иванович не ошибся в своём выборе, общественность убедилась сполна. Что же касается Кудрина, то пламенный коммунист-диссидент Рой Медведев согласился допустить его до работы в комиссию при условии, если тот восстановится в рядах КПСС. Что и говорить, председатель третьей комиссии был очень принципиальным партийцем.

Итак, была избрана группа из 16 депутатов, названная комиссией Съезда народных депутатов СССР «Для проверки материалов, связанных с деятельностью следственной группы Прокуратуры Союза ССР, возглавляемой Т. Х. Гдляном». Статуса следственной комиссии, как, впрочем, и вообще никакого статуса, у этой группы не было. Горбачёв и Лукьянов умело гасили любые попытки официально зафиксировать стоящие перед комиссией задачи. Чем она должна была заниматься, решал только председатель.

Из-за ширмы появляется независимый прокурор

В июне 1989 года нас пригласили на одно из заседаний комиссии, которые уже проходили еженедельно в полупустующем особняке на улице Куйбышева в трёх минутах ходьбы от Кремля. В кабинете Роя Медведева было тесно и душно. У стены размещалась различная звукозаписывающая аппаратура, среди которой выделялся огромный стационарный магнитофон. Возле него суетился молодой человек, который, как полагали многие члены комиссии, служил в КГБ. Председатель сообщил, что по нашему ходатайству он затребовал все материалы, послужившие основанием для заключения предыдущей комиссии. И ответ из Кремля был такой: комиссия Президиума Верховного Совета СССР материалов уголовного Дела о коррупции не изучала, ограничившись теми данными, которые представили Прокуратура и КГБ. Поэтому никаких документов у комиссии не имеется, а всё, что она наработала, опубликовано в газетах 20 мая 1989 года.

Подобная информация от души развеселила даже тех, кто был настроен к нам предвзято. Такую позицию уже заняли избранный от «красной сотни» член ЦК КПСС Владимир Адылов из Узбекистана, доцент юрфака МГУ Константин Лубенченко, юристы Юрий Голик, Николай Струков. Были и такие, кто ещё надеялся честно и объективно во всём разо-

браться – Эгидиус Бичкаускас, Игорь Сорокин, Николай Игнатович, Владимир Семёнов...

Словом, вовсе не все депутаты горели желанием оказаться в роли бессловесных статистов. На первом этапе именно они оказались в большинстве, проявляли инициативу, требовали активной работы. Так что Рою Медведеву приходилось туго. Опросили, к примеру, начальника следственной части Прокуратуры СССР Каракозова и надзирающего прокурора Попову – и услышали лишь подробный анализ того, какое противодействие оказывалось расследованию уголовного дела N 18/58115-83, и как оно разваливается сегодня по отработанной за десятилетия схеме, узнали немало примеров того, как «хоронили» аналогичные дела в прошлом. После таких бесед встречаться с другими причастными к расследованию лицами у Роя Медведева пропало всякое желание. Тем более, что к нему шли десятки заявлений следователей группы, в которых они сообщали о разгроме «кремлёвского дела» и политической подоплёке происходящего. А надо заметить, что к тому времени были отстранены от работы более 70 самых опытных и квалифицированных следователей из нашей группы.

Тогда схватились за дело Чурбанова, и даже заслушали бывшего заместителя председателя Военной коллегии Верховного суда СССР Марова. Тот бойко обвинял следователей в нарушениях законности, якобы установленных в судебном процессе, но так и не сумел внятно объяснить, по-

чему же в таком случае суд не вынес частного определения в адрес следствия по этим самым нарушениям. К тому же выяснилось, что несколько месяцев назад другая комиссия авторитетных юристов внимательно изучила дело и пришла к выводу, что нарушения закона допущены самим Верховным судом, и Генеральному прокурору необходимо внести протест на необоснованный приговор. Тут у Роя Медведева и вовсе опустились руки, и про дело Чурбанова забыли.

Взялись было за жалобы на произвол следствия, поступившие от обвиняемых и их взятодателей, родственников и хранителей ценностей. Оказалось, что даже поверхностный анализ этих как под копирку составленных посланий показывал, что все они хлынули из Узбекистана лишь после создания комиссии ЦК КПСС во главе с Пуго. Никакого доверия эта инспирированная акция, естественно, не вызвала. Наоборот, выводы напрашивались прямо противоположные.

Заслушивали на заседании комиссии Генерального прокурора Сухарева и его первого заместителя Васильева и, как ни бились, не могли получить от них вразумительного ответа на один очень важный вопрос: почему не был составлен акт приёма-передачи дела от Гдляна вновь назначенному руководителю следственной группы Галкину.

Тут надо напомнить, что в начале мая 1989 года материалы дела были захвачены у нас насильно. А ведь этих документов было более тысячи томов, у нас в подотчёте находилось множество вещественных доказательств, крупные

ценности, исчисляемые десятками миллионов рублей. Любой табунщик знает, что если не пересчитал стадо, не составил документ, подписанный прежним пастухом, то за любую недостачу будет отвечать он и только он. Неужели понятные пастуху прописные истины были недоступны Сухареву и его подчинённым? Отнюдь. Они всё прекрасно понимали. Но им очень не хотелось, чтобы такая опись материалов составлялась. Её отсутствие развязывало руки Сухареву и компании. И своего они добились: одни документы уничтожались, другие прятались по сейфам, некоторые частично использовались. В такой ситуации очень легко объявлялись недоказанными сотни эпизодов, прежде не вызывающие сомнений, исчезали изобличительные показания на московских мздоимцев, а пресловутое «дело следователей» можно было шить играючи.

Поскольку Генпрок игнорировал наши требования, мы неоднократно в письменном виде информировали об этом комиссию, настаивая на составлении описи всех материалов дела. Некоторые депутаты просто недоумевали, почему так упорствует Сухарев, что мешает ему пойти на этот шаг – хоть и через два месяца? А если завтра обнаружится пропажа ценностей или каких-либо документов, кто будет отвечать? Но Генеральный прокурор был твёрд, как скала. Впрочем, очень скоро даже самые наивные в комиссии поняли, где зарыта собака.

Наиболее ярко высветилась Сухаревская позиция после

изучения прекращённого дела Смирнова. Полтора месяца Струков и Александрин штудировали следственные документы. Смирнова «отмазывали» столь поспешно, дело ломали столь примитивно и грубо, настолько всё было шито белыми нитками, что не могло не вызывать чувства возмущения даже у тех членов комиссии, которые не испытывали к нам никакого расположения. Вывод комиссия сделала категоричный: дело Смирнова прекращено незаконно, необоснованно и должно быть возобновлено его дальнейшее расследование.

Наша позиция, которую мы упорно отстаивали в комиссии, была такова. Кремлёвская верхушка признала политической ошибкой прежнюю кампанию против региональных мафиозных кланов и свернула борьбу с коррупцией во властных структурах. Все крупные расследования в стране локализованы либо свёрнуты. Расследуемое нами уголовное дело осталось единственным исключением, и его давно постигла бы та же судьба, что и других, если бы не широкая общественная поддержка снизу. А поскольку угроза разоблачений для высшей элиты становится всё более реальной, на непокорную следственную группу бросили всю мощь репрессивного аппарата: Прокуратуру, Верховный суд, КГБ, МВД, организовали шельмование в средствах массовой информации. Посмотрите, убеждали мы членов комиссии, как всё это происходило поэтапно. Сначала нас отстранили от руководства группой, передав дело послушно-

му Галкину без оформления акта приёма-передачи материалов. Все подследственные прошли обработку в КГБ, где им помогли «вспомнить», что они никогда никаких взяток не брали и не давали, после чего было заявлено: никаких подозрений по части коррумпированности высшего эшелона партийно-государственной власти не было и нет. А чтобы не оставалось сомнений, 22 мая реабилитировали Смирнова – на тот момент единственного работника ЦК КПСС, которого нам удалось привлечь к уголовной ответственности. Далее разогнали костяк следственной группы и освободили из под стражи Осетрова, Орлова, Умарова, Раджабова, Джаббарова и других обвиняемых из числа Делегатов XIX партконференции, или лиц, когда-либо работавших в ЦК КПСС. И, наконец, доказывается, что никакой мафии в Узбекистане не было и нет. С этой целью дело раздробили на части, в результате чего целостная мафиозная паутина предстала в виде «отдельных негативных явлений». Продолжается реабилитация некоторых партийных боссов, остальным объёмы обвинения искусственно сокращаются в десятки раз.

Если прежде весь этот правовой беспредел творился под прикрытием комиссии ЦК и Президиума Верховного Совета СССР, то разгром дела сегодня завершается уже за ширмой съездовской комиссии. Неужели вы не видите, вопрошали мы членов комиссии, что происходит за вашей спиной? Что на месте дела о коррупции в высших эшелонах власти, как после пожара, остаются одни головёшки? С другой сто-

роны, неужели не очевидна незаконность «дела следователей»? Разве требуется юридическое образование для понимания того, что один из участников обоюдной драки не может вести следствие в отношении другого? Допустим, что деятельность следственной группы была «преступной». В таком случае не являются ли Генеральный прокурор и его команда соучастниками преступления – ведь с их санкции и под их руководством расследовалось дело, интерпретируемое ныне как сплошное «нарушение законности»?

Отмахнуться от множества подобных вопросов было уже невозможно, недовольство стали проявлять даже привыкшие стоять навтыжку члены комиссии.

Скандал разыгрался после того, как на заседании комиссии в конце июля 1989 года заслушали первого заместителя Генерального прокурора Васильева. После того, как с ним попрощались, давно назревавшее недовольство выплеснулось наружу. «Он не ответил ни на один вопрос, прокуратура просто издевается над нами», – возмутился один. «Прокуратура делает из комиссии пособников своих неправомερных действий», – горячился другой. «Мы все становимся преступниками, раз не пресекаем этот произвол. А потом недоумеваем, почему идут забастовки, негодует общественность на митингах», – кипятился третий. Напрасно Рой Медведев пытался утихомирить разгневанных депутатов, зачитывая подготовленный им проект сообщения в газету «Известия» о том, что комиссия что-то уже сделала, что-то ещё со-

бирается предпринять. Но председателя уже не хотели слушать. Комиссия решила незамедлительно поставить перед Верховным Советом три вопроса: об отстранении Сухарева от надзора за делом; о необходимости прекращения либо приостановления «дела следователей»; о возобновлении следствия по делу Смирнова. С сообщением поручили выступить Бичкаускасу.

Это сообщение, конечно, уже более сухое и несколько сглаженное, прозвучало на заседании сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1989 года. Напомним фрагменты его выступления по стенограмме.

«...25 мая с.г. в первый день работы Съезда народных депутатов СССР, когда нетрудно было предвидеть возможность создания специальной комиссии Съезда, Прокуратура Союза ССР возбудила уголовное дело по жалобам о нарушениях законности, якобы допущенных при расследовании уголовных дел в Узбекской ССР. Фактически это замаскированное уголовное дело в отношении отстранённых отдела следователей Гдляна и Иванова. Комиссия считает, что производство расследования по данному уголовному делу во время и параллельно с работой комиссии является, по меньшей мере, некорректным по отношению к Съезду, который уполномочил комиссию, кроме прочего, проверить и возможные нарушения законности следственной группой. Более того, специфика уголовных дел о взяточничестве даёт

основание полагать, что этим расследованием в какой-то мере наносится ущерб и основному уголовному делу № 18/58115-83 о коррупции, взяточничестве и злоупотреблениях служебным положением ряда ответственных должностных лиц. Комиссия считает нужным предложить Прокуратуре Союза ССР приостановить следствие по уголовному делу о нарушении законности, или же вообще отменить постановление о возбуждении уголовного дела, и передать все собранные материалы в распоряжение комиссии для принятия окончательного решения.

...Кроме прочего, членами комиссии, следственными и судебными работниками было изучено уголовное дело в № 18/58115-83 в части, касающейся бывшего заведующего сектором Отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС Смирнова, который 11 января 1989 года был арестован по обвинению в получении взяток в особо крупных размерах неоднократно. 22 мая 1989 года, то есть накануне Съезда народных депутатов СССР, уголовное дело в отношении Смирнова было прекращено, и он освобождён из-под стражи. Комиссия, обсудив заключение, считает, что уголовное дело прекращено преждевременно, поспешно и без достаточных для этого оснований. (Аплодисменты). Основная часть эпизодов в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства практически не исследована. Комиссия обращает на это внимание как Верховного Совета СССР, так и для принятия

соответствующих мер Прокуратурой Союза ССР.

...Генеральный прокурор СССР товарищ Сухарев, которому, возможно, и необоснованно выдвигается обвинение в нарушении законности со стороны Гдьяна и Иванова, который уже выразил своё мнение в заключении комиссии Президиума Верховного Совета СССР, объективно не может считаться лицом, полностью незаинтересованным. По этим же причинам пока наверняка нельзя считать полностью незаинтересованными следователей товарищей Гдьяна и Иванова, которые настаивают на восстановлении их в руководстве делом... Постановлением Верховного Совета СССР следует назначить по данному уголовному делу специального прокурора из числа прокурорско-следственных работников, не состоящего в настоящее время на службе в Прокуратуре Союза ССР, которому поручить высший надзор за дальнейшим расследованием этого конкретного дела о коррупции. Указанный специальный прокурор в своей работе был бы подотчётен непосредственно Верховному Совету через комиссию Съезда народных депутатов СССР и ответственен лишь перед ним. Думается, что такое решение должно бы прекратить разные и, возможно, необъективные кривотолки о развале дела, причастности к этому Прокуратуры Союза ССР, успокоить тревоги трудящихся относительно дальнейшей судьбы дела. (Аплодисменты)».

Горбачёв, который председательствовал на заседании,

оказался в щекотливом положении. Комиссия поставила три вопроса, которые, в соответствии с регламентом, он был обязан сформулировать и поставить на голосование. Даже хотя бы в виде рекомендации обратить внимание прокуратуры на вывод комиссии. Однако покровителям мафии явно не улыбалось прекращение или даже приостановление сфабрикованного «дела следователей». Обижать взяточника Смирнова – верного товарища по ленинской партии, которому он вскоре предоставит слово на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС, Михаилу Сергеевичу также очень не хотелось. Как и отстранять Сухарева, беспрекословно выполнявшего все требования кремлёвской верхушки.

Впрочем, Горбачёв не был бы Горбачёвым, признанным мастером политических трюков, если бы не выкрутился и на сей раз. Порассуждав о том, что оснований для недоверия Генеральному прокурору нет, поскольку его утвердил Съезд, заболтав суть вопросов, высказанных на сессии комиссией, он в результате поставил на голосование лишь одно предложение: о назначении независимого прокурора по надзору за делом о коррупции. Такое решение сессия и приняла. Напоследок Михаил Сергеевич распорядился не транслировать по телевидению и не публиковать в печати ни сам ход обсуждения предложений, ни принятое решение. Милостиво разрешил предать огласке только невнятное выступление Роя Медведева о том, что комиссия, мол, работает, что-то уже изучила, и процесс пошёл.

Однако выполнение даже этого решения Верховного Совета не входило в планы поборников социалистической законности. Отстранение Сухарева и появление нового надзирающего прокурора могло затруднить дальнейшее уничтожение уголовного дела N18/58115-83, а точнее, тех обломков, которые от него остались. Вовсе не случайно Горбачёв заботливо скрыл от общественности обсуждение вопроса в парламенте. Его ближайший сподвижник Лукьянов виртуозно завершил хитроумную комбинацию. Из числа отставных военных прокуроров нашли проверенного товарища – Э. Мартинсона. Решением Президиума Верховного Совета СССР он был назначен «независимым наблюдающим прокурором», и в конце сентября 1989 года прибыл в распоряжение комиссии.

Для непосвящённых в тонкости юриспруденции читателей поясним трюк выдающихся советских юристов Горбачёва и Лукьянова. Дело в том, что «надзирающий прокурор» наделён властными полномочиями, притом, немалыми: осуществляя надзор за следствием, он определяет ход расследования; даёт письменные указания следователю, обязательные к исполнению; санкционирует отдельные следственные действия – аресты граждан либо освобождение арестованных из-под стражи, обыски и т.п.; утверждает обвинительные заключения; разрешает жалобы. В отличие от него – «наблюдающий прокурор» есть камуфляж, и не более. Законодательством даже не предусмотрено такой фигуры в уголов-

ном процессе. У него нет никаких рычагов влияния на расследуемое дело. С таким же успехом «наблюдающим прокурором» может объявить себя любой прохожий на улице: он ведь тоже со стороны наблюдает, как торгуют мороженым, или идёт дождь. Только вот реально воздействовать на происходящее не может. Поэтому рассчитанное на простаков слово «независимый» применительно к «наблюдающему прокурору» Мартинсону можно было бы истолковать как угодно, но в любом случае оно означало независимость от решения Верховного Совета СССР, принятого 1 августа 1989 года.

Выпустив таким образом пар, кремлёвские фокусники поспешили отправить комиссию на парламентские каникулы, дескать, отдохнут и поостынут.

Рой Александрович, который любил приврать «правду»

В конце августа 1989 года «Аргументы и факты» опубликовали интервью с членом комиссии Сорокиным, которого на период отпуска остальных депутатов уполномочили обеспечивать выполнение прежних решений, организацию работы экспертов, истребование документов. Вот что он сообщил читателям: «Действительно, трудности у нас существуют. И немалые. Дело в том, что некоторые должностные лица из Прокуратуры СССР пытаются осложнить работу нашей комиссии. Нам до сих пор безосновательно отказывают в предоставлении ряда интересующих нас материалов; в частности уголовных дел (или даже их копий) в отношении бывшего Председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР А. Салимова, бывшего первого секретаря Самаркандского обкома партии Узбекистана, делегата XIX партконференции Н. Раджабова, и других лиц. Дело дошло до того, что начальник следственной части Прокуратуры СССР А. Сбоев стал диктовать нам свои условия, навязывать собственное мнение в отношении следственной группы Т. Гд-ляна. По этому поводу я был вынужден сделать письменное заявление на имя первого заместителя Генерального прокурора СССР А. Васильева.

Однако и после этого заместитель Сбоева В. Галкин без-

мотивно отказывает в выдаче требуемых документов, хотя с заместителем Генерального прокурора В. Кравцевым эти вопросы были согласованы.

Прошло уже более трёх недель после того, как на сессии Верховного Совета наша комиссия высказала своё мнение о том, что целесообразно прекратить уголовное дело, ведущееся в стенах Прокуратуры СССР в отношении следственной группы Т. Гдляна, с передачей всех материалов в распоряжение комиссии; что уголовное дело бывшего заведующего сектором Отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС, бывшего второго секретаря ЦК Компартии Молдавии В. Смирнова было прекращено Прокуратурой СССР без достаточных на то оснований и должно быть возобновлено; что надзор за делом о коррупции в Узбекистане и Москве, которым занималась группа Т. Гдляна, должен осуществлять независимый юрист под контролем Съезда народных депутатов СССР.

Однако Прокуратура СССР никак на это не отреагировала. Не дали результата и наши неоднократные повторные обращения. Ни по одному нашему запросу решение не принято, а расследование дела по группе Т. Х. Гдляна продолжается. Видимо, руководство Прокуратуры СССР до сих пор всерьёз не воспринимает мнение комиссии, до сих пор не признаёт высшей власти Съезда народных депутатов в стране».

В примечании газета сообщила, что редакция обратилась к заместителю Генерального прокурора СССР Кравцеву с

просьбой объяснить причины, по которым должностные лица из Прокуратуры СССР препятствуют нормальной работе комиссии Съезда, однако тот отказался комментировать этот факт, сославшись на конфиденциальность информации и на то, что «в этом должна разобраться сама комиссия».

То, что старательно скрывалось от общественности Горбачёвым с Лукьяновым, выплеснулось со страниц самого читаемого издания. Позднее, помимо Сорокина, в средствах массовой информации выступили и другие члены комиссии. Они рассказывали об усилении конфронтации с руководством Прокуратуры СССР, о противодействии нормальной работе комиссии, приводили конкретные факты.

Генеральный прокурор в панике забежал по кабинетам на Старой площади, в Кремле, на Лубянке – к Горбачёву, Лукьянову, Крючкову... Все дружно кивали головами, подзуживали. 20 сентября 1989 года на Пленуме ЦК КПСС, где отмывали от ржавчины коррупции Лигачёва и Смирнова, Сухарев с пафосом врал товарищам по партии: «...В связи с многочисленными сигналами о нарушении законности в следственной группе, возглавляемой Гдляном, возбуждено и расследуется уголовное дело... Должно быть всем ясно, что глубоко разобраться в тонкостях одного следствия и допущенных нарушениях возможно лишь следственным путём при строгом соблюдении процессуальных норм. Уже установлены вопиющие факты произвола... В этой связи вызывают недоумение советы, даже требования к руководству

прокуратуры приостановить или вовсе прекратить ведущееся расследование нарушений, допущенных в следственной группе Гдяна. Мы не видим ни фактических оснований, ни указаний закона, которые позволили бы пойти на этот непонятный шаг. Напротив, люди требуют скорейшего установления истины и справедливости, обнародования всех материалов и решений, которые будут приняты органами правосудия...» О том, что подобные требования исходят от комиссии Съезда народных депутатов СССР, коммунист Сухарев застенчиво умолчал. Пусть люди думают, что этого добиваются некие деструктивные силы, которые, как любил говорить Михаил Сергеевич, всё время чего-нибудь подбрасывали.

Прокуратура между тем упорствовала, на своём стояла и комиссия. Тогда на её заседаниях всё чаще стали появляться Евгений Примаков, Рафик Нишанов и другие руководители Верховного Совета. Бдел и Лукьянов. Где строгостью, где лаской, посулами опытный аппаратчик стал постепенно менять обстановку в комиссии. Начали делать карьеру Голлик, Ярин, Струков, Лубенченко. Их включали в делегации, выезжающие за границу, обеспечивали всякими привилегиями.

Не оставлял комиссию без внимания и сам Михаил Сергеевич. Одна из таких встреч состоялась 10 октября 1989 года. Депутаты напомнили Горбачёву, что не возобновлено дело Смирнова, не прекращено и даже не приостановлено «дело

следователей», что ЦК КПСС и Прокуратура СССР не выдают документов для работы, высказали недовольство тем, что дело Лигачёва рассматривалось не в комиссии, а на Пленуме ЦК. Что же поведал им в ответ Михаил Сергеевич? Развесив уши, депутаты слушали пространные рассуждения о том, что будет оказана помощь и поддержка, что надо работать дружно и консолидироваться, тщательно во всём разобраться, находить общий язык.

А вот по поводу митингов, выступлений прессы и Ленинградского телевидения, которые нагнетают страсти и опять, ну что ты будешь делать, – «подбрасывают», Горбачёв высказывался более конкретно, аккуратно и ненавязчиво направляя депутатов на путь истины. Вот небольшой отрывок из стенограммы этой встречи:

«Горбачёв (обращаясь к Сорокину): Это вы давали информацию в «Аргументы и факты»?

Сорокин: Да, пришлось дать. Вот уже полтора месяца материалов нет, и до сих пор не дают.

Горбачёв: А зачем вы торопитесь тоже. Не надо суетиться. Вы сохраняйте объективность, а то вы нас втянете в очередную ошибку. Нам очень важно это дело. Если я слышу, что опять, понимаете, на межрегиональной группе кто-то выступает и говорит, что в Политбюро сидит мафия, и раздаются аплодисменты, то я задаю себе вопрос: на 90 процентов сидят коммунисты и аплодируют! Это что, вообще, за сборище, как можно бросаться такими вещами. Что

это такое? Это же не ответственные люди, так сказать, это же разгул какой-то. Надо солидно, спокойно, основательно надо делать.

Адылов: Разрешите, Михаил Сергеевич. Я думаю, что сегодня, сейчас мы уходим от главного вопроса. На сегодняшний день он главный.

Горбачёв: Какого?

Адылов: Вот уже на двух заседаниях комиссии стоит вопрос о том, что наш председатель не соответствует тем требованиям, которым должен соответствовать. На двух заседаниях этот вопрос возникал, сейчас почему-то его не поднимают. Я думаю, нам надо определиться.

Горбачёв: Я думаю, что если вы затеете эту возню сейчас вокруг председателя, то комиссия, возникнет такое подозрение, что она втянулась в какие-то распри, что она раскололась, это вызовет просто недоразумение...»

Но как ни защищали Горбачёв и Лукьянов своего ставленника, а вопрос о председателе комиссии надо было решать. Личность Роя Медведева вообще была одиозной. В 1983 году Александр Солженицын дал ему такую оценку: «Рой Медведев в более точном смысле слова не относится к инакомыслящим в СССР, ему ничто не угрожает лично, потому что он, в общем, наилучшим образом защищает режим – более умно и гибко, чем это сможет сделать официальная печать». Авторханов, Буковский и другие советские диссиденты были более категоричны, утверждая, что он является профес-

сиональным провокатором, работает на КГБ, который и создал ему имидж «мученика». Оставим эти утверждения за авторами, отметив лишь очевидное: после избрания народным депутатом СССР взгляды и поступки Роя Медведева уже никогда не расходились по принципиальным вопросам с позицией высшей партийной элиты. Вспомним откровенно подхалимское выступление на I Съезде народных депутатов СССР, когда, поддерживая безальтернативные выборы Горбачёва и Лукьянова, он поведал о трогательной их сорокалетней дружбе, своеобразно, кстати, завершившейся в августе 1991 года. В этом же ряду – яростные нападки на Межрегиональную депутатскую группу, на Ельцина, Афанасьева и других лидеров демократического движения. Вполне логичным стало избрание Роя Медведева членом ЦК КПСС на XXVIII съезде и появление в лидерах Российской коммунистической рабочей партии после августовского путча и запрета КПСС.

Привыкший находиться в центре внимания, Рой Медведев направо и налево раздавал интервью. И не было бы в том ничего зазорного, если бы при этом он не привирал. А будучи уличённым, спешил перевалить всю вину на журналистов. Яростно опровергал, например, своё собственное интервью, опубликованное в «Аргументах и фактах» в дни работы I Съезда народных депутатов. Не все журналисты, однако, молча сносили подобные выходки. После того, как в августе 1989 г. итальянская «Унита» опубликовала «сенса-

ционное» заявление Медведева о том, что Гдлян пытал подследственных, Рой Александрович гневно обрушился на автора статьи Джульетта Киеза. Тот публично подтвердил, что верно изложил высказывания Медведева, и если тот имеет к нему претензии, пусть обратится в суд. Само собой, обращаться Рой Александрович не стал. Смешно было бы вруну в суд побежать...

Откровенная тенденциозность, а иногда и просто ложь председателя во многом способствовали тому, что комиссия, вопреки медведевской позиции, приняла решение проводить дальнейшие слушания публично, и лишь в крайней надобности объявлять заседания закрытыми. С конца сентября 1989 года на заседания комиссии повалили журналисты, что ещё более подмочило репутацию «объективного» председателя. Несмотря на свирепую партийную цензуру, журналисты умудрялись-таки информировать общественность не только о работе комиссии, но и о сложившейся там обстановке. Приведём небольшой отрывок из репортажа Андрея Петрова «Расследование или тайные игры?», опубликованного в «Смене» 14 октября 1989 года.

«— Проходите, товарищи, для вас – самые почётные места,— сказал Рой Медведев четырнадцати узбекам.

Через два часа я узнаю, наконец, что «за почётные гости» пожаловали на заседание депутатской комиссии для проверки материалов, связанных с деятельностью следственной группы Прокуратуры Союза ССР,

возглавляемой Т. Гдяном и Н. Ивановым. Они – подследственные, обвиняются в даче ложных показаний по делу о взяточничестве.

Насколько любезен сопредседатель комиссии с молчаливыми южными мужчинами, настолько он агрессивен в отношении киногруппы из Свердловска. «Эта кооперативная киностудия не должна здесь присутствовать», – тоном, не терпящим возражений, указывает Рой Александрович. «Протестуем, мы не кооператоры, и у нас есть официальное письмо от директора Свердловской киностудии. К тому же мы уже три раза снимали ваши заседания». «Я бы не возражал, если бы оригинал какой отснятой плёнки вы отдавали нам». «Поймите, мы делаем фильм не о комиссии, а о создании правового государства. Вы же хотите ввести такую жёсткую цензуру, какой нет в Южной Корее...» «Здесь не митинг, я попрошу вас ...»

Господи, что происходит? Того и гляди, всем журналистам прикажут выйти вон. А ведь сами только-только разрешили допуск прессы на свои заседания. Почему так нервничает бывший «диссидент», борец за свободное слово Рой Медведев? Почему тратит драгоценное время комиссии на выяснение отношений, которое всё равно закончится голосованием в пользу журналистов? Качают головами корреспонденты испанской «Эль Паис», американской «Крисчен сайенс монитор», английской «Морнинг стар», бельгийской «Драпо руж», спорят друг с другом депутаты. Только при-

глашённые аксакалы сидят не шелохнувшись...

Не понять Медведева. В прошлую среду после заседания он сообщает мне, что комиссия признала правильность выводов следствия КГБ по делу бывшего второго секретаря ЦК Компартии Молдавии, ныне кандидата в члены ЦК КПСС В. И. Смирнова. Оказывается, это, мягко говоря, не соответствует действительности – на заседании вскрылись большие недостатки в работе следователей КГБ под руководством полковника Духанина. Значит, прав один из трёх сопредседателей комиссии, старший следователь прокуратуры Курской области Н. А. Струков, сказавший в интервью «Московским новостям»: «Рой Медведев иногда выдаёт желаемое за действительное, при этом говорит от имени комиссии, несмотря на то, что мы решили давать информацию от комиссии только с её разрешения»?...»

В октябре 1989 года должность председателя решили упразднить, а тремя сопредседателями комиссии стали Медведев, Ярин и Струков. Они должны были по очереди вести заседания и коллегиально решать все вопросы по руководству комиссией. Однако благодаря высоким покровителям Рой Медведев по-прежнему играл первую скрипку. Любопытно, что в эпизоде, который приводился выше, вёл заседание Струков, а хозяйничал-то Медведев.

Не то чтобы «диссидент» Медведев не жаловал гласность, просто она мешала ему доказывать недоказуемое. Таких примеров полно в протоколах заседаний комиссии.

Так, 26 сентября и 4 октября 1989 года комиссия заслушивала полковника Духанина и его коллег из КГБ. Свидетельства в нарушениях законности нашей группой противоречили фактам, изложенным в заключении по делу Смирнова. Поэтому депутатов больше интересовали другие вопросы: почему подследственные вывозились в КГБ, и как Духанину удалось за 20 дней изменить позицию всех без исключения обвиняемых? Почему, вопреки решению коллегии Прокуратуры СССР от 19 мая 1989 года, дело Смирнова через три дня было им незаконно прекращено? Почему не были исследованы все эпизоды противоправной деятельности Смирнова? Ничего вразумительного на эти вопросы Духанин ответить не мог, хотя и проговорился, что пяти обвиняемым, доставленным в Лефортово, делали уколы, оспаривая, правда, при этом, что применялись психотропные средства. Газеты, конечно же, оповестили своих читателей об этих духанинских признаниях.

Тщательно изучалось комиссией и дело Хинта. И снова на октябрьских слушаниях сделан был однозначный вывод: никаких нарушений в ходе расследования Гдляном допущено не было.

Информация о работе комиссии, которая стала попадать в средства массовой информации, вызывала много недоумённых вопросов у читателей.

Прошло уже три месяца с тех пор, как 1 августа 1989 года комиссия выступила со своими предложениями на пер-

вой сессии Верховного Совета СССР. Но ничего ровным счётом не изменилось. Поэтому 2 ноября 1989 года на второй сессии союзного парламента было оглашено новое заявление комиссии: о помехах в работе, противодействии со стороны Прокуратуры и других властных структур, о закреплении статуса комиссии. Однако председательствующий на заседании Лукьянов всё свёл к тому, чтобы «принять информацию к сведению», и не более того. А Рой Медведев в своём пространном выступлении сообщил о таком факте:

«На последнем закрытом заседании комиссии был заслушан доклад наблюдающего прокурора Мартинсона о заведённом Прокуратурой СССР уголовном деле по фактам злоупотреблений и нарушений социалистической законности, допущенных следователями группы Гдляна в Узбекистане. Комиссия не нашла возможным в настоящее время просить о приостановке этого дела или его прекращении на время работы комиссии...».

И снова соврал писатель и историк Медведев. Ибо на ближайшем закрытом заседании большинством голосов комиссия вновь подтвердила своё прежнее решение о необходимости приостановления или прекращения «дела следователей», а в решении записали, что Рой Медведев дезинформировал Верховный Совет СССР по данному вопросу.

Экспертам указывают на дверь

Усилия кремлёвских покровителей мафии не пропали втуне. Обстановка в комиссии к концу 1989 г. уже существенно изменилась. Вокруг Роя Медведева сплотились единомышленники Адылов, Голик, Лубенченко, Сулейменов, Ярин, Струков, Александрин. В отличие от них независимую позицию пытались отстаивать Сорокин, Бичкаускас, Семёнов, Похла, Игнатович. Противоречия между этими двумя группами депутатов становились всё заметнее, но чаша весов склонялась к председателю и его сторонникам.

С того момента, например, как слушания стали открытыми, постоянно начали возникать дискуссии: разрешать или нет Гдляну и Иванову задавать вопросы приглашённым на заседания. И если поначалу нам такую возможность предоставляли, то потом часто отказывали. Очень не хотелось выслушивать председателю такие вопросы, как на заседании 15 ноября, когда заслушивали председателя КПК Пуго. Он долго рассказывал о моряке с крейсера «Аврора», который стал жертвой сталинских репрессий в 30-е годы, об издевательствах над людьми в Узбекистане, приводя примеры по конкретным уголовным делам, к которым мы не имели ни малейшего отношения. После изнурительных дебатов Гдляну разрешили задать Пуго несколько вопросов, которые так не понравились Борису Карловичу, что он отказался на них от-

вечать. Тут же Рой Медведев заявил, что здесь не очная ставка, под руку проводил товарища Пуго из зала.

А вот как проходили слушания в комиссии 22 ноября 1989 года. Представитель Прокуратуры Галкин уверял комиссию, что дело о коррупции находится в надёжных руках, расследуется объективно и компетентно, рассказывал о многочисленных «нарушениях законности», которые допускали его предшественники: Гдлян с Ивановым. После первых уточняющих вопросов членов комиссии Галкин признался, что более чем за полгода работы в качестве нового руководителя группы сам он выезжал в Узбекистан только один раз на 8 дней, и ни одного нового криминального эпизода группой под его руководством выявлено не было. Ярин, председательствующий на заседании, не разрешил Гдляну задать вопросы Галкину, быстренько предоставив слово начальнику следственной части Прокуратуры СССР Сбоеву. Своё странное выступление он закончил так:

«...Что я хочу сказать в заключение? Следственная бригада, которую возглавлял Гдлян, на первых порах делала нужное, полезное дело. Однако в дальнейшем они сошли с законного пути, ударились в личные амбиции, личные цели. С использованием вот этого шума на различных митингах были избраны и получили мандаты. Используя теперь силу этих мандатов, припеваючи живут и портят всем жизнь. И являются, по существу, подстрекателями различных массовых волнений...»

Заседание шло четвёртый час, рабочий день заканчивался. На вопросы Гдляну выделили всего 15 минут. А потом, решили депутаты, мы проведём отдельное заседание, на котором Гдлян или Иванов будут иметь возможность задать все другие вопросы Галкину и Сбоеву, ни одну из сторон, дескать, комиссия не ограничивает.

Стоит ли говорить, что никакого другого раза не было. Более 80 вопросов, которые мы подготовили в письменном виде Галкину и Сбоеву, так и остались в наших личных архивах. Рою Медведеву и его команде вовсе не улыбалось, чтобы в присутствии журналистов повторилась ситуация с Духаниным.

О стремлении комиссии «не ограничивать» ни одну из сторон красноречиво говорит и такая ситуация. По нашему ходатайству в июле 1989 года было принято решение вызвать десять изгнанных из группы следователей, осуществлявших расследование в отношении Усманходжаева, Салимова, Осетрова, Абдуллаевой, Айтмуратова и других взяточников. Это были наиболее опытные и компетентные юристы, которые сами работали с обвиняемыми, прекрасно владели материалами дела и доказательствами виновности как этих подследственных, так и московских их покровителей. Группа должна была проверить наличие документов в деле Усманходжаева, Осетрова и других лиц, составить их опись, а также справку о доказательствах виновности подследственных до начала разгрома дела, выявить изменения, которые

претерпели эти доказательства, когда дело стало разваливаться. В августе 1989 года Светлана Московцева, Александр Ревеко, Нина Рейтер, Зинаида Старкова, Юрий Лучинский, Людмила Панова, Людмила Пантелеева и другие следователи собрались в Москве и поступили в распоряжение комиссии. По указанию Сухарева Сбоев и Галкин даже не допустили вызванных комиссией юристов в помещение следственной части, не выделили им места для работы, сейфы. О материалах же уголовного дела, которые те должны были изучать, нечего было и говорить. Следователям грозили увольнением и привлечением к уголовной ответственности, их пытались вызвать на допросы по поводу якобы допущенных ими «нарушений законности», не выплачивали командировочные, выселяли из гостиниц. Почти два месяца мыкались они по столице, пока Рой Медведев не распустил всех по домам. Своей же комиссии Рой Медведев объяснил: дескать, сейчас прокуратура не может представить все необходимые материалы, а позднее, когда мы все документы получим, то и вызовем этих следователей вновь, нечего им сейчас болтаться без работы. И снова Рой Медведев врал, потому что никто и не собирался вызывать группу ещё раз в Москву.

Депутаты, уполномоченные съездом, смирились с этим неприкрытым произволом. Так же, впрочем, как и с тем, что прокурорские чины не представляли материалов, которые истребовались для изучения самими членами комиссии, особенно тех документов, что касались московских корруп-

ционеров. Сколько гневных статей исписали к тому времени журналисты, писатели, учёные по поводу Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР! Сколько людей поднималось на борьбу с этим монстром – рассадником коррупции, хищений, всевозможных махинаций. Ущерб от деятельности его руководителей исчислялся десятками миллиардов рублей. Стоимость разворованного, растраниженного при воплощении разных бредовых «проектов века» не поддавалась учёту. Не сходила с уст и фамилия бывшего первого секретаря Белгородского обкома партии Николая Васильева, с 1979 года бессменно возглавлявшего Минводхоз. Часто посещавший Узбекистан и как министр, и как депутат Верховного Совета СССР от этой республики, Васильев тоже попал в поле зрения следствия. Целый ряд арестованных руководителей рассказали о вручении Николаю Фёдоровичу крупных взяток за решение хозяйственных дел. Вопрос о его привлечении к уголовной ответственности был согласован уже во всех инстанциях. Но с разгромом дела все доказательства канули в архивы. Чтобы все материалы этого расследования не постигла участь дела Смирнова, вызвавшая возмущение членов комиссии, прокуратура представляла ей лишь часть документов и только те, которые считала нужным. Фактически депутатская комиссия получила щелчок по носу, ей просто навязывали линию поведения, удобную верхам. «Независимая» съездовская комиссия снесла и это унижение.

Ничего не предприняла комиссия Роя Медведева и по

поводу невыполнения своих же решений о необходимости приостановления либо прекращения «дела следователей» и о возобновлении расследованием незаконно прекращённого дела Смирнова.

Подтверждением того, что комиссия стала послушно выполнять роль ширмы, за которой кремлёвская верхушка продолжала творить несправедные дела, является ситуация с экспертами. Летом 1989 года было решено привлечь для работы в комиссии десятки профессиональных юристов и психологов. Последние должны были ответить на вопрос: оказывалось ли давление на обвиняемых и свидетелей для получения нужных следствию показаний. Но стоило только Рою Медведеву и его единомышленникам убедиться, что покровители со Старой площади вовсе не заинтересованы в углублённом изучении дела о коррупции и всех связанных с ним событий, как число экспертов было сведено к минимуму.

Несколько месяцев экспертом комиссии была Зинаида Опарина. Она всю жизнь проработала в судебных органах, последние годы до выхода на пенсию была членом Московского городского суда. Комиссия поручила ей изучить материалы уголовных дел в отношении Худайбердиева, Усманходжаева и других высокопоставленных взяточников из уголовного дела № 18/58115-83 и подготовить заключение о том, какие нарушения законности и кем были допущены.

29 ноября 1989 года на открытом заседании комиссия заслушала Опарину. Она сообщила, что в течение двух меся-

цев изучала документы предварительного следствия в отношении Худайбердиева в 15 томах, надзорное производство по делу в 5 томах и материалы судебного разбирательства в Верховном суде СССР. Эксперт Опарина отметила, что бывший Председатель Совета Министров Узбекистана более двух лет выражал полное доверие к следствию, подчёркивал искренность своего раскаяния, изобличительные показания давал добровольно, без какого-либо принуждения. И лишь когда из средств массовой информации Худайбердиеву стало известно об отстранении Гдляна и Иванова от расследования дела и предъявлении к ним серьёзных претензий со стороны высшего руководства, он изменил свои признательные показания. Первая жалоба от него на действия следствия поступила только 16 июня 1989 года. Никаких нарушений законности со стороны Гдляна, Иванова и руководимой ими следственной группы эксперт не усмотрела. Наоборот, выразила своё отношение к неправомерным действиям КГБ и прокуратуры после нашего отстранения от следствия. Прочитую стенограмму заседания: «...Я должна вам рассказать, официально доложить, как решались вопросы после того, как Худайбердиева, Усманходжаева и всех других вывозили на допросы в КГБ в Лефортово. Там допрашивал Духанин в присутствии Титова. И вот там наступило изменение показаний. Это было 4, 5 и 6 мая 1989 года. Все показания менялись. Причём было выполнение статьи 201 УПК—окончание расследования. И вот вместо того, чтобы продол-

жить ознакомление Худайбердиева с адвокатом с материалами дела, в это время начали допрашивать и выяснять вопросы: почему вы раньше давали такие показания. Причём очень неправомерные вопросы задавались со стороны Духанина в присутствии Титова. Духанин задавал, Титов молчал. «Почему вы давали ложные показания?» Разве может следователь задавать такой вопрос. «Ну, а если вы давали ложные показания, то давайте теперь по-другому говорить...», – и он начинает говорить...»

Опарина отметила, что аналогичную картину, когда в КГБ склоняли обвиняемых к изменению показаний, она усмотрела и в других делах, в частности, Усманходжаева, к изучению которого приступила. Эксперт сообщила, что доложит комиссии результаты своего анализа. Как бы не так! С заключением по делу Усманходжаева ей уже выступать не пришлось: от услуг честного и принципиального эксперта комиссия отказалась.

Другому эксперту, Михаилу Харитонову, было дано поручение дать заключение по жалобам, поступившим на действия следователей. Составленное им заключение также не порадовало покровителей мафии. Харитонов пришёл к выводу, что хлынувший весной 1989 года поток жалоб инспирирован партийной верхушкой, а сами жалобы взяточполучателей и взяточдателей, их родственников, хранителей ценностей и иных, связанных с ними лиц, заинтересованных в исходе дела, доверия не внушают, указанные в них факты

нарушений закона необоснованны. В отличие от Опариной, Харитоновой не стали даже заслушивать на заседании комиссии, указав на дверь.

Кто ограбил Прокуратуру СССР?

Добившись перелома в работе комиссии, по существу превратив независимых экспертов в ничто, кукловоду Лукьянову уже было недостаточно использовать её лишь как прикрытие произвола. Теперь ему нужно было руками Роя Медведева и его соратников, при поддержке Прокуратуры и КГБ, покончить с делом о коррупции, окончательно и бесповоротно скомпрометировав в общественном мнении следственную группу. Казалось бы, всё к тому и шло, но возникло совершенно новое обстоятельство, которое не учёл хитроумный Анатолий Иванович. Речь идёт о материалах и документах уголовного дела № 18/58115-83, которые удалось сохранить руководителям следственной группы, и о которых в своё время было немало шума.

Надо признаться, что весной 1989 года мы даже не допускали, что материалы тысячетомного уголовного дела будут отняты у нас насильно без составления их описи и итогового акта приёма-передачи. Это была серьёзная оплошность, о которой потом не раз пришлось пожалеть. Когда же стало ясно, что кремлёвская мафия открыто пытается разгромить дело о коррупции и нас могут от него отстранить, мы и приняли свои меры предосторожности. Были сняты ксерокопии с протоколов допросов, очных ставок, собственноручных заявлений подследственных и свидетелей, справок в ЦК

КП Узбекистана, ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР и других подлинных документов, свидетельствующих о коррупции, в которой погрязло руководство страны. Переписали также несколько десятков видеокассет, запечатлевших различные следственные действия. Конечно, это была лишь небольшая часть огромного материала, накопившегося за 6 лет работы. Но его было достаточно для того, чтобы контролировать сохранность материалов дела. Ведь в случае нашего отстранения от работы, как мы наивно полагали, составят подробную опись всех документов, и утаить что-то из них будет весьма затруднительно, имея на руках этот акт приёма-передачи.

Мы ошиблись в одном: как выяснилось, никто не соби­рался составлять опись всех материалов уголовного дела № 18/58115-83, которой, кстати, нет и по сей день. Но просчитались и Сухарев со своими покровителями, которые были абсолютно убеждены в том, что дело целиком у нас отобра­но, и документами его можно будет распорядиться так, как им вздумается.

Мало только надёжно укрыть копии документов, нужно было предусмотреть такие меры, чтобы они стали фактором, сдерживающим наступление мафии и обеспечивающим личную безопасность. Относительно того, что могут быть пред­приняты попытки устранить нас физически, мы не питали никаких иллюзий. С 1988 года регулярно прослушивались наши служебные и домашние телефоны, велась наружная

слежка, КГБ завербовал некоторых следователей из группы. С весны 1989 года машины наблюдения КГБ следовали за нами по пятам почти открыто. Так что «случайности» могли произойти всякие. Но в любом случае, уже без нашего участия, документы автоматически оказались бы в распоряжении демократической общественности у нас в стране и в зарубежных средствах массовой информации. На митингах, в периферийной печати, в самиздатовских газетах, через зарубежные радиостанции мы сообщили, что важнейшие документы уголовного дела остались в нашем распоряжении. А чтобы у Сухарева не осталось на сей счёт сомнений, кипу ксерокопий положили ему на стол.

На пятом этаже дома № 15 по Пушкинской улице, где располагалось руководство Прокуратуры СССР, воцарилось уныние. Сухареву доложили: по данным ксерокопировального сектора только в апреле 1989 года с материалов уголовного дела № 18/58115-83 были отсняты тысячи копий. С каких документов, трудно сказать. Учёт был обезличен: в секторе указывался лишь номер уголовного дела и количество откопированных листов. Что осталось в сейфах прокуратуры, что у Гдляна с Ивановым, – проверить было невозможно. Кроме того, они сделали копии видеозаписей. Каких – тоже неизвестно.

Объяснение с Александром Яковлевичем проходило в таком вот духе:

– У вас действительно имеются следственные документы,

я имею в виду помимо тех, что вы положили на стол?

– Конечно.

– Но это же преступление! Это же грабёж, просто воровство какое-то...

– Грабёж и воровство, Александр Яковлевич, совершены Генеральным прокурором СССР и его соратниками. Может быть, вы покажете опись документов и акт их приёма-передачи?

– Я требую, чтобы вы немедленно сдали нам все имеющиеся документы.

– С удовольствием. Но при одном условии.

– Каком ещё условии?

– Вы хорошо знаете. Мы уже неоднократно и письменно и устно настаивали на полной описи всех материалов уголовного дела. Вот составим акт – и передавайте дело кому угодно.

– Что вы всё твердите об этом акте. И комиссию вот настаиваете. У нас всё в полной сохранности. Вы что, не доверяете своим коллегам?

– Разумеется, и у нас для этого есть все основания.

– Я вам должен разъяснить, что умышленное сокрытие следственных материалов является уголовно наказуемым преступлением. И если вы их добровольно не сдадите, то будете привлечены к уголовной ответственности.

– Если бы имелся акт приёма-передачи дела, то сокрытие нами любых следственных документов носило бы противо-

правный характер. А пока такой акт отсутствует, никакого криминала нет. И вы это как юрист отлично знаете.

– Я дам команду провести у вас обыски.

– Пожалуйста. Только уведомите об этом Верховный Совет и съездовскую комиссию. Вы прекрасно знаете, что у них на рассмотрении находится наше письменное ходатайство по поводу восстановления законности и составления акта приёма-передачи дела.

– Мы проведём обыски у всех ваших родственников.

– И ничего не обнаружите. Это ваши, Александр Яковлевич, подопечные взяточники хранили свои миллионы у родственников...

Разумеется, никаких обысков не было. Только на заседании комиссии Сбоев посетовал, что Гдлян и Иванов портят всем жизнь.

Испортилось настроение не только у Сбоева. Когда 12 мая 1989 года фамилия Лигачёва была публично названа в числе лиц, фигурирующих в уголовном деле о коррупции, Егор Кузьмич очень обиделся. Он назвал это провокацией, но обратился с жалобой не в суд, а прямо в ЦК КПСС с поручением коммунисту Сухареву, своему подчинённому. Не имея мы копии показаний Усманходжаева, Сухарев, не моргнув глазом, соврал бы, что никто из подследственных никогда не упоминал фамилию Лигачёва, и был бы Егор Кузьмич жертвой провокации зловердных следователей, а Гдлян с Ивановым – клеветниками. А так кремлёвским стратегам при-

шлось заниматься «делом Лигачёва» аж на Пленуме ЦК, где и реабилитировали верного ленинца на посмешище всей стране. Недаром проделывать ту же операцию с Соломенцевым уже не стали. Партийного судью «отмыли» по-тихому, без сообщений в прессе и дискуссий на пленумах.

Тот факт, что мы располагали копиями важнейших документов уголовного дела о коррупции, лишил покоя и съездовскую комиссию. Вслед за Медведевым, Лубенченко, Адыловым потребовали выдать все копии следственных документов Ярин, Струков, Сулейменов, Голик, Александрин. Рой Александрович даже начал выпрашивать хотя бы список всех документов. В другой раз предложил поехать всем составом комиссии вместе с нами в любое место, где хранятся документы, и просто взглянуть на них.

В хоре голосов, поющих анафему нашей разогнанной следственной группе, прорезались новые нотки: нету никакой кремлёвской мафии, иначе Гдлян с Ивановым давно бы уже выложили карты на стол. И вообще, никаких документов у них нет. Эта мелодия зазвучала и на II съезде народных депутатов СССР.

«Исходя из презумпции невиновности...»

Эту замечательную фразу произнёс вечером 13 декабря 1989 года с трибуны II Съезда народных Депутатов Ярин, оглашая отчёт о работе комиссии. Весь пафос народного витии сводился к двум тезисам: во-первых, в высших эшелонах власти никакой коррупции не обнаружено, и, во-вторых, группой Гдляна-Иванова допускались массовые нарушения законности, но Генеральный прокурор тут ни при чём, а виноваты заместители, которые недоглядели. И ещё Ярин поведал: «...Одной из главных задач работы комиссии является проверка обоснованности обвинений в причастности к коррупции лиц из высшего партийного и государственного руководства, которые выдвинули Гдлян и Иванов в своих выступлениях на митингах и в средствах массовой информации. Однако как Гдлян, так и Иванов не представили ни Прокуратуре Союза ССР, ни общественности, ни комиссии каких-либо доказательств обвинения.

Комиссии поначалу оба они пояснили, что доказательства имеются в уголовном деле. Однако изучение материалов дела членами комиссии¹⁸, независимым прокурором Мартин-

---

¹⁸ Из материалов дела № 18/58115-83 члены комиссии ознакомились лишь с частью документов в отношении Смирнова и Худайбердиева

соном и группой следователей¹⁹, ранее входивших в следственную группу, возглавляемую Гдляном, и вызванных в Москву по его предложению, даёт основание для вывода, что в деле нет достаточных доказательств виновности лиц, которых Гдлян и Иванов в своих выступлениях неизменно называют «московскими» или «кремлёвскими» взяточниками. Имеются лишь эпизодические и противоречивые показания некоторых обвиняемых, в частности, Усманходжаева, от которых они впоследствии отказались.

Позднее Гдлян и Иванов стали публично утверждать, что якобы у них в каких-то тайниках имеются документы, изобличающие называемых ими лиц. На неоднократные предложения комиссии представить эти документы при гарантии их сохранности и, если потребуется, обнародования, Гдлян и Иванов отвечают отказом. В связи с этим комиссия не может определённо высказаться о наличии каких-либо материалов следствия, находящихся за рамками уголовного дела, или их отсутствии...»

Бог с ней, с презумпцией. Режиссёры спектакля вытворяли штуки и похлеще. Время обсуждения было назначено на 20 часов, когда депутаты уже устали и спешили завершить не в меру затянувшееся заседание. После Ярина Лукьянов предоставил слово Мартинсону, вопреки регламенту не поставив вопрос на голосование, поскольку тот не яв-

---

¹⁹ Материалы дела бывшим следователям группы Прокуратура СССР не предоставляла.

лялся народным депутатом СССР. «Независимый наблюдающий прокурор» сообщил съезду: «Я ознакомился с материалами, касающимися нарушений соцзаконности, допущенных при расследовании уголовных дел этой группой. Депутаты от Узбекистана говорили, что у них есть на этот счёт очень много сведений. Хочу сказать, что в этом деле, имеющем свыше 50 томов, действительно очень много данных о том, что имели место нарушения социалистической законности...»

«Независимый прокурор» не успел сойти с трибуны, как Лукьянов преподнёс ещё один сюрприз съезду: «У меня 26 депутатов просят только об одном: чтобы сейчас на трибуну поднялся следователь товарищ Духанин, который расследовал это дело... Давайте послушаем следователя».

Надо думать, что Духанин, не являясь, как и Мартинсон, депутатом, просто проходил случайно мимо Кремля и решил заглянуть на минутку во Дворец съездов. Ну, а раз так получилось, почему бы не поделиться с парламентариями своим мнением о злодеях-следователях, которые компрометировали КПСС, фабриковали дела на партийных лидеров.

В тот вечер Анатолий Иванович очень походил на напёрсточника с привокзальной площади. Дело в том, что несколько членов комиссии поставили свои подписи под отчётом лишь при условии, что при составлении окончательного текста будет отражена их особая позиция. Медведев и Ярин, клятвенно заверив коллег, что все замечания будут учтены,

их, естественно, обманули. Понятно, что обманутые возмутились на съезде. Депутаты Сорокин и Бичкаускас не отходили от микрофонов, настаивая на выступлении. Лукьянов, который, разумеется, был в курсе разногласий в комиссии, слова им не давал, хотя только что выпустил на трибуну двух не депутатов. Более того, Анатолий Иванович не поставил на голосование требование членов депутатской комиссии и убеждал съезд, что время позднее, не сидеть же до ночи. Тем более, что один из членов комиссии уже был на трибуне, хватит, мол. А когда съезд поддержал его, Лукьянов тут же дал слово члену комиссии Адылову из Узбекистана. Что ни говори, а был Анатолий Иванович большим мастером трюков, и попадись ему какой-нибудь напёрсточник, последнему бы не поздоровилось. Слово на съезде получили и мы. Воспрепятствовать этому не смог бы даже виртуоз Лукьянов: наших выступлений требовало «агрессивно-послушное большинство». Пришлось напомнить съезду о политической подоплёке разгрома «кремлёвского дела», о незаконном освобождении от ответственности московских коррупционеров и преследовании тех, кто осмелился посягнуть на интересы мафии. Мы говорили о том, что рано или поздно придёт наше время, когда наконец-то будет дана оценка Гришиным и Романовым, Кунаевым и алиевым, когда «начнут привлекать к ответственности своих хонеккеров, чаушеску и живковых». Затронули и пресловутую проблему документов, отметив, что депутатской комиссии ничто не мешает по-

лучить все материалы дела, все подлинники у Генерального прокурора. Мы же свои копии предоставлять не намерены до тех пор, пока в соответствии с законом не будет составлена опись материалов и подписан акт о приёме-передаче дела.

Обсуждение завершилось принятием невнятного решения: «Сообщение Комиссии Съезда народных депутатов СССР ... принять к сведению. Поручить комиссии продолжить свою работу и доложить окончательные выводы по данному вопросу на ближайшей сессии Верховного Совета СССР».

Ожидавшие сенсаций были разочарованы. Нас упрекали даже сторонники – почему не выложили козыри на съездовскую трибуну? Допустим, мы огласили бы один-два документа, а с учётом лимита времени на большее рассчитывать не приходилось. А что дальше? Вскоре во всех средствах массовой информации появилось бы сообщение, что «факты не подтвердились», и в результате очередного витка конфронтации на нас бы обрушились новые репрессии. Все признаки были налицо. Уже с января 1990 года началась массовая реабилитация обвиняемых по делу, которое мы вели. Верховный суд СССР вчистую реабилитировал главного идеолога узбекской компартии Абдуллаеву. Прекращены были дела в отношении Осетрова, Раджабова и других взяточников. Всем им принесены были публичные извинения, начали возвращать преступно нажитые капиталы, привилегии, а кому и должности. Заблудшие мздоимцы и казнокрады вновь воз-

вращались в лоно родной коммунистической партии. Перестала прибегать хоть к какому-то камуфляжу и комиссия Роя Медведева. По завершению II Съезда она была распущена почти на полтора месяца, дабы отдохнуть от трудов праведных. Каникулы, однако, выпали не всем. Лукьянов посоветовал Медведеву воспользоваться затишьем и в тайне от других членов комиссии отправить небольшую группу верных товарищей в Узбекистан для сбора нового компромата на Гдляна и Иванова. В середине января 1990 года Ярин, Струков, Александрин и Адылов уже были в Ташкенте.

С нескрываемым удовлетворением встречала местная мафия московских гостей. Приём, очевидно, был настолько радужным, что, не дожидаясь возвращения в Москву и отчёта перед всем составом комиссии, четверо лукьяновских эмиссаров изложили свои выводы прямо в Ташкенте. 30 января 1990 года газета ЦК Компартии Узбекистана «Сельская правда» опубликовала их сентенции на двух полосах под заголовком «Народ должен знать правду». На сей раз ни Ярин, ни его коллеги ничего не говорили ни о «презуменции», ни о «презумции». Кроме прочих благоглупостей они настойчиво проводили мысль о том, что группа Гдляна не с преступниками боролась, а издевалась над простым узбекским народом. Иными словами, проблема коррумпированной коммунистической власти переводилась в плоскость разжигания националистических настроений. Вот эти высказывания, которые иначе как подстрекательскими назвать трудно:

«Ярин: ... Члены комиссии не забыли оскорбительных эпитетов, навешанных группой Гдляна на весь народ Узбекистана, мол, здесь все воры, взяточники и расхитители. Не забыли мы и такие выражения, как «Узбекистан – это следственный испытательный полигон», «восточный фронт следственной группы». Не забыли мы и прочие циничные мерзости... Тельман Хоренович, считающий себя интеллигентным человеком, на всю страну, на весь мир горланит о порочности узбеков... Народ ждёт правду. И прежде всего народ Узбекистана, ошельмованный и опозоренный абсолютно незаслуженно... Мы скажем, сколько миллионов действительно были украдены преступниками и затем изъяты у них, а сколько следственная группа нагло, под стволами автоматов заставила собрать по кишлакам якобы в погашение похищенного у государства. Эти деньги трудового народа оформлялись как изъятые у лихоимцев и казнокрадов...

Александрин: ...Разве заслужил такой народ оскорблений, глумлений из-за сотни, пусть тысячи высокопоставленных лихоимцев и казнокрадов?! А Гдлян обрушил на трудовые семьи репрессии...

Адылов: ...Террор, геноцид – этими понятиями характеризуется деятельность следствия... Породив «узбекское дело», Гдлян замахнулся на весь народ республики...

Струков:... работая в комиссии, я поразился

масштабу и объёму злоупотреблений, беспринципности следователей группы Гдляна. От осознания этого, действительно, волосы встают дыбом. Открытость, гостеприимство, вера в людей, в их порядочность, терпимость, уважение к старшим и к законам – эти и многие другие прекрасные черты узбекского народа они использовали в корыстных целях, превращая Узбекистан в лабораторию по испытанию методов незаконного ведения следствия...»

А вот от этих признаний Ярина читатель должен был бы просто зарыдать: «И всё-таки какие удивительные у вас люди! Со слезами на глазах повествуют нам о своих мучениях, но не просят вернуть им незаконно изъятые деньги, а требуют восстановить в рядах КПСС, возвратит партбилеты». Подвёл итог плодотворной беседе главный редактор Мухтаров: «Кто дал право, кто позволил оскорблять, унижать, позорить народ, который ни в чём и ни перед кем не провинился? Никто! Такое право сами себе предоставили творцы произвола, поимённо названные членами комиссии. И держать ответ за совершённые преступления им придётся!»

В Узбекистане такая публикация появилась в самый раз. Уже была ферганская резня, уже поднимался мутный вал национализма, вновь возводя Рашидова на пьедестал национального героя. Местная мафия, разыгрывая гдляновскую карту, учуяла благоприятную возможность уже без оглядки на Центр, безраздельно властвовать и обирать свой запуганный, измученный и трудолюбивый народ. Печально, что га-

зета «Известия» вольно или невольно подыграла этим настроениям, перепечатав 8 февраля 1990 года «Правду должны знать все. Всю правду».

Узнали «всю правду» и в комиссии Роя Медведева, которая практически уже была неработоспособной. Проведя ещё несколько бесплодных заседаний, к марту 1990 года был наконец-то подготовлен окончательный отчёт комиссии, в котором признавались установленными факты совершения следственной группой тяжких преступлений и фактически одобрялось привлечение нас двоих к уголовной ответственности. Из 16 членов комиссии свои подписи под заключением-приговором поставили только 8 человек: Медведев, Ярин, Струков, Голик, Лубенченко, Александрин, Адылов, Сулейменов. Остальные – Сорокин, Бишер, Бичкаускас, Игнатович, Семёнов, Похла, Баранов и Святослав Фёдоров, который, надо заметить, присутствовал всего на одном заседании, участвовать в этой нечистоплотной акции отказались.

Как и следовало ожидать, травля следственной группы привела к прямо противоположному результату. 14 февраля провели политическую забастовку промышленные предприятия Зеленограда, прошли митинги в Москве, Ленинграде и некоторых других городах. Логика политического противостояния в стране вела к тому, что пресловутое «дело следователей» становилось одним из символов борьбы с тоталитарным режимом, его коррумпированной верхушкой.

В ПОИСКАХ ПОКРОВИТЕЛЕЙ

Рой Медведев в роли следопыта

Отсутствие объективной информации по поводу любого явления, выходящего за рамки обыденных стереотипов жизни, всегда восполняется слухами и пересудами, всяческими домыслами и взаимоисключающими выводами. Не стало исключением и уголовное дело № 18/58115-83 о коррупции в высших эшелонах власти, которое до сих пор будоражит общественное сознание, ставшее предметом рассмотрения самых высоких структур власти – партконференции, Политбюро, Пленумов ЦК КПСС, Съездов народных депутатов и Верховного Совета СССР, обсуждавшееся на сессиях городских Советов в Москве, Ленинграде и Зеленограде, ставшее темой собраний, митингов, демонстраций, забастовок, телерадиопередач, публикаций в прессе, оно способствовало консолидации демократических сил общества и заметному ослаблению тоталитарного режима, который извратил извечные общечеловеческие ценности и нравственные принципы.

Разговоры вокруг «кремлёвского дела» выявили серьёзную деформацию общественного сознания прежде всего в среде правящей касты, элитарной интеллигенции, чиновничества, управленцев. Именно здесь, как правило, отверга-

лись порядочность, бескорыстие, честность, принципиальность, гуманность, справедливость и другие естественные человеческие качества, не вытравленные ещё полностью в народе. В числе самых интригующих аспектов «кремлёвского дела» был поиск высоких покровителей, которые якобы стояли за спиной Гдляна, Иванова и их следственной группы. Разгадкой этого кроссворда занимались многие, а наиболее упорные не оставляют этого бесполезного занятия и поныне. Любопытно, что претенденты на роль покровителей всякий раз менялись вместе с политической конъюнктурой, но всегда чётко отражали идеологические пристрастия занимавшихся подобными поисками.

Подогревали интерес к проблеме покровителей и неуклюжие действия самой коррумпированной власти. В течение почти 5 лет следствие было покрыто густым туманом секретности. Вместе с тем регулярно появлялись скупые сообщения со съездов партии, Пленумов ЦК о том, что в Узбекистане развернулась беспрецедентная кампания борьбы с приписками, коррупцией, злоупотреблениями. После опубликования «Правдой» в январе 1988 года статьи «Кобры над золотом» хлынул поток информации о деятельности следственной группы, её проблемах, которая сразу же становилась сенсационной. И хотя в этой информации ещё не содержалось всей правды, отражалась часто лишь внешняя сторона проблемы, она в определённой степени удовлетворяла общественность. Как и объяснение, что расследование прово-

дится по инициативе и при полной поддержке ЦК КПСС. А стало быть, и самого Горбачёва.

Подлил масла в огонь и Лигачёв, который в своём выступлении на XIX партконференции дал ясно понять, что-де разоблачение негативных явлений в Узбекистане и его заслуга. Рассказывая, как ещё до перестройки он и Горбачёв начали эту работу, Егор Кузьмич поведал общественности, какому риску они подвергались: «Надеюсь, понятно, что в ту пору для тех, кто этими делами занимался, было очень опасное положение. Можно было в любой момент в лучшем случае оказаться послом в отдалённой стране». Значит, и Лигачёв покровительствует следствию, рассуждали многие, потому, дескать, у Гдляна и его группы так всё хорошо получается.

Скандал на XIX партконференции и последующие события, связанные с противодействием привлечению к уголовной ответственности изобличённых в коррупции делегатов, судебный фарс, разыгранный на чурбановском процессе в Верховном суде СССР, первая волна шельмования следственной группы в средствах массовой информации лишь убеждали наиболее любознательных в том, что вот-де Горбачёв с Лигачёвым поддерживают следственную группу, а другие политические деятели пытаются мешать её работе.

Но и эта версия продержалась недолго – до весны 1989 года, когда Политбюро единым фронтом и открыто приступило к разгрому дела. Была создана Комиссия ЦК во главе с Пуго, хлынул поток «разоблачительных» публикаций, а «де-

ло о мафии» перевоплотилось в «дело следователей». В мае 1989 года пошёл в открытую атаку на следственную группу и сам Лигачёв. А на его защиту грудью встал Михаил Сергеевич. Так что среди сторонников версии «покровительства» Горбачёва появилось изрядное количество скептиков.

Новый всплеск интереса к теме был связан с обнародованием 20 мая 1989 года заключения комиссии Президиума Верховного Совета СССР, в котором вся работа следственной группы была квалифицирована как преступная. Выводы из этого заключения можно было сделать просто ошеломляющие. Оказывается, в период работы следственной группы с 1983 по 1989 годы жалобы о произволе следователей поступали во все инстанции: в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР союзные КГБ, МВД, Минюст, Верховный суд. Однако никто, если верить заключению, не решался пресечь творимые беззакония! Вот те на, выходит, два следователя прокуратуры обладали в стране такой властью, перед которой оказались бессильны и Политбюро, и сам Горбачёв. Это сейчас нам кажется смешно и нелепо, но тогда всё подавалось на полном серьёзе.

Если следовать логике Лукьянова, Крючкова и других, сотворивших уникальный юридический опус, выходило, что по приказу двух ретивых следователей поднимались в воздух боевые вертолёты и выделялись военнослужащие, сотрудники КГБ и МВД для участия в большинстве акций следственной группы. Они же командовали судьями, которые послуш-

но выносили приговоры и отмечали при этом хорошее качество предварительного следствия. А Генеральный прокурор страны и его заместители лишь безропотно давали санкции, продлевали сроки арестов, информировали ЦК КПСС о законности и обоснованности ведения следствия, терпеливо сносили неповиновение и игнорирование собственных указаний. Короче говоря, послушно выполняли все приказания своих непосредственных подчинённых. Такие фантастические возможности у двух следователей могли быть лишь при одном условии: явном и безоговорочном покровительстве первых лиц в партии и государстве.

Сумятица в умах нормальных граждан только усиливалась. Поиск тайных покровителей с Олимпа власти продолжался. Во многом способствовал тому шквал критических, а зачастую откровенно тенденциозных публикаций. Например, 24 мая 1989 года в очерке «Миф» Ольга Чайковская заинтриговала читателей «Литературной газеты» тем, что Гдлян и Иванов монополизировали средства массовой информации, потому-де её критические статьи никто не печатал. А народными депутатами СССР оба стали, обманув глупых, неразумных избирателей, лишь в результате поддержки неких «мощных сил», которые обеспечили им избирательную кампанию. Ей вторили услужливые прокуроры и судьи, сотрудники КГБ и МВД, академики и политобозреватели, партработники и народные депутаты, осуждённые и их родственники. Прямо или намёками утверждалось о «чрезвы-

чайных полномочиях» следственной группы, покровительстве ей неких сил в Москве.

На этой волне появились новые вариации всё той же темы. Вроде статьи «Расплата за доверие», опубликованной 19 июня 1989 года в газете «Атмода». Рассуждая о причинах поддержки опальных следователей, в ней, в частности, делается следующий вывод: «...Любопытно, что нынешние кумиры появились на свет не из социальных низов и даже не из интеллектуальных или диссидентских кругов. Они плоть от плоти того партаппарата, потребители тех привилегий, против которых сами же яростно выступают. Не оттого ли именно им безымянные покровители предоставляют трибуну и типографскую технику. Создаётся впечатление, что процессом управляет невидимый дирижёр. Где же он таится? В кадрах ведомства, более всего причастного к появлению слухов? В теневом кабинете Горбачёва? Остаётся гадать и тревожиться оттого, что поневоле становишься участником спектакля, роли в котором давно уже распределены. С одной стороны – «отец перестройки» Горбачёв и его непослушные дети – рыцари и опричники Ельцин, Гдлян, Иванов и иже с ними. С другой – некие бюрократы, консерваторы во главе с отданным на заклятие Лигачёвым... Главное, беспокоит то, что выразителями идей, которые способны вдохновить массы в кризисной ситуации, стали партработники и полицейские. Что это? Игра случая или место для них заботливо расчистили? Этот-то вопрос и не даёт покоя...»

Не давал он покоя и другим. И проверить правильность своих оценок многие надеялись с помощью очередной комиссии – на сей раз Съезда народных депутатов СССР. Тем более, что её сопредседатели Рой Медведев, Вениамин Ярин и Николай Струков также активно поддерживали версию о «чрезвычайных полномочиях» Гдляна, Иванова и их группы, а значит, поиск покровителей тоже входил в предмет их исследования.

Не остались в стороне бывший шеф КГБ Чебриков и его преемник Крючков, поскольку в их ведомстве знали всё обо всех. Летом 1989 года полковник госбезопасности Духанин ошарашил общественность тем, что-де Гдлян и Иванов «выбивали» показания о взяточничестве в отношении многих членов Политбюро. Сначала он упомянул Александра Николаевича Яковлева. Через пару месяцев Бориса Николаевича Ельцина. О том, удалось ли коварным следователям получить показания на этих лиц, Духанин не сообщал. Прошло ещё несколько месяцев, прежде чем полковник КГБ, ставший, кстати, уже генерал-майором²⁰, заявил утвердительно: да, такие показания о взяточничестве в отношении Яковлева и Ельцина в уголовном деле имеются. Видимо, в недрах Лубянки эти фальшивки наконец-то изготовили. 6 февраля 1990 года в еженедельнике «Ветеран» Духанин разоблачал «происки» следователей в традиционном для нашей тай-

---

²⁰ Звание генерал-майора присвоено Духанину Указом Президента Российской Федерации в 1992 году.

ной полиции духе: «...В 1987 году на октябрьском Пленуме ЦК проявились расхождения Ельцина со многими членами ЦК Политбюро. Гдлян и Иванов предпринимают меры по получению показаний на Ельцина. После XIX Всесоюзной партконференции следственная группа начинает добиваться показания против члена Политбюро Лигачёва, оставляя без внимания Ельцина. Дальнейшие события привели к блокированию Гдляна, Иванова с Ельциным. Вот вам политическая окраска деятельности следственной группы...»

Духанинские откровения ещё больше запутывали ситуацию, затрудняли разгадку странного ребуса. Тем более, что мы двое – бывшие руководители следственной группы – опровергали наличие каких-либо показаний в отношении Яковлева и Ельцина, а официальные структуры власти, та же Прокуратура СССР, хранили гробовое молчание. Мафиозное же лобби в парламенте и сориентированная на партocrats пресса продолжали дискредитировать Яковлева и Ельцина в связи с уголовным делом о коррупции. Дальше – больше. Эстафету подхватили члены парламентской комиссии, дополнили «чёрный список» Горбачёвым. Вот хроника этой провокации:

17 февраля 1990 г. «Рабочая трибуна» публикует интервью с Роем Медведевым, где он утверждает, что в уголовном деле № 18/58115-83 имеются показания о взяточничестве Яковлева, Ельцина, Горбачёва.

22 февраля. На открытом заседании комиссии в присут-

ствии журналистов Медведев и Ярин уже конкретизируют: имеются четыре показания о получении взятки Горбачёвым и одно в отношении его супруги – Раисы Максимовны. Количество показаний в отношении Ельцина и Яковлева – о них также упомянули сопредседатели – не уточняется.

6 марта. По Ленинградскому телевидению выступил Иванов и опроверг измышления о наличии в уголовном деле № 18/58115-83 каких-либо данных о коррупции в отношении Яковлева, Ельцина, супругов Горбачёвых. Было заявлено, что цель провокации – скомпрометировать Яковлева и Ельцина. В отличие от Лигачёва Яковлев для многих реакционеров из партаппарата является нежелательной фигурой в Политбюро, а Ельцин, который в своё время помог существенно продвинуть расследование этого дела вперёд, один из лидеров оппозиции и ненавистная для партократии фигура. Значительная часть населения нам верит и осознаёт, что если в материалах уголовного дела имеются сведения о взяточничестве тех или иных должностных лиц, того же Лигачёва, то эта информация весьма серьёзна. На этом и строятся расчёты провокаторов, которые упорно привязывают к уголовному делу не причастных лиц, чтобы тем самым ослабить их как политических противников, посеять сомнения в их порядочности. Были выдвинуты две версии о причинах распространения информации о взяточничестве четы Горбачёвых. Либо это иезуитский ход, и Горбачёв сам причастен к распространению своим же близким окружением подобной

информации, либо это происки противников Генсека. В любом случае Верховный Совет СССР должен дать оценку всей этой кампании.

7 марта. По каналам Ленинградского телевидения передано записанное на ЦТ интервью с председателем Комитета Верховного Совета СССР по вопросам правопорядка и борьбы с преступностью и членом депутатской комиссии Юрием Голиком. Он опроверг Иванова и заявил, что следователи «выбивали» показания на всех без исключения членов Политбюро, в том числе и на Горбачёва, и он – Голик – обратит внимание, сам видел эти документы.

12 марта. 22 народных депутата СССР, среди которых С. Белозерцев, Н. Тутов, В. Зубков, А. Оболенский, Н. Куценко передали в Президиум третьего внеочередного Съезда народных депутатов официальный запрос по поводу утверждений Медведева, Ярина, Голика о взяточничестве Горбачёва. «Обращает на себя внимание, – говорилось в запросе, – что эта информация публично муссировалась двумя сопредседателями Медведевым и Яриным и членом комиссии Голиком именно в преддверии III внеочередного Съезда народных депутатов СССР, на котором надлежит рассмотреть кандидатуру Горбачёва на пост Президента СССР. Однако Председатель Верховного Совета СССР Горбачёв до настоящего времени не высказал своего отношения к этим фактам, порочащим его имя. Необходимо срочно прояснить этот вопрос, ибо при сложившихся обстоятельствах рассмотре-

ние кандидатуры Горбачёва может стать невозможным. Мы полагаем, что и сам он заинтересован срочно в тщательной проверке распространяемых Медведевым, Яриным и Голиком порочащих его имя сведений. Просим распространить это заявление как официальный документ Съезда и рассмотреть его безотлагательно».

Горбачёв, которому запрос был передан лично в руки, отмолчался и воспрепятствовал распространению этого документа среди депутатов, как того требовал Регламент.

21 марта. Через Лукьянова Горбачёву передан запрос Иванова с подробным анализом развернувшейся кампании: «...Совершенно очевидно, что данная провокация, начало которой положили выступления полковника КГБ Духанина, не имела бы успешного развития без одобрения Председателя КГБ СССР, члена Политбюро ЦК КПСС В. Крючкова и Генерального прокурора СССР А. Сухарева». Отмечалось, что поведение Горбачёва свидетельствует о его причастности, в силу каких-то причин, к этой возне, а мнение общественности по этому поводу разделилось: «...И по сей день определённая часть моих избирателей полагает, что Вы стали жертвой интриги и крайне заинтересованы в опровержении порочащих Вас сведений. Если это всё так, то имеется уникальная возможность в этом убедиться. Во-первых, в таком случае Вы – как Президент – безусловно не будете возражать, чтобы Т. Гдляну и мне была поручена проверка откуда-то появившихся в деле и явно сфабрикованных докумен-

тов в отношении А. Яковлева, Б. Ельцина и Вас с супругой, о наличии которых неустанно твердят спецслужбы и сопредседатели комиссии. Никто лучше нас не знает материалов уголовного дела, мы не поддаёмся давлению и достаточно быстро установим весь круг организаторов и исполнителей этой фальшивки. Во-вторых, Вы наверняка найдёте время принять меня лично либо тех депутатов (22 человека), которые к Вам письменно обратились. Либо, при желании, Вы могли бы провести с нами встречу с телетрансляцией в режиме прямого эфира. И наоборот. Умолчание, игнорирование поставленных вопросов либо иные действия, недостойные Президента, позволят моим избирателям и мне самому сделать определённые выводы из всей этой порочащей Вас акции...»

Никакой реакции со стороны Горбачёва не последовало и на это послание.

29 марта. По ленинградскому телевидению выступил Иванов и огласил переданный Горбачёву документ от 21 марта. Он сообщил, что подробная передача на эту тему состоится 5 апреля, и зрителям будут продемонстрированы соответствующие видеозаписи.

Из ЦК КПСС немедленно поступил запрет на передачу. Однако вновь избранные Ленинградский городской и областной Советы народных депутатов обязали подчинённый им Лентелерадиокомитет предоставить 5 апреля прямой эфир Иванову.

5 апреля. Вместо объявленной передачи зрителям был показан ковбойский боевик и несколько мультфильмов. Причина изменений в программе не объяснялась.

6 апреля. Во второй половине дня на сессии Ленсовета был заслушан председатель телерадиокомитета Б. Петров, который сообщил, что передача была отменена по указанию из Москвы, что он намерен и впредь выполнять поступающие оттуда команды. Горсовет принципиально отреагировал на невыполнение своего решения. Сессия освободила Петрова от занимаемой должности и своим постановлением обязала его заместителя выпустить в эфир запрещённую передачу.

Вечером на телестудию прибыла большая группа депутатов, чтобы проконтролировать исполнение принятого в пределах компетенции Совета решения. Около 23 часов началось выступление Иванова. Была продемонстрирована видеозапись заседания депутатской комиссии 22 февраля 1990 года, на котором Медведев и Ярин утверждали о наличии показаний о взятках на чету Горбачёвых, Ельцина и Яковлева. Было высказано недоумение странной позицией Президента, который не реагирует на распространение этих фальшивок людьми из своего близкого окружения.

7 апреля. Заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС А. Капто направил в Политбюро докладную записку «О выступлениях по Ленинградскому телевидению Н. Иванова». Видимо, исходя из того, что следователи опровергли

причастность Горбачёва и его супруги к коррупции, он посчитал это оскорблением Президента и его жены. А посему предложил следующее:

...«1. Государственному комитету СССР по телевидению и радиовещанию (т. Ненашеву М. Ф.) незамедлительно внести в Совет Министров СССР предложение о создании Ленинградской и Московской главных телерадиоредакций в рамках Гостелерадио СССР.

2. Поручить Ленинградскому обкому КПСС (т. Гидаспову Б. В.) привлечь к строгой партийной ответственности коммунистов, причастных к организации этих выступлений и захвату телестудии.

3. Рекомендовать Прокуратуре СССР (т. Сухареву А. Я.) возбудить дело об ответственности лиц, допустивших незаконные действия, захват телестудии.

4. Считать необходимым безотлагательно рассмотреть в Верховном Совете СССР (т. Лукьянову А. И.) выводы комиссии по делу депутатов Т. Гдляна и Н. Иванова и принять соответствующие решения.

Подготовить и принять законодательные акты об ответственности за оскорбление в прессе Президента и других официальных должностных лиц страны.

5. Просить комиссию по вопросам депутатской этики (председатель Денисов А.) рассмотреть ответственность народных депутатов СССР Н. Иванова и Т. Гдляна за допущенные во время телепередач оскорбления в адрес Президента СССР и членов Президентского совета.

Выразить отношение к действиям группы депутатов Ленгорсовета, захвативших телестудию и отстранивших председателя Ленинградского телерадиокомитета от исполнения своих обязанностей.

6. Государственному комитету СССР по телевидению и радиовещанию (т. Ненашеву М. Ф.) привлечь к ответственности руководящих работников Лентелерадиокомитета (т.т. Сенина, Куркову и др.) за организацию теперадиопередач, способствующих созданию в обществе атмосферы политической вседозволенности, охаивания и очернения всех, кто не согласен с их идеологическими позициями. Считаем необходимым направить в Лентелерадиокомитет для оказания конкретной помощи группу руководящих работников Гостелерадио СССР».

9 апреля. В пожарном порядке предложения идеологического отдела были рассмотрены на заседании Политбюро. «Архитекторов перестройки», кстати, нисколько не смущало то обстоятельство, что статья 6 Конституции СССР к этому времени уже была пересмотрена. Они-то понимали, что это лишь рассчитанный на простаков тактический ход. Фактически ничего не изменилось, они чувствовали себя хозяевами, и посему, как всегда единогласно, приняли следующее решение:

«Коммунистическая партия Советского Союза.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Совершенно секретно
№ П184/1V

Ленинградскому обкому КПСС;
т.т. Горбачёву, Рыжкову, Крючкову,
Медведеву, Лукьянову, Ненашеву,
Сухареву, Капто, Рубцову,
Шкабардне

**О выступлениях по Ленинградскому
телевидению Н.Иванова**

Согласиться с предложениями по этому вопросу, изложенными в прилагаемой записке Идеологического отдела ЦК КПСС от 7 апреля 1990 года, и доложить ЦК КПСС в 7-дневный срок».

(Из протокола № 184 заседания Политбюро ЦК КПСС от 9 апреля 1990 г.)

Незаконное, но обязательное для исполнения постановление Политбюро было реализовано. Общественности рассказали сказки о том, как группа «экстремистов» осуществила захват Ленинградского телевидения, против делегатов Ленсовета прокуратура незаконно возбудила уголовное дело. Был изменён статус Лентелерадиокомитета, его смещённого председателя вновь восстановили в прежней должности. Принят закон о защите чести и достоинства Президента и иные меры для того, чтобы более никто не осмеливался и не имел возможности публично заявлять, что Гене-

раальный секретарь ЦК КПСС и Президент СССР ... не является взяточником. На сей раз реакция Горбачёва проявилась чётко: он обиделся. Но не на Медведева, Ярина, Голика, а на следователей за их опровержения. Любителям головоломок было над чем поразмыслить. Ведь ещё год назад, когда обозначилась причастность к коррупции Лигачёва, Соломенцева, Романова и им подобных особ, это вызвало гневную реакцию высшей власти, их публично отбеливали как могли, а для реабилитации Лигачёва в сентябре 1989 года даже собрали Пленум ЦК КПСС. Что же изменилось, почему на сей раз реакция оказалась прямо противоположной? Почему Генсек оскорблён тем, что следователи опровергают его причастность к коррупции? Почему вместе с ним и Политбюро заинтересовано в том, чтобы на Горбачёве висело пятно взяточника?

Через несколько дней ситуация стала проясняться.

17-18 апреля. Во исполнение уже упоминавшегося постановления Политбюро № 184 Верховный Совет СССР приступил к рассмотрению представления союзной прокуратуры о даче согласия на увольнение из органов прокуратуры, привлечение к уголовной ответственности и арест Гдляна и Иванова. По инициативе Ельцина и других депутатов парламент отклонил это предложение. Четырежды депутаты отвергли и предложения Лукьянова об увольнении опальных следователей, и лишь при пятом голосовании, вопреки действующему законодательству, согласие было вырвано у де-

путатского корпуса. Лишь во время этих слушаний наконец-то прозвучало заявление Генерального прокурора Сухарева: «...Мы изучили все дела, которые в поле зрения прокуратуры, а также попытались ознакомиться с тем, что есть в прокуратуре и в других наших надзорных органах. Я ответственно заявляю: никаких материалов в отношении товарища Горбачёва нигде нет.»

Всё, казалось бы. Точка. Лгали, выходит, Медведев, Ярин и Голик. Видимо, неслучайно, таинственные «показания» в отношении Горбачёвых, Яковлева и Ельцина так и не были предъявлены другим членам депутатской комиссии. Хотя с одним вопросом вроде бы разобрались. Но тут для любителей ребусов появилась новая загадка. Все «обидчики» Горбачёва пошли в гору. Рой Медведев стал членом ЦК КПСС, Ярин и Голик вошли в ближайшее окружение Президента. Но о причастности Горбачёва к делу о мафии они старались больше не рассуждать.

Как, кстати и о Яковлеве, и о Ельцине. Ни в окончательном отчёте комиссии, ни на апрельских слушаниях «дела следователей» в парламенте об этом не упоминалось. Как отрезало. Либо память отшибло, либо опять некий «некто» постарался, чтобы больше никто официально не пытался привязать супругов Горбачёвых, Яковлева и Ельцина к делу о коррупции...

Вот поди и разберись, кто же эти «тайные покровители». Не справилась третья комиссия со своей задачей. Хотя нет,

одного покровителя комиссия всё же установила. В отчёте, подписанном Медведевым, Яриным, Струковым, Голиком, Лубенченко и другими, сообщалось, что «Рекунков явно покровительствовал Гдляну, оставляя без последствий многие нарушения законности, за которые другие следователи давно были бы уже отстранены от работы и даже привлечены к уголовной ответственности».

Но это «открытие» не удовлетворило даже откровенных простаков. Надо же. Нашли покровителя в лице отставного Генерального прокурора, пенсионера, «засвеченного» к тому же в уголовном деле. И почему, собственно, он, а не Сухарев? При котором, между прочим, региональное дело о коррупции превратилось в «кремлёвское»?

Вместе с тем, недоумевали многие, почему в числе покровителей не назвали хотя бы Ельцина. Ведь эта тема лежала на поверхности. Борис Николаевич неоднократно упоминал о поддержке следственной группы, выступил по этому поводу и на заседании Верховного Совета СССР 17 апреля 1990 года.

Ларчик открывался просто. В комиссии Роя Медведева понимали, что если они сделают акцент на поддержке следственной группы Ельциным, то тем самым ещё больше укрепят его авторитете в народе, чего депутатам-марионеткам очень не хотелось.

Откровения Егора Кузьмича

Любителям головоломок, однако, унывать было рано. Информация к размышлению не иссякала. Наиболее значительную выдал в своих мемуарах Лигачёв. Прежде чем его книга «Загадка Горбачёва» увидела свет, была опубликована отдельной брошюрой глава под названием «Гдлян и другие». Кстати, весьма бойко ею торговали в Москве в дни августовского переворота. Случайно или нет, судить не берёмся, но есть в брошюре такое откровение:

«Конечно, я отчётливо ощущал сочувствие со стороны Рыжкова, Воротникова, Зайкова, Лукьянова, Крючкова, Власова, Язова, Бирюковой, Бакланова». Единомышленники, вестимо, были...

Много интересного поведал Егор Кузьмич. Он вычислил целых три (!) группы «мощных сил», стоящих за спиной Гдляна и Иванова.

Первое открытие в разгадке ребуса с покровителями Лигачёв сделал при анализе того, почему 12 мая 1989 года Иванов упомянул его фамилию в связи с уголовным делом о коррупции.

«Уже в тот первый момент, ещё не прочитав текст выступления Иванова, я понял, что два следователя не в одиночку сообразили эту многоходовую пропагандистскую предвыборную кампанию. Утром в понедельник принялся разыски-

вать текст. Звоню одному, другому – никто ничего не знает. Мне передают только обрывки из сообщений западных радиостанций, которые моментально оповестили о случившемся весь белый свет. Международное французское радио, например, сообщило: «Советский прокурор Николай Иванов заявил, что отдельные высокопоставленные лица, в том числе лидер консерваторов в Политбюро Егор Лигачёв, Григорий Романов и Михаил Соломенцев, замешаны в крупном скандале и что власти пытаются заблокировать следствие. Сегодня газета «Правда» перешла в контратаку против Иванова».

Ознакомившись с этим сообщением, я сделал акцент на двух важных моментах. Если Иванов первым по порядку назвал Романова, то французы сразу же спикировали на «лидера консерваторов Лигачёва». Согласитесь, деталь для политического анализа немаловажная. Иванову явно отводилась роль мальчика, подбрасывающего мячик. А уж ударить по этому мячику лаптой, а то и оглоблей, предстояло другим силам, куда более влиятельным. А во-вторых, я обратил внимание на слово «замешаны». Что это значит? Что за ним стоит?

Ещё более любопытную информацию передал «Голос Америки»: «Прокурор Николай Иванов заявил, что в ходе проводимого им расследования коррупции в государственных органах всплыло имя члена Политбюро ЦК КПСС Егора Лигачёва. Иванов не сообщил никаких подробностей в связи

с этим расследованием. Егора Лигачёва, имеющего репутацию деятеля консервативного толка, иногда считают соперником Горбачёва».

Ого! Прицел обозначается всё более и более точно. «Голосу Америки» уже не до Романова, не до Соломенцева. Его интересует только Лигачёв! Тут уж у меня и вовсе не осталось никаких сомнений в том, что Иванов – всего лишь мелкая фигура в политической игре, которая ведётся вокруг меня не только в нашей стране, но и скоординирована с некоторыми зарубежными силами... За Ивановым стоят мощные фигуры. Он просто выполнил заказ, политический заказ тех, кого «беспокоит усиление позиций этого человека». А заодно решил нажить на этом политический капитал...»

Хотя в предисловии к брошюре Егор Лигачёв обещал читателям дать ответ на вопрос, кто стоял за Гдляном и Ивановым, «мощные фигуры» так и не были названы поимённо.

Однако он прояснил, где их следует искать: «... Сначала я воспринял нападки следователей Гдляна и Иванова как удар лично против меня, нанесённый с целью выбить из руководящего ядра партии, а заодно сделать на этом свои политические карьеры. Но когда к делу очень активно подключились средства массовой информации, уже имевшие в этот период ярко выраженную политическую окраску, мне стало ясно, что вопрос не только и не столько во мне лично, – речь идёт о том, чтобы скомпрометировать Политбюро в целом! Затем понимание происходящего ещё более углубилось.

Произошло это на первом Съезде народных депутатов СССР, когда в некоторых выступлениях впервые обнаружилось противостояние партии и Советов – кто выше? Когда я услышал эти выступления, мне сразу стало ясно, что начинается какой-то новый этап общественного развития, не предвещающий стране и народу ничего доброго. Нападки Гдляна представили в новом свете: готовится атака на КПСС, задумывается антикоммунистическая кампания.

А время шло вперёд. И стало очевидным, что прицел взят ещё выше! После легализации антикоммунизма обнаружилось главное направление удара со стороны тех политических сил, которые поддерживали Гдляна и Иванова. Вовсе не стремясь возвеличить собственную персону, – мне это вообще не свойственно, – обязан всё же сказать, что именно я был тем человеком в Политбюро, который постоянно выступал в защиту социалистических принципов, против частной собственности и безработицы.

Вот почему, – а в этом я убеждён, – удар следователей был нанесён именно по мне... Клеветническая кампания против Лигачёва серьёзно повлияла на развитие политических событий в стране, более того, можно говорить о том, что она подтолкнула развёртывание клеветнической кампании против коммунистов, КПСС...»

Почти по Маяковскому: «Мы говорим – Лигачёв, подразумеваем – партия, мы говорим партия, подразумеваем – Лигачёв.»

Итак, организован глобальный заговор для изменения существующего в нашей стране строя отечественными и зарубежными противниками социализма. Используя Гдляна и Иванова, средства массовой информации внутри страны и за рубежом повели широкое наступление на «здоровые силы» в КПСС и, прежде всего, на Лигачёва, которые мешали реализации их планов. А уж дальше домысливайте сами, уважаемые читатели, кого можно было причислить к организаторам заговора. И Джорджа Буша, и Маргарет Тэтчер, и Ляпкина из Свердловска, и Тяпкина из Владивостока, да практически любого, кто не разделяет взглядов Егора Кузьмича. А поскольку их не разделяет подавляющее число людей как внутри страны, так и в мировом сообществе, то силы, стоящие за спинами Гдляна и Иванова, и в самом деле получают весьма мощные.

Итак, первая группа «мощных сил» выяснена: противники социализма во всём мире. Кто ещё? Егор Кузьмич продолжает поиски:

«...Впоследствии, спустя год, когда социально-экономические процессы в стране приобрели ярко выраженный кризисный характер, я понял, что не одной только чистой политикой руководствовались следователи. Они взбудоражили страну слухами о коррупции в высшем эшелоне власти, повернули в эту сторону общественное мнение. Фактов так и не предъявили, вся их кампания так и сошла на нет. Но пока они громко шумели о «взяточниках из Политбюро», под

прикрытием этого шума быстро набирала силу новая мафия времён перестройки. Сейчас, когда именно эта новоявленная мафия, создающая табачные, спичечные, солевые и прочие кризисы, безмерно обогатилась и оказывает сильное влияние на развитие кризиса в целом, стало ясно, что она прибрала к своим рукам экономические рычаги именно в тот период, когда развернулась клеветническая кампания против меня.

Сегодня у меня нет сомнений в том, что следователи выполнили не только политический заказ, требовавший отстранения от руководства Лигачёва, но одновременно и проводили своего рода отвлекающий манёвр, давая возможность быстро вскормиться новой мафии... А действительно, на чьи средства с таким широким размахом вёл свою предвыборную кампанию борец с коррупцией скромный следователь Иванов?

Всё ясно: Гдлян с Ивановым работали на «новую мафию». На кого же конкретно? Описывая различные ситуации на вершине коммунистической власти, он намёками даёт понять, что в Политбюро ЦК КПСС Гдляну и Иванову если не покровительствовали, то сочувствовали Михаил Горбачёв, Александр Яковлев, Вадим Медведев. Это выразалось в том, что все они как-то странно вели себя, когда следователи стали нападать на Лигачёва. Горбачёв и Медведев не проявляли должного усердия в защите Егора Кузьмича, а Яковлев – тот и вовсе с ним не здоровался.

«...Почему Гдлян и Иванов, которые без конца критиковали Политбюро, включая Горбачёва, в то же время восхваляли именно Яковлева. Выступая на митинге... Гдлян в пух и прах разносил опубликованное в печати интервью полковника КГБ А. Духанина, обвинил органы госбезопасности в том, что они якобы подставляют не тех членов Политбюро... Чем так завоевал его симпатии Александр Николаевич?» – недоумевает Егор Кузьмич, странно всё как-то, не иначе покровительствует этот Яковлев следователям...

Ничего не скажешь, порадовал Лигачёв любителей политических шарад. Расширил, во-первых, географию поисков: покровительствовали Гдлян с Ивановым на всех материках, кроме Антарктиды. Во-вторых, определил те социальные слои, волю которых выражали следователи: отечественные и зарубежные капиталисты и мафиози, иностранные радиоголоса и доморощенная радикальная пресса, демократические лидеры. Намекнул, в-третьих, и на конкретных руководителей партии и государства. Да, богатая фантазия обнаружилась у пенсионера – аналитика...

Коварные замыслы

Что ещё, казалось бы, можно придумать после глобального исследования проблемы покровительства, так блестяще проведённого Егором Кузьмичём? Оказывается, можно. А это под силу оказалось некоему клубу «Олимпас», который выпустил книгу Сергея Плеханова «Дело Гдляна. Анатомия политического скандала». Весьма загадочное издание, в выходных данных которого обозначен только тираж в 200 000 экз. и сообщается, что цена – договорная.

Поведав читателю о том, что он писатель, москвич, неоднократно бывавший в Узбекистане, автор повторяет в литературной обработке уже затрёпанные от частого употребления «факты злодеяний» следователей в южной республике, говорит о «диктаторских чрезвычайных полномочиях», которыми они были наделены, негодует на неразумный народ, поддерживающий Гдляна и Иванова. Зато Плеханову удалось выявить наших покровителей, а также выдвинуть свою версию, достаточно экстравагантную. Суть её в следующем.

Андропов, как известно, был злодей, а потому стремился вновь утвердить в стране сталинский режим. В этом стремлении рассчитывал на поддержку своей «гвардии» – Горбачёва, Алиева, Рыжкова, Воротникова, Романова, Чебрикова, Лигачёва. Для реализации тёмных замыслов и была усилена борьба с коррупцией. «Нет ничего легче, – убеждён Плеха-

нов, – чем натравить народ на начальство. Ничего нет проще, чем обвинить власть имущего в коррупции – отмыться будет невозможно, оправдания и слушать никто не станет. Такие обвинения удобны тем, что любого можно подвести «под вышку» и заставить оговаривать кого угодно... Эх, до чего же здорово можно будет чесануть весь верхний слой! Никто и не пикнет. А народ от восторга реветь будет... А самое главное – можно десять лет править, не имея никаких достижений в экономике».

Решили начать с Узбекистана. Главные роли отводились шефу КГБ Чебрикову, секретарю ЦК КПСС Лигачёву и исполнителю их воли Гдляну. На многие годы Лигачёв с Чебриковым и стали основными покровителями следственной группы и творимого ей чудовищного произвола.

«То, что Гдлян впоследствии избрал одного из них (Лигачёва) объектом нападков, имеет свою логику – в среде соучастников тайных политических манёвров очень часто возникают острые междоусобицы, приводящие к катастрофе всех членов команды», – втолковывает читателям Плеханов. Дескать, Горбачёв не последовал дорогой Андропова, круто изменил государственный курс, вот и стали падать акции Лигачёва. Чтобы нажить политический капитал, Гдлян и ударил по теряющему власть покровителю. В ответ же другой покровитель – Чебриков – пошёл в атаку на следователей.

Фото 33. Противостояние на кремлёвской трибуне.

Фото 34. Май 1989 г. Митинг в Лужниках.

Фото 35. Май 1989 г. Политическая забастовка в Зеленограде в поддержку следователей.

Фото 36, 37. Осень 1989 г. В родном Зеленограде. Встречи с избирателями.

Фото 38. Декабрь 1989 года. Заседание Межрегиональной

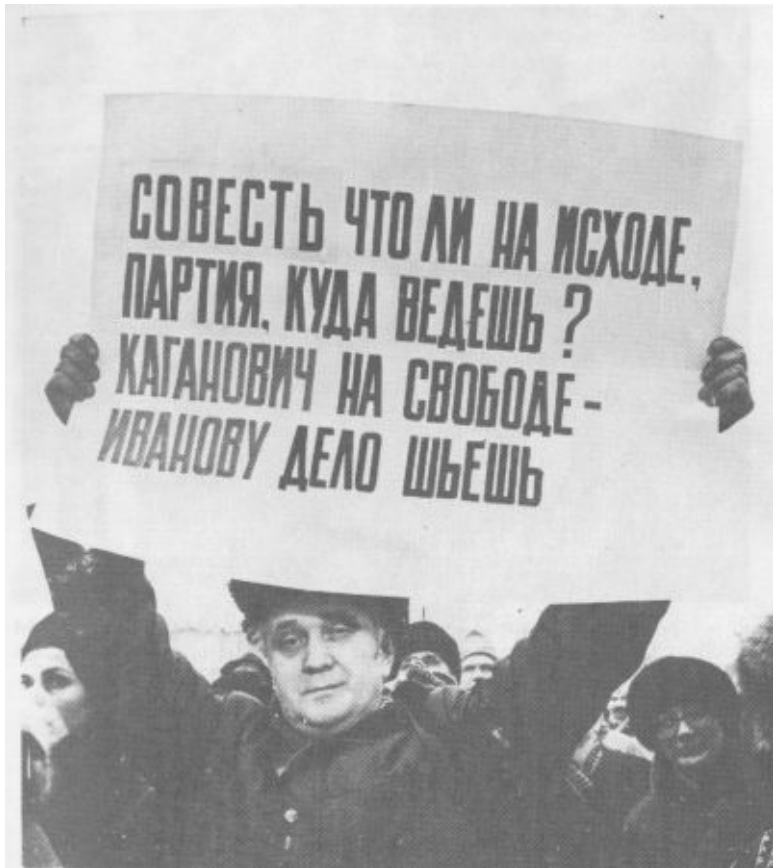
депутатской группы. Ночью А. Сахарова не станет.

Фото 39. Меняются времена, меняются места. Гдлян и Лигачёв на заседании Верховного Совета СССР.

Фото 40. Их имена останутся в «истории».

Фото 41. Ленинград, 13 февраля 1990 г. Лучшие не скажешь.

Фото 42. Ленинград, 17 апреля 1990 г. Демонстрация в защиту следователей.

Фото 43. Москва, 7 ноября 1990 г. Альтернативная демонстрация движется к Манежной площади.

73 ГОДА
ЧУДОВИЩНОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА

ТУШИНСКИЙ
РАЙОН

Фото 44, 45, 46. На московских манифестациях.

Фото 47. Апрель 1990 г., Ереван. Кандидаты в народные депутаты Армении. Вновь под защитой народа.

Фото 48. 19 августа 1991 г. Путин.

Вот так выстраивает свою замысловатую комбинацию Плеханов: «Почему Чебриков мог дать указание Верховному суду СССР (частное определение по делу Хинта), прокуратуре и КГБ – он курировал их как секретарь ЦК – начать кампанию против Гдляна? Ответ может дать анализ списка «разоблачённых коррупционеров». А. Рекунков был Генеральным прокурором СССР с начала 1981 года. Под его непосредственным руководством шла работа следствия в Узбекистане. М. Соломенцев, поставленный Андроповым во главе Комитета Партийного контроля – своеобразной партийной инквизиции – также участвовал в принятии важнейших решений по реализации андроповского замысла. Без В. Те-

ребилова, тогда министра юстиции СССР, также невозможно было обойтись в ходе выполнения предначертаний Генсека. И, наконец, Е. Лигачёв, осуществлявший координацию действий всех служб и организаций. В этом списке отсутствовал только В. Чебриков. Нетрудно представить себе его восприятие заявлений Гдляна – бывший исполнитель верхушечных решений наносит удар по вчерашним хозяевам, чтобы уцелеть самому. Кто будет следующей мишенью его нападков, можно предсказать. Должен быть нанесён упреждающий удар.»

И как это мы раньше не сообразили, что борьба с коррупцией при Андропове – утверждение сталинизма, а отказ от этой борьбы при Горбачёве – благо для общества. Ну, а неразумный народ, так он просто должен плакать от счастья в связи с отказом от борьбы с коррупцией и разгромом уголовного дела № 18/58115-83. Ведь если бы этого не произошло, утверждает Плеханов, и «...дело начало бы развиваться по отработанному сталинскому сценарию, то этапы его должны были выглядеть так:

1. Аресты и показательные суды над действительными коррупционерами в разных регионах, начиная с Узбекистана. На процессах «всплывают» данные о соучастии в преступлениях представителей высшей партийной и государственной номенклатуры.

2. «Кремлёвское дело». Разгром старого аппарата, сложившегося в послесталинские десятилетия.

3. Ликвидация главных исполнителей первого этапа операции с целью «спрятать концы». Назначение в КГБ, орготдел ЦК, Прокуратуру, Минюст и Верховный суд людей, более посвящённых в операцию.

4. Развёртывание по всей стране террора против элиты, не связанной с коррупцией, но не склонной к поддержке неосталинской диктатуры. Средства массовой информации организуют по этому случаю бурные аплодисменты в народе.

5. Повсеместная замена освободившихся вакансий андроповскими выдвиженцами. Проведение идеологического обоснования произведённого переворота.

6. Закрепощение населения – рабочих в промышленности, крестьян – в деревне. «Социальная дезинфекция» среди интеллигенции. Фанфары по случаю наступления нового тысячелетнего рейха, основанного на рабском труде...»

Вот какие беды и несчастья ожидали всех нас, если бы заговор удался, если бы борьба с коррупцией не была свергнута, если бы наша следственная группа продолжала расследование. Более того, по схеме, предложенной Плехановым, прозревшие соотечественники теперь сами могут вскрывать «коварные замыслы» власти. И если сегодня, например, ведущие российские политики, лидеры демократических партий, депутаты твердят о необходимости усиления борьбы с коррупцией, то теперь уж мы знаем наверняка, что никакие они не демократы, а неосталинисты. А не дай Бог, и реально начнут с коррупцией бороться, тогда вообще всё пиши про-

пало – пойдём назад во времена Ежова и Берию.

По сумгаитскому рецепту.

Впрочем, поиски покровителей осуществлялись не только в Москве. Подключились к этой изнурительной работе и национал-коммунисты в ряде регионов страны. Интернационализм, которым так кичились в своё время большевики, подобно застарелой коже змеи сменялся воинствующим национализмом. Партийно-мафиозные кланы в республиках взяли его на вооружение, а обслуживающие интересы национальной мафии «учёные» подготавливали для этого соответствующую почву, в том числе и на примере «кремлёвского дела».

...Перед нами книга, изданная летом 1990 г. в Баку издательством «Язычы» на русском языке, «Белые пятна истории и перестройка». В аннотации сказано: «Член Союза журналистов СССР с 1965 года Ариф Мансуров имеет много научных трудов, выступал на страницах республиканской и Центральной печати. В своей книге автор рассматривает вопросы исторической и современной действительности, обнажает истинное лицо противников перестройки, подтверждая свои выводы неопровержимыми фактами и документами».

Нет смысла подробно пересказывать содержание этого произведения, изобилующего многочисленными восхвалениями в адрес «мудрой» политики ЦК КПСС во главе с Горбачёвым. Назойливо повторяемое слово «интернационализм» только подчёркивает сущность махровой национали-

стической позиции автора. Выдвинутая им в конце книги версия заключается в следующем: оказывается, армянский народ и его интеллигенция – «армянские оборотни» – выполняют зловещую роль как в нашей стране, так и за её пределами. Расселившись по всему миру, они сформировали мощное «лобби» за рубежом, а также «московское лобби», или «пятую колонну» в СССР, с целью «сеять смуту, беспорядки и антиправительственные выступления». Правда, Мансуров так до конца и не выдал тайны, где находится штаб-квартира этой всемирной диверсионно-террористической организации, но именно она через своих представителей дестабилизирует обстановку в мире. Возникает необходимость и, к примеру, начинаются акции в США: «... Чтобы добиться побольше голосов, он (Рейган) в год президентских выборов (15 апреля 1980 г.) и в первый период своего президентства (22 апреля 1981 г.) осуждающе говорил о геноциде 1915 г. Однако после своего утверждения Р. Рейган и государственный департамент США под нажимом широкой общественности взяли под сомнение факт геноцида, чем вызвали озлобление армянских кругов в США, после чего на него было совершено покушение!»

Ну, а если поступает другой приказ, то организовываются акции в другом месте. И опять готов «бесспорный факт» – погромы в мае-июне 1989 года в Узбекистане: «... Дело в том, что трагические события в Фергане и других областях были спровоцированы молодчиками из комитета

«Карабах»²¹, которые, сомкнувшись с местными бандитами, устроили открытую резню турков-месхетинцев, большинство из которых официально значатся азербайджанцами. Остаётся лишь сожалеть, что мировая общественность не знакома с Арифом Мансуровым, его информацией о причастности армян к покушению на жизнь Рейгана, ферганской резне и другим трагическим событиям. По мнению учёного-интернационалиста Мансурова, что бы негативное не происходило в мире, повинны в этом могут быть только армяне.

В число «армянских оборотней» автор включил и Гдляна, фамилия которого склоняется с первой до последней страницы книги. «...Значительный вклад в обострение межнациональных отношений внёс другой представитель «пятой колонны» в СССР – следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР Тельман Хоренович Гдлян, который в течение 6 лет своей деятельности в Узбекистане «посадил» более 8 тысяч человек и все они, по странному стечению обстоятельств, почему-то оказались лицами узбекской национальности». Причём это были «лучшие представители» узбекского народа, развивает свою мысль Мансуров, честнейшие, преданные делу партии люди, цвет нации. К сожалению, автор сенсации не объясняет, почему ни трём созданным по

---

²¹ Комитет «Карабах» создан на волне национально-освободительного движения в Армении в 1988 г. Большинство членов этого комитета ныне входят в руководство Республики Армения во главе с его президентом Левоном Тер-Петросяном.

нашу душу комиссиям (ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Съезда народных депутатов СССР), ни Прокуратуре, с мая 1989 года фабриковавшей «дело следователей», ни шефу КГБ Крючкову – крупнейшему специалисту по империалистическим, масонским и прочим заговорам – так и не удалось прийти к аналогичному выводу. Наоборот, они почему-то публично заявили, что самая крупная в стране группа Гдляна из 200 следователей за 6 лет работы привлекла к уголовной ответственности... всего лишь 62 человека, а среди арестованных были 8 таджиков, 6 русских и лица других национальностей. Подобный «промах» можно объяснить разве что одним: не воспользовались они услугами Мансурова, не привлекли к работе хотя бы в качестве эксперта. Ведь только он владеет искусством, как из цифры 62 путём манипуляций получить 8 000. Или каким образом бывшего первого заместителя Министра внутренних дел СССР Чурбанова, ответственного работника ЦК КПСС Смирнова, второго секретаря Узбекского ЦК Осетрова, заместителя министра МВД УзССР Бельгельмана, первого секретаря Каршинского горкома КПСС Илиади и других можно именовать «узбеками».

В книге немало сногсшибательных сенсаций. Например, имеет ли Гдлян непосредственное отношение к геноциду армян в Сумгаите в феврале 1988 года? Раз он армянин, значит – имеет, – уверяет автор, сообщая очередную «сенсацию»: «...Подкупленные Гдляном и Каракозовым на «узбекские деньги», в Сумгаите орудовали более 60 уголовных элемен-

тов из Степанакерта, Еревана, блестяще владевших оружием насилия и говоривших на азербайджанском языке». А почему Гдлян стал «притеснять» именно Лигачёва, если его главная задача, по утверждению Мансурова, была шире – дискредитировать руководство страны, Политбюро ЦК КПСС? А всё оказывается крайне просто по Мансурову: Гдляну не понравилась твёрдая позиция Егора Кузьмича по проблеме Нагорного Карабаха...

Одним словом, то, что не удалось Лигачёву, восполнил Мансуров. Покровителем и организатором деятельности следственной группы оказалось мощное «армянское лобби».

Не дремали национал-коммунисты и в Ташкенте. Но в отличие от других любителей абстрактных исследований и кроссвордов, они действовали обстоятельно, с известной осмотрительностью, последовательно реализуя выпавшую им счастливую карту в сфере практической политики. Убедившись на примере разгрома «кремлёвского дела», что в Москве простили им все прежние грехи: казнокрадство, мздоимство, хищения, приписки, а покровительство региональной политикой руководства СССР, тамошние националисты решили воспользоваться примером азербайджанских мафиози, которые, чтобы избежать дальнейших разоблачений, организовали в 1988 году резню армян, а потом за счёт усиленно разжигаемого воинствующего национализма создали для себя обстановку полнейшей безнаказанности. Печальный жребий пал на турок-месхетинцев, хотя он впол-

не мог бы стать участью греков, корейцев, армян, крымских татар, евреев, немцев и других компактно проживающих в республике национальных меньшинств. Минуло чуть более двух месяцев с того времени, когда постановлением № 151 Политбюро объявило войну нашей следственной группе, и вот уже в дни работы I Съезда народных депутатов СССР в Ферганской долине началась вакханалия резни и погромов, завершившаяся изгнанием целого народа за пределы республики.

Никто из организаторов в верхних этажах власти наказан не был, а ответственность понесли рядовые сельские парни, одурманенные наркотиками, национализмом и денежными подачками. Убедившись в том, что акция прошла успешно, мафиозно-коммунистическая номенклатура перешла ко второму этапу. В местной прессе хлынул поток разоблачений массовых репрессий против простого народа, якобы организованных группой Гдляна и Иванова. К этим «простым» гражданам Узбекистана были причислены секретари ЦК и обкомов партии, министры и другие партмиллионеры. У тамошних мафиози также не всё ладилось с цифрами. Чтобы всё выглядело поубедительнее, не моргнув глазом, они утверждали, что якобы группа Гдляна «посадила» десятки тысяч ни в чём не повинных людей, издевалась над ними, оскорбляла их честь и национальное достоинство. Под этот шум были реабилитированы все без исключения функционеры, в том числе и осуждённые Верховным Судом СССР

на срок от 8 до 15 лет. Их восстановили в родной КПСС, вернули к прежней руководящей деятельности, а некоторые, помимо возмещения материального ущерба за проведённое в тюрьме время, получили обратно и награбленные у народа миллионы, изъятые ранее следствием. Через разжигание националистической истерии началось вытеснение присланных в Узбекистан кадровых работников и других так называемых «русскоязычных».

Рашидовцы вновь стали национальными героями, а демократическая оппозиция загнана в подполье. Вот как описывал эту ситуацию один из лидеров узбекской оппозиции Р. Назаров в статье «Узбекское дело Ислама Каримова», опубликованной в мае 1991 года в газете «Мегаполис-Экспресс».

«Чтобы избавиться от «десанта» центра, в прессе была развёрнута мощная кампания. Приезжей номенклатуре поставили в вину, что она «не знает местных условий и обычаев». Отсюда, мол, и перекосы в кадровой политике, и «разгул гдляновщины», и межнациональные конфликты. Массированная критика, «разоблачительные» публикации вынудили покинуть республику второго секретаря ЦК Анищева, первого заместителя министра МВД Дидоренко, прокурора республики Усатова, его первого заместителя Гайданова и многих других партийных и советских функционеров, присланных центром.

Народные депутаты от Узбекистана заметно активизировались в Верховном Совете страны, разыгрывая гдлянов-

скую карту. Республиканская печать окрестила борьбу с коррупцией «геноцидом узбекского народа». Не замечая, впрочем, очевидного факта, что от уголовной ответственности группой Гдляна и Иванова были освобождены десятки тысяч бригадиров, управляющих отделениями, кассиров, бухгалтеров, сдатчиков хлопка, втянутых в преступления правящей номенклатурой.

Каримов, несомненно, явился одним из вдохновителей подобной кампании. Это отчётливо показал прошлогодний съезд узбекских коммунистов. В докладе, с которым выступил по традиции «первый», были поставлены все точки над «і». Практическая реабилитация Рашидова, жёсткая критика в адрес приезжих функционеров, призывы к борьбе с последствиями «гдляновских репрессий», к отмене решений знаменитого XVI пленума ЦК и XXI съезда компартии Узбекистана, положивших начало борьбе с организованной преступностью и коррупцией, – всё это тщательно отобранные делегаты встретили дружными аплодисментами, а общественность, особенно демократическая, – тревогой за судьбу перестройки».

Естественно, вся эта истерия вокруг «гдляновщины», продолжающаяся уже шестой год, и ставшая краеугольным камнем официальной политики независимого государства, не могла не сопровождаться и поиском покровителей. С первых же публикаций ещё в 1989 г. утверждалось, что, мол, группа Гдляна была наделена «чрезвычайными полномо-

ями», имела мощных покровителей в центре. Но кто они – эти покровители конкретно – осторожные мафиози умалчивали. Намекали лишь на влиятельные силы в Москве, иногда упоминали в этой связи опального Ельцина или кого-нибудь из бывших руководителей, в частности, Генерального прокурора Рекункова. Действующих руководителей на всякий случай старались не помянуть.

И лишь после провозглашения полной независимости, а в это понятие мафиози прежде всего вкладывали «независимость от разоблачений», гдьяновская карта стала всё чаще использоваться на потребу каких-то политических задач внутри республики. 22 июня 1992 года газета «Узбекистан овози» опубликовала сенсационную статью под названием «Предательство или о главном покровителе «узбекского дела». И кто бы, вы думали, уважаемые читатели, наконец-то был вычислен в качестве «главного покровителя»? Им был назван бывший первый секретарь ЦК узбекской компартии, в дальнейшем председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР, а ныне пенсионер Рафик Нишанов.

Но ведь это просто бред какой-то, справедливо возразит любой человек, хоть сколько-нибудь осведомлённый в перипетиях «кремлёвского дела». Как же мог влиять на расследование человек, ставший первым секретарём ЦК Компартии Узбекистана в конце января 1988 г., т.е. в период, когда центр тяжести следствия уже переместился в Москву, исследования мафиозной паутины в республике завершались, ко-

гда, наконец, решения по делу принимались только на уровне ЦК КПСС, а местный ЦК был при этом лишь статистом? Логика в таких рассуждениях, где нет никакой логики, проста: не ладят в последнее время Ислам Каримов и Рафик Нишанов, осмеливается последний критиковать уважаемого Президента, значит, он тем самым предаёт свой народ. А для пущей важности связали Нишанова с «гдлянщиной», «геноцидом узбекского народа». Ну, а после всех подтасовок появляется требование: «...Нишанов и его соратники, приглашённые им из центра²² Гдлян и Иванов, а также их единомышленники, должны быть вызваны в республику и на основании Конституции Узбекистана должны держать ответ перед законом. Потому что не могут остаться безнаказанными их тяжкие преступления перед республикой».

---

²² Когда в 1983 году мы прибыли в Узбекистан, Нишанов уже 13 лет являлся послом в Шри-Ланке, Иордании. А «хозяйном» республики тогда был Рашидов, затем его сменил Усманходжаев.

Кто следующий?

Августовский путч и последовавшие за ним события должны были, кажется, положить конец поискам всяческих таинственных покровителей следственной группы. Отнюдь. Вышли в свет книги Юрия Чурбанова «Я расскажу всё, как было...», Александра Борина «Закон и совесть», Игоря Петрухина «Правосудие: время реформ» и целый ряд других произведений на тему «произвола» группы Гдляна и её покровителей. А в российской общественно-политической газете «Народная правда», учреждённой накануне путча ЦК РКП и Ленинградским обкомом КПСС и отстаивающей интересы реваншистских коммунистических сил, публикуется аж в трёх номерах очередное пространное сочинение.

В нём на новый лад перепеваются замызганные уже обвинения в адрес следственной группы, которая якобы терроризировала многострадальных партийных коррупционеров из Узбекистана и покровителей мафии в Кремле. Малопочтенное, прямо скажем, занятие выбрал себе, оставшись не у дел, Виктор Илюхин. Впрочем, ему и карты в руки, ведь именно он по приказу покровителей мафии руководил разгромом «кремлёвского дела» и одновременно с особым рвением разматывал «дело следователей». И немало в этом преуспел. Усердие, выказанное Виктором Ивановичем на этом «благородном» поприще, втуне не пропало. Он стал членом

Коллегии Прокуратуры СССР, переведён из заместителей в начальники управления по надзору КГБ, получил повышение в чине – Государственного советника юстиции II класса. Курировал Илюхин расследование январских событий 1991 года в Вильнюсе, в ходе которого выяснилось достоверно, что виноваты в побоище были сами литовцы и нехорошие телепередачи, не понравившиеся местной коммунистической знати. Малопочтенная роль адвоката преступного режима пришлась явно по вкусу генерал-лейтенанту в прокурорском кителе. Илюхин всячески поддерживал самозванные комитеты национального спасения, он готовил на подпись Николаю Трубину заключение Прокуратуры по расследованию трагических событий тридцатилетней давности в Новочеркасске. И там, уверял нас Виктор Иванович, повинны были рабочие, вышедшие на демонстрацию. Блистательная, хотя и малопривлекательная для сколько-нибудь порядочного юриста карьера неуклонно катилась к своему логическому концу. В дни августовского путча, когда Гдлян прохладился в кутузке, а Иванов хоронился за баррикадами Белого дома, Виктор Иванович душой и телом был на стороне ГКЧП. И оказалось – зря. Новой России было, очевидно, с Илюхиным не по пути. Тогда-то Виктор Иванович и выкинул свой знаменитый финт – возбудил уголовное дело по обвинению в государственной измене Президента СССР. Так под восторжённые завывания ортодоксальных коммунистов в одночасье был причислен Илюхин к лику святых большевистских

великомучеников. А в награду стал Виктор Иванович одним из лидеров Компартии, а с её помощью и депутатом Государственной Думы. В новом парламенте он возглавил Комитет по безопасности. Так что горячо опекаемые им прежде мафиози, наверняка, почувствовали себя ещё более комфортно. Товарищ-то проверенный...

Не оставляет сомнительные изыскания и бывший диссидент и член ЦК КПСС Рой Медведев. Вытащив на свет божий старую фальшивку относительно Ельцина и Яковлева, он многозначительно намекнул в последнем номере «Огонька» за 1991 год: «...В деле были показания, что во время поездки в Узбекистан крупную взятку получил секретарь ЦК Ельцин. Есть такие же «показания» и на Яковлева. И ещё на многих очень авторитетных сейчас людей. Списки для выбивания показаний шли Гдляну из Москвы. Шла борьба за власть, и, видимо, сразу несколько следственных групп ковало тайное оружие по заказу хозяев. И Гдлян выполнил этот заказ».

Коли заикнулся, должен, надо полагать, обнародовать эти в высшей степени любопытные материалы, которые кроме него, Ярина, Голика да Лукьянова никто в глаза не видел. Со своей стороны предполагаем, что существование таких «документов» – не плод фантазии Медведева, что действительно существуют эти сфабрикованные умельцами с Лубянки фальшивки, но ими по каким-то причинам так и не воспользовались. Нам представляется, что Прокуратура России обя-

зана проверить и эту фантастическую версию, дать юридическую оценку провокационной возне и тем самым пресечь, наконец, дальнейшую компрометацию Ельцина и Яковлева. Мы этого требуем.

А пока Рой Медведев продолжает поиски покровителей.

Кто следующий?

Так и хочется сказать: полноте! Господа и товарищи, журналисты и писатели, юристы и политики! Неужели никому даже не приходит в голову одна немудрёная мысль, что люди могут просто работать, вовсе не исполняя при этом приказаний каких-то покровителей, что человек, делающий своё дело, хорошо или плохо, профессионально или нет – уже другой вопрос, в соответствии с собственным представлением о долге и чести, воспринимается уже как белая ворона? Печально, но факт: в общественном сознании уже не укладывается, как можно работать без взяток и мзды, холопства и покровительства, вымогательства и обмана. Многочисленные, до сих пор не прекращающиеся поиски покровителей следственной группы – как раз из области деформированной общественной нравственности, которую мы 70 с лишним лет называли социалистической моралью.

ПУТЧ

Тревожное утро

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года почти трёхсотмиллионный народ великой страны спал, как ни в чём не бывало. Никто, конечно, не предполагал, что день грядущий сулит новую точку отсчёта в нашей истории. Даже самые прозорливые политики не в состоянии были предсказать, что 19 августа 1991 года станет последним днём горбачёвской перестройки. Развязка исторической драмы неумолимо приближалась. Могла быть иной режиссура, и исполнители подобрались другие, суть, однако, всё равно сводилась к одному – конец тлеющей перестройке. И тем не менее, несмотря на психологическую адаптацию общественного мнения к возможному взрыву, к попытке изменения курса на демократизацию нашей жизни, мы не предполагали, что всё это произойдёт в такой неинтеллигентной форме. А момент путчисты выбрали, кажется, весьма подходящий. Заканчивались парламентские каникулы, во всю шла уборка урожая, на нулевой отметке стояла стрелка барометра политической активности населения и, наконец, Горбачёв готовился к долгожданному событию – подписанию Союзного договора. С наступлением политического затишья появилось свободное

время, которое мы использовали, начав писать эту книгу. Работали каждый у себя дома, практически никуда не выходя: до начала осенней сессии парламента нужно было закончить черновой вариант. В ту памятную ночь часа в два я уже отправился спать. Не помогали ни кофе, ни сигареты, видимо, сказывалась усталость от восьмилетней ожесточённой борьбы с красной мафией, в течение которой не было ни одного отпуска.

Утром 19 августа без десяти семь меня разбудила жена. Чувствовалось, что-то случилось. На мой полусонный вопросительный взгляд она ответила: «В стране введено чрезвычайное положение». Оказывается, только что звонила моя помощница по депутатским делам Надежда Черноротова. Всё это не укладывалось как-то сразу в сознании. Хотя трезвомыслящие демократы уже давно были подготовлены к возможности переворота правых, но, тем не менее, трудно было поверить, что за день до подписания Союзного договора они осмелятся пойти на столь отчаянный шаг. Однако факт свершился.

Мигом исчезли остатки сна, и я стал прикидывать возможные варианты дальнейшего развития событий. Например, такой: Горбачёв молчаливо одобрил идею введения чрезвычайного положения и, как всегда, отдавая грязную работу другим, сам пока остался в тени. Поскольку проведение государственного переворота рассчитано прежде всего на молниеносность, то буквально в считанные дни станет яс-

но, кто победил и кто проиграл. В случае успеха путчистов Горбачёв возвращается из Фороса в Москву и въезжает в Кремль на красном коммунистическом коне, продолжая руководство партией и государством в режиме чрезвычайного положения. Или: путч проваливается, непосредственные участники с подписи того же Горбачёва арестовываются, а главари – Лукьянов, может быть, Крючков расстреливаются, чтобы навсегда, как в случае с Берией, похоронить очередную кремлёвскую тайну о государственном перевороте. Сам же Горбачёв опять-таки въедет в Кремль на белом демократическом коне, пытаясь сохранить режим личной власти в новых условиях.

Возможно и такое: хунта победила. Превзошедший своего учителя Горбачёва в коварстве и ловкости Лукьянов, при поддержке ортодоксальных коммунистов «плавно» отодвинет любящего таскать каштаны из огня чужими руками Михаила Сергеевича от власти, сохранив за ним пост Генсека, а сам станет полновластным Президентом СССР, главой диктаторского режима. В таком случае народу бы объяснили, что произошло просто разделение властей – партийной и государственной.

Дальнейший ход событий и хлынувшая в прессу дополнительная информация убедительно подтвердили, что эти версии, возникшие в первые минуты переворота, имеют все основания быть исследованными в уголовном деле о путчистах. Однако я не настолько наивен, чтобы думать, что будет

проведено объективное расследование по поводу возможной причастности к путчу Горбачёва.

Не смолкал телефон. Звонили из родного Тушинско-Зеленоградского округа, избравшего меня народным депутатом СССР, из других городов страны. Всех интересовал один вопрос – что делать? В первые минуты путча никто не знал, как поступить, что противопоставить новоявленной партийно-кагэбешной хунте. Понятно, у людей не было никакого опыта поведения в подобных ситуациях. Вспомним: последний переворот в России произошёл в октябре 1917 года, когда малочисленной, но достаточно агрессивной группе большевиков удалось захватить власть. В советский период тоже происходили перевороты, однако они носили совершенно иной – дворцовый характер. За долгие десятилетия общественное мнение привыкло к ним как к естественному явлению в борьбе за власть в коммунистической верхушке. Августовский же вооружённый бунт политиканов и генералов не вписывался в привычные стереотипы. К тому же демократы, исходя из своей идеологии ненасильственных действий, недооценили мощь и коварство противника, а поэтому не подготовили план действий на случай внезапного введения в стране чрезвычайного положения. Не было, естественно, никакого координационного органа. Наивные по своей сущности демократы, неоднократно повторявшие в публичных выступлениях азбуку марксизма, согласно которой власть без боя не отдаётся, даже не предусмотрели никаких вариантов

поведения в случае антиконституционных действий со стороны партноменклатуры. Поэтому неслучайно утром 19 августа, находясь в полной растерянности, люди задавали друг другу вполне закономерный вопрос – как быть? Общественность, наученная горьким опытом, отдавала себе отчёт в том, что в случае победы путчистов в стране вновь воцарится диктатура. Естественно, и у меня этот вопрос не выходил из головы. Звонившим коллегам по демократическому блоку я советовал немедленно провести чрезвычайные сессии Советов разных уровней и принять постановления о непризнании так называемого ГКЧП. Кроме того, нужно поднять народ на демонстрации и митинги, объявив о бессрочной политической забастовке по всей стране. Как мне казалось, последовательное и энергичное проведение этих политических акций со стороны официальных структур власти и массового выступления снизу должны возыметь действие и хотя бы на первых порах остудить горячие головы новоявленных наполеонов.

Так или иначе, надо было действовать, ибо, как писал вождь большевиков, промедление в подобных случаях смерти подобно.

Кроме того, голову сверлила ещё одна мысль – куда деть документы по делу № 18/58115-83 о коррупции в высших эшелонах партийно-государственной власти? Суть в том, что незадолго до 19 августа мы, спустя два с половиной года после отстранения нас от ведения следствия, впервые собра-

ли вместе хранившиеся до того в разных местах материалы, отобрали часть документов, чтобы использовать в этой книге, а остальные вновь укрыли в надёжных местах.

Могла попасть в чужие руки и секретная схема, на которой были обозначены все нити коррупции, ведущие от секретарей обкомов партии до членов Политбюро во главе с крёстным отцом сановных мздоимцев Брежневым. В то утро три десятка томов уголовного дела в ксерокопиях удалось передать надёжным людям, которые сразу же вывезли их из Москвы. Избавившись от документов, за которыми в период преследования нашей следственной группы безуспешно охотились тайные и явные агенты КГБ, я стал собираться в Белый дом, чтобы вместе с коллегами по депутатскому корпусу попытаться выработать план конкретных действий в противостоянии начавшемуся путчу. Было очевидно, что, несмотря на значительную политическую активность регионов, они не в состоянии на первоначальном этапе быть центрами организации сопротивления. Миссию по защите демократических институтов власти по всей стране должна была взять на себя Россия, вернее, Москва, а ещё точнее – Белый дом, где должен находиться недавно избранный президент Ельцин со своими единомышленниками.

Однако было уже поздно. В квартиру позвонили... Я открыл дверь. Всё стало ясно – пришли брать. В двух шагах от меня стояло четверо молодых мужчин. Трое в штатском, четвёртый – лейтенант в милицейской форме. Спросили: «Вы

будете Гдлянном Тельманом Хореновичем?» Я кивнул в ответ, и они попросили разрешения войти в квартиру. По формулировке заданного вопроса стало понятно, откуда явились непрошенные гости. В их ведомстве на Лубянке существует неукоснительное правило идентифицировать личность при задержании человека и водворении его в тюремную камеру. От этого правила службисты из тайной полиции не отступают даже при аресте друга, соседа или сослуживца. Коротче говоря, ещё у порога я понял, что пришли из ведомства Крючкова. Завершалось, кажется, затянувшееся на годы наше с Ивановым противоборство с этой зловещей организацией. Пришло время для «вооружённого отряда партии» собирать урожай. Ведь в период перестройки коммунистическая монокультура основательно засорилась сорняками демократии. Но в те минуты я ещё не знал, что оказался первой жертвой начавшейся политической прополки.

Отправляемся на кухню, которая является рабочим кабинетом и единственным местом в квартире, где домашние разрешают курить. Пришедшие объявили о моём аресте и предложили следовать за ними. Ничего не оставалось делать, как потребовать представиться, показать служебные удостоверения и ознакомить меня с документами, на основании которых я лишён свободы. Один из штатских, как потом выяснилось, майор КГБ с Лубянки, охотно представил молоденького лейтенантика в качестве участкового инспектора милиции, обслуживающего наш дом. Остальные отказались

не только «знакомиться», но даже назвать хотя бы представляемое ими ведомство. Тоже знакомый приёмчик, поскольку из всех представителей правоохранительных органов только чекисты установили для себя негласный порядок поведения при производстве такого рода акций: всё, что предписано сверху, делать чужими руками, чаще всего послушной милиции, но самим не засвечиваться, оставаться в тени. Делается это не без умысла. В случае провала операции, как правило, под удар подставляются работники милиции. Если дело сойдёт удачно, кагэбешники перехватывают инициативу и целиком присваивают себе достигнутый вместе с другими правоохранительными органами успех.

Но при проведении особо ответственных операций, связанных с возможным общественным взрывом, усложняются и условия игры, выработанные КГБ. Так было, например, при гонении на Сахарова. Вперёд был выдвинут третий эшелон репрессивных органов СССР – прокуратура, как наиболее цивильная организация. Все контакты с опальным академиком осуществлялись через прокуратуру, которая проводила соответствующего характера беседы, делала официальные предупреждения о недопустимости антисоветской агитации и пропаганды, пытаясь заставить замолчать совесть народа. Однако подлинным режиссёром методично проводимой антисахаровской кампании являлся Комитет госбезопасности, прокуратуре же была отведена роль послушной марионетки. По такому же сценарию проводилось преследо-

вание других диссидентов. Как правило, в районе проживания «объекта» властями выделялось помещение под «Пункт охраны общественного порядка», где хозяйничал переодетый в милицейскую форму с поддельными документами кагэбешник. Вокруг него порхали мальчики и девочки с красной повязкой на рукаве, обозначающей известную в народе службу ДНД. А по существу это были люди с Лубянки. Они денно к ночи «пасли» свой «объект». «Топтуны» ходили буквально по пятам жертвы и членов его семьи, фиксировали связи, контакты, подслушивали телефонные разговоры. Описанные методы годами отрабатывались охранкой и повсеместно применялись в мирных условиях. Но они, естественно, оказались непригодными в период государственного переворота.

В режиме нештатной ситуации 19 августа всё было примитивно упрощено. Некогда было разыгрывать детские игры на зелёной лужайке. Пришли четверо и объяснили: «Вы арестованы!» Всё. Как во времена сталинских репрессий, с одной лишь разницей: тогда в основном брали ночью, а здесь – днём. Общее же остаётся неизменным – абсолютное беззаконие. Что я, юрист, мог противопоставить явному произволу? Только бесспорные аргументы, доказывающие вопиющее нарушение в случае со мной не только прав человека, но законов того государства, которому верой и правдой служили люди, пришедшие меня арестовывать. Во-первых, я напомнил, что являюсь народным депутатом СССР и Респуб-

лики Армении, и на меня распространяется статус депутатской неприкосновенности. Следовательно, требуется постановление двух парламентов о даче согласия на мой арест. Во-вторых, избрание меры пресечения в виде содержания под стражей должно быть санкционировано прокурором. В-третьих, мне должны быть предъявлены конкретные пункты обвинения, с указанием совершённых мною действий, попадающих под признаки уголовно-наказуемого деяния. В ответ на мои требования майор госбезопасности достал из своей папки лист бумаги с текстом в несколько строк и, победоносно взметнув им над головой, заявил, что сей документ служит достаточным основанием для ареста. Я попросил ознакомиться с содержанием документа. Офицер КГБ явно не желал выпускать из рук сокровенную бумагу, опасался, что ли, как бы я не разорвал её в клочья? Пришлось твердолобому представителю охраны разъяснить положения уголовно-процессуального кодекса, согласно которым лицо, подлежащее аресту, имеет право лично ознакомиться с постановлением об избрании меры пресечения. Только после долгих препирательств мне дозволили ознакомиться с творением гэкачепистов.

РАСПОРЯЖЕНИЕ

коменданта г. Москвы

об административном аресте

В соответствии со ст. 9 Закона Союза Советских Социалистических Республик «О правовом

режиме чрезвычайного положения» санкционирую административный арест гражданина Гдяна Тельмана Кореновича сроком на тридцать суток.

Комендант г. Москвы

генерал-полковник Н. Калинин

19 августа 1991 г.

Надо же, усмехнулся я про себя, оказывается уже стал «Кореновичем», а вслух сказал, что военный комендант Москвы Калинин, подписавший распоряжение на мой арест, согласно закону не является должностным лицом, наделённым правом лишать свободы представителя высшего законодательного органа страны. Кроме того, заявил, что после введения чрезвычайного положения, как известно господам из КГБ, я не выходил из своей квартиры и, следовательно, физически не мог воспрепятствовать практической реализации Постановления № 1 ГКЧП. А за нереализованные мысли, как известно, не судят. Более того, новое руководство страны, согласно публичным заявлениям, намерено строго соблюдать Конституцию СССР и охранять основные права и свободы граждан. В свете всего сказанного «филькина грамота» генерала-гэкачеписта Калинина не выдерживает никакой критики.

Надо было видеть этих всеильных некогда молодцов с Лубянки! Бессмысленный испуг в глазах, трясущиеся руки и неуклюжие жесты. Это был неподдельный страх, который я намеренно подогревал, всякий раз напоминая об ответствен-

ности за произвол, которая спросится с них после провала путча. Майор окончательно сник, побледнел лицом и начал чуть ли не упрашивать меня подчиниться приказу. Я поблагодарил за вежливость и ещё раз напомнил, что отказываюсь выполнять незаконное требование. В самом деле, не на свадьбу же меня приглашают, а в тюрьму, куда, известно, добровольно не ходят. Поняв, что добром ничего не добиться, в одно мгновение майор КГБ преобразился до неузнаваемости: резко изменились мягкие черты лица, взгляд стал колючим, на щеках заходили желваки. Стальным голосом он рявкнул: «Взять его!» Подручные тотчас приблизились ко мне и всем видом продемонстрировали, что сопротивление бесполезно. Да и у меня не было сомнений, что они своё грязное дело сделают. Я пошёл переодеваться. В комнату заглянул десятилетний сын Мартин. Весь как-то напружинившись, он выдал из себя: «Ну ты, папа, доигрался». Я успокоил его, заверив, что всё будет хорошо, и скоро вернусь домой. Вряд ли он верил мне в ту секунду, ибо уже давно знал, что в любую минуту с отцом может случиться самое худшее. Я вышел в холл, и в это время зазвонил телефон. Дочь Анджела протянула трубку: «Дядя Коля звонит». Кагэбешник попытался вырвать у дочери трубку, но я опередил его и успел сказать Иванову: «За мной пришли из КГБ. Уходи!» Двое суток, находясь в изоляции, гадал, взяли Иванова или нет.

Я попрощался с детьми. В эту трудную минуту было приятно видеть, что сын и дочь вели себя достойно, без пани-

ки и слёз. После освобождения друзья, опекавшие семью во время моего недолгого отсутствия, сказали, что жена Сусанна и дети держались молодцом. Оно и понятно. За восемь лет, что наша группа вела расследование дела о коррупции, домашние попривыкли ко всяческим неприятностям.

Вместе с охранниками я вышел на улицу. Там нас ждал «жигулёнок» с госномером 60-33 ММЗ. Перед тем как сесть в машину, я увидел пенсионерку из нашего подъезда. Она поняла всё без слов. Вижу нервно задрожали губы, по щекам потекли слёзы. Чтобы хоть как-то разрядить гнетущее безмолвие, морально поддержать её, а может и себя тоже, я подчёркнуто уверенно и бодро сказал соседке, что ничего особенного не происходит, просто пришли новоявленные фашисты, наводят свой порядок, который долго не продержится. Мне предложили сесть на заднее сиденье, по бокам устроились оперативники. Всё делалось по правилам, предусмотренным в соответствующих инструкциях. Сопровождающий нас молодой участковый инспектор милиции, понурился, остался стоять на тротуаре.

За рулём сидел четвёртый оперативник, участия в аресте не принимавший. Он что-то нервничал, время от времени меряя меня презрительным взглядом. Чувствую, как закипает злость:

– Ну, что смотришь, непонятно кого поймали? Главаря. Вы же сегодня одних главарей берёте, пытаетесь таким образом обезглавить всё демократическое движение страны.

– А вы что, считаете себя главарём?

– Не только я, но и ваше ведомство тоже, раз приехали арестовывать.

После этого обмена «любезностями» я поинтересовался, куда всё-таки меня везут. Ответили: в военную комендатуру Москвы. Однако через некоторое время мы оказались на окраине города. Дорога вела в сторону Балашихи. Я заявил, что не знаю, с кем имею дело, куда и зачем меня везут. А, может, рядом со мной какие-нибудь рэкетеры, хотя очень подозреваю, что так беспардонно могут вести себя только люди с Лубянки. Не желая накалять и без того гнетущую ситуацию, старший оперативник сообщил, что вскоре меня доставят в штаб, сдадут начальству, которому я буду обязан давать соответствующие пояснения. На вопросы о том, что за штаб и с каким начальством предстоит объясняться, ответа не последовало. Я замолчал и уставился в окно.

Политбеседа в солдатской казарме

День 19 августа выдался солнечным. Если бы не усиленные наряды милиции и военные патрули на перекрёстках, ничего особенного вроде бы и не происходило. По обе стороны шоссеной дороги спешили куда-то по своим делам сельские жители. Чувствовалось, что они далеки от происходящих событий и заняты своими повседневными проблемами. Вскоре мы проехали Медвежьи озёра и свернули влево на просёлок. Проехав два-три километра в сторону от главной шоссеной дороги, оказались у ворот какой-то воинской части. Сидящий рядом с водителем охранник вышел из машины, поговорил с дежурным КПП и с недовольным видом вернулся. Явно произошло какое-то замешательство. По всему видно было, что конвоиры озабочены вопросом, что делать и куда дальше ехать. Кто-то из них в сердцах бросил: «Давай дальше, может там». «Так-так,— подумал я,— значит у путчистов не всё ладится, если не отработаны даже мелкие организационные моменты». По опыту я знал, что если чекисты за что-то берутся, то, как правило, проводят скрупулёзную предварительную подготовку акции, не упуская даже мельчайших деталей. А сейчас, как-никак, совершается государственный переворот, и такие ляпсусы. Взяли живьём «врага народа» и не знают, куда его упрятать. Есть над чем подумать. И сделать первый утешительный вывод: закрутившаяся

ся машина переворота буксует.

Мы проехали километра два и остановились у проходной ещё одной воинской части. Всё опять началось с переговоров, но на этот раз открылись железные ворота, и мы въехали на территорию военного городка. Проехали плац и остановились у входа в штаб воздушно-десантной бригады. Вышли армейские офицеры и с ними человек в штатском. Воспользовавшись паузой, решил выкурить сигарету и заодно выяснить, куда меня поместят:

– Ну, господа офицеры, позвольте перед заходом в камеру покурить на свежем воздухе.

Старший офицер с погонями полковника смутился, вынул из кармана пачку сигарет и закурил первым. Поговорили о том, о сём и направились ко второму подъезду. На лестничной клетке первого этажа нас встретили два автоматчика. Та же картина на втором и третьем этажах. Значит дело серьёзное, если только в одном подъезде выставлено шесть автоматчиков. Меня провели через пустую, коек на пятьдесят, солдатскую казарму в ленинскую комнату, где стояло с десяток таких же аккуратно заправленных коек. На стенах наскоро переоборудованной в казарму ленинской комнаты все атрибуты коммунистической пропаганды: стенды, красные флажки, вымпелы, обязательства по социалистическому соревнованию и прочий идеологический хлам.

Вместе со мной в ленинскую комнату вошли полковник и человек в штатском.

– Господа, пардон, товарищи, – обратился я к ним, – вы хотя бы представились. Любопытно всё-таки узнать, кто будет решать мою участь.

Первым представился военный, сообщив, что он является командиром воздушно-десантной бригады. Внешне полковник производил благоприятное впечатление: высокого роста, крупного телосложения, подтянутый, бравый офицер, который всем своим уверенным видом подчёркивал, что он – профессионал и дело своё любит.

В разговор вступил молчавший до того штатский, и начался спектакль. Для начала он предложил мне сесть. Я ответил старой, всем известной шуткой:

– Сесть ещё успею.

– Тогда сяду я.

– А вот это непременно случится. Но всё-таки хотелось бы знать, с кем приходится иметь дело. Взглянуть хотя бы на документ, удостоверяющий вашу личность.

– Ну что вы, что вы, Тельман Хоренович, это не секрет, я вам представляюсь: заместитель начальника управления контрразведки, полковник КГБ Чайка Геннадий Павлович.

Собеседник нехотя вынул из внутреннего кармана пиджака служебное удостоверение и передал мне.

Я повторил свои претензии и спросил, кто же будет нести ответственность за незаконный арест союзного и республиканского депутата. На что кагэбешник без тени смущения

заявил, что впервые слышит о моём аресте. Что касается его появления на территории войсковой части, то это чистая случайность: был в отпуске и заглянул в часть.

– Полковник, кончайте валять дурака. Ваши люди привели меня сюда, сдали вам, а вы талдычите, что оказались здесь случайно.

– Уверяю вас, что КГБ к вашему аресту не имеет никакого отношения.

– Вы напоминаете своих подчинённых, которые, арестовывая меня, тряслись как осиновый лист, ибо ведали, что творят беззаконие.

– Тельман Хоренович, вас арестовали военные, они же будут заниматься вами.

От такой наглости командира войсковой части аж передёрнуло. Но виду он не подал и лишь спокойно заметил, что военные не принимали участия в моём аресте и не намерены заниматься моими делами. Единственная функция, возложенная на военных – обеспечить мою охрану. По существу комбриг опроверг необоснованные обвинения в адрес армии. Таким образом, я оказался ничейным, бесхозным арестантом, которого почему-то усиленно охраняют автоматчики. С одной стороны, никто не хочет взять на себя ответственность за незаконный арест, а с другой – по чьему-то приказу я продолжаю находиться под стражей. Конечно, я отчётливо представлял расстановку сил, понимал, что преступная акция была совершена по указанию руководства Ко-

митета госбезопасности, которое не могло простить расследования дела о кремлёвской мафии. Марионеткой в их руках оказался комендант Москвы, генерал-полковник Калинин, который по указке новых хозяев бездумно подписывая распоряжения на арест ни в чём не повинных людей. Офицеры же войсковой части, где я находился в дни путча, видимо, против своей воли оказались втянутыми в грязную игру. Я сознательно не называю фамилий, чтобы не дискредитировать наше российское офицерство, которое, уверен, в трудную минуту станет надеждой и опорой народом избранной власти.

Полковник Чайка, решив, что спектакль окончен, обрушил на меня град вопросов. Что думаю о происходящих событиях? Каково моё личное отношение к ГКЧП? Какие, с моей точки зрения, силы стоят за новым руководством страны? Сумеет ли оно сохранить стабильность и законность в стране? Какие силы могут этому помешать и в какой форме? Из ответов на поставленные вопросы можно было составить достаточно полное представление о политических взглядах арестованного, о чём и доложить начальству.

Скрывать мне было нечего. Я сказал, что захватившая власть хунта долго не продержится, изложил свои версии происходящего. Далее зашла речь о роли в перевороте правоохранительных, то бишь репрессивных, органов и вооружённых сил империи. Я заявил, что все эти органы поддержат путч и могут даже обеспечить победу в борьбе со сла-

быми демократическими силами на первом этапе. Судя по тому, что одним из ведущих игроков в затеянной авантюре является Крючков, Комитету государственной безопасности отведена ударная роль в установлении режима чрезвычайного положения. Естественно, что на первом этапе репрессивная машина образует единый альянс с партийной и государственной структурами власти. Объединённый блок небольшевиков ввиду явного перевеса сил может одержать очередную победу над своим народом, дабы окончательно погубить страну.

Однако я предостерег полковника КГБ, что его хозяевам не следует предаваться эйфории, ибо вопрос об окончательной победе будет решаться на втором, определяющем этапе противоборства между вечно вчерашними и всё более укрепляющимися силами демократии. Я изложил своё видение дальнейших событий в случае, если верх возьмут путчисты.

Во-первых, СССР уже не то политическое государственное образование, каким оно было в начале горбачёвской перестройки. Прежнего монолита нет. Большинство республик и, прежде всего, Россия, заявили о своём суверенитете. Для сохранения целостности страны назрела политическая реформа. С этой целью и подготовлен новый Союзный договор, подписание которого сорвали путчисты. Однако без ожесточённых боёв никто не уступит завоёванной свободы. Предположим, что армии, КГБ и внутренним войскам удаст-

ся силой навязать прежний режим. В таком случае начнётся бесконечная партизанская война на обширных территориях. Даже мусульманские фундаменталисты не останутся в стороне от этой борьбы и нанесут удар в спину путчистам. Далёкие от демократии, они на этом этапе окажутся в одной упряжке с силами сопротивления в христианских республиках, чтобы общими усилиями избавиться от ненавистной диктатуры КПСС. Таким образом, начнётся ливанизация всей страны, появятся десятки новых карахов, начнётся распад государства. Во-вторых, Москва – ещё не вся Россия. Установление контроля над столицей не означает победу над всей необъятной и непокорной Россией, которая уже никогда не захочет влачить прежнее рабское существование. Первыми против хунты поднимутся шахтёры Кузбасса и Воркуты. Мы с этими ребятами подружились с тех пор, когда вместе с Ивановым в знак солидарности с шахтёрским движением в марте 1991 года присоединились к проводимой ими политической голодовке. Кроме того, я побывал в этих угольных бассейнах и лично убедился в решимости людей биться с кремлёвской верхушкой до последнего. Без сомнения, шахтёры найдут поддержку, в результате чего вся Российская Федерация окажется в кольце всеобщей, бессрочной политической забастовки с единственным ультимативным требованием незамедлительного возвращения к власти всенародно избранного Президента Ельцина.

Внимательно выслушав мои рассуждения, полковник КГБ

задал весьма резонный вопрос:

– Вы могли бы сказать, кто же приведёт в действие столь обширную программу сопротивления новым властям?

Я напомнил, что идея путча витала в накалённой политической атмосфере давно. После кровавых событий в Сумгаите, Карабахе, Тбилиси, Ферганской долине, Баку и Вильнюсе стало очевидным, что кремлёвские временщики пойдут на крайние меры ради того, чтобы удержаться у власти. Об этом мы с Ивановым заявили ещё 4 марта 1990 года на полумиллионном митинге на Манежной площади в Москве.

Кроме того, в период создания Народной партии России весной 1991 года, бывая в различных регионах республики, неоднократно обращали внимание наших сторонников на то обстоятельство, что в случае установления диктатуры демократическое движение будет обезглавлено в одночасье. Поэтому не следует ждать призывов и указаний из какого-то центра. В начале каждый регион должен организовать сопротивление диктатуре, после чего начнётся цепная реакция и естественным путём произойдёт консолидация всех сил, выступающих против тоталитарного режима.

Следует учитывать то обстоятельство, что экономика и финансы страны разваливаются. При одновременной внутренней и внешней блокаде народное хозяйство долго не продержится, даже если хунта использует стратегические запасы продовольствия. У диктатуры есть шансы удержаться на политической арене в том случае, если новый режим накор-

мит народ, а это, как мы прекрасно понимаем, весьма проблематично.

В силу названных причин хунта, даже если победит, существует максимум несколько месяцев. Возможен временный возврат к прошлому, но невозможно дальнейшее развитие недемократических институтов власти. Народы однозначно предпочтут свободу и демократию коммунистическому режиму. Поэтому судьба путча предрешена объективным ходом истории. В завершение я сказал полковнику:

– Скажите, чем объяснить то обстоятельство, что в хунте не нашлось места ни одному мало-мальски приличному человеку. Все они, как на подбор, люди, которые давно скомпрометировали себя в общественном мнении, вошли в сознание людей как организаторы кровавых столкновений в различных регионах страны. Они не пользуются доверием народа. Более того – их ненавидят. А малоизвестные члены ГКЧП, не столь одиозные, не смогут повести за собой людей, им просто не поверят, за ними не пойдут. Неужели для такого большого дела не нашлась пара профессиональных психологов, которые вовремя обратили бы внимание на подбор команды для совершения государственного переворота? Проиграют они – проиграете и вы, полковник. Подумайте об этом.

Вот такая политбеседа состоялась в ленинской комнате, которой гэкачеписты нашли достойное применение, превратив в казарму-тюрьму. Собеседник на секунду задумался.

Может он в чём-то и был со мной согласен, но будучи штатным сотрудником КГБ, полковник не имел права на собственные чувства и мысли. Повторив свои idiotские уверения о том, что он оказался здесь совершенно случайно, кагэбешник удалился.

Кусочек хлеба с кабачковой икрой

В казарме остались мы с комбригом. Зашли в маленькую десятиметровую комнату с тремя железными койками, заправленными также по-солдатски аккуратно. Комбриг разрешил мне обосноваться здесь, так что первому арестанту предоставлялось льготное право выбора своей койки. Дальше мы прошли в большее помещение, в каких размещаются обычно красные уголки. Но сейчас здесь установили сдвинутые два больших стола, на которых стояло больше полсотни тарелок, металлических солдатских кружек и ложек. На каждой тарелке лежало по два куска хлеба, аккуратно намазанных кабачковой икрой. Даже человек с буйной фантазией в тот момент не смог бы догадаться, для чего всё это понадобилось. Потом, в доверительных разговорах с младшими офицерами, выяснилось, под каким предлогом были сервированы далеко не праздничные столы. Военным объяснили, что эти зловерные демократы подготовили массовые террористические акции в отношении семей ответственных партийно-государственных работников Москвы. Так вот, чтобы уберечь несчастные семейства от террора со стороны экстремистов, высшим руководством страны принято решение временно переместить беззащитных домочадцев под охрану военных и не дать помереть с голоду, для чего и были приготовлены кусочки хлебушка с кабачковой икрой. Они,

мол, скромные, к такой неприхотливой еде привыкшие. Эта в высшей степени трогательная история должна была, по замыслу лубянских живодёров, вышибить слезу не только у боевого офицера, но и у простого, далёкого от политики солдата. Кроме того, сердце каждого честного военного должно наполниться искренней ненавистью к кровожадным демократам, способным поднять руку на ни в чём не повинных членов семей руководящих работников. Офицеры были несколько ошарашены, узрев во мне первую жертву коварных демократов. Поскольку я никак не мог быть членом «семьи ответственного партийно-государственного работника», то, как выяснилось позже, стали обсуждать такую версию моего появления у десантников: раз ГКЧП объявило народу о беспощадной борьбе с мафией, то меня привезли к десантникам, чтобы здесь, находясь в безопасности под усиленной охраной автоматчиков, я вместе со своей прежней следственной группой возобновил трудную и опасную работу. В то время как десантники строили догадки на счёт моего появления в их казарме, коллега Иванов, выступая с балкона Белого дома, сказал: «Да, хунта начала беспощадную борьбу с мафией, арестовав прежде всего Гдляна». Тем временем появился ещё один «член высокопоставленного семейства», ставший жертвой озверевших демократов. С шумом и руганью в казарму втолкнули бывшего полковника авиации Николая Проселкова, сняли с него наручники. Успокоив арестанта, я принялся за двух доставивших его офицеров гос-

безопасности. Старший угрюмо молчал. Второй, помоложе, как бы оправдываясь и стыдясь своего участия в грязном деле, напомнил, что в ноябре 1984 года в составе следственно-оперативной группы под моим руководством он участвовал в изъятии ценностей на шесть миллионов рублей у первого секретаря Бухарского обкома партии Каримова. Поистине, неисповедимы пути Господни. Кто бы мог подумать тогда, что спустя годы может случиться такая встреча, при которой одному из нас станет неловко и стыдно.

Ближе к вечеру приволокли третьего арестанта, народного депутата Российской Федерации Владимира Комчатова. Вероятно, он прогневил ГКЧП не только своими антикоммунистическими выступлениями, но и участием в справедливом решении карабахской проблемы. За несколько дней до начала путча Комчатов выехал в Нагорный Карабах, чтобы воспрепятствовать массовой депортации армян, планомерно проводимой азербайджанскими боевиками. Акция, одобренная Горбачёвым, была направлена на силовое решение национально-территориальных конфликтов, чтобы раз и навсегда вновь загнать в коммунистическое стойло разбуженные от долгой спячки народы.

В изоляции

С водворением в казарму Комчатова вновь возникло ощущение тревоги, подумалось, что в предстоящие несколько часов хлынет поток новых арестантов. Но проходил час за часом, а пополнения в казарму не поступало. К тому времени сорвалась ещё одна акция, запланированная хунтой. Дело в том, что в полдень комбриг доверительно сообщил мне пренеприятную новость: к вечеру всех нас вывезут в аэропорт и на самолёте доставят в конечный пункт назначения, а куда именно, он не в курсе. Отлично зная нравы хозяев Старой площади и Лубянки, я не сомневался, что мой борт полетит по маршруту Москва – Ташкент. Там я буду передан в «ласковые» руки бывших подследственных по узбекско-кремлёвскому делу. Нетрудно было представить свою дальнейшую судьбу, которая ничего хорошего не сулила. Меня просто бы уничтожили физически.

В полночь мы подвели итоги бурного дня и пришли к выводу, что заведённая хунтой репрессивная машина даёт сбой, не может развернуться во всю мощь по тем или иным пока не известным нам причинам. Затеплилась еле смутная надежда. Вместе с тем каждый из нас отдавал отчёт в том, что опасность вовсе не миновала. На том порешили и отправились в свою трёхместную камеру, чтобы попытаться хоть немного поспать, отключиться от всего происходящего.

Утром 20 августа военные сообщили приятную новость. Оказывается, что вчера был задержан народный депутат Российской Федерации Виталий Уражцев, но после нескольких часов профилактической работы его отпустили. Что-то не ладилось у путчистов. Их нерешительность наводила на мысль, что у них не всё в порядке с применением силовых методов борьбы со своими политическими противниками. Более того, в течение всего второго дня путча список политических арестантов не увеличился.

Конечно, оказавшись изолированными от внешнего мира, мы ничего не знали о том, что происходило за пределами нашей тюрьмы-казармы. По телевизору гоняли надоевшие мультики, время от времени унылые дикторы призывали трудящихся неукоснительно соблюдать чрезвычайное положение. Однако типичной для коммунистической пропаганды болтовни о «всеобщей и единой поддержке народных масс» было не слышно. Следовательно, в идеологическом обеспечении путча тоже возникла какая-то напряжённость.

Жизнь в военном городке с тремя заложниками ГКЧП протекала своим чередом. Поражало количество вооружённых людей, брошенных на нашу охрану. Вокруг казармы несли службу около взвода автоматчиков. Вместе с нами круглосуточно находились в помещении два-три офицера. На ночь охрана внутри здания усиливалась ещё тремя-четырьмя офицерами с табельным оружием. Хунта явно переусерд-

ствовала, определив степень общественной опасности наших персон. Полковник Чайка после двух словесных стычек изменил тактику и поручил неблагодарную работу по промыванию наших мозгов замполиту той же войсковой части, в которой мы сидели. Этот старался всюду, пытаясь склонить арестантов на сторону хунты. Пришлось намекнуть ретивому подполковнику, что примитивная его пропаганда вряд ли подействует на нас, людей, прошедших школу политической борьбы именно с главарями путча, узурпировавшими власть в государстве. На вопрос о том, стал бы он стрелять в народ, замполит, не моргнув глазом, выпалил: «Конечно, если получу приказ». Мы попросили подполковника доложить своему шефу Чайке, что старания его напрасны. Мы упросили военных дать нам транзисторный приёмник, и в ночь на 21 августа в казарме раздались позывные «Свободы», «Голоса Америки», и «Эха Москвы». Почти двое суток находясь в информационной блокаде, мы, наконец, почувствовали живое дыхание тех событий, которые бушевали у Белого дома. Передачи слушал вместе с нами и замполит, который в конце концов допёр, что информация поступает обнадеживающая, и отобрал транзистор. Дело чуть не дошло до рукопашной, но спорить с этим солдафоном оказалось занятием безнадёжным.

Тогда мы решили обратиться за помощью к молодому капитану по имени Вячеслав, фамилию которого в суматохе позабыл, о чём сейчас очень сожалею. Были с нами и дру-

гие офицеры, которые вели себя вполне достойно, всячески подчёркивали своё негативное отношение к путчу и сочувствовали нам. Они умудрялись угощать арестованных яблоками, помидорами и даже домашними пирогами. Конечно, знал об этом и комбриг. Очень хотелось думать, что армия в основном состоит из таких вот офицеров и командиров, а не холуёв вроде замполита.

Слава принёс из дома транзистор, и мы вновь воспряли духом. Из радиопередач стало очевидным, что для обеих противоборствующих сторон у Белого дома наступил решающий час, и исход противостояния станет ясным уже к утру. Больше всего беспокоил намечавшийся штурм Белого дома. Но в какой-то момент стало ясно, что без большой крови взять приступом здание невозможно, ибо оно находилось в плотном кольце защитников свободы и демократии. Чем могли мы им помочь? Посоветовавшись, решили вызвать на переговоры командира части и предъявить ультиматум. В три часа ночи комбриг пришёл на встречу. Ему напомнили о незаконности нашего ареста и содержания под стражей во вверенной ему войсковой части, что само по себе является уголовно наказуемым деянием. Мы заявили также, что если раньше арест можно было объяснить ссылками на решение новых властей, то теперь, после обращения законно избранного президента России Ельцина к народу, все решения и действия ГКЧП являются преступными. Более того, согласно Указу Ельцина объявляется амнистия всем тем, кто

в той или иной мере оказался причастным к путчу, но после Указа своими действиями не способствовал хунте и поддержал законную власть. Следовательно, дальнейшее содержание нас под стражей есть преступление со стороны командования войсковой части.

Мы потребовали немедленно освободить нас из-под стражи, дать возможность выступить перед личным составом, поднять по тревоге воздушно-десантную бригаду и вместе с нами идти к Белому дому защищать законную власть. Комбриг ответил, что решение всех трёх вопросов не относится к его компетенции и подлежит согласованию с вышестоящим начальством. Начались переговоры. В 7 часов утра появился комбриг и другие офицеры части. Вместе с ними был полковник Чайка, который едва держался на ногах. Я не удержался и сказал: «Если уж полковник КГБ при выполнении столь ответственного задания вдребезги пьян, значит у хунты дело – труба». Комбриг объявил, что мы освобождены, но два других требования начальство отклонило.

Чайка заплетающимся языком предложил развезти освобождённых арестантов по домам. Мы потребовали немедленно отправить нас к Белому дому. Согласились. Предложили ехать всем на одной машине. Мы отказались, заявив, что одну машину с опасными для гэкачепистов пассажирами проще простого пустить под откос и таким образом отделаться от живых свидетелей допущенного беззакония. Было выделено две машины. Перед отъездом вдруг засуетил-

ся полковник Чайка. Смотрим, из штаба выходит его подчинённый с подносом, на котором стоят четыре стакана с вином. Не смущаясь, кагэбешник предложил недавним арестантам ... поднять бокалы и выпить за знакомство. Похоже, что некоторым людям из ведомства Крючкова вовсе неведомы такие нравственные понятия, как честь, совесть, достоинство. Спустя два дня после нашего освобождения мне позвонил высокопоставленный ходатай от Чайки с просьбой не привлекать полковника к ответственности. Конечно, столь бесстыдное попрание закона должно быть наказано. Но я уже не испытывал к этому человеку ничего, кроме чувства брезгливости.

Около 8 утра мы подъехали к Белому дому; встретили нас бурные возгласы, рукопожатия, поздравления с освобождением и победой над гэкачепистами. Кругом – море радостных улыбок, в глазах – безмятежная надежда на лучшее будущее. Мы прошли в здание. Здесь уже не было прежней чопорности, улетучилась куда-то официальность внутреннего убранства. Депутаты России три дня были рядовыми бойцами, готовыми с оружием в руках защищать свободу и уничтожить диктатуру госпартноменклатуры, которая с открытым забралом попыталась выступить против своего народа.

От защитников Белого дома стало известно, что кроме нас троих никто не был арестован. Решили пойти к Ельцину и доложить о нашем освобождении. Коридоры Белого дома представляли собой разбуженный улей: депутаты попереж-

ку с военными в униформе, с автоматами в руках курсировали по многочисленным и весьма запутанным коридорам огромного здания. В обширной приёмной Президента России, не уступающей по своим размерам волейбольной площадке, та же картина: скопление вооружённых людей, бурные беседы, усталые небритые люди, ни на миг не замолкавшие аппараты правительственной связи, озабоченные и уставшие помощники Президента. Мы попросили аудиенции. Оказалось, что в течении двух предыдущих суток Ельцин не сомкнул глаз и полчаса назад уснул в своём кабинете. В 10 часов начнётся внеочередное, чрезвычайное заседание российского парламента, на котором должен выступить Борис Николаевич. Конечно, мы не стали его тревожить.

Спустились на балкон второго этажа Белого дома. Внизу бушевал митинг, длящийся двое суток подряд. Нас попросили выступить. Впрямь получилось – с корабля на бал, недавние зэки стали ораторами.

Пока свободою горим

Утром 19-го августа я проснулся поздно, около 9 часов. В квартире никого – жена, тёща и дети уехали в деревню. Телефон, который по привычке отключил на ночь, молчал. Пошёл на кухню бриться, машинально включил радиоприёмник. Передавали заявление Лукьянова и другие документы новоявленного ГКЧП. Метнулся к телефону, услышал голос Анджелы – дочери Гдляна. Она кому-то говорит: «Дядя Коля...», потом какие-то шумы, и голос Гдляна – встревоженный, резкий, какой бывает у него в минуты опасности. Я даже не запомнил его слов, схватил лишь суть, за ним пришли гэбэшники, и мне надо уходить.

Тогда я ещё не знал, что в Москве это первый арест. Какая беспечность! Успокоились, расслабились. Ведь знали же, что в случае переворота нас сразу попытаются арестовать и уже не будут спрашивать разрешения у союзного парламента, а тем более у Верховного Совета Армении. В своё время у нас была чётко продумана и отлажена тактика действий в чрезвычайной ситуации. Она, в частности предусматривала, что в случае ареста одного из нас второй обязан был действовать нелегально. Были продуманы система связи, подпольные квартиры, способы передачи информации и многое другое.

Убрал кое-какие документы, взятые на пару дней для ра-

боты над книгой, и выскользнул из дома. Всё. Я на нелегальном положении. Предстояло вновь отладить систему связи, проработать действия на случай, если и меня удастся исключить из борьбы. Решил остаться в Москве, но чтобы быть в большей безопасности, распространил информацию о срочном отъезде в Армению.

Не могу рассказывать обо всех обстоятельствах тех первых тревожных суток. От ряда помогавших нам людей из прокуратуры, МВД и других ведомств не получено согласия называть их фамилии. Кроме того, если быть до конца искренним, далеко не убеждён в том, что в случае повторения событий августа 1991 года вновь не придётся переходить на нелегальное положение.

...Утром 20-го августа я сидел в небольшой московской квартире вместе с бывшими сослуживцами из следственной группы. Был среди них и Бахтияр Абдурахимов – один из лучших следователей Узбекистана. Уже год как он был обвиняемым по сфальсифицированному «делу следователей». Мерой пресечения ему избрали подписку о невыезде, а в Москву он прибыл по очередному вызову в Прокуратуру СССР. Расследование его дела уже давно было завершено, однако предъявленные обвинения выглядели настолько бредовыми, настолько бездоказательными, что руководство прокуратуры не решалось направить дело в суд. Но и не прекращало его. И вот теперь нарушители «социалистической законности» расположились за столом и решали, что

делать дальше. Я настаивал: пора перебираться в Белый дом, всё, что можно было сделать за сутки, сделано. Мне возражали – нечего самому лезть в лапы путчистов, нужно думать прежде всего о судьбе Гдляна и других следователей, подвергающихся уголовным репрессиям. Пока один из нас на свободе, больше гарантий безопасности других. Всё же решили отправиться к Белому дому, где определялась судьба России, предварительно проанализировав всю имеющуюся в нашем распоряжении информацию.

Среди наших ошибок главной была беспечность, которую мы не имели права допустить как профессионалы. Но и у путчистов оказалась масса грубейших «проколов». Ведь очевидно, что задержание обоих необходимо было осуществить одновременно, причём либо ранним утром, на рассвете, либо организовать засады и взять тихо по одному уже на выходе из квартир. Тогда арест двух народных депутатов можно было бы на какое-то время сохранить в тайне. Или другое: допустить, чтобы арестованный в присутствии оперативников сумел воспользоваться телефоном и предупредил о случившемся коллегу! В итоге об аресте Гдляна моментально стало известно всей демократической общественности в Москве. О нём сообщила «Свобода» и другие зарубежные радиостанции.

Не случайно чекисты при задержании Гдляна скрыли свои фамилии и должности, прикрываясь фигурой участкового. Наши люди в тот день побывали в этом отделении милиции,

и его начальник подтвердил, что он выделил своего работника для обеспечения акции КГБ, отказавшись сообщить, от кого получил команду и кто из сотрудников политического сыска участвовал в аресте. К этому времени мы уже знали обо всех, кто был арестован хунтой. Непрошенные гости также посетили народного депутата России Глеба Якунина, но тот не открыл дверь, и они, потоптавшись в подъезде, удалились, после чего Глеб Павлович приехал в Белый дом.

Сотрудник Прокуратуры СССР сообщил, что её руководство, коллегия, полностью поддержали ГКЧП. Наибольшую активность, стремление выслужиться выказали наши давние оппоненты: первый заместитель Генерального прокурора А. Васильев, который в то время исполнял обязанности Генерального прокурора, и другой заместитель И. Абрамов. Васильев подписал и направил на места телеграммы о безоговорочной поддержке путчистов и исполнении всех их распоряжений. Не скрывал своей радости и Абрамов. Этот генерал КГБ, многие годы возглавлявший печально знаменитое преследованием диссидентов 5-е управление, продолжал и в прокуратуре курировать службы безопасности. Нам стало известно, что Абрамов не скрывал своего удовлетворения по поводу ареста Гдляна и Иванова и был убеждён, что нас взяли обоих. Из чего можно было заключить, что план был именно такой. Почему он не сработал, пока было не ясно²³.

---

²³ Уже после провала путча было установлено, что 19 августа задание на арест Иванова конкретные исполнители из КГБ получили.

Днём соседи по дому видели каких-то штатских, которые заходили в подъезд. Но были ли то гэбэшники, прибывшие на задержание, или просто случайные люди – не знали. Когда я уходил из дома, слежки не обнаружил. Позже другой работник Прокуратуры СССР сообщил о намерении этапировать Гдляна (а если удастся задержать, то и меня) – в Узбекистан. Кстати, о существовании подобных планов мы знали давно. Ещё в апреле 1990 года, когда Генеральный прокурор обратился в Верховный Совет с представлением о нашем аресте, предполагалось в случае положительного решения этого вопроса передать нас в руки мафиозных кланов Узбекистана. Поскольку доказательств нашей виновности никаких не было, то осуществить судебную или физическую расправу можно было только в тех краях. Теперь эта возможность становилась реальностью.

Уже стало известно, что коррумпированная верхушка Узбекистана активно поддержала ГКЧП, в соответствии с его постановлениями в республике осуществлялись первые аресты представителей демократической оппозиции. Так что в «радушном приёме», который нам окажут, сомневаться не приходилось.

Как могли, поддерживали семью Гдляна: в квартире постоянно находились наши преданные помощники Роман Червонцев и Надежда Черноротова, Анатолий Артемьев и его жена Нина Никифоровна, изгнанная из Прокуратуры Союза, следователь нашей группы Людмила Пантелеева и про-

курор отдела Прокуратуры РСФСР Ольга Бобкова. Позднее эта преданная своему делу женщина, сын которой все эти дни был среди защитников Белого дома, будет уволена из российской прокуратуры. Все эти люди поддерживали семью Тельмана Хореновича, писали воззвания, сообщали нашим сторонникам в различных городах страны о чинимом беззаконии, передавали сводки о положении в столице, требовали освобождения Гдляна. Мы уже знали, что арестованных в Москве нет, что их содержат где-то в Подмосковье, но где именно, установить не удалось.

...К Белому дому со всех сторон стекались люди. Удивило, что на подступах не было ни проверки документов, ни попытки преградить путь этим людским потокам. И это в условиях, когда вся Москва запружена войсками, введён комендантский час. Множество знакомых лиц – активисты первой демократической волны, которые потрясли столицу многотысячными демонстрациями и митингами. Непривычно много было и молодёжи. Они шли защищать свою власть, свою свободу, свои идеалы. Ровно в 12 часов дня 20 августа вся площадь перед Белым домом была запружена людьми и начался митинг. Поднялся на балкон второго этажа, где были установлены микрофоны. Мне дали слово. Говорил о том, что хунта долго не продержится, окончательная победа будет за народом. Как-то сами собой вспомнились стихи Пушкина, и я прочитал их, обращаясь к площади, которую скоро назовут площадью Свободной России: «Пока свободою горим...»

Сразу после митинга на проспекте Калинина прошло совещание народных депутатов СССР. Нас было человек сорок – все, кого удалось собрать. Единогласно приняли решение всеми возможными способами препятствовать путчу, избрали оргкомитет по созыву чрезвычайного съезда. Создали две группы: для встречи и переговоров с Лукьяновым и по освобождению незаконно арестованных путчистами людей. Возглавить вторую группу поручили мне. Кстати, и депутаты, отправлявшиеся к Лукьянову, должны были в категорической форме потребовать от него освобождения Гдляна и других интернированных хунтой. О том, что глава парламента заодно с путчистами, мало кто сомневался.

Полтора часа мы с Сергеем Белозерцевым и Константином Харченко пытались попасть в штаб Московского военного округа. Калинин и его генералы принимать нас отказывались. Одновременно мы вели агитацию среди офицеров. У одних была мрачная решимость выполнить любой приказ, у других – полная растерянность. Мы раздавали Указы Ельцина, оказалось, что у большинства офицеров уже есть эти документы.

Часам к восьми вернулись на Калинина, 27, и по спецсвязи пытались дозвониться до Лукьянова, Язова, Крючкова, Пуго. В приёмной Язова любезно сообщили, что министр отбыл домой. Позвонили туда, Язов сам взял трубку. Разговаривал с ним Белозерцев. У маршала попросили объяснений по поводу произведённых арестов. Спросили – поче-

му Калинин отказывается не только принять нас, но и сообщить о местонахождении Гдляна и других арестованных. Язов казался спокойным и даже каким-то будничным. Объяснил, что Калинин действует в пределах своих полномочий и у него – Министра обороны – нет оснований вмешиваться в его деятельность. Что касается арестов, то военные ими не занимаются, и он ничего не знает.

То же самое и Крючков, выслушав Белозерцева, заявил, что КГБ никакого отношения к арестам не имеет. О том, кто же имеет отношение и какова судьба интернированных, шеф тайной полиции не знал. Тогда ему заявили, что поскольку есть сведения о готовящихся арестах Глеба Якунина, Олега Калугина, Николая Иванова и Сергея Белозерцева, может КГБ выделит охрану народным депутатам? Крючков сказал, что подобные услуги его ведомство оказывает за плату, и повесил трубку.

Пуго на месте не оказалось, но удалось поговорить с его первым заместителем Б. Громовым. Он помялся, что сейчас, дескать, уже поздно, пообещал навести справки об арестованных.

Лукьянова тоже не было, но его помощник сообщил, что у Председателя Верховного Совета была группа народных депутатов, которую заверили: Гдлян уже на свободе. Лукьянов просто соврал. Ему, одному из главных организаторов разгрома дела о коррупции, Гдлян нужен был только за решёткой. А что арестован тот был незаконно – плевать хотел глава

парламента, хотя не мог не знать, что в тот день 20 августа из Верховного Совета Республики Армения поступит протест по поводу ареста Гдьяна с требованием его немедленного освобождения.

Депутаты, побывавшие на приёме у Лукьянова, рассказали, что тот не видит ничего необычного в происходящем и полагает, что самое главное – чтобы сессия Верховного Совета СССР рассмотрела вопрос об утверждении режима чрезвычайного положения. А народ, мол, поддерживает ГКЧП, в доказательство чего Лукьянов показал телеграммы и письма. Он также сообщил депутатам, что несколькими днями раньше группа товарищей побывала у Горбачёва, и он не возражал против введения чрезвычайного положения, если такое решение будет принято Верховным Советом. Лукьянов только что не божился, что Гдьян уже освобождён. Кстати, когда 26 августа на сессии союзного парламента Лукьянов клеймил своих единомышленников по путчу и товарищей по Политбюро, депутат Александр Оболенский напомнил такой эпизод: «...19 августа я поставил Анатолия Ивановича официально в известность о том, что арестован народный депутат Гдьян. Мне было сказано, что это, вероятно, слухи, но у меня была информация непосредственно от семьи Гдьяна: его задержали в присутствии детей. Тут, как говорится, делать было нечего. Анатолий Иванович сказал, что взял моё сообщение на заметку, что даст команду всё выяснить. На следующий день у нас состоялся телефон-

ный разговор, в котором меня Анатолий Иванович заверил, что Гдлян отпущен 19 августа. Его не арестовывали, а просто задержали, чтобы сделать какое-то предупреждение. Уже здесь, на сессии, я спросил Тельмана Хореновича, когда его отпустили – его отпустили только 21 августа...» Возразить что-либо Лукьянову было нечего.

Обо всех этих беседах с организаторами заговора, о ведущей роли в нём Лукьянова я рассказал москвичам по радиостанции «Эхо Москвы», установленной в ночь на 21-е на крыше Белого дома. Неоднократно выступал по внутренней радиостанции Белого дома, с балкона второго этажа перед непрерывающимся митингом защитников свободы. В 22 часа депутатов СССР и России собрали в зале заседаний. Хотели начать чрезвычайную сессию прямо ночью, уже зная о приказах штурмовать Белый дом. Но депутатов собралось мало, кворума явно не хватало. В час ночи собрались ещё раз, решали, как поступить, если начнётся штурм. Мнения разделились. Часть депутатов осталась в здании, остальные, и я в том числе, решили идти на площадь.

О той тревожной ночи сказано уже и написано немало. Конечно, мало кто из нас мог предположить, что ни Язов, ни Крючков, ни другие заговорщики не будут отвечать за гибель трёх ребят, и такое решение примет ни кто иной, как Генеральный прокурор России. Не знали защитники Белого дома и о том, что роль Горбачёва в путче даже не будет выясняться, что генерал-полковник Калинин вскоре станет

начальником Бронетанковой академии, что пойдут в гору и многие другие активные участники путча, а уголовное дело против ГКЧП будет прекращено судом...

Ранним утром все уже поздравляли друг друга с победой. Чувствовали, что перелом наступил. Часов в 8 я смог увидеть и обнять Гдьяна.

В 10 часов мы все невыспавшиеся, небритые, голодные, но счастливые пошли в зал заседаний. Открылась чрезвычайная сессия Российского парламента.

Зал был забит битком. Вместе с депутатами было много защитников Белого дома, представителей московской интеллигенции, журналистов. Не забыли показаться на людях и многие из тех, кто верой и правдой долгие годы служили режиму.

Выслушав речь Президента Ельцина, парламент полностью поддержал его позицию и одобрил все действия руководства России в условиях захвата власти самозванным ГКЧП. В ходе обсуждения сложившейся чрезвычайной ситуации кто-то из депутатов задал вполне обоснованный вопрос, почему российская прокуратура не возбудила уголовное дело по очевидному всем факту государственного переворота. К микрофону подошёл Генеральный прокурор РСФСР Валентин Степанков и, нисколько не смущаясь, заявил, что расследование деятельности путчистов не входит в компетенцию российской прокуратуры и ей неподследственно.

Однако он тут же получил резкую отповедь со стороны де-

путата Владимира Олейника, который заявил что Степанков слишком вольно толкует Закон, и потребовал немедленно возбудить уголовное дело. Вечером, как только Александр Руцкой за шиворот приволок путчистов из Фороса и ситуация прояснилась, Степанков тут же отыскал нужную статью в законе и достаточно оснований для возбуждения дела. И этот эпизод вовсе не был случайным. Степанков вместе со своим покладистым заместителем Евгением Лисовым до неузнаваемости перелицевали дело о государственном перевороте, фактически спуская его на тормозах. Многие организаторы путча освобождены от ответственности ещё в ходе следствия. Криминальные исследования были ограничены лишь тремя августовскими днями, да и то не в полном объёме, хотя у некоторых главарей путча руки по локоть в крови, так как именно они ответственны за резню в Сумгаите, Баку и Фергане, побоища в Тбилиси и Вильнюсе, за разжигание межнациональных конфликтов.

В ночь с 21 на 22 августа Белый дом по-прежнему находился в кольце верных защитников. Только под утро народ стал расходиться: беда миновала. На другой день по Москве прокатилась волна митингов сторонников победившей демократии. Выступая на Манежной площади, Гдлян сказал: «Дело кремлёвской мафии, о которой несколько лет твердили Иванов и Гдлян, свершилось. Не только мы, но и весь народ воочию убедился в реальности существования мафии, орудовавшей в Кремле». Похоже, заканчивался многолетний

спор о том, есть ли в Кремле мафия. Проведённое нами расследование и августовские события подтвердили, что великой страной правила политическая мафия с уголовным оттенком.

* * *

После провала путча все мы ожидали, что будут проведены расследования преступной деятельности коррумпированной верхушки, начнётся радикальная правовая реформа, станет самостоятельной ветвью власти судебная система, будет создан Следственный Комитет и реорганизованы другие правоохранительные ведомства, укреплён кадровый корпус этих органов. Люди верили, что борьба с преступностью и, прежде всего, мафиозной станет эффективной. К сожалению надежды не оправдались.

Сегодня уже очевидно, что правовой курс не претерпел сколько-нибудь значительных изменений. Ни в отношении прежних, а тем более нынешних сановных мздоимцев, упорно именующих себя «демократами», серьёзных расследований не проводится. Невостребованными оказались уничтоженные при прежнем режиме многие крупные дела о коррупции, в том числе и «Кремлёвское дело».

В чём причины? На наш взгляд, прежде всего в том, что новые власти продолжают опираться на прежнюю бюрократию, её «второй эшелон», не заинтересованный в радикаль-

ных преобразованиях.

Кроме того, произошло сращивание красной и белой мафии. Поэтому возобновление следствия по кремлёвским казнокрадам неизбежно приведёт к разоблачению нового «демократического» спрута, который по степени наглости и размаху грабежа превосходит своего предшественника – красную гидру. Вновь, как и прежде, продажное чиновничество, через контролируемые им правоохранительные органы, цепко защищает свои клановые интересы. Руководство Российской Федерации явно недооценивает последствий продолжения горбачёвского курса на выгораживание мафиози. Хотя очевидно, что недолговечна любая власть, если она сама коррумпирована и неспособна обеспечить правопорядок, оградить своих граждан и государственные интересы от преступных посягательств.

Коррупция, хищения и другие опасные преступления захлестнули сегодня Россию, где взяточничество свирепствует как чума. Миллионы граждан, и прежде всего – предпринимательские круги, вынужденно вовлекаются в эти опасные криминальные игры, ибо каждый нормальный человек со временем начинает понимать, что прожорливое чиновничество без взяток ничего не решит. Молчат правоохранительные органы, сами насквозь поражённые спидом взяточничества. Молчит и правительство, которое либо неспособно хотя бы локализовать эту социально опасную болезнь, либо вовсе незаинтересовано в её лечении. Молчит и Прези-

дент, сделавший проблему борьбы с коррупцией и социальной несправедливостью одной из основных тем своей предвыборной программы.

На фоне всё более ухудшающегося экономического положения и обострения политической борьбы, вновь, как и в 1917 году история ставит перед нами трудный вопрос: по какому пути пойдёт посттоталитарная Россия?

Небольшевистские, национал-патриотические и откровенно профашистские силы зовут её вспять, в пучину гражданской войны, из которой народится новый режим свирепой диктатуры.

Активизируется и блок партий, рекрутирующих представителей посткоммунистического истеблишмента, который отстаивает прежние принципы регулируемой экономики, что является, по существу, модернизацией горбачёвского курса на утверждение неосоциалистических ценностей.

Вместе с тем в политической жизни страны всё более нарастают тенденции к объединению тех разрозненных партий и движений, которые выступают за дальнейшие реформы, отдавая себе отчёт в том, что стагнация в преобразованиях страны чревата гибелью молодой, не окрепшей ещё российской демократии. Этой позиции придерживается и народная партия России, членами которой являются и бывшие руководители следственной группы по «Кремлёвскому делу». Россия достойна лучшего будущего, и мы верим в него.

От колхоза до Политбюро

В течении ряда лет крёстные отцы мафии жаждали заполучить святая святых уголовного дела № 18/58115-83 – секретную схему криминальных связей, ведущих по вертикали от колхоза до Политбюро ЦК КПСС. В разгар расследования за обладание ею они готовы были отдать миллионы тогда ещё полновесных советских рублей или заплатить золотом, валютой, правительственными наградами, высокими должностями. На худой конец – выкрасть или добыть её каким-то иным способом. Завладеть как самой схемой, так и теми документами, которые нам удалось сохранить при разгроме кремлёвского дела, пыталось и ведомство политического сыска – КГБ СССР. Не вышло. Даже в дни ГКЧП они остались в целости и сохранности.

Напомним, что выявленная следствием мафиозная паутина охватывала множество председателей колхозов и директоров совхозов, различных хозяйственных руководителей, сотни партийных функционеров, сотрудников КГБ, МВД, прокуратуры, судов. В их числе более двух десятков генералов, 16 первых секретарей областных комитетов партии, весь состав бюро ЦК республиканской компартии, союзные министры, ответственные работники ЦК КПСС и другие представители высшей партийно-государственной элиты. Были среди них узбеки и русские, таджики и евреи, туркмены и

греки, армяне и турки, украинцы, каракалпаки, корейцы – ведь коррупция всегда интернациональна. Шестилетнее расследование выявило тысячи должностных лиц. Из них к уголовной ответственности привлекались, как правило, лишь организаторы преступлений, нещадно грабившие народ и собравшие в своих тайниках золото, исчислявшиеся пудами, не говоря о мешках и чемоданах денег, предназначенных на «мелкие расходы».

Естественно, далеко не все, кто проходил по уголовному делу, были внесены в главную схему. Материалы тысячетомного дела бесстрастно свидетельствуют: скелет мафиозного спрута составляли органы КПСС.

В предлагаемой вниманию читателей книге мы ограничились несколькими фрагментами схемы, наглядно показывающими как пирамиду взяточничества, охватившего снизу доверху тоталитарный режим, так и отдельные типажи коррупционеров на различных этажах власти. Книжный вариант не позволил использовать в полном объёме и множество других документов следствия.

Термин «криминальные связи» употреблён нами в контексте имеющихся материалов уголовного дела. В книге, как и на схемах, нет места обобщённому образу, выведенному по печально известному методу «социалистического реализма». Мы зафиксировали только факты и обстоятельства, подтверждённые процессуально оформленными судебно-следственными документами, и отбросили всё, что отно-

сится к области догадок, а тем более фантазии.

«Герои» кремлёвского дела представлены тремя группами лиц, составляющих между собой не до конца размотанный клубок криминальных связей. Первая группа – осуждённые судами к различным срокам лишения свободы. Во второй – привлечённые по делу в качестве обвиняемых. Кстати, впоследствии все функционеры из этих двух групп были незаконно освобождены от ответственности и наказания. Третья группа представлена в основном союзными партийно-государственными деятелями, по поводу которых имелись официальные данные о взяточничестве, об их криминальных связях с привлечёнными по делу лицами. Однако по воле Политбюро они оказались вне досягаемости закона. В отношении многих представителей этой касты неприкасаемых в связи с разгромом дела уже не проводилось никаких следственных действий, даже формальной проверки, что не позволяет сегодня категорически утверждать об их виновности или невиновности. Пыльные архивы надёжно укрыли ответы и на другие важные вопросы. Таков итог беззакония, именуемый на партийно-номенклатурном языке социалистической законностью.

Мы, юристы, не можем смириться с произволом, поэтому требовали и будем требовать возобновления всестороннего, полного и объективного расследования уголовного дела № 18/58115-83. Считаем безнравственным умалчивать о случившемся, тем самым оказываясь соучастниками главного

покровителя партийно-государственной мафии М. С. Горбачёва. Правовой разбой в отношении многолетнего расследования не должен ставить последней точки в кремлёвском деле хотя бы потому, чтобы вновь народившаяся белая мафия и её покровители из «демократической» власти не использовали пример своих предшественников с целью избежать уголовной ответственности на очередном витке коррупции. Кроме того, существует и такое, похоже, забытое ныне понятие, как моральная чистоплотность.

Этими соображениями мы и руководствовались, работая над книгой. Конечно, в ней затронуты далеко не все аспекты многолетней борьбы, затянувшегося спора между Мафией и Законом: слишком велики объёмы фактических материалов и документов, которые мы попытались систематизировать.

Не сомневаемся, что повышенный интерес книга вызовет и у хозяев подмосковных вилл и шикарных столичных особняков, и у тех, кто сегодня оказался не у дел и занялся писанием мемуаров, и у более удачливых их коллег, которые открыли кубышки с награбленными у народа богатствами и ринулись в мир бизнеса, либо благополучно устроились в новых структурах власти. Книга привлечёт внимание тех юристов, писателей, публицистов и прочей челяди, которая на протяжении десятилетий обслуживала высшую элиту и немало поднаторела в отстаивании её корыстных интересов. Вся эта разношёрстная и безнравственная публика, не оставившая помыслов о реванше и возрождении прежнего режи-

ма, начнёт готовить гневные отповеди авторам.

Конечно, они уже не будут доказывать, что Горбачёв и его верные соратники по Политбюро Лукьянов, Чебриков, Со-ломенцев, Крючков и другие «архитекторы перестройки» не препятствовали разоблачению столичной мафии со Старой площади. Приведённые в книге факты и документы трудно опровергнуть. Вряд ли они станут, как и прежде, обосновывать правомерность вмешательства партаппарата в сферу следствия или ставить под сомнение факт разгрома кремлёвского дела, яростно оспариваемый ими прежде. Жизнь давно уже расставила все точки над «i». Тем не менее, хорошо зная повадки поборников «социалистической законности», их методы борьбы со своими политическими противниками, можно не сомневаться, что контратаки будут предприняты по двум направлениям.

Наиболее примитивные и оголтелые наверняка используют испытанный аппаратный приём – «сам дурак!», когда отсутствие доводов с успехом заменяется компрометацией оппонентов. Здесь уж все средства хороши, и читатели помнят, что в течение трёхлетнего информационного террора в отношении следственной группы покровители мафии сумели проявить немало изобретательности. Полагаем, что и на сей раз мы узнаем о себе немало новых мифов.

Иначе поведут себя более респектабельные сановники и их соратники. Среди них найдётся немало лиц, которые попытаются изобразить оскорблённую невинность, мол, в кни-

ге изложена злостная клевета в адрес КПСС, её лучших сынов, и вообще авторы нарушили презумпцию невиновности. В их, естественно, понимании. Ведь ещё недавно они считали этот святой принцип правового государства «буржуазным», и лишь в период так называемой перестройки приспособили его к своим корыстным интересам, втиснув в рамки «социалистической законности». В результате противоестественного скрещивания полученный гибрид приобретал новое звучание. В частности, если, мол, кремлёвское дело похоронено, то и помянуть всеу проходящих по нему лиц недопустимо.

Однако хотелось бы напомнить нашим оппонентам следующее. Какой главный довод был использован для реабилитации привлечённых к уголовной ответственности лиц и их соучастников? «Нарушение законности» следователями, в силу чего все доказательства были поставлены под сомнение. Но по этому поводу два с половиной года проводилось расследование. И к какому же выводу оно пришло? Нарушений законности при расследовании допущено не было, в связи с чем Прокуратурой СССР уголовное дело в отношении опальных следователей прекращено за «отсутствием состава преступления». Таким образом, основной довод могильщиков кремлёвского дела оказался надуманным, что не позволяет утверждать о законности и обоснованности реабилитации высокопоставленных функционеров.

Поэтому мы может порекомендовать «засветившимся» в

деле о коррупции особо обратиться в правоохранительные органы с требованием тщательно расследовать всю их антигосударственную деятельность: и возможную причастность к мздоимству, растраниванию золота и валюты, событиям в Афганистане, Чернобыле, Вильнюсе, Сумгаите, Баку, Фергане, и по другим противоправным деяниям. Требуйте, товарищи, следствия, если вы честные люди. Перед вами наглядный пример, когда на авторов этой книги в течение ряда лет была брошена репрессивная машина огромной страны. И что же? При всей тенденциозности расследования не удалось выявить правонарушений. И если вам тоже хочется ходить сегодня с гордо поднятой головой, то будьте последовательны – требуйте этого очищения. Конечно, если у вас чиста совесть и не запачканы руки.

Итак, кто первый? Или перефразируя известные слова Остапа Бендера: «Подозреваемые, записывайтесь!»

**СХЕМЫ ПРЕСТУПНЫХ
СВЯЗЕЙ, УСТАВНОЛЕННЫХ
В РАМКАХ ДЕЛА №18/58115-83**

**Схема № 1
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО
ПАРТИЙНОЙ КОРРУПЦИИ,
ВЫЯВЛЕННОЙ СЛЕДСТВИЕМ ПО
УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ №18/58115-83**

Схема № 2
КРИМИНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ
ПРИВЛЕЧЁННЫХ К УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ,
ИЗОБЛИЧЁННЫХ В
КОРРУПЦИИ, С ВЫСШИМ
РУКОВОДСТВОМ ЦК КПСС.

Все приведенные схемы составлены на основании материалов уголовного дела №10/58115-83

Схема № 3
КРИМИНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ
ПРИВЛЕЧЁННЫХ К УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ,
ИЗОБЛИЧЁННЫХ В КОРРУПЦИИ,
С ОТВЕТСТВЕННЫМИ
РАБОТНИКАМИ ЦК КПСС,
РУКОВОДИТЕЛЯМИ СОЮЗНЫХ
ВЕДОМСТВ И ГОР. МОСКВЫ.

МОГИЛЬНИЧЕВКО К.И.
-ЗАМ.ЗАВ.ОРГОТДЕЛОМ
ЦК КПСС

АБОЛЕНЦЕВ В.А.
-ЗАМ.ЗАВ.АДМОТДЕЛОМ
ЦК КПСС

ПАВЛОВ Г.С.
-УПРАВЛЕЛАМИ
ЦК КПСС

ИСТОМИН Б.М.
-ЗАВ.СЕКТОРОМ
СЕЛЬХОЗОТДЕЛА
ЦК КПСС

СМИРНОВ В.И.
-ЗАВ.СЕКТОРОМ
ОРГОТДЕЛА
ЦК КПСС

БЕССАРАБОВ В.И.
-ЗАВ.СЕКТОРОМ
ОРГОТДЕЛА ЦК КПСС

ПОНОМАРЕВ И.Е.
-ЗАМ.ЗАВ.СЕКТОРОМ
ОРГОТДЕЛА
ЦК КПСС

ИШКОВ М.Л.
-ИНСТРУКТОР
ЦК КПСС

ОНИКОВ Л.А.
-ИНСТРУКТОР
ЦК КПСС

ВАСИЛЬЕВ И.Ф.
-МИНИСТР МЕЛИОРАЦИИ
И ВОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
СССР

ЯШИН И.И.
-МИНИСТР
ПРОМСТРОЙМАТЕРИАЛОВ
СССР

МЕСЯЦ В.К.
-МИНИСТР
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
СССР

ОРУДЖЕВ С.А.
-МИНИСТР ГАЗОВОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
СССР

КАРАВАЕВ Г.А.
-МИНИСТР
СТРОИТЕЛЬСТВА
СССР

ТАРАСОВ И.И.
-МИНИСТР ЛЕГКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
СССР

БУГАЕВ Б.П.
-МИНИСТР
ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ
СССР

АЛЕКСЕЕВСКИЙ Е.Е.
-МИНИСТР МЕЛИОРАЦИИ
И ВОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
СССР

АРХИПЦЕВ В.А.
ЗАМ.МИНИСТРА ТРАНСПОРТНОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА
СССР

НАСРЕДДИНОВА Я.С.
-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА
НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СССР

ПРОМЫСЛОВ В.Ф.
-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
МОСГОРИСПОЛКОМА

Схема № 4
КРИМИНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ
ПРИВЛЕЧЁННЫХ К УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ,
ИЗОБЛИЧЁННЫХ В КОРРУПЦИИ,
С РУКОВОДСТВОМ СОЮЗНЫХ
И РЕСПУБЛИКАНСКИХ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ.

ЩЕЛОКОВ Н.А.
МИНИСТР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СССР

ТЕРЕБИЛОВ В.И.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ВЕРХОВНОГО СУДА
СССР

РЕКУНКОВ А.М.
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ
ПРОКУРОР СССР

СОРОКА О.В.
ЗАМ. ГЕНЕРАЛЬНОГО
ПРОКУРОРА СССР

МЕЛЬНИК И.Ф.
НАЧАЛЬНИК
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ
МВД СССР

КРИВЕНЦОВ В.Н.
ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ
МВД СССР

ХАРКЕВИЧ В.М.
ЗАМ. НАЧ. ОТДЕЛА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ
МВД СССР

БУТУРЛИН А.В.
ПРОКУРОР
УЗБЕКСКОЙ ССР

ИГИТАЛИЕВ С.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ВЕРХОВНОГО СУДА
Уз ССР

ИБРАГИМОВ Н.И.
МИНИСТР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Уз ССР

МУРТАЗАЕВ О.М.
ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
КГБ Уз ССР

СУЛТАНОВ М.Н.
ЗАМ. МИНИСТРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Уз ССР

КУБИЕВ Т.
НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ КГБ
ПО ХОРЕЗМСКОЙ
ОБЛАСТИ

ТУРСУНОВ Х.
ПРОКУРОР
БУХАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Схема № 5
ЛИЦА, ПРИВЛЕЧЁННЫЕ к
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПО ДЕЛУ №18/58115-83, ИЗ
ЧИСЛА РЕСПУБЛИКАНСКОГО
ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОГО
РУКОВОДСТВА.

УСМАНХОДЖАЕВ И. Б.
- ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ЦК КП УЗБЕКИСТАНА

САЛИМОВ А. У.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА УЗ ССР

ХУДАЙБЕРДИЕВ И. Д.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА
МИНИСТРОВ УЗ ССР

ОСЕТРОВ Т. И.
ВТОРОЙ СЕКРЕТАРЬ
ЦК КП УЗБЕКИСТАНА

АБДУЛЛАЕВА Р. Х.
- СЕКРЕТАРЬ
ЦК КП УЗБЕКИСТАНА

АЙТМУРАТОВ Е. А.
- СЕКРЕТАРЬ
ЦК КП УЗБЕКИСТАНА

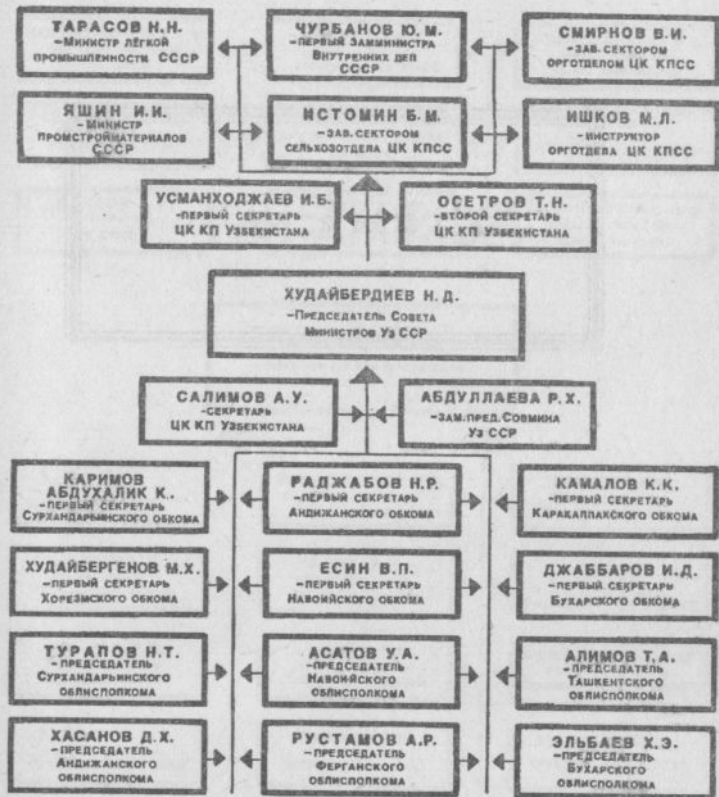
ОРЛОВ Г. М.
- ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА УЗ ССР

УМАРОВ Т. У.
- УПРАВДЕЛАМИ
ЦК КП УЗБЕКИСТАНА

ХУДАЙБЕРГЕНОВ А. Х.
- МИНИСТР ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
УЗ ССР

Схема № 6
КРИМИНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ
Н. Д. ХУДАЙБЕРДИЕВА –
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА
МИНИСТРОВ Уз ССР.

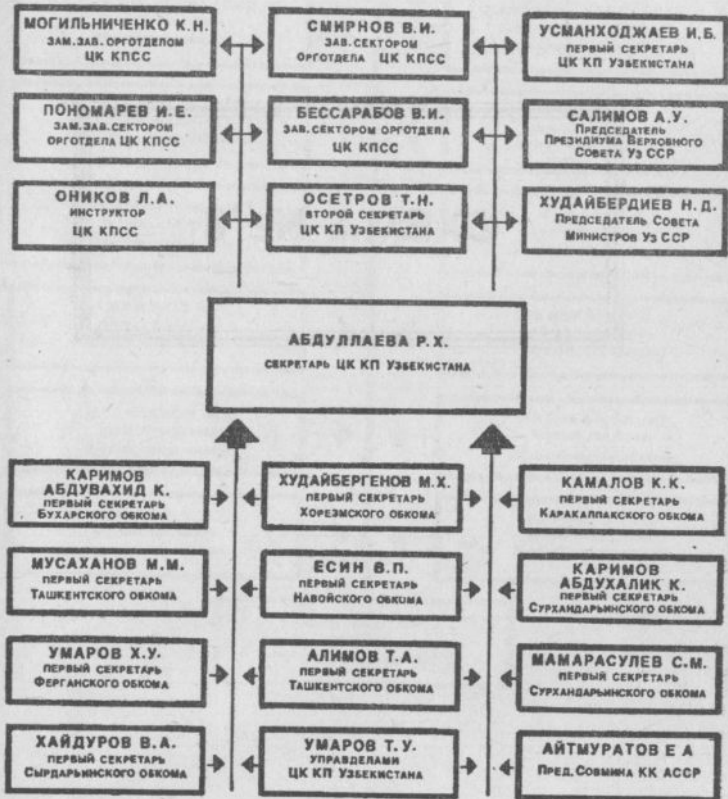

ДРУГИЕ РУКОВОДИТЕЛИ РЕСПУБЛИКАНСКОГО, ОБЛАСТНОГО И РАЙОННЫХ ЗВЕНЬЕВ ПАРТИЙНЫХ, СОВЕТСКИХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНОВ.

Схема № 7

**КРИМИНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ Р. Х.
АБДУЛЛАЕВОЙ – СЕКРЕТАРЯ
ЦК КОМПАРТИИ УЗБЕКИСТАНА.**

ДРУГИЕ РУКОВОДИТЕЛИ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ОБЛАСТЕЙ И РАЙОНОВ РЕСПУБЛИКИ.

Схема № 8
ЛИЦА, ПРИВЛЕЧЁННЫЕ к
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПО ДЕЛУ № 18/58115-83,
ИЗ ЧИСЛА ОБЛАСТНОГО
РУКОВОДСТВА КОМПАРТИИ.

КАРИМОВ АБДУВАХИД К.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
БУХАРСКОГО ОБКОМА

ГАЙПОВ Р.Г.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
КАШКАДАРЫЙНСКОГО ОБКОМА

ХУДАЙБЕРГЕНОВ М.Х.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ХОРЕЗМСКОГО ОБКОМА

ТУРАПОВ Н.Т.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
КАШКАДАРЫЙНСКОГО ОБКОМА

МУСАХАНОВ М.М.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ТАШКЕНТСКОГО ОБКОМА

УМАРОВ Т.У.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ФЕРГАНСКОГО ОБКОМА

КАРИМОВ АБДУХАЛИК К.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
СУРХАНДАРЫЙНСКОГО ОБКОМА

ЕСИН В.П.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
НАВОЙЙНСКОГО ОБКОМА

КАМАЛОВ К.К.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
КАРАКАЛПАКСКОГО ОБКОМА

ДЖАББАРОВ И.Д.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
БУХАРСКОГО ОБКОМА

РАДЖАБОВ Н.Р.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
САМАРКАНДСКОГО ОБКОМА

РАХИМОВ Б.Р.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
АНДИЖАНСКОГО ОБКОМА

БАЛТАЕВ Р.Р.
СЕКРЕТАРЬ
БУХАРСКОГО ОБКОМА

Схема № 9
КРИМИНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ К.
К. КАМАЛОВА – ПЕРВОГО
СЕКРЕТАРЯ КАРАКАЛПАКСКОГО
ОБЛАСТНОГО
КОМИТЕТА ПАРТИИ.

КАМАЛОВ К. К.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ КАРАКАЛПАКСКОГО ОБКОМА

ДРУГИЕ РУКОВОДИТЕЛИ ПАРТИЙНЫХ, СОВЕТСКИХ, ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНОВ, СОВКОЗОВ, ТОРГОВЛИ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Схема № 10

**ЛИЦА, ПРИВЛЕЧЁННЫЕ к
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПО ДЕЛУ № 18/58115-83, ИЗ ЧИСЛА
ГОРОДСКОГО И РАЙОННОГО
РУКОВОДСТВА КОМПАРТИИ.**

ИЛИАДИ Я. А.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
КАРШИНСКОГО ГОРКОМА

РАХИМОВ С Р.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ГИЖДУВАНСКОГО РАЙКОМА

МЕЛЛЕЕВ Н. И.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
УСМАН ЮСУПОВСКОГО РАЙКОМА

НУРУМБЕТОВ К. Н.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ТУРКУЛЬСКОГО РАЙКОМА

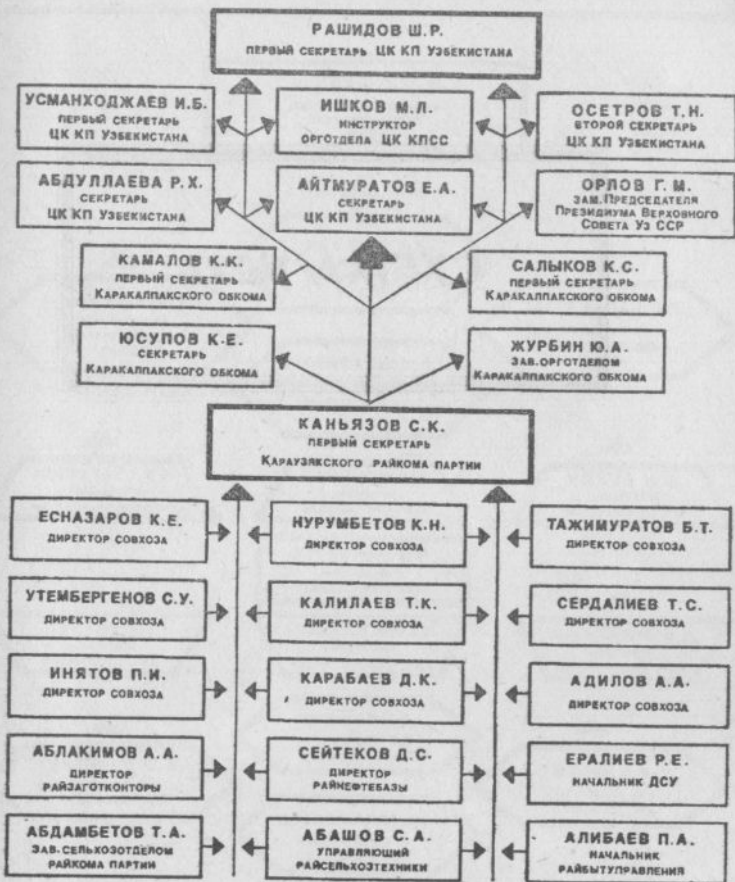
ВАИСОВ М. В.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
КОШКУПЫРСКОГО РАЙКОМА

ПРИМОВ А. П.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ЭЛЛИККАЛИНСКОГО РАЙКОМА

КАНЬЯЗОВ С. К.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
КАРАУЗЯКСКОГО РАЙКОМА

РАДЖАПОВ А. Р.
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ХОДЖЕЛИЙСКОГО РАЙКОМА

Схема № 11
КРИМИНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ С.
К. КАНЬЯЗОВА – ПЕРВОГО
СЕКРЕТАРЯ КАРАУЗЯКСКОГО
РАЙОННОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ

ДРУГИЕ ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА РАЙКОМА ПАРТИИ, РАЙСПОЛКОМА, ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ РАЙОНА.

Схема № 12
ЛИЦА, ПРИВЛЕЧЁННЫЕ К
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПО ДЕЛУ № 18/58115-83, ИЗ
ЧИСЛА РУКОВОДЯЩИХ
РАБОТНИКОВ ОРГАНОВ МВД.

ЧУРБАНОВ Ю. М.

ПЕРВЫЙ ЗАММИНИСТРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СССР

ЯХЪЯЕВ Х. Х.

МИНИСТР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Уз ССР

КАХРАМАНОВ Т. Х.

ЗАММИНИСТРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Уз ССР

БЕГЕЛЬМАН П. Б.

ЗАММИНИСТРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Уз ССР

МУХАММАДИЕВ А. М.

ПЕРВЫЙ ЗАММИНИСТРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Уз ССР

НОРБУТАЕВ Х. Н.

НАЧАЛЬНИК
КАШКАДАРЬНСКОГО УВД

САБИРОВ С. З.

НАЧАЛЬНИК
ХОРЕЗМСКОГО УВД

НОРОВ М. С.

НАЧАЛЬНИК
БУХАРСКОГО УВД

САТТАРОВ И Г.

НАЧАЛЬНИК
ТАШКЕТСКОГО ГУВД

ДУСТОВ А. Д.

НАЧАЛЬНИК
БУХАРСКОГО УВД

МАХАМАДЖАНОВ Я. М.

НАЧАЛЬНИК
НАМАНГАНСКОГО УВД

ДЖАМАЛОВ Д. Д.

НАЧАЛЬНИК
ТАШКЕТСКОГО УВД

РАХИМОВ Ш. А.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА
БУХАРСКОГО УВД

ОЧИЛОВ Т. Р.

НАЧАЛЬНИК ГАИ
БУХАРСКОГО УВД

МУЛИН В. В.

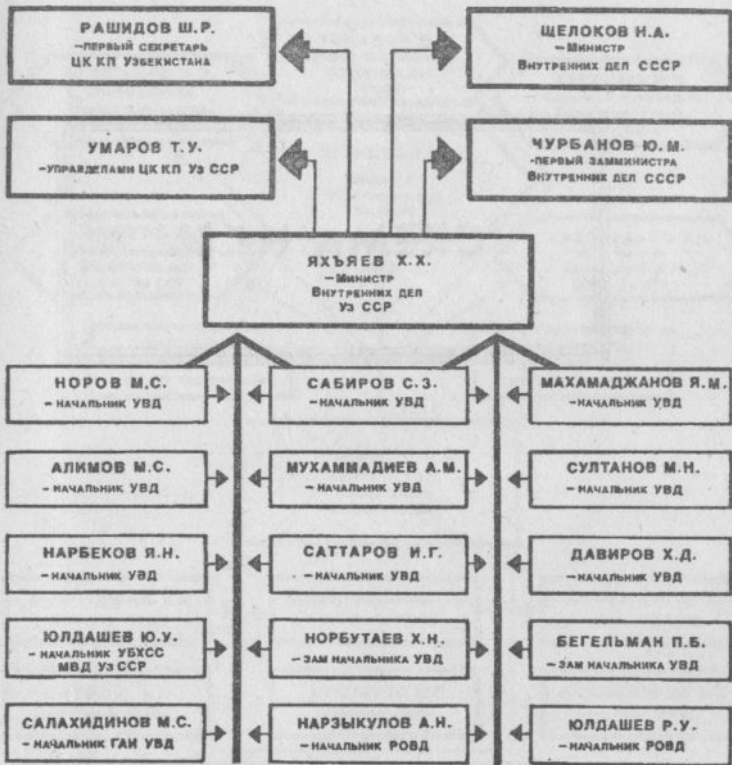
ЗАВ. НАЧАЛЬНИКА
БУХАРСКОГО УВД

МУЗАФФАРОВ А. М.

НАЧАЛЬНИК БХСС
БУХАРСКОГО УВД

Схема № 13

**КРИМИНАЛЬНЫЕ связи Х.
Х. ЯХЪЯЕВА – МИНИСТРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Уз ССР**

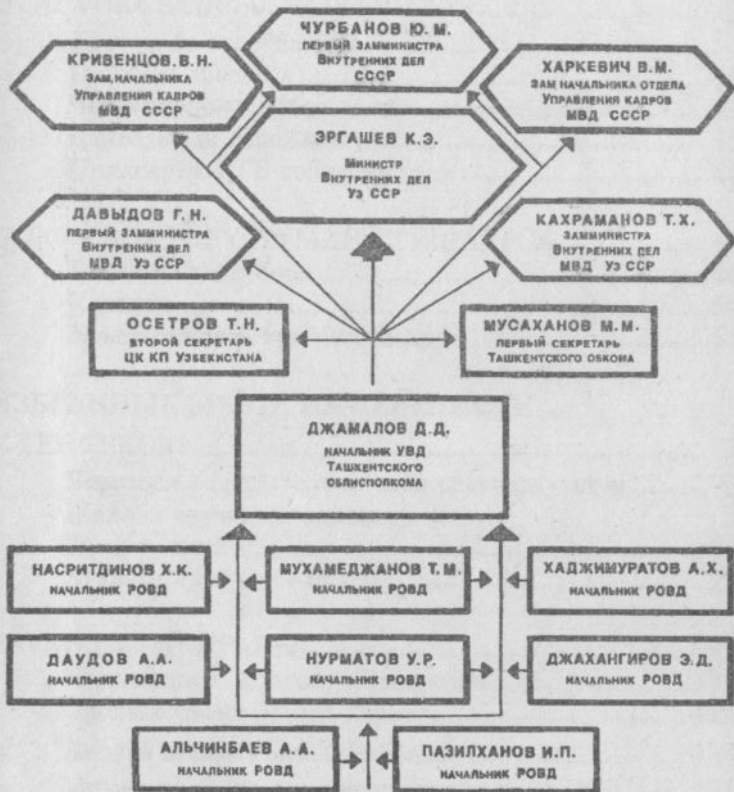

ДРУГИЕ РУКОВОДЯЩИЕ РАБОТНИКИ МВД Уз ССР, УВД ОБЛАСТЕЙ И ГОРРАЙОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

Схема № 14

**КРИМИНАЛЬНЫЕ связи Д. Д.
ДЖАМАЛОВА – НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ ТАШКЕНТСКОГО
ОБЛИСПОЛКОМА.**

ДРУГИЕ РУКОВОДЯЩИЕ РАБОТНИКИ УВД, ГОРРАЙОНОВ И ВНЕШНИХ ДЕЛ ОБЛАСТИ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ.